

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА:
ПУТИ РЕШЕНИЯ**

**Сборник материалов
4-й Международной конференции
5 апреля 2023 года**

ISBN 978-5-7247-1164-7

© Уфимский ЮИ МВД России, 2023

УДК 343.13(082)
ББК 67.410.2я431
С56

*Рекомендован к опубликованию
редакционно-издательским советом Уфимского ЮИ МВД России*

***Под общей редакцией кандидата юридических наук,
доцента А. Ю. Терехова***

Редакционная коллегия:

А. Ю. Терехов, кандидат юридических наук, доцент;
Е. А. Кулеш, кандидат юридических наук, доцент;
Р. Д. Файрушина, кандидат юридических наук, доцент;
В. С. Латыпов, кандидат юридических наук, доцент;
М. Э. Каац, кандидат юридических наук, доцент

С56 Современные проблемы уголовного процесса: пути решения
[Электронное издание] : сборник материалов 4-й Международной конференции, г. Уфа, 5 апреля 2023 года / под общ. ред. А. Ю. Терехова. – Электрон. текстовые дан. 702 МБ (2,7 МБ). – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования: IBM PC, 1 GHz; 512 mb оперативной памяти; 3 mb ОЗУ; CD/DVD-ROM дисковод; операционная система Windows XP и выше; AdobeReader 8.0 и выше. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7247-1164-7

В настоящий сборник включены тезисы докладов, сообщений, выступлений отечественных и зарубежных участников 4-й Международной конференции «Современные проблемы уголовного процесса: пути решения».

Сборник предназначен для представителей образовательных организаций правоохранительных органов зарубежных стран, педагогических работников, докторантов, адъюнктов образовательных организаций МВД России, сотрудников правоохранительных и других органов власти.

УДК 343.13(082)
ББК 67.410.2я431

© Уфимский ЮИ МВД России, 2023

Научное издание

Современные проблемы уголовного процесса: пути решения

Сборник материалов
Международной конференции

Редакторы

А. Н. Бисярина
Л. Р. Байдавлетова
Е. А. Ермолаева
Р. Р. Гафарова
Е. А. Карамзина
А. В. Селиверстова

Корректурa,
компьютерная верстка

Р. Р. Гафарова

Дизайн обложки

А. Ф. Чиняева

Дата подписания к использованию: 29.06.2023

Объем издания: 702 МБ (2,7 МБ)
Комплектация издания: 1 электрон.опт. диск (CD-R)

Тираж: 15 дисков

Редакционно-издательский отдел
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2

СОДЕРЖАНИЕ

Абдразяпов Р. Р. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ.....	9
Абдуллина Ю. И. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА.....	14
Арсланова А. Р. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ С ОПЕРАТОРАМИ СОТОВОЙ СВЯЗИ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	19
Афанасьева А. А. О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В 2023 ГОДУ.....	24
Баловина И. В. МЕСТО СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ.....	28
Батыщева И. В. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	32
Бондаренко И. П. ТРЕБОВАНИЯ К СУДЕБНОМУ РЕШЕНИЮ ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ.....	35
Бондарь М. М. ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЧАЛА И ОКОНЧАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	41
Валюлин Р. Р. К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СВИДЕТЕЛЕЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	45
Васильева Н. Л. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ.....	49
Васильченко А. В. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ НА СЕКСУАЛЬНОЙ ПОЧВЕ.....	53
Воронина Н. А. ЗНАЧЕНИЕ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПОТЕРПЕВШЕМУ ПРАВА НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ.....	56
Гаджиалиева А. Т. ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В СЛУЧАЕ ОТСУТСТВИЯ РЕАЛЬНОЙ ВОЗМОЖНОСТИ УЧАСТИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ИЛИ ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ	60

Григорьев В. Н. О ПРЕДМЕТНОСТИ СРЕДСТВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	64
Григорьева Н. В. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА.....	68
Гурдин С. В. НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	72
Демичева Т. С. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	80
Денисова М. Д. О СОРАЗМЕРНОСТИ СТОИМОСТИ АРЕСТОВАННОГО ИМУЩЕСТВА В ХОДЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РАЗМЕРУ ВОЗМОЖНЫХ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ВЗЫСКАНИЙ.....	84
Емельянова Н. Ю. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕСТА И РОЛИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ...	89
Есина А. С., Чиковани М. А. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ: ПРИЧИНЫ И ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ.....	93
Жамкова О. Е. УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В ОТНОШЕНИИ СВИДЕТЕЛЯ: ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ НЕЗАКОННАЯ ПРАКТИКА.....	98
Заливин А. Н., Рыжаков А. П. АКТИВИЗАЦИЯ ЗАЯВИТЕЛЕМ ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЕГО ПРАВ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА..	103
Зотова А. Ф. ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ОТКРЫТОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	108
Ильяшевич Т. А. ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СРОКОВ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ.....	112
Исанбаев И. С. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ.....	115
Каац М. Э., Боков В. В. СПЕЦИФИКА ОЦЕНКИ ПОКАЗАНИЙ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	119
Каац М. Э., Кашапова Ф. М. ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (ДОСЛЕДСТВЕННЫЙ ПЕРИОД).....	128

Кулеш Е. А. ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВА ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ В СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА.....	135
Латыпов В. С. ЗАЛОГОДАТЕЛЬ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СОДЕЙСТВИЯ ОТПРАВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ.....	141
Латышев О. Ю., Латышева П. А., Луизетто М. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	146
Лисицына А. В. НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗВНОВЛЕНИЯ ПРИОСТАНОВЛЕННОГО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ.....	149
Лугинец Е. А. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ ФАКТОВ ХИЩЕНИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ..	154
Лугинец Э. Ф. ПРИСМОТР ЗА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПОДОЗРЕВАЕМОМ, ОБВИНЯЕМОМ: О ПРИЧИНАХ НИЗКОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ВОСТРЕБОВАННОСТИ..	161
Лунева А. В. ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОЧНОЙ СТАВКИ В ПОРЯДКЕ СТ. 189.1 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	168
Маврин К. А. ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ПРИ НЕОЧЕВИДНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ.....	172
Максимов К. В., Аглиуллин А. Р. РОЛЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОЛИЦИИ В ВЫЯВЛЕНИИ И РАСКРЫТИИ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН).....	176
Маликова Н. В., Хаертдинов В. Ф. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ..	180
Мелешко В. В. ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	185
Миняшева Г. И. ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ.....	192
Митькова Ю. С. К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ.....	197
Мичурина О. В. К ВОПРОСУ О КОНКУРЕНЦИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И НАДЛЕЖАЩЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЕГО УЧАСТНИКОВ.....	202

Насыров Р. Р., Фаткуллин Р. Р. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОНЯТИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	208
Нуркаева М. К. ЗНАЧЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ РАЗУМНЫХ СРОКОВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	213
Орлова А. А. О ПРОБЛЕМАХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ВЗГЛЯД НА ОДИН ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ПОДХОДОВ К ИХ РАЗРЕШЕНИЮ.....	219
Петров С. А. СРОКИ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИХ ПЕРЕСМОТРА.....	224
Поезжалов В. Б. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ПОЛУЧЕНИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ.....	229
Рябчиков С. А. ЭЛЕКТРОННОЕ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СТАДИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА РОССИИ.....	233
Саханова Н. Т. ФОРМЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН.....	238
Семенов Е. А., Замуруев А. В. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	243
Синкевич В. В., Домовец С. С. ТЕРМИНОЛОГИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В ОТНОШЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ЕГО УЧАСТНИКОВ.....	249
Соколова Т. С. К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОРМ О ПРИЗНАНИИ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ ВЕЩЕСТВЕННЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ.....	254
Сучков А. И. ТАКТИКА ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА РАЗОБЛАЧЕНИЕ ЛОЖНОГО АЛИБИ.....	259
Таршева М. Н. ЗАКРЕПЛЕНИЕ ОБЯЗАННОСТИ РАЗЪЯСНЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ (ДОЗНАВАТЕЛЕМ) КОМПРОМИССНЫХ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА КАК СПОСОБ ОПТИМИЗАЦИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА.....	264
Телигисова С. С. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ, ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	268

Терехов М. Ю. СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: РАССУЖДЕНИЯ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ.....	273
Тингаева И. В. К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, НА КОТОРЫХ ВОЗЛОЖЕНЫ ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ	276
Файрушина Р. Д. К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ВЫДЕЛЕНО В ОТДЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ С НИМ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ...	280
Хаметова А. Р. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ (ОБВИНЯЕМЫХ).....	284
Химичев М. В. ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: О СУЩНОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОНЯТИЯ..	290
Химичева О. В. ПРОИЗВОДСТВО ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ КАК ВАРИАНТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ.....	296
Хусаинов Р. Р. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ОТНОШЕНИИ СВИДЕТЕЛЕЙ.....	303
Шульгин Е. П. ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА.....	308
Щерба Т. Л. К ВОПРОСУ О ДОКАЗЫВАНИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ..	313

Абдраязпов Р. Р. — заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

**CURRENT ISSUES
PREVENTIVE ACTIVITIES
PRELIMINARY INVESTIGATION AUTHORITIES**

Аннотация. В статье автором рассматриваются вопросы организации работы органов внутренних дел по установлению обстоятельств, способствующих совершению преступлений, и по профилактике преступлений. Высказаны предложения по привлечению к профилактической деятельности всех заинтересованных подразделений и ведомств, а также конкретные меры по повышению эффективности указанного направления деятельности.

Abstract. In the article, the author examines the issues of organizing the work of the internal affairs bodies to establish the circumstances contributing to the commission of crimes and their prevention. Proposals were made to involve all interested departments and departments in preventive activities, as well as specific measures to improve the effectiveness of this area of activity.

Ключевые слова: преступления, органы расследования, профилактика и предупреждение преступлений, представление.

Keywords: crimes, investigation bodies, prevention and prevention of crimes, representation.

Одной из ключевых задач, решаемых органами предварительного расследования, является установление обстоятельств, способствующих совершению преступлений, и принятие мер по их устранению. Качественно проводимая профилактическая работа ведет к снижению количества совершаемых преступлений.

Особую актуальность данному направлению деятельности придавала Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, в которой развитие единой государственной системы профилактики пре-

ступности, снижение уровня криминализации общественных отношений определено в качестве одной из задач, на решение которой направлена государственная политика в целях обеспечения государственной и общественной безопасности [1].

Основным направлением профилактики правонарушений является их предупреждение. При этом современное состояние преступности требует принятия комплексных мер по ее предупреждению и пересмотра подхода к профилактической деятельности. Стандартные и однотипные методы не оказывают должного эффекта, особенно это касается преступлений, совершаемых в информационно-телекоммуникационной среде.

Представляется, что к вопросу профилактики преступлений необходим комплексный, системный подход всех заинтересованных подразделений и ведомств. Считаем, что органы предварительного расследования должны быть обеспечены методическими материалами по выявлению обстоятельств, способствующих совершению преступления и подготовке представлений.

Так, в настоящее время представляет большой интерес в работе по предупреждению преступлений такая форма профилактики, как внесение обобщенных представлений. Данный вид представлений основан на изучении практики расследования отдельных видов преступлений за какой-либо период либо совершенных на определенном предприятии, в учреждении, местности и т. д.

При внесении таких представлений проводится комплексный анализ криминогенной обстановки, складывающейся на территории обслуживания, а также нарушений закона, которые способствовали совершению преступлений. Обобщенное представление вносится, как правило, за определенный период. Кроме того, в его анализ закладываются не только уголовные дела, находящиеся на досудебной стадии, но и дела, производство по которым приостановлено по различным основаниям, предусмотренным Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ), а также производство по которым окончено направлением в суд [2].

При этом порядок подготовки и внесения обобщенных представлений требует более углубленного изучения специфики совершения определенной группы однородных преступлений, поскольку данная форма организации профилактической работы основана на системном анализе обстоятельств, способствовавших совершению отдельных видов преступлений, либо причин криминогенной обстановки на отдельно взятой территории обслуживания и представляется наиболее эффективной для организации надлежащего взаимодействия органов предварительного расследования со службами и подразделениями территориальных органов МВД России, а также предприятиями, учреждениями, организациями, органами

власти и местного самоуправления по вопросам профилактики на обслуживаемой территории.

Представляется, что данную работу целесообразно организовывать на уровне центральных аппаратов органов предварительного следствия, управления органов дознания и штабов органов внутренних дел по субъектам Российской Федерации.

Также в последние годы отмечается значительный рост криминальной активности, связанной с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Статистические данные свидетельствуют о негативных тенденциях в указанной сфере. В числе зарегистрированных преступлений удельный вес преступлений в сфере информационных технологий систематически увеличивается, по итогам 2022 года он составил 26,5 %.

Больше половины таких преступлений (52,1 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких (272,2 тыс.; – 5,6 %), почти три четверти (73,0 %) совершается с использованием сети Интернет (381,1 тыс.; + 8,4 %), более трети (40,8 %) – средств мобильной связи (213,0 тыс.; – 2,1 %).

Почти три четверти таких преступлений (71,1 %) совершается путем кражи или мошенничества (371,2 тыс.; – 8,6 %), почти каждое восьмое (11,9 %) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств (62,2 тыс.; + 20,9 %) [3].

Предупреждения дистанционных хищений на сегодняшний день являются одними из наиболее сложных.

Так, наибольшую криминальную опасность представляет продажа SIM-карт без надлежащего удостоверения личности абонента, на вымышленное лицо, по утерянным или украденным документам, а также использование технологии так называемых «подменных» номеров, когда злоумышленник может звонить потерпевшему с любого абонентского номера, в том числе с тех, которые закреплены за правоохранительными, государственными, надзорными и иными контролирующими органами [4].

Одним из эффективных способов профилактики является выявление и документирование административного правонарушения, предусмотренного ст. 13.2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Объективная сторона правонарушения ст. 13.2.1 КоАП РФ выражается в неисполнении операторами связи обязанностей, касающихся передачи абонентского номера и (или) уникального кода идентификации, прекращения оказания услуг связи и (или) услуг по пропуску трафика и подключения к системе обеспечения соблюдения операторами связи требований при оказании услуг связи и услуг по пропуску трафика в сети связи общего пользования.

Субъектами правонарушения указанной статьи КоАП РФ являются должностные и юридические лица (операторы, предоставляющие услуги телефонной связи).

Представляется целесообразным заинтересованным подразделениям органов внутренних дел активизировать работу по указанному направлению деятельности совместно с представителями Роскомнадзора, сотовыми операторами и другими путем выработки алгоритма действий по выявлению и документированию данного правонарушения, в том числе в ходе расследования уголовных дел.

Однако помимо установления обстоятельств, способствующих совершению преступлений, подготовки и направления представления об их устранении, необходимо обеспечить надлежащее исполнение указанных в представлении мероприятий, направленных на предупреждение преступлений.

Часто на местах отсутствует налаженная система контроля за своевременностью реагирования на представления и качеством принятых мер реагирования, что также не способствует эффективности данной работы. У следователя (дознателя) после внесения представления фактически отсутствует возможность и заинтересованность в отслеживании конечного результата по нему ввиду значительной загруженности по иным уголовным делам.

В этой связи представляет интерес подход к организации контроля за получением ответов на запросы в Управление Министерства внутренних дел России по Оренбургской области, где введен в опытную эксплуатацию информационный ресурс «Запросы ИТТ» [5], задачей которого является обеспечение подготовки необходимых запросов, отражение их направления в конкретную организацию, а также информирование сотрудников о получении ответов в установленный законом срок.

Указанный сервис имеет техническую возможность подсчета количества запросов и ответов на них с разбивкой своевременности (несвоевременности) исполнения их поступления, которая может использоваться как следователями, так и сотрудниками оперативных подразделений, в том числе их руководителями, при проведении анализа результатов полученных ответов из указанных организаций, услуги которых оказывались при совершении преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и контроля за их исполнением.

Также имеется опыт некоторых территориальных органов МВД России по передаче следователями и дознавателями организации контроля за устранением недостатков по предупреждению преступлений руководству территориального органа внутренних дел, которым, в свою очередь, данная работа поручается участковым уполномоченным полиции. Последними в случае неисполнения предписаний следователя виновные лица при-

влекаются к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ. Указанная практика особенно актуальна в случаях принятия соответствующих мер, носящих длящийся характер.

Изложенные обстоятельства указывают на необходимость организации контроля за своевременностью получения ответов на внесенные следователями (дознателями) представления в соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ, в том числе с использованием сервисов информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России, в целях автоматизации процессов учета таких представлений с возможностью контроля за сроками поступления ответов и формирования необходимых отчетных форм.

Кроме того, представляется целесообразным дополнить ст. 158 УПК РФ частью 3, предусматривающей возложение контроля за исполнением внесенных следователями (дознателями) представлений по уголовным делам на орган дознания.

Библиографический список

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

2. Корнеев А. Ю. Актуальные вопросы предупреждения преступлений органами предварительного расследования МВД России // Стратегическое развитие системы МВД России : состояние, тенденции, перспективы. 2021. С. 215–223.

3. Главный информационно-аналитический центр МВД России: URL: <http://www.mvd.rf> (дата обращения: 01.02.2023).

4. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Киберпреступность и дистанционное мошенничество как одна из угроз современному обществу // Криминологический журнал. 2020. № 1. С. 15–20.

5. Мельникова О. А. Внесение представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, как вид профилактической деятельности следователя на стадии предварительного расследования (постановка проблем) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 1 (59). С. 78–84.

© Абдраязов Р. Р., 2023

Абдуллина Ю. И. – адъюнкт 1-го года обучения адъюнктуры Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
СТАТУСА ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ВЕДЕТСЯ
ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР
МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА**

**CERTAIN ISSUES OF DETERMINING THE PROCEDURAL
STATUS OF A PERSON IN RESPECT OF WHOM PROCEEDINGS
ON THE APPLICATION OF COMPULSORY MEDICAL MEASURES
ARE BEING CONDUCTED**

Аннотация. Правовое положение лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, регламентируется главой 51 «Производство о применении принудительных мер медицинского характера» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, однако как такового процессуального статуса данная категория лиц, совершивших общественно-опасное деяние в состоянии невменяемости, не приобретает, так как законодатель не урегулировал права и обязанности лица, приобретающего особый статус, ввиду отсутствия одного из основных признаков состава преступления – вменяемости. В статье рассматриваются вопросы пополнения главы 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации статьями, определяющими четкое правовое положение данной категории лиц, с учетом таких положений, как процессуальный статус лица, не достигшего совершеннолетнего возраста, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, процессуальный статус лица, которого необходимо разыскать на период предварительного следствия, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Abstract. The legal status of a person in respect of whom proceedings on the application of compulsory medical measures are being conducted is regulated by Chapter 51 “Proceedings on the application of compulsory medical measures” of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. However, as such, this category of persons who have committed a socially dangerous act in a state of insanity does not acquire procedural status, since the legislator has not regulated the rights and obligations of a person acquiring a special status, due to the absence of one of the main signs of the corpus delicti – sanity. The article deals with the issues of supplementing Chapter 51 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with articles defining a clear legal status of

this category of persons, taking into account such provisions as the procedural status of a person who has not reached the age of majority, against whom proceedings are being conducted on the use of compulsory medical measures, the procedural status of a person who needs to be.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера, процессуальный статус, несовершеннолетние, преступление, психиатрический стационар.

Keywords: compulsory medical measures, procedural status, minors, crime, psychiatric hospital.

В законодательстве Российской Федерации регламентировано, что в ходе предварительного следствия и суда право представлять интересы лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, предоставляется защитнику, на основании представленного ордера, а также законному представителю, вступающему в уголовно-процессуальные отношения с момента его допуска следователем либо судом. Следователь же, ведущий ход предварительного следствия, обязан обеспечить участие указанных лиц, заблаговременно уведомив их о производстве тех или иных следственных действий. Данная процедура и порядок производства следственных действий предусматриваются в связи с тем, что лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, не является субъектом преступления, ввиду своих ограничений, возникших в результате совершения общественно-опасного деяния в состоянии невменяемости.

Приведем пример из личной следственной практики. 28 сентября 2021 г. около 19 часов 40 минут гражданин К., находящийся около шести тюков сена на поле, поджег данные тюки сена, чем уничтожил имущество, принадлежащее ООО «Ф», на сумму 347 480 рублей 56 копеек. По данному факту возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 167 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В ходе предварительного следствия гражданин К. дал признательные показания. Далее согласно заключению эксперта установлено, что в отношении гражданина К. необходимо производство принудительных мер медицинского характера в связи с тем, что на момент совершения деяния он не осознавал фактический характер своих действий. В связи с этим для дальнейшего производства предварительного следствия следователем был допущен законный представитель в лице сотрудника органа опеки и попечительства, так как из числа близких родственников гражданина К. никого не было. В дальнейшем на стадии предварительного следствия и суда интересы гражданина К. представлял сотрудник органа опеки и попечительства, а также защитник, участвующий с момента первого допроса гражданина К.

Данная категория лиц обладает ограничениями, указанными выше; также особенность производства предварительного следствия усложняется их индивидуальными особенностями, такими как возраст лица. К примеру, несовершеннолетнее лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, обладает рядом ограничений при производстве следственных действий. Также можно отметить, что отсутствие четкого статуса лица приводит к тому, что возникают проблемы при необходимости розыска данной категории лиц. Эти и иные нерешенные вопросы определили актуальность поднятой в работе тематики.

Согласно ст. 97 УК РФ принудительные меры медицинского характера могут быть назначены судом лицам:

а) совершившим деяния, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ, в состоянии невменяемости;

б) у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания;

в) совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости;

д) совершившим в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости [1].

Судебно-психиатрическая экспертиза является методом диагностирования у лица того или иного психического заболевания.

Согласно статистическим данным, предоставленным Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, количество ходатайств о помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства экспертизы, поступившие в ходе досудебного производства за последние 5 лет остается стабильно высоким, но имеет определенные тенденции к снижению. Так, в 2017 г. всего рассмотрено 8576 ходатайств, из них удовлетворено 7846 ходатайств, отказано в удовлетворении – 263, прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудности – 467. В 2018 г. всего рассмотрено 8722 ходатайства, из них удовлетворено 8021 ходатайство, отказано в удовлетворении – 246, прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудности – 455. В 2019 г. всего рассмотрено 8554 ходатайства, из них удовлетворено 7756 ходатайств, отказано в удовлетворении – 221, прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудности – 577. В 2020 г. всего рассмотрено 8082 ходатайства, из них удовлетворено 7212 ходатайства, отказано в удовлетворении – 240, прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудности – 630. В 2021 г. всего рассмотрено 8149 ходатайств, из них удовлетворено 7272 ходатайства, отказано в удовлетворении – 221, прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудно-

сти – 656. В процентном соотношении от количества поступивших ходатайств удовлетворению подлежало: в 2017 г. – 91,48 %, в 2018 г. – 91,46 %, в 2019 г. – 90,67 %, в 2020 г. – 89,23 %, в 2021 г. – 89, 23 % [2].

Выявленная тенденция к снижению может быть объяснена имеющимися процессуальными проблемами, с которыми сталкиваются правоприменители при реализации института применения принудительных мер медицинского характера.

Одной из актуальных проблем в данной области является то, что у лица, в отношении которого ведется производство принудительных мер медицинского характера, отсутствуют регламентированные уголовно-процессуальным законодательством четкие права, обязанности и ответственность, то есть нет процессуального статуса (например, процессуальный статус «подозреваемый» либо «обвиняемый», регламентированные статьями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)).

Необходимо ввести новые нормы уголовно-процессуального законодательства, которые могут быть использованы при производстве о применении принудительных мер медицинского характера, а именно при реализации процессуального статуса лица, как следствие определения прав, обязанностей, ответственности данного лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера [3].

Кроме того, новые положения способствуют улучшению качества производства следственных действий с участием лица, в отношении которого применяются меры медицинского характера, а также дальнейшему совершенствованию норм уголовно-процессуального права, регламентирующих вопросы процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство мер медицинского характера.

Необходимо дополнить раздел 2 УПК РФ нормой, которая даст точное толкование нового процессуального статуса лица: «лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера – это лицо, совершившее запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лицо, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение», раскрыв в данной статье права, обязанности и ответственность такой категории лиц.

Кроме того, определение процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, способствует процессуальной регламентации порядка производства следственных действий в отношении несовершеннолетних лиц, наделенных данным процессуальным статусом. Ограничения связаны с возрастной категорией лиц, что предполагает участие при производстве тех или иных следственных действий педагога, в ряде случаев – и психолога. Кроме того, имеются временные ограничения производства

следственных действий с участием несовершеннолетнего. Данное положение также должно учитываться при производстве следственных действий с участием лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, не достигшего совершеннолетнего возраста, что подлежит процессуальной регламентации в УПК РФ, как особенности производства предварительного следствия.

В ряд вопросов, которые необходимо решить законодателю, входит и положение о розыске данной категории лиц, учитывая, что на них не распространяется процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого. Согласно уголовно-процессуальному законодательству в розыск объявляется подозреваемое, обвиняемое лицо, с учетом их процессуального статуса, а лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, не подпадает под данную категорию лиц, соответственно, нет специальной нормы, регулирующей розыск данных лиц, что позволяет правоприменителям самостоятельно принимать решения о розыске данной категории лиц на общих основаниях.

Приведем пример из личной следственной практики. 21 июля 2021 г., в период времени с 17 часов 10 минут по 20 часов 15 минут, гражданин Г., не осознавая фактический характер общественной опасности своих действий, не руководя ими, находясь на участке местности вблизи р. Белой, договорился с ранее знакомым ему гражданином А. на запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние – тайное хищение чужого имущества с незаконным проникновением в жилище. Далее путем повреждения входной двери гражданин Г. совместно с гражданином А. незаконно проник в помещение вагончика, где совершил общественно опасное деяние – тайное хищение чужого имущества, принадлежащее гражданину С., причинив последнему значительный имущественный ущерб на общую сумму 30 000 рублей. В ходе предварительного следствия гражданин Г. и гражданин А. дали признательные показания. Далее согласно заключению эксперта было установлено, что у гражданина Г. органические психические расстройства с легким снижением психических функций, психоподобным поведением; в связи с эпилепсией в отношении гражданина Г. необходимо производство принудительных мер медицинского характера, так как на момент совершения деяния он не осознавал фактический характер своих действий. В дальнейшем гражданин Г. и гражданин А. скрылись от органов предварительного следствия, в результате чего по уголовному делу следователем вынесено постановление о приостановлении предварительного следствия за розыском подозреваемого лица, то есть гражданин Г. был объявлен в розыск на общих основаниях как подозреваемый, что противоречит его статусу, так как с того момента как следователем было получено заключение эксперта, гражданин Г. не обладает статусом подозреваемого.

Таким образом, определение процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер

медицинского характера, позволит решить отдельные вопросы, возникающие в ходе предварительного расследования по делам, где ведется производство принудительных мер медицинского характера – вопросы, связанные с реализацией процессуального статуса такого субъекта преступления, как несовершеннолетний, где будут учтены все его права, законные интересы и взяты за основу особенности проведения следственных действий с несовершеннолетними в силу их возрастной особенности, что также позволит упростить процесс розыска лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, учитывая особенности данной категории лиц.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174–ФЗ. М. : Проспект 2021. С. 86.
2. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL:<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения: 09.10.2022).
3. Латыпов В. С. Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера: вопросы теории и нормативного регулирования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 102–111.

© Абдуллина Ю. И., 2023

УДК 343.985.3

Арсланова А. Р. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ С ОПЕРАТОРАМИ СОТОВОЙ СВЯЗИ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

INTERACTION OF LAW ENFORCEMENT AUTHORITIES WITH CELLULAR COMMUNICATION OPERATORS IN DISCOVERING AND INVESTIGATION OF CRIMES

Аннотация. В статье анализируются информационные ресурсы операторов сотовой связи при раскрытии и расследовании преступлений, взаимодействие операторов связи с правоохранительными органами при

получении информации, а также ее сроки хранения и процессуальные способы получения.

Abstract. The article analyzes the information resources of mobile operators in the detection and investigation of crimes, the interaction of telecom operators with law enforcement agencies when receiving information, as well as its storage periods and procedural methods of obtaining.

Ключевые слова: операторы связи, информационные ресурсы, Интернет, абоненты, идентификация пользователя.

Keywords: telecom operators, information resources, Internet, subscribers, user identification.

Вопрос о взаимодействии правоохранительных органов с операторами сотовой связи при раскрытии и расследовании преступлений в настоящее время набирает актуальность, в связи с тем, что операторы связи в силу технических особенностей функционирования сотовой связи обладают значительным объемом информационных ресурсов, в том числе о действиях, произведенных с технического устройства при совершении преступных действий.

Для определения информативности рассмотрим, какими ресурсами располагают операторы сотовой связи. В соответствии с положениями ст. 64 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» операторы связи обязаны хранить на территории Российской Федерации:

1) информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи – в течение 3 лет с момента окончания осуществления таких действий;

2) текстовые сообщения пользователей услугами связи, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные сообщения пользователей услугами связи – до 6 месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки [1].

В свою очередь, провайдеры в соответствии с положениями Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст. 10.1) обязаны хранить на территории Российской Федерации:

1) информацию о фактах приема, передачи, доставки или обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей сети Интернет и информацию об этих пользователях в течение 1 года с момента окончания осуществления таких действий;

2) текстовые сообщения пользователей сети Интернет, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные электронные сообщения

пользователей сети Интернет до 6 месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки или обработки [2].

Перед тем как обратиться к оператору сотовой связи, целесообразно определить вид информации, имеющей криминалистическое значение. Н. В. Яджин и В. В. Егоров [3] предлагают классификацию криминалистически важной информации, которая заключается в получении сведений: об идентификационном номере оборудования пользователя услуг связи; телефона – IMEI (International Mobile Equipment Identity – международный идентификатор мобильного оборудования; далее – IMEI), IP-адрес (Internet Protocol (IP, досл. «межсетевой протокол») – маршрутизируемый протокол сетевого уровня; далее – IP-адрес), MAC-адрес (Media Access Control – управление доступом к среде – уникальный идентификатор, присваиваемый производителем оборудованию, оснащеному сетевой картой; далее – MAC-адрес) оборудования; программном обеспечении; абонентском номере; об оказанных услугах связи; о другом абоненте, с которым осуществлялось соединение. Получение такой информации во многом определяет дальнейший ход расследования, круг лиц, причастных к совершению преступления, либо количество жертв преступления и т. д. Кропотливая работа, к примеру, с детализацией телефонных соединений позволит получить не только доказательства, но и ориентирующую информацию о наиболее частых соединениях, о продолжительности соединения и т. д.

Часто потребность в получении информации от операторов связи существует касательно преступлений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий. Это заключается в ведомственном контроле за работой оперативных и следственных подразделений в виде обязательного получения сведений о соединениях абонента в ходе расследования уголовных дел данной категории. Однако информация, получаемая от операторов связи, может представлять доказательственное значение и по общеуголовным делам: к примеру, получение биллинговой информации, которая содержит информацию о телефонных соединениях, смс, ммс-сообщениях, интернет-трафике и геолокации абонента. Данная информация определяет местоположение, передвижение лица, у которого в определенное время находился аппарат сотовой связи. При определенных обстоятельствах биллинговая информация не всегда несет прямое доказательственное значение, так как речь идет о местонахождении электронного носителя, который может передаваться другому лицу, однако часто именно биллинговая информация позволяет раскрывать преступления, хотя изначально она используется как ориентирующая.

Рассматривая информационные ресурсы операторов связи как источники информации, необходимо обозначить, что их сбор и использование должны строго соответствовать требованиям уголовно-процессуального законодательства. К одним из них относится получение данных.

Рассмотрим, какая информация может быть получена сотрудниками оперативных и (или) следственных подразделений без судебного решения, то есть на основании запросов (ч. 4 ст. 21, ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [4]) и Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [5]:

1) принадлежность абонента к оператору сотовой связи по персональным данным: фамилия, имя, отчество;

2) принадлежность абонента к оператору сотовой связи по номеру SIM-карты;

3) принадлежность абонента к оператору сотовой связи по ИНН (идентификационный номер налогоплательщика; далее – ИНН) физического или юридического лица;

4) платежные операции по телефонному номеру абонента;

5) определение IMEI по телефонному номеру абонента;

6) принадлежность телефонного номера абонента к оператору сотовой связи;

7) определение телефонного номера абонента по публичному IP-адресу в сети Интернет с указанием локального IP-адреса;

8) подключенные услуги по телефонному номеру абонента.

Исходя из информативности содержания договоров, которые заключают операторы сотовой связи, они располагают и могут предоставить информацию следующего содержания: фамилия, имя, отчество лица, дата рождения, паспортные данные (наименование организации), ИНН и адрес абонента; дата подключения и отключения абонента; номер SIM-карты.

Далее рассмотрим данные, которые могут быть получены на основании решения суда (в соответствии со ст. 186.1 УПК РФ):

1) детализация (сведения о входящих и исходящих звонках, сообщениях (дата, время, продолжительность)) по телефонному номеру абонента (инициирующего и (или) принимающего вызов);

2) детализация всех абонентов по конкретной базовой станции за определенный промежуток времени с указанием адреса базовой станции окончания соединения и IMEI;

3) детализация по IMEI за определенный промежуток времени с указанием адресов базовых станций;

4) определение телефонного номера абонента по IMEI;

5) данные о местоположении лица по телефонному номеру абонента в привязке к базовым станциям;

6) текущее местоположение лица по телефонному номеру абонента в привязке к базовой станции;

7) текущее местоположение лица по IMEI в привязке к базовой станции;

8) последнее зафиксированное местоположение лица по телефонному номеру абонента в привязке к базовой станции;

9) последнее зафиксированное местоположение лица по IMEI в привязке к базовой станции;

10) детализация интернет-трафика за определенный промежуток времени по телефонному номеру абонента с предоставлением URL – адреса ресурса;

11) данные о всех телефонных номерах абонентов в привязке к базовой станции за конкретный промежуток времени.

При предоставлении информации операторы сотовой связи располагают информацией о длительности разговоров до секунды; дате, времени, типе события (включение, выключение телефона), номере и IMEI вызывающего и вызываемого абонентов; номерах (координатах) базовых станций от начала до конца разговора (соединения); типе операционной системы на телефонном аппарате. Кроме этого, оператор сотовой связи может предоставить визуализацию на карте относительно базовых станций при передвижении абонента.

К вышесказанному необходимо добавить, что получение информации от операторов связи по судебному решению имеет четкую процессуальную регламентацию, однако процессуальная форма запроса сотрудников правоохранительных органов процессуальным законодательством не закреплена, в связи с чем необходимо определить, что запрос должен содержать ссылку на конкретную статью УПК РФ или на Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», номер уголовного дела или материала проверки сообщения о преступлении, подписанный должностным лицом, направляющим запрос, а в некоторых случаях – утвержденный начальником следственного подразделения.

Несмотря на это, процесс идентификации преступника сложен и длителен. Если рассматривать решение данной проблемы в глобальном смысле, то приходит мысль о создании локальной внутрироссийской сети Интернет (по аналогии с Китайской Народной Республикой). Однако при более глубоком анализе преступлений, где применяются электронные носители и средства связи, мы приходим к выводу, что они касаются практически всех сфер жизнедеятельности человека. В ряде случаев при помощи средств связи совершаются преступления, а в ряде случаев, напротив, наличие средства связи помогает раскрыть преступление, обнаружить следы его совершения и идентифицировать личность преступника. Реалии сегодняшнего дня таковы, что раскрытие преступлений требует от правоприменителя знания и действия на стыке уголовно-правовых и технических наук. В этой связи необходимо расширять техническую базу сотрудников правоохранительных органов, а также штат экспертных подразделений с привлечением специалистов технической области.

Библиографический список

1. О связи : федеральный закон Российской Федерации от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. Яджин Н. В., Егоров В. В. Некоторые особенности получения сведений, содержащихся в базах данных операторов связи, в целях раскрытия и расследования преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 2 (52). С. 96–106.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. № 249.
5. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Арсланова А. Р., 2023

УДК 343.132.4

Афанасьева А. А. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В 2023 ГОДУ

ON SOME CHANGES CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION IN 2023

Аннотация. В статье проанализированы изменения уголовно-процессуального законодательства об особенностях применения видео-конференц-связи в ходе расследования уголовных дел и их рассмотрения в суде.

Abstract. The article analyzes the changes in the criminal procedure legislation on the features of the use of videoconferencing in the course of the investigation of criminal cases and their consideration in court.

Ключевые слова: видео-конференц-связь, следственные и иные процессуальные действия, уголовное судопроизводство.

Keywords: videoconferencing, investigative and other procedural actions, criminal proceedings.

Государство создает благоприятные условия для применения информационно-коммуникационных технологий во всех сферах деятельности, в связи с чем совершенствуется законодательство Российской Федерации и административные ресурсы, способствующие использованию цифровых технологий, что не обошло стороной и уголовное судопроизводство. Несомненные плюсы и актуальность применения видео-конференц-связи (далее – ВКС) в уголовном процессе обусловлены стремительным развитием информационных технологий и цифровизацией. Развитие информационных технологий привело к тому, что ВКС стала основным направлением Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2023 гг. [2].

Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», внес изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ)[3]. Одно из нововведений коснулось особенностей проведения следственных действий посредством ВКС на судебной стадии уголовного судопроизводства.

Существовавшая ранее ст. 278.1 УПК РФ предоставляла возможность проводить посредством использования систем ВКС лишь допрос свидетеля. Реформа указанной статьи привела к тому, что посредством ВКС появилась возможность проводить не только допрос, но и иные судебные действия, при этом не ограничиваясь лишь одним участником уголовного судопроизводства – свидетелем. Кроме того, новая ст. 241.1 УПК РФ обеспечила возможность участия в судебном заседании путем использования систем ВКС не только подсудимого, но и иных участников уголовного судопроизводства. Теперь по ходатайству стороны или инициативе суда подсудимый и иные лица могут принять участие в судебном заседании с помощью ВКС, при этом категория дела не имеет значения. Таким образом, любой участник уголовного судопроизводства имеет возможность участвовать в судебном разбирательстве без своего личного присутствия.

Предоставление таких возможностей является позитивным событием в уголовном судопроизводстве, поскольку иногда причиной отложения судебного заседания является неявка участников по их вызову в суд, что приводит к затягиванию процесса рассмотрения дела. Одной из причин такой неявки можно назвать удаленное расстояние от места рассмотрения уголовного дела, а также материальные затраты на проезд в суд. ВКС позволяет, не нарушая разумные сроки уголовного судопроизводства, проводить запланированные судебные заседания.

Прошло чуть больше года, как на досудебной стадии следователям и дознавателям была предоставлена возможность производства допроса, очной ставки и опознания путем использования систем ВКС (ст. 189.1 УПК РФ). Эта статья положила конец научным дискуссиям о возможности применения ВКС. В связи с этим нельзя не отметить положительные моменты, связанные с возможностью проведения некоторых следственных действий, посредством ВКС.

При отсутствии возможности производства следственных действий с лицами, которые могут находиться за территорией проведения следственных действий, ВКС позволяет, не нарушая разумные сроки уголовного судопроизводства, выполнять запланированные следственные действия, при этом не снижая эффективность деятельности органов дознания и предварительного следствия, а наоборот, повышая оперативность.

Кроме того, важным является снижение трудозатрат на прибытие следователя на место нахождения допрашиваемого. К тому же решается проблема участия в производстве следственных действий участников уголовного судопроизводства, находящихся на удаленном расстоянии от места производства расследования, в следственных изоляторах и местах лишения свободы, а также физически ограниченных, не подлежащих перемещению по медицинским показаниям.

Сокращаются материальные затраты, связанные с организацией проезда и проживания следователя к месту нахождения участников уголовного судопроизводства.

Важно отметить, что уменьшается количество межличностных контактов как следователя, так и допрашиваемых лиц, что позволяет лимитировать вероятность заражения в период распространения инфекционных заболеваний.

Повышается результативность следственного действия при его производстве лицом, ведущим расследование, поскольку он, как никто другой, владеет информацией о собранных доказательствах, о показаниях других участников и о ходе расследования уголовного дела в целом. Самостоятельное проведение следственного действия лицом, в чьем производстве находится уголовное дело, намного эффективней, чем направление поручения иному сотруднику полиции. Здесь следователь может лично задавать дополнительные вопросы участникам следственного действия и, исходя из полученных ответов, применять свою тактику производства следственных действий, например, изменяя те вопросы, которые изначально планировалось задать.

Кроме того, следователю предоставляется дополнительное (помимо протокола) средство фиксации хода и результатов производимого следственного действия в виде видеозаписи.

Нельзя не отметить обеспечение безопасности участников уголовного процесса. Поступательное развитие технологий позволяет удаленно

взаимодействовать участникам уголовного судопроизводства, исключая личный контакт.

Вышеуказанное, безусловно, говорит лишь о положительных современных тенденциях при производстве по уголовным делам на досудебном производстве, однако хочется остановиться на проблемах, выявленных нами, при правоприменении указанной нормы. Часть 2 ст. 189.1 УПК РФ предоставляет возможность лицам, в чьем производстве находится уголовное дело, направлять органу дознания, дознавателю и следователю письменное поручение об организации участия конкретного лица в следственном действии. Действительность такова, что само следственное действие проводит лицо, в чьем производстве находится уголовное дело, а права, обязанности, ответственность, порядок производства следственного действия, запись об оглашении протокола следственного действия, а также подписание берет следователь или дознаватель по месту исполнения поручения. Таким образом, мы приходим к выводу, что орган дознания лишен возможности взять подписку и соблюсти иные процедурные вопросы. На наш взгляд, четкая регламентация УПК РФ ВКС позволит более эффективно применять возможности, предоставленные законодателем, поэтому считаем, что ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ должна звучать следующим образом: «в протоколе указываются дата, время и место производства соответствующего следственного действия как по месту составления протокола, так и по месту нахождения лица, указанного в части второй настоящей статьи. Запись о разъяснении участникам следственного действия, находящимся вне места производства предварительного расследования, их прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия, а также запись об оглашении им протокола следственного действия удостоверяется подписями данных участников следственного действия, о чем у них берется подписка следователем, дознавателем или органом дознания по месту нахождения участников следственного действия».

Назначение уголовного судопроизводства распространяется как на лиц, ведущих расследование, так и на судей, однако судьи уже пользуются современными возможностями, прибегая к помощи ВКС с 2011 года. Возвращаясь к изменениям в УПК РФ относительно применения ВКС, необходимо отметить, что в настоящее время судьям дана возможность свободы действий в применении систем ВКС. Законодатель разрешил применять ее не только при проведении допроса, но и при производстве иных судебных действий. Все это приводит к тому, что в полном объеме пользоваться современными возможностями пока предоставляется только суду, отодвигая правоохранительные органы на второй план. Конечно, в науке имеются различные точки зрения относительно применения систем ВКС. Например, С. А. Новиков считает, что УПК РФ не содержит исчерпывающего перечня технических средств, применяемых в рамках расследования, и, поскольку суд применяет ВКС, действуя по аналогии, возможно использовать ее и на

судебной стадии [1]. Однако мы считаем, что цели и задачи, стоящие перед правоохранительными органами и судьями – одни, и хотелось бы уже сейчас предоставить возможность следователям и дознавателям применять систему ВКС при производстве тех следственных действий, необходимость которых усматривается лицами, проводящими расследование. Для этого необходимо законодательно закрепить отдельные нормы, которые позволят применять ВКС не только к допросу, очной ставке и опознанию, но и к иным следственным действиям по усмотрению лиц, ведущих расследование.

Библиографический список

1. Новиков С. А. Допрос с использованием систем видео-конференц-связи : завтрашний день российского предварительно расследования // Российский следователь. 2014. № 1.
2. О стратегии развития информационного общества на 2017–2030 годы : указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Афанасьева А. А., 2023

УДК 343.13

Баловина И. В. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

МЕСТО СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

THE PLACE OF INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE INVESTIGATOR'S ACTIVITY IN THE PROCESS OF PROVING IN A CRIMINAL CASE

Аннотация. Основное содержание предварительного расследования составляет исследование доказательств с целью определения дальнейшего движения уголовного дела. В данной статье рассматриваются понятие и признаки следственных действий как основного способа собирания и проверки доказательств.

Abstract. The main content of the preliminary investigation is the examination of evidence in order to determine the further progress of the criminal case. This study examines the concept and signs of investigative actions as the main method of collecting and verifying evidence.

Ключевые слова: процессуальное действие, следственное действие, досудебное производство, признаки, собирание доказательств, проверка доказательств.

Keywords: procedural action, investigative action, pre-trial proceedings, signs, collection of evidence, verification of evidence.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство России не содержит унифицированной нормы, посвященной средствам и способам доказывания. Тем не менее одним из основных средств собирания и проверки доказательств закон признает производство следственных действий, не исключая производство иных процессуальных действий в отдельных случаях в этих же целях в соответствии с ч. 1 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Надо полагать, что под «иными процессуальными действиями» в данном случае следует понимать проведение любого процессуального действия в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

В отношении досудебного производства все процессуальные действия следователя, предусмотренные законом, а также действия, которые по сути процессуальные, однако не упомянуты в тексте уголовно-процессуального закона, но активно применяются на практике (например, перекрестный опрос, акты добровольной выдачи, протоколы ознакомления с исследованиями), направлены на разрешение задач уголовного судопроизводства по обеспечению всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Некоторые исследователи-процессуалисты придерживаются мнения, что все проводимые процессуальные действия следователя, предусмотренные уголовно-процессуальным законом в рамках уголовного дела, можно назвать следственными действиями, но в соответствии с нормами права, теоретическими и практическими положениями принято именовать следственными лишь те процессуальные действия, которые, в отличие от других действий следователя (разъяснение прав участникам процесса, избрание меры пресечения и т. д.), направлены на собирание, проверку и закрепление доказательств по уголовному делу [1, с. 17].

Вместе с тем действующее уголовно-процессуальное законодательство не определяет нормативного закрепления ни понятия следственных действия, ни их видов и систематизации, что затрудняет уяснение их сущности; поэтому в научной литературе можно встретить множество различных точек зрения по поводу толкования понятия следственных действий.

С. А. Шейфер определяет следственное действие как комплекс регламентированных уголовно-процессуальным законом и осуществляемых следователем (судом) поисковых, познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям следов определенного вида и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в них доказательственной информации [4, с. 38].

Н. С. Манова под следственными действиями понимает производимые в ходе расследования в соответствии с уголовно-процессуальным законом действия, целью которых является собирание и проверка доказательств [2, с. 68].

По мнению С. А. Степанова, следственные действия – это предусмотренные УПК РФ процессуальные действия, осуществляемые лицом, в производстве которого находится уголовное дело, либо иным лицом по его поручению, направленные на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу [3, с. 146–147].

Так или иначе, следственные действия представляют собой основную деятельность следователя в процессе доказывания, от которой напрямую зависит результат всего предварительного расследования, так как в ходе их производства происходит собирание и проверка доказательственной информации, имеющей значение в производстве по уголовному делу.

Для того, чтобы раскрыть сущность следственных действий в уголовно-процессуальном аспекте, следует определить наиболее значимые характеризующие его признаки:

1) каждое следственное действие является процессуальным действием, так как согласно п. 32 ст. 5 УПК РФ под процессуальным действием понимается следственное или иное действие;

2) каждое следственное действие имеет целью собирание (обнаружение, фиксацию, изъятие, сохранение) и проверку доказательств, что подтверждается целями и задачами производства того или иного следственного действия. Так, например, осмотр производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, на основании ч. 1 ст. 176 УПК РФ, а следственный эксперимент – в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, на основании ст. 181 УПК РФ;

3) содержание следственного действия, направленного на собирание и проверку доказательств, есть совокупность приемов и операций. Так, например, следователь вправе произвести следственный эксперимент путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события, на основании ст. 181 УПК РФ;

4) следственное действие может проводить только специально уполномоченное уголовно-процессуальным законом лицо. Нормы закона, регламентирующие их производство, обычно адресуются следователю. Однако в ходе досудебного производства следственные и иные процессуальные действия вправе произвести и другие лица. Так, например, дознаватель,

как и следователь, вправе произвести любое следственное действие в пределах своей компетенции по расследуемому уголовному делу, на основании ч. 1 ст. 223 УПК РФ. Кроме этого, следователь или дознаватель имеют право поручить оперуполномоченному или участковому уполномоченному произвести то или иное следственное действие, в связи с чем составляется и направляется поручение;

5) проведение каждого следственного действия, в отличие от иных процессуальных действий, кроме мер процессуального принуждения, для решения задач и достижения целей производства по уголовному делу в различной степени обеспечено мерами государственного принуждения. Так, например, при производстве обыска могут вскрываться любые помещения, если владелец отказывается добровольно их открыть (ч. 6 ст. 182 УПК РФ), при этом требуется либо судебное решение (ч. 2 ст. 29 УПК РФ), либо в случае, когда проведение обыска не терпит отлагательства, данное следственное действие может быть проведено на основании постановления следователя без получения судебного решения, но с последующим обращением в суд для проверки законности его проведения (ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

Таким образом, с учетом имеющихся определений различных ученых-процессуалистов, положений уголовно-процессуального закона, а также обозначенных ранее признаков следственных признаков, мы предлагаем следующее их определение.

Следственное действие – это предусмотренное Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и обеспеченное мерами государственного принуждения действие, производимое следователем или иными уполномоченными законом лицами в ходе досудебного производства по уголовному делу, содержанием которого являются определенные приемы, операции или их совокупность, направленные на собирание и проверку доказательств.

Библиографический список

1. Луковников Г. Д. Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия : учебное пособие для вузов. 2-е изд. М. : Юрайт, 2022. С. 17.
2. Манова Н. С., Францифоров Ю. В. Уголовный процесс : краткий курс лекций / Н. С. Манова, Ю. В. Францифоров. М. : Юрайт, 2014. С. 68.
3. Степанов С. А. К вопросу об этимологии понятия «следственное действие» // Правовые проблемы укрепления российской государственности : материалы конференции (30 января – 1 февраля 2014 г.). Томск. 2015. С. 146–147.
4. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М. : Юрлитинформ, 2001. С. 38.

© Баловина И. В., 2023

Батыщева И. В. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России (Россия, г. Волгоград)

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

MAIN TYPES OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCESS

Аннотация. В статье рассмотрены основные понятия доказательств в уголовном судопроизводстве. В уголовном судопроизводстве предмет доказывания определяет обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. Предмет доказывания предопределяет круг обстоятельств, которые позволяют устанавливать наличие или отсутствие состава преступления. Установление всех признаков состава преступления позволяет правильно квалифицировать деяние. Квалификация деяния является результатом оценки доказательств.

Abstract. The article deals with the basic concepts of evidence in criminal proceedings. In criminal proceedings, the subject of proof determines the circumstances to be proved in a criminal case. The subject of proof predetermines the circle of circumstances that allow establishing the presence or absence of corpus delicti. Establishing all the signs of a crime allows you to properly qualify the act. The qualification of an act is the result of an assessment of the evidence.

Ключевые слова: доказательство, уголовное судопроизводство, показания, обвиняемый, свидетель, потерпевший.

Keywords: evidence, criminal proceedings, testimony, accused, witness, victim.

В уголовном судопроизводстве доказательства выступают важной категорией, а их совокупность должна быть достаточной. В процессе слушаний доказательствами могут выступать показания подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей. В качестве доказательства используются также заключения экспертов, показания специалистов, иные документы [2, с.74].

Показания обвиняемых фиксируются как сведения общего характера, в которых сообщаются обстоятельства в отношении расследуемого уголовного дела. Показания обвиняемых и подозреваемых служат не только доказательством, но и средством защиты. Таким образом, зафиксированные показания имеют двойственную природу.

Предмет показания определяется обвинением. По закону обвиняемый не должен доказывать свою невиновность, в показаниях он может излагать собственное объяснение событий, может сообщить свою оценку этих событий. Показания потерпевшего являются доказательством, но сами подлежат доказыванию. Они должны быть обязательно зафиксированы и подтверждаться показаниями свидетелей [4, с. 96].

Потерпевший не обязан давать показания, это – не обязанность, а его право, но при неявке потерпевшего по вызову суда или следователя он может быть подвергнут принудительному приводу. Показания свидетеля также должны быть зафиксированы, в них должны быть конкретные сведения, а не домыслы. Свидетель обязан давать правдивые показания, за дачу ложных показаний он несет уголовную ответственность [5].

Заключения экспертов представляют собой письменные доказательства в виде выводов на основании знаний и опыта эксперта. Экспертиза назначается судом, специалист назначается для проведения экспертизы с учетом имеющихся у него знаний, профессиональной подготовки. Заключение дается исключительно от своего имени, эксперт несет за него персональную ответственность. Заключение эксперта может быть перепроверено судом, также суд может удостовериться в компетентности эксперта, в том, насколько адекватно была проведена экспертиза, на современном ли оборудовании и так далее.

Эксперт может быть привлечен к даче показаний, разъяснению по выданному заключению. Для суда может потребоваться заключение специалиста – это суждение в письменном виде специалистов в какой-либо профессии. Специалист может быть привлечен любыми участниками судебного процесса, он сможет дать показания по делу по каким-либо конкретным вопросам, затрагивающим область его профессиональной деятельности, по которой для суда потребовалось его мнение [3, с. 118].

В качестве вещественных доказательств могут выступать любые материальные объекты, приобщенные к уголовному делу. Они могут быть орудием преступления, нести на себе следы преступления.

Вещественные доказательства хранятся в специально отведенном месте при уголовном деле, они опечатываются и упаковываются. После суда некоторые доказательства выводятся из обращения и уничтожаются, например, запрещенные к употреблению наркотические вещества, оружие, взрывчатка и так далее [1].

Доказательства хранятся до вступления приговора в законную силу или истечения срока обжалования данного приговора. Следствие обязано обеспечить сохранность всех доказательств, на некоторые вещественные доказательства может быть наложен арест в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ).

В качестве доказательств могут использоваться протоколы следственных действий и непосредственно судебного заседания, освидетельствования, обыска и так далее. Если в процессе следствия использовались фо-

то-, видеоматериалы, аудиозаписи, то они также прилагаются в качестве доказательств, а также документы или факты на любых носителях, причем законодатель не может утвердить единую определенную форму изложения каких-либо документальных доказательств. При утере доказательств они не всегда считаются полной утратой, если возможно получить дубликат доказательства.

Доказательства по нормам УПК РФ играют важную роль. В судебной практике доказательствами являются не только наличие, но и отсутствие каких-либо обстоятельств. Допускается, что доказательства могут трактоваться по-разному. Доказательства представляют собой, прежде всего, сведения о фактах, которые имеют значение для исследуемого дела, причем эти сведения или материальные вещи должны быть собраны в специальном, предусмотренном законом порядке. Только они могут выступать доказательствами действительности [6].

Доказательства бывают основными и вспомогательными, промежуточными, побочными, которые помогают доказательствам основного предмета доказывания. Доказательство происходит не только с помощью предметов и фактов, но и с учетом мыслительной деятельности судьи и представления заинтересованных сторон.

Решающую роль в вынесении приговора по уголовным делам имеет доказательная основа, она позволяет принять обоснованное справедливое решение на основании мыслительной деятельности судьи, на основании закона и научной методологии. Он осуществляет оценку доказательств как фактов, имеющих значение для дела, как в совокупности, так и отдельно каждое доказательство. Оценка доказательств судьей основывается на признании доказательства существенным, достаточным для доказывания определенного факта.

Доказательства представляются с аргументацией, то есть с доводами, которые могут убедить стороны в определенной ситуации. Каждая сторона отстаивает свою точку зрения, представляет доказательства, предъявленные в ходе уголовного процесса. Они систематизируются, классифицируются, представляются отдельно или в какой-либо совокупности. Могут быть установлены связи между различными доказательствами и представлены в процессе [7].

Таким образом, в судебном и досудебном процессе доказательства способствуют принятию справедливого решения путем представления систематизации фактов и предметов, имеющих отношение к судебному процессу. Доказательства должны быть представлены аргументировано и достаточно.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Досудебное производство в уголовном процессе : научно-практическое пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Б. Я. Гаврилов [и др.]. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 224 с. URL: <http://www.iprbookshop.ru/72419.html> (дата обращения: 24.01.2023).

3. Колоколов Н. А. Уголовно-процессуальное право. Практикум : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Н. А. Колоколов, Р. В. Ярцев, О. Ю. Андрианова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 663 с. URL: <http://www.iprbookshop.ru/34524.html> (дата обращения: 24.01.2023).

4. Теория доказательств в уголовном процессе : практикум. Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2017. 222 с. URL: <http://www.iprbookshop.ru/75603.html> (дата обращения: 24.01.2023).

5. Уголовный процесс: учебник для академического бакалавриата / А. И. Бастрыкин [и др.]; под ред. А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2017. 415 с. URL: <http://www.biblio-online.ru/> (дата обращения: 24.01.2023).

6. Хоменко И. В. Логика. Теория и практика аргументации : учебник. М., 2010. С. 186.

7. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам; проблемы теории и правового регулирования. Тольятти : Волж. Ун-т им. В. Н. Татищева, 1997. С. 34.

© Батыщева И. В., 2023

УДК 343.131

Бондаренко И. П. – заместитель начальника отделения по обслуживанию зданий, отдела эксплуатации зданий и сооружений управления тылового обеспечения Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, г. Москва)

ТРЕБОВАНИЯ К СУДЕБНОМУ РЕШЕНИЮ ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

REQUIREMENTS FOR A COURT DECISION ON THE ELECTION OF A PREVENTIVE MEASURE

Аннотация. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством решение суда должно быть законным, обоснованным и мотиви-

рованным. Каждый правоприменитель понимает данные требования по-своему, что порождает разную правоприменительную практику; результатом является увеличение оспариваемых решений суда в вышестоящие инстанции. Одним из решений суда, выносимых в рамках осуществления судебного контроля, является избрание меры пресечения, действие которой распространяется вплоть до вступления приговора суда в законную силу. Настоящее исследование направлено на установление авторского определения выдвигаемых требований к постановлению об избрании (продлении) меры пресечения, а также на установление того, является ли перечисленный в ч. 4 ст. 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перечень требований исчерпывающим.

Abstract. In accordance with the criminal procedure legislation, the court's decision must be lawful, justified and motivated. Each law enforcement officer understands these requirements in his own way, which gives rise to different law enforcement practices, as a result - an increase in contested court decisions to higher instances. One of the court decisions made within the framework of judicial control is the election of a preventive measure, the effect of which extends until the court verdict enters into force. This study is aimed at establishing the author's definition of the requirements put forward for the decision on the election (extension) of a preventive measure, as well as to establish whether the list of requirements listed in Part 4 of Article 8 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is exhaustive.

Ключевые слова: судебное решение, меры пресечения, ограничение конституционных прав, требования к процессуальным решениям.

Keywords: judicial decision, preventive measures, restriction of constitutional rights, requirements for procedural decisions.

В соответствии с ч. 4 ст. 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), постановление судьи должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Избирая меры пресечения, ограничивающие конституционные права и свободы личности, суд должен вынести соответствующее решение.

Анализ научной литературы показал, что в основном исследуются проблемы избрания мер пресечения в рамках деятельности должностных лиц органов предварительного расследования, остается без внимания порядок избрания мер пресечения судом на судебных стадиях уголовного процесса.

Какие требования предъявляются к таким решениям суда?

Во-первых, решение должно быть законным. Судьи при избрании меры пресечения должны не только руководствоваться положениями УПК РФ, но также учитывать положения ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которые требуют соблюдения законности при

ограничении права на свободу и личную неприкосновенность, при задержании и заключении под стражу; Международного пакта о гражданских и политических правах, закрепляющего требование об обязательном соблюдении в любой ситуации фундаментальных прав и свобод человека [7].

Права и свободы человека при избрании мер пресечения требуют соблюдения совокупности морально-правовых норм, гарантирующих защиту личности в уголовно-процессуальных правоотношениях подозреваемого, обвиняемого, подсудимого с представителями органов уголовного преследования и суда.

На наш взгляд, законность включает себя следующие элементы при принятии решения об избрании мер пресечения судом:

1. Проверка законности и обоснованности подозрения в причастности лица к совершению преступления [8]. При этом оценке подлежит не только законность задержания, но и законность возбуждения уголовного дела, предъявления обвинения уполномоченным должностным лицом с соблюдением соответствующей процедуры. Оставление судьей без проверки и оценки обоснованности такого подозрения расценивается как существенное нарушение уголовно-процессуального закона (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), «влекущее отмену постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу» [8].

Так, Первый кассационный суд общей юрисдикции своим определением от 21 января 2020 г. № 77-65/2020 прекратил меру пресечения, избранную в отношении адвоката в обычном порядке, так как был нарушен порядок производства по уголовному делу в отношении специального участника, требующего применение правил главы 52 УПК РФ [9].

2. Проверка законности и достаточности оснований (фактических обстоятельств, которые свидетельствуют о реальной возможности выполнения лицом действий, указанных в ст. 97 УПК РФ, и невозможности беспрепятственного осуществления судопроизводства посредством применения в отношении участника иной меры пресечения) для избрания меры пресечения к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому.

3. Проверка соблюдения общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства, в том числе в части принятия мер относительно иждивенцев и имущества лица, в отношении которого применяется мера пресечения, связанная с изоляцией от общества.

4. Обеспечение соблюдения процедуры принятия решения об избрании меры пресечения судом, в том числе соблюдение права на защиту и язык уголовного судопроизводства.

Так, Второй кассационный суд общей юрисдикции своим определением от 3 сентября 2020 г. № 77-1385/2020 отменил Апелляционное постановление Московского городского суда от 28 мая 2020 г., признав отсутствие адвоката на судебном заседании о решении вопроса продления сроков

заклучения под стражу доверителя существенным нарушением уголовно-процессуального закона [10].

5. Соблюдение процессуальной формы принятия соответствующего решения.

Все перечисленное позволяет сделать вывод о том, что требование законности при принятии решения об избрании меры пресечения – это обязанность должностного лица соблюсти предписания законодательства в части субъекта принятия решения, проверить и оценить условия соблюдения порядка принятия решения, достоверно установить фактические и юридические основания совершаемых действий и принятия соответствующего постановления, вынести процессуальный документ, соответствующий установленной для такого решения форме.

Во-вторых, решение должно быть обоснованным.

В соответствии с ч. 1 ст. 108 УПК РФ, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть указаны конкретные фактические обстоятельства, на основе которых избирается такая мера. Результаты анализа уголовных дел, проводимых в рамках научных исследований некоторыми авторами, показывают определенный формализм в выполнении рассматриваемого требования [2].

Судья при получении уголовного дела в суд также должен оценить факт перехода уголовного дела из одной стадии процесса в другую и при решении вопроса о продлении аргументировать свою позицию имеющимися в деле материалами. Согласимся с мнением А. А. Михайловой о том, что «объективность судебного постановления следует рассматривать во взаимосвязи с обоснованностью и с истинностью» [4]. Подход о важности соответствия судебного решения фактическим обстоятельствам дела имеет вековую историю. Об обоснованности и ее важности в своих работах писали А. Я. Вышинский, М. С. Строгович, М. А. Чельцов.

Практика, придерживаясь исторических традиций и признавая значимость обоснованности, при избрании мер пресечения также требует от органов предварительного расследования и суда подтверждения материалами уголовного дела достаточным объемом доказательств. В ином случае решение судьи об избрании меры пресечения должно быть отменено.

Так, Четвертый кассационный суд общей юрисдикции отменил постановление суда о продлении срока содержания под стражу, так как суд не привел конкретные мотивы, обосновывающие необходимость его продления [11].

Анализ имеющихся научных подходов и обзоров практики деятельности кассационных судов позволяет выделить второе требование к решению суда об избрании меры пресечения – обоснованность, под которой следует понимать подкрепленность решения об избрании конкретной меры пресечения допустимыми доказательствами, достаточными для аргумента-

ции позиции выбора меры пресечения подозреваемому, обвиняемому, подсудимому.

В-третьих, решение должно быть мотивированным.

Анализ постановлений судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу показывает, что большинство постановлений не мотивированы либо мотивы принятия конкретного решения носят общий характер, позволяющий применить такие трактовки к любой из мер пресечения, не учитывая специфику конкретно взятого случая. К аналогичным выводам приходили и в ходе иных исследований: А. С. Барабаш [1], В. О. Журиков [2], В. Н. Курченко [3], В. В. Николук [5].

Под мотивированностью выбора меры пресечения считаем возможным полагать письменную оценку обоснованности возможности избрания меры пресечения, в том числе невозможности избрания более мягкой из них, подтверждение наличия оснований и условий в конкретном случае применения меры пресечения к подозреваемому, обвиняемому либо подсудимому со ссылкой на конкретные материалы уголовного дела, т. е. логическую связь перечня оснований с выводами суда о необходимости избрания меры пресечения.

В-четвертых, несмотря на отсутствие прямого указания на это в уголовно-процессуальном законодательстве, считаем важным и значимым для достижения назначения уголовного судопроизводства наличие четвертого требования – справедливости. Именно оно позволяет говорить о гуманизации процесса, учете всех обстоятельств совершенного деяния и личности подозреваемого, обвиняемого, подсудимого при выборе конкретной меры пресечения [6].

Таким образом, решение суда об избрании мер пресечения независимо от того, на какой стадии оно принимается, должно отвечать требованиям законности, обоснованности, мотивированности и справедливости. Игнорирование хотя бы одного из них должно признаваться существенным нарушением требований уголовно-процессуального законодательства, в частности принципа законности.

Библиографический список

1. Барабаш А. С. Основания для избрания заключения под стражу, домашнего ареста, залога и их доказывание // Российский юридический журнал. 2016. № 4 (109). С. 117–131.

2. Журиков В. О. Актуальные проблемы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Краснодар, 1 апреля 2016 г. Краснодар : ООО «Просвещение-Юг», 2016. С. 273–277.

3. Курченко В. Н. Заключение под стражу : типичные ошибки // Законность. 2015. № 8 (970). С. 41–45.

4. Михайлова А. А. Обоснованность судебного постановления в гражданском процессе // Новые юридические исследования : сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 марта 2022 г. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2022. С. 79–81.

5. Николюк В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. Орел : Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, 2015. 236 с.

6. Цоколова О. И. Есть ли справедливость на досудебных стадиях уголовного процесса? // Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А. П. Гуляева, Москва, 18 февраля 2014 г. М. : Московская академия экономики и права, 2014. С. 101–106.

7. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят Резолюцией 2200 (XXI) на 1496 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 31.12.2022).

8. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Официальный сайт Первого кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=27326944&case_uid=2b429518-7c55-49e5-a91f-3a9e7becdca4&delo_id=2450001&new=2450001 (дата обращения: 30.01.2023).

10. Официальный сайт Второго кассационного суда общей юрисдикции. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=5397963&case_uid=d07f5624-900a-4570-b060-03fdaf543b2f&delo_id=2450001&new=2450001 (дата обращения: 30.01.2023).

11. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11 декабря 2019 г. по делу № 77-21/2019 // Обзор судебной практики кассационных судов общей юрисдикции по избранию и продлению меры пресечения в виде содержания под стражей за 2019, 2020 и 2021 г. // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской

Федерации. URL: <https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-sudebnoy-praktiki-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiktsii-po-izbraniyu-i-prodleniyu-meru-pr/> (дата обращения: 01.02.2022).

© Бондаренко И. П., 2023

УДК 343.13

Бондарь М. М. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России (Россия, г. Волгоград)

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЧАЛА И ОКОНЧАНИЯ
УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

**PROBLEMS OF DETERMINING THE BEGINNING AND END
OF CRIMINAL PROSECUTION AT THE PRESENT STAGE
OF DEVELOPMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS**

Аннотация. В статье рассматривается сущность уголовного преследования как уголовно-процессуальной функции; уголовно-процессуальные нормы, его регламентирующие. Автором предпринята попытка определить моменты начала и окончания уголовного преследования, имеющая как теоретическое, так и прикладное значение. В статье рассматриваются особенности осуществляемой стороной обвинения процессуальной деятельности, называемой в науке уголовного процесса уголовным преследованием.

Abstract. The article deals with the essence of criminal prosecution as a criminal procedural function, criminal procedural norms that regulate it. The author made an attempt to determine the moments of the beginning and end of the criminal prosecution, which has both theoretical and applied significance. The article discusses the features of the procedural activity carried out by the prosecution, which is called criminal prosecution in the science of the criminal process.

Ключевые слова: уголовное преследование, цель и задачи уголовного судопроизводства, обвинение, уголовно-процессуальная функция.

Keywords: criminal prosecution, purpose and objectives of criminal proceedings, prosecution, criminal procedural function.

Законодатель в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) определил понятие уголовного преследования, раскрыв его как процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ), и таким образом четко закрепил положение о том, что уголовно-процессуальная деятельность правоохранительных органов по установлению лица, совершившего уголовно наказуемое деяние, может быть осуществлена только на стадии предварительного расследования, поскольку может осуществляться только в случае приобретения лицом процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого.

Различные подходы теоретиков к определению понятия «уголовное преследование» говорит о том, что данный вопрос до настоящего времени не имеет точно определенного ответа. В действующем УПК РФ, как утверждали его создатели, понятие «уголовное преследование» должно пониматься как функция обвинения [1, с. 26]. Заявляется, что уголовное преследование включает в себя процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в ходе досудебного производства, и процессуальную деятельность по поддержанию обвинения в ходе судебного производства по уголовному делу. При этом авторами отмечается, что «изобличение подозреваемого, обвиняемого» необходимо понимать как процедуру доказывания виновности, обвинение уликами, доказательствами обвинительного свойства [1, с. 27].

Возникает справедливый вопрос относительно правомочности осуществления уголовного преследования на стадии возбуждения уголовного дела. Исходя из законодательной регламентации, ответ очевиден: уголовное преследование до придания лицу, вовлеченному в производство, процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого исключено. Основанием начать уголовное преследование будет принятие решения о возбуждении уголовного дела.

В данном случае исключается возможность осуществления уголовного преследования в отношении лица, совершившего преступление, данные о котором еще не известны, в том числе в стадии возбуждения уголовного дела. Четкое определение момента начала уголовного преследования необходимо для возможности реализовать право на защиту, а также корреспондирующей ему обязанности органов предварительного расследования обеспечить реализацию данного права.

Представляется не совсем верным ограничивать уголовное преследование деятельностью по формированию доказательств обвинения конкретного лица (определенного в ходе расследования) в совершении преступления. Доказательственная база обвинения формируется до наделения лица процессуальным статусом «подозреваемый», а тем более «обвиняемый», поскольку полученное на стадии проверки сообщения о преступле-

нии заявление гражданина о совершенном в отношении него преступлении неизвестным ему лицом, протокол осмотра места происшествия, заключение эксперта будут положены в основу обвинения и будут отражены в обвинительном заключении как обвинительные доказательства.

Мнение относительно определения начала уголовного преследования вне зависимости от наличия у лица процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого высказано К. С. Агабековым, который соглашается с тем, что уголовное преследование имеет место на этапе проверки сообщения о преступлении. Однако при этом автор отмечает, что для того, чтобы находиться в поле уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела, необходимо наличие у лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование на данной стадии, возможности полагать, что в отношении него такая деятельность осуществляется [2, с. 10]. В данном случае остается неразрешенным вопрос об определении понятия «уголовное преследование» и содержании процессуальной деятельности по изобличению.

Толковый словарь определяет термин «изобличение» как действие по обнаружению в ком-нибудь чего-нибудь предосудительного, то есть уличать, обнаруживать, излавливать, разоблачать, демаскировать [3]. В уголовно-процессуальном законе обвинение определено как утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, которое выдвинуто в установленном УПК РФ порядке (п. 22 ч. 1 ст. 5 УПК РФ).

Многие процессуалисты [4, с. 189; 5, с. 3; 6, с. 39] прошлых лет склонялись к равнозначности понятий «уголовное преследование» и «обвинение». При этом обвинение понимали как деятельность, направленную на установление и подтверждение виновности конкретного лица в совершенном преступлении. В настоящее же время уравнивание понятий «уголовное преследование» и «обвинение» представляется не совсем корректным. Законодатель четко определяет, что обвинение в рамках расследования уголовного дела как утверждение о виновности лица в совершении конкретного преступления должно быть основано на достаточных доказательствах, уже сформированных в соответствии с законом (ст. 171 УПК РФ).

Таким образом, видится, что началом уголовного преследования следует считать осуществление процессуальных, в том числе следственных действий, направленных на установление лица, совершившего преступление, в том числе и на стадии возбуждения уголовного дела.

В бытовом, обыденном сознании уголовное преследование понимается как деятельность правоохранительных органов в отношении виновного в совершении преступления лица, то есть преследование преступника по закону. Однако, ввиду действия презумпции невиновности, мы можем говорить об уголовном преследовании в отношении в том числе и неви-

новного, поскольку вина лица может быть констатирована только вступившим в законную силу решением суда. Исходя из этого, уголовное преследование включает в себя всю совокупность действий, предшествующих вынесению судебного решения о виновности лица в совершении преступления.

Разрешение задач уголовного процесса, достижение его цели, то есть реализация назначения уголовного судопроизводства, происходит как на досудебных, так и на судебных его стадиях. Осуществление же уголовного судопроизводства происходит именно по средствам осуществления уголовного преследования. Законодатель же не отвечает на вопрос о том, что считать конечной точкой реализации уголовного преследования. Поскольку прокурор наряду со следователем, дознавателем и органом дознания в полной мере осуществляет функцию уголовного преследования и наиболее ярко эта функция проявляется именно на судебных стадиях уголовного процесса, не представляется возможным говорить о том, что функция уголовного преследования считается реализованной при предъявлении обвинения или при утверждении обвинительного заключения. Видится, что уголовное преследование реализуется также в стадиях обжалования приговора в апелляционном порядке, когда решение обжалуется, например, ввиду несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела или несправедливости приговора. Более того, говорить об уголовном преследовании можно и на стадии кассационного обжалования, когда прокурор может подать кассационное представление, считая, что во вступившем в законную силу решении есть нарушения, которые повлияли на исход уголовного дела, на правильность его решения по существу, как, например, на вывод о виновности, на юридическую оценку содеянного. Таким образом, уголовное преследование как деятельность по установлению виновного лица осуществляется и на стадиях уголовного судопроизводства, предназначенных для пересмотра судебных решений, и реализуется посредством осуществления своих функций прокурором.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что уголовное преследование – деятельность, осуществляемая следователем, дознавателем, органом дознания и прокурором на стадиях досудебного и судебного производства по уголовному делу, содержанием которой является установление лица, совершившего преступление, предъявление ему обвинения, а также его поддержание обвинения в суде.

Библиографический список

1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. 2-е изд., перераб. и доп. Юристъ, 2004. 302 с.

2. Агабеков К. С. Уголовное преследование органами дознания : теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук / К. С. Агабеков. М., 2020. 226 с.

3. Словари и энциклопедии. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/822006> (дата обращения: 12.01.2023).

4. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М. : Наука, 1968. 469 с.

5. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб. : Альфа, 1996. 607 с.

6. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу : профессиональные функции. М. : Юрид. лит., 1986. 159 с.

© Бондарь М. М., 2023

УДК 343.1

Валюлин Р. Р. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России (Россия, г. Барнаул)

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СВИДЕТЕЛЕЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

TO THE QUESTION OF PROBLEMS OF SUPPORT SAFETY OF WITNESSES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье рассматриваются такие проблемы государственной защиты свидетелей, как обеспечение тайны личных данных свидетелей в ходе предварительного расследования и судебного заседания, отсутствие установленных законодательством сроков и порядка принятия мер по государственной защите свидетелей, отсутствие критериев отбора свидетелей, подлежащих государственной защите. В результате сформулирован вывод о том, что на сегодняшний день нельзя сказать об эффективности мер, принимаемых для обеспечения защиты свидетелей. Знание и устранение проблем, связанных с обеспечением безопасности свидетелей, необходимо для наиболее быстрого и эффективного раскрытия и расследования различного рода преступлений.

Abstract. The article deals with such problems of state protection of witnesses as ensuring the secrecy of personal data of witnesses during the preliminary investigation and court hearing, the lack of time limits and procedures established by law for taking measures for state protection of witnesses, the absence of criteria for selecting witnesses subject to state protection. As a result, the conclusion is formulated that today it is impossible to say about the effec-

tiveness of measures taken to ensure the protection of witnesses. Knowledge and elimination of problems related to ensuring the safety of witnesses is necessary for the most rapid and effective disclosure and investigation of various types of crimes.

Ключевые слова: свидетель, государственная защита, меры безопасности, защита свидетелей, личные данные.

Keywords: witness, state protection, security measures, witness protection, personal data.

На сегодняшний день одной из основных общественных проблем является возрастание числа различного рода преступлений. Пытаясь избежать ответственности за совершенные преступления, преступники готовы к высказыванию различного рода угроз, применению насилия, уничтожению имущества и другому давлению на участников уголовного судопроизводства, изобличающих их в совершении преступлений. Согласно статистическим данным в большинстве случаев в государственной защите нуждаются свидетели. Свидетель – это источник доказательств, непосредственный носитель информации, которая имеет значение для расследования и раскрытия преступлений [4, с. 167].

Согласно ст. 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают, принимаются меры безопасности, предусмотренные ст. 66, 186, 193, 241, 278 УПК РФ, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации, в частности Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Однако государственная защита не во всех случаях способна обезопасить лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, в том числе и свидетелей.

Актуальность выбранной темы заключается в потребности изучения проблем, которые могут возникнуть в процессе реализации государственной защиты свидетелей. Практическая значимость обусловлена необходимостью разработки эффективных мероприятий, способных обеспечить реальную защиту свидетелей. Е. Ф. Мельникова обращает особое внимание на проблемы обеспечения безопасности свидетелей в уголовном судопроизводстве. Она считает, что свидетели, опасаясь за свою жизнь и здоровье, отказываются предоставлять правдивые показания, имеющие значение для расследования и раскрытия преступлений [3, с. 258].

Свидетели, являющиеся участниками уголовного судопроизводства, с каждым годом все больше нуждаются в государственной защите. На наш

взгляд, это связано с ростом тяжких и особо тяжких преступлений, а также с подготовленностью преступников и укреплением чувства безнаказанности за свои деяния. Государственная защита – это комплекс мер, направленных на сохранение жизни, здоровья и имущества участников уголовного судопроизводства.

Анализ научно-методической литературы, а также материалов судебной практики позволяет нам выделить следующие проблемы обеспечения безопасности свидетелей в уголовном судопроизводстве.

Обеспечение тайны личных данных – это наиболее существенная проблема в области обеспечения безопасности свидетелей. Известны случаи, когда происходила «утечка» засекреченной информации, в результате чего личность свидетелей становилась известной для преступных лиц [2, с. 55–57].

Кроме того, становится затруднительным сохранение информации о личности свидетеля в ходе судебного заседания. В практике имели место случаи, когда сторона защиты ссылалась на то, что показания свидетеля, данные о котором засекречены, являются недопустимыми [5, с. 167]. Есть мнение, что использование псевдонима не целесообразно, так как подсудимый будет находиться в неравном положении со стороной обвинения, в результате чего нарушается принцип равноправия и состязательности сторон [7, с. 179].

Следующая проблема связана с отсутствием установленных законодательством сроков, а также порядка принятия мер по государственной защите свидетелей [6, с. 175]. Существование вышеуказанной проблемы может привести к промедлению принятия мер, а соответственно, подвергнуть жизнь, здоровье и имущество свидетелей опасности. И. С. Белогай отмечает, что период времени, за которое необходимо принять всевозможные меры по защите свидетелей – 24 часа [1, с. 275].

В зарубежном опыте организации государственной защиты свидетелей есть определенные критерии отбора участников, подлежащих государственной защите. Например, под государственную защиту автоматически попадают свидетели по делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков [6, с. 175]. В российском законодательстве не предусмотрена возможность автоматической государственной защиты по определенной категории уголовных дел, что является еще одной проблемой государственной защиты свидетелей [4, с. 259]. В Российской Федерации основной критерий необходимости защиты государства – это достаточные данные об угрозах убийством, применения насилия, уничтожения или повреждения имущества либо иных опасных противоправных деяний.

Немаловажным является поведенческий аспект граждан, попадающих под государственную защиту свидетелей. Правоведы отмечают, что были случаи, когда свидетели давали заведомо ложные показания. Это еще один весомый недостаток, который может привести к судебной ошибке, а

также вынесению несправедливого приговора в отношении подсудимого [4, с. 260]. Э. Э. Галимов предлагает добавить в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) статью в отношении лиц, участвующих в программах по защите свидетелей, которая бы устанавливала ответственность за лжесвидетельство [3, с. 65].

Разработка различного рода программ по защите свидетелей является вполне обычным опытом в странах Европы и Соединенных Штатах Америки. Что касается России, правоведы, изучающие проблемы обеспечения безопасности свидетелей, уверены, что использование зарубежного опыта является нереальным [7, с. 179]. Это объясняется многочисленными денежными затратами, а также недостаточным нормативным урегулированием. Кроме того, необходимо отметить, что институт защиты свидетелей в зарубежных странах существует уже больше 30 лет, в то время как отечественный опыт является менее долговременным – около 12 лет [6, с. 174].

Таким образом, на сегодняшний день нельзя сказать об эффективности мер, принимаемых для обеспечения защиты свидетелей. Это связано с различного рода факторами: техническим, законодательным и организационным. Немаловажным является устранение не только имеющихся проблем, но и выработка новых мер, направленных на защиту свидетелей, например, заимствование некоторого зарубежного опыта в области обеспечения государственной защиты, а также совершенствование уже имеющегося законодательства.

На наш взгляд, знание и устранение проблем, связанных с обеспечением безопасности свидетелей, необходимо для наиболее быстрого и эффективного раскрытия и расследования различного рода преступлений, как на территории региона, так и всей страны.

Библиографический список

1. Белогай И. С. Государственная защита участников уголовного судопроизводства // Новая наука : стратегии и векторы развития. 2016. № 11. С. 273–276.

2. Валюлин Р. Р., Кохан Т. В. Проведение следственных действий при применении мер безопасности // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции. М., 2022. С. 55–57.

3. Галимов Э. Э. Некоторые вопросы государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства / Э. Э. Галимов, Н. Н. Файзуллин // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2018. № 28. С. 64–67.

4. Мельникова Е. Ф. Реалии применения законодательства о государственной защите // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 253–260.

5. Серебряков А. В. Государственная защита участников уголовного судопроизводства // Сборник статей III Международной научной практической конференции. Пенза, 2018. С. 166–168.

6. Соколов Д. С. Некоторые проблемы, возникающие при принятии решения о применении мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 173–176.

7. Чурикова С. Д. Проблемы защиты прав свидетелей в Российской Федерации // Сборник статей III Международной научной практической конференции. 2018. № 4. С. 178–180.

© Валюлин Р. Р., 2023

УДК 343.1

Васильева Н. Л. – доцент кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Хабаровск)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

CURRENT PRODUCTION PROBLEMS ACCIDENT SITE INSPECTION

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются проблемы, связанные с производством осмотра места происшествия в российском законодательстве. Автор обращает внимание на то, что неоднозначность правового регулирования осмотра места происшествия порождает отсутствие однозначного ответа на вопрос о том, что же является основанием для производства осмотра места происшествия.

Abstract. This article discusses the problems associated with the inspection of the scene of the incident in the Russian legislation. The author draws attention to the fact that the ambiguity of the legal regulation of the inspection of the scene of the incident generates the lack of an unambiguous answer to the question of what is the basis for the inspection of the scene of the incident.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, осмотр местности, следственное действие, правовое регулирование, процессуальный акт.

Keywords: inspection of the scene, inspection of the area, investigative action, legal regulation, procedural act.

Несмотря на то, что ст. 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), в рамках которой упоминается возможность производства осмотра места происшествия наряду с осмотром местности, предметов, документов, а также жилья именуется как «основания производства осмотра», все же непосредственные процессуальные основания для производства данных следственных действий не закреплены, и для каждого вида осмотра они уникальны.

Так, в соответствии с ч. 5 ст. 177 УПК РФ осмотр жилища может быть проведен либо с согласия проживающих, либо на основании судебного решения по уже возбужденному уголовному делу, так как осуществление осмотра без дачи на это согласия жильцов или без такого разрешающего судебного акта влечет за собой нарушение конституционных и гражданских прав и свобод человека и гражданина на частную собственность и неприкосновенность жилища. В связи с этим обнаруженные и изъятые в ходе неправомерного осмотра предметы не будут иметь доказательственное значение, поскольку будут признаваться недопустимыми [2, с. 17].

Исходя из буквального толкования ч. 2 ст. 176 УПК РФ, осмотр места происшествия может быть произведен до возбуждения уголовного дела. В то же время жилье также может выступать потенциальным местом происшествия, в связи с чем можно сделать вывод о том, что производство осмотра места происшествия, в качестве которого выступает жилое помещение, может быть осуществлено и без такого согласия жильцов, а равно без положительного решения суда, однако лишь в случаях, не терпящих отлагательств – например, когда у входа в квартиру имеются предположительно следы крови или у вышедшего на контакт жильца на теле или одежде также имеются следы преступления. Очевидно, что отложение производства осмотра приведет к тому, что лицо осуществит сокрытие трупа, предметов и следов преступного посягательства.

Неоднозначность правового регулирования осмотра места происшествия порождает отсутствие однозначного ответа на вопрос о том, что же является основанием для производства осмотра места происшествия.

По мнению ученого-процессуалиста В. В. Радзевановской, для основания осмотра места происшествия необходимо вынесение процессуального акта в виде решения следователя или дознавателя, после чего правоохранные службы могут приступать к непосредственному производству следственного действия [3, с. 81].

Сложно согласиться с данной позицией, так как представить ситуацию на практике, когда патрулирующие сотрудники, обнаружив преступ-

ное посягательство или его следы, прежде чем осуществить осмотр места происшествия для выявления признаков преступления и дальнейшей передачи сведений для возбуждения уголовного дела, вынуждены были бы передать сообщение о возможном совершенном преступлении для вынесения соответствующего акта следователем или дознавателем, и после его получения провели бы осмотр места происшествия.

В действительности это не так, ведь это порождало бы процессуальные и временные издержки, и более того, для проведения осмотра места происшествия уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает обязательным вынесение решения, постановления или иного акта следователем, дознавателем и уж тем более судом.

Профессор А. П. Рыжаков также отмечает, что для производства осмотра места происшествия вынесение постановления следователем, дознавателем или руководителем органа дознания, руководителем подразделения дознания не требуется [4].

В связи с этим можно прийти к выводу, что основанием для производства осмотра места происшествия является поступившее в производство правоохранительного органа сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, а равно обнаруженные следы или иные признаки преступления, ставшие известными для сотрудников полиции в рамках осуществления ими служебных полномочий (например, при проведении проверок или при осуществлении патрулирования).

Также в рамках производства осмотра места происшествия особо остро стоит вопрос о границах данного процессуального действия, которые не определены уголовно-процессуальным законодательством.

Можно отметить проблему в отношении процессуальных особенностей изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве осмотра места происшествия, ведь в п. 3 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ изложено, что носитель информации и информация, хранящаяся на нем, могут быть изъяты у владельца при проведении любого следственного действия при условии, что по заявлению специалиста не осуществление изъятия или копирования может повлечь за собой утрату или изменение информации о совершенном или готовящемся преступлении [1, с. 916]. Это означает буквально то, что изъятие и копирование информации могут быть осуществлены в рамках осмотра места происшествия в любых случаях, ведь очевидно, что владелец может ее удалить или изменить [3, с. 82].

В таком случае изъятие носителя информации и копирование информации с него возможны без решения суда, ведь в п. 3 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ у следователя с участием специалиста изложены более обширные процессуальные права, которые позволяют осуществить буквально иное следственное действие – выемку в ходе осмотра места происшествия.

При этом очевидны нарушения прав лица, у которого были изъяты носители информации. Так происходит неправомерное расширение процессуальных полномочий следователем при осуществлении осмотра места происшествия, когда оно фактически заменяется выемкой, которая может производиться только после возбуждения уголовного дела, а также по постановлению следователя или на основании решения суда, если проводится непосредственно в жилище.

На основании проведенного комплексного анализа можно прийти к выводу о существовании множества неразрешенных вопросов процессуального производства осмотра места происшествия, что в особенности становится актуальным в эпоху цифровизации общественных отношений, а также во время роста количества совершенных киберпреступлений.

Осмотр места происшествия как следственное действие призван в первую очередь до возбуждения уголовного дела сформировать и зафиксировать обстановку совершения преступления, а также определить первичную доказательственную базу из следов, предметов и документов.

Библиографический список

1. Архипова А. А. Разграничение обыска и осмотра в жилище: вопросы теории и практики // Эволюция российского права. 2022. № 20. С. 916.

2. Васильева Н. Л., Шевченко А. А. К вопросу о понятии, сущности и признаках следственных действий // Двадцатилетний опыт применения УПК РФ: современное состояние и тенденции развития уголовно-процессуального законодательства в России : сборник статей Межрегиональной научно-практической конференции. Хабаровск : Хабаровский филиал ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», 2022.

3. Радзевановская В. В. Проблема определения места происшествия в системе следственных действий // Актуальные вопросы экономических и гуманитарных наук : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Димитровград, 2018. С. 81.

4. Рыжаков А. П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2014. URL: <https://docs.cntd.ru/documeNt/420226961> (дата обращения: 14.02.2023).

© Васильева Н. Л., 2023

Васильченко А. В. – доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РАСКРЫТИИ
И РАССЛЕДОВАНИИ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ,
СОВЕРШЕННЫХ НА СЕКСУАЛЬНОЙ ПОЧВЕ**

**PROBLEMATIC ASPECTS OF THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE
IN THE DETECTION AND INVESTIGATION
OF SERIAL MURDERS COMMITTED ON SEXUAL GROUNDS**

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее распространенные специальные исследования, используемые при раскрытии и расследовании серийных сексуальных убийств. Дается оценка эффективности применяемых методов. Описываются затруднения, возникающие при использовании специальных знаний в поиске преступника. Рассматриваются вопросы применения системного подхода при расследовании серийных преступлений, оптимизации процесса сбора доказательств, сведения к минимуму ошибок, допускаемых в ходе предварительного расследования.

Abstract. The article discusses the most common special investigations used by the investigation in the detection and investigation of serial sexual murders and assesses the effectiveness of the methods used. The difficulties that arise when using special knowledge in the search for a criminal are described. The issues of applying a systematic approach to the investigation of serial crimes, optimizing the process of collecting evidence, minimizing errors made during the preliminary investigation are considered.

Ключевые слова: предварительное расследование, серийные сексуальные убийства, ошибки следователя, специальные знания.

Keywords: preliminary investigation, serial sexual murders, mistakes of the investigator, special knowledg.

Среди всех возможных видов убийств убийства, совершенные на сексуальной почве, обладают наибольшей жесткостью, аморальностью. Нередко данные деяния носят серийный характер и совершаются в отношении детей и подростков, что влечет огромный общественный резонанс и эмоциональный всплеск в обществе.

Раскрытие данной категории преступлений представляет собой многогранный и сложный процесс. Для решения всех вопросов используются

знания таких наук, как криминалистика, криминология, судебная медицина, оперативно-розыскная деятельность, психология, психиатрия.

Несмотря на достижения современной науки, проблема раскрытия и расследования убийств, совершенных на сексуальной почве, сохраняет свою актуальность. Раскрытие и расследование преступлений подобного рода сопряжено с рядом проблем, имеющих системный характер. Это негативным образом сказывается как на сроках расследования, так и на его эффективности в целом. Если рассматривать практику расследования, то можно провести закономерность в том, что все ошибки и трудности возникают в связи с поздним выявлением признаков серийности, недостаточно эффективным использованием специальных знаний [2, с. 106].

Эффективным методом раскрытия и расследования убийств, совершенных на сексуальной почве, является исследование, в ходе которого проводится сравнительное исследование генетических признаков объекта с генетическими признаками следов, обнаруженных на месте преступления. К преимуществам метода относятся возможность забора материала даже при выраженных гнилостных изменениях и скелетировании трупа. Поисковая система «Ксенон-2» позволяет проводить обработку геномной информации, в том числе получение, систематизацию, накопление, хранение, изменение, использование, передачу и уничтожение геномной информации, хранящейся в виде электронной базы данных. Однако не следует забывать, что идентификация личности методом полимеразной цепной реакции ДНК невозможна без сравнительного материала. Принятие Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 8-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственной геномной регистрации в Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] позволило расширить категории лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации, которые дополнены всеми осужденными и отбывающими наказание в местах лишения свободы лицами, независимо от вида совершенного преступления, лицами, подозреваемыми или обвиняемыми в совершении преступлений, а также лицами, подвергнутыми административному аресту. Расширение категории лиц, подлежащих обязательному учету, позволит значительно увеличить базу данных системы «Ксенон 2» и существенно повысить раскрываемость преступлений, том числе прошлых лет.

При расследовании таких видов убийств большое внимание уделяется профилингу – составлению психологического портрета серийного преступника. Данной теме посвящено множество публикаций, предложены авторские методики профилинга, разработана автоматизированная информационная поисковая система «Монстр». Однако эффективность данных методов не доказана и носит декларативный характер.

Важное доказательное значение имеет судебно-медицинская экспертиза трупа. Характер повреждений, причиненных телу, позволяет пред-

положить садистский мотив деяния, а также изъять генетический материал для молекулярно-генетической экспертизы.

Комплексная сексолого-психиатрическая экспертиза определяет структуру личности, мотивы поведения, вменяемость преступника, решить вопрос о необходимости назначения ему принудительных мер медицинского характера. Однако данный вид исследований возможен уже после поимки убийцы и не оказывает влияния на его розыск.

Важное значение имеет эффективное исследование микрообъектов, обнаруженных на месте происшествия. Обнаружение микроволокон на вещах, принадлежащих преступнику, схожих по принадлежности с материалом одежды потерпевших, или микрообъектов от вещей на теле и одежде жертвы в комплексе с другими доказательствами указывают на виновность подозреваемого.

Предлагаемые авторские методики гипнотического опроса и когнитивного интервью не нашли широкого практического применения при расследовании.

В качестве перспективного рассматривается метод топографического анализа – анализ места преступления с помощью математического моделирования, основанного на данных криминалистики, криминологии, географии, психологии для развития географического профилирования [3, с. 77].

Таким образом, проблемы раскрытия и расследования убийств, совершенных по сексуальным мотивам, обусловлены целым рядом обстоятельств: недоказанная эффективность и недостаточная осведомленность сотрудников правоохранительных органов о предлагаемых методиках поиска преступника, отсутствие информации об аналогичных преступлениях и запоздалое их отнесение к разряду серийных, низкий процент информации о декретированных группах и населении в целом, занесенной в базы криминалистических учетов.

Вышеизложенное указывает на необходимость пересмотра методик поиска преступника с недоказанной эффективностью, повышения уровня профессиональной компетентности сотрудников правоохранительных органов в части, касающейся раскрытия и расследования серийных убийств на сексуальной почве, расширения и систематизации баз криминалистических учетов.

Библиографический список

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 8–ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.02.2023).

2. Васильченко А. В. К вопросу об использовании специальных знаний в области психологии, сексологии и психиатрии при раскрытии и расследовании серийных сексуальных убийств // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 2 (92). С. 106–112.

3. Парфенов А. А. Факторы, влияющие на выбор места совершения преступления, как элемент криминального поведения серийных убийц и их значение в практике реализации географического профилирования в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник. 2021. № 1 (5). С. 76–82.

© Васильченко А. В., 2023

УДК 343.1

Воронина Н. А. – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя (Россия, г. Москва)

ЗНАЧЕНИЕ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПОТЕРПЕВШЕМУ ПРАВА НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ

THE SIGNIFICANCE OF THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL PROCEEDINGS IN GUARANTEEING THE INVOLVED'S RIGHT TO ACCESS TO JUSTICE

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются доводы относительно «за» и «против» отмены стадии возбуждения уголовного дела в контексте ее значения для обеспечения потерпевшему права на доступ к правосудию. Делаются выводы о необходимости сохранения стадии, так как она выступает «движущей силой», содержащей в себе необходимые элементы, позволяющие добиться реализации права на доступ к правосудию.

Abstract. This article examines the arguments for and against the abolition of the stage of initiation of criminal proceedings in the context of its significance for ensuring the victim's right to access to justice. Conclusions are drawn about the need to preserve the stage, since it acts as a “driving force” containing the necessary elements to achieve the realization of the right to access to justice.

Ключевые слова: доступ к правосудию, потерпевший, стадия возбуждения уголовного дела, право потерпевшего на доступ к правосудию, уголовное судопроизводство.

Keywords: access to justice, victim, stage of initiation of criminal proceedings, victim's right to access to justice, criminal proceedings.

В настоящее время пользуется актуальностью вопрос, связанный с обеспечением доступа к правосудию, в силу того что он до конца не исследован, даже несмотря на тот факт, что доступ к правосудию выступает предметом научного исследования не только теории уголовного процесса, но других отраслей науки. Предлагаем в рамках данной статьи проанализировать влияние стадии возбуждения уголовного дела на возможность обеспечения потерпевшему доступа к правосудию.

Так, существует ряд дискуссионных вопросов: имеет ли значение для обеспечения потерпевшему права на доступ к правосудию стадия возбуждения уголовного дела или все-таки нет? Ограничивает или обеспечивает данная стадия доступ к правосудию? Эти вопросы не нашли своего однозначного ответа, даже несмотря на то, что исследованию стадии возбуждения уголовного дела посвящено немало научных трудов.

Действительно, стадия возбуждения уголовного дела вызывает интерес не только у представителей научной общественности, но и у правоприменителей, ввиду несовершенства ее правовой конструкции. Отметим, что она неоднократно подвергалась критике относительно отсутствия в ее механизмах достаточных гарантий для доступа к правосудию.

Так, в науке уголовного процесса до сих пор ведутся дискуссии относительно того, есть ли необходимость в этой стадии. Одни ученые настроены радикально и поддерживают позицию, связанную с ее отменой, другие категорически против такого подхода и высказываются о ее сохранении.

Предлагаем рассмотреть позиции ученых более подробно. Считаем, что это позволит прийти к устойчивому пониманию значения стадии возбуждения уголовного дела для обеспечения потерпевшему права на доступ к правосудию. Такой подход к исследованию проблемы позволит ответить на вопросы, которые были нами обозначены в самом начале статьи.

Ученые, отстаивающие позицию, связанную с сохранением стадии возбуждения уголовного дела, отмечают ее важность для защиты прав и законных интересов граждан и процессуальной экономии. По их мнению, имеется высокая вероятность укрепления средств достижения задач данной стадии (например, расширения круга следственных действий, допустимых до возбуждения уголовного дела, укрепления процессуального статуса участников данного этапа).

Подчеркивая важность сохранения стадии возбуждения уголовного дела, Б. Б. Булатов отмечал: «для российского уголовного процесса стадия возбуждения дела жизненно необходима» [1, с. 132].

Следует согласиться с мнением ученого, ведь на данной стадии создается возможность для реализации доступа к правосудию посредством

обращения в органы с заявлением о преступлении. Также на этой стадии (хотя и на завершающем этапе, при принятии решения о возбуждении уголовного дела) лицо наделяется соответствующим процессуальным статусом, в частности потерпевший становится полноправным участником уголовного процесса, ведь с уголовно-процессуальной позиции моментом приобретения лицом статуса потерпевшего является вынесение постановления о признании потерпевшим незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела. Справедливо отметила Л. Н. Масленникова: «Доступ к правосудию на начальном этапе уголовного судопроизводства обеспечивается государством путем возбуждения уголовного дела...» [4, с. 138]. С позицией ученого сложно не согласиться, ведь уголовный процесс имеет публично-правовую природу, поэтому принятие того или иного решения связано с волеизъявлением властных субъектов уголовного процесса.

О. В. Химичева и Д. В. Шаров придерживаются позиции о нецелесообразности отказа от стадии возбуждения уголовного дела. Ученые указывают на необходимость ее реформирования, но не полной ликвидации. По их мнению, содержание стадии противоречит ее задачам. Также ученые справедливо отметили, что в поиске путей ее реформирования необходимо следовать народной мудрости: семь раз отмерь, один – отрежь [6, с. 146].

По мнению О. В. Мичуриной, ликвидация стадии возбуждения уголовного дела недопустима [5, с. 59]. Полностью разделяем данную точку зрения. Видится, что отказ от этой стадии приведет к ограничению конституционного права на доступ к правосудию, что недопустимо для правового государства, каким признает себя Российская Федерация.

Ряд других исследователей отстаивают противоположную точку зрения, связанную с необходимостью упразднения стадии возбуждения уголовного дела. Мнение авторов сводится к тому, что на этой стадии в большей степени происходит ограничение и нарушение прав граждан, в том числе права на доступ к правосудию.

По убеждению А. П. Кругликова, стадия возбуждения уголовного дела вовсе не нужна. Ученый указывает, что механизмы, имеющиеся на стадии уголовного дела, должны стать началом предварительного расследования [2, с. 57]. Позволим себе не согласиться с данной точкой зрения, так как стадия возбуждения уголовного дела представляет собой стартовую позицию, в которой определяется наличие или отсутствие оснований для проведения предварительного расследования ввиду наличия или отсутствия признаков преступления.

Итак, стадия возбуждения уголовного дела позволяет обеспечить доступ к правосудию, несмотря на имеющиеся позиции относительно ее ликвидации. Бесспорно, что не все механизмы уголовного судопроизводства совершенны, однако недопустимо категорически подходить к разрешению пробелов.

Стадия возбуждения уголовного дела устанавливает условия для реализации потерпевшим права на доступ к правосудию, в свою очередь, эти условия выступают гарантом от беззакония. Так, одним из условий в процедуре признания лица потерпевшим является срок признания лица потерпевшим (незамедлительно после возбуждения уголовного дела). В свою очередь, своевременность признания лица потерпевшим выступает гарантией реализации потерпевшим права на доступ к правосудию.

В одном из своих исследований К. Л. Литвиненко определяет стадию возбуждения уголовного дела с запускающим механизмом [3, с. 26]. Считаем, что с данной позицией необходимо согласиться при условии определения доступа к правосудию как некоего базиса (первоначала), позволяющего добиться реализации права на судебную защиту. По нашему мнению, если определять доступ к правосудию именно таким образом, то следует отметить, что стадия возбуждения уголовного дела выступает перво-степенной основой для реализации доступа к правосудию. Именно от того, насколько полно будет реализовано конституционное право потерпевшего на досудебных стадиях, определяется дальнейший ход дела в суде.

Подводя итог, отметим, что возбуждение уголовного дела является «движущей силой», содержащей в себе необходимые элементы, позволяющие обеспечить потерпевшему право на доступ к правосудию. Отметим, что от своевременности, а также качества функционирования элементов, наполняющих механизм стадии возбуждения уголовного дела напрямую, зависит реализация потерпевшим этого права. Проще говоря, законное, обоснованное и своевременное возбуждение уголовного дела и, как следствие, признание лица потерпевшим – неперемненное условие обеспечения потерпевшему права на доступ к правосудию.

Библиографический список

1. Булатов Б. Б. Процессуальное положение лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность : монография. М., 2013. С. 132.
2. Кругликов А. П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современной уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011. № 6. С.56–59.
3. Литвиненко К. Л. Стадия возбуждения уголовного дела способствует или препятствует реализации права граждан на доступ к правосудию? // Российский следователь. 2010. № 16. С. 26–28.
4. Масленникова Л. Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы российского права. № 6. 2019. С.137–146.

5. Мичурина О. В. Эволюция порядка рассмотрения сообщения о преступлении: от доследственной проверки до квазирасследования // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 56–60.

6. Химичева О. В., Шаров Д. В. Стадия возбуждения уголовного дела : семь раз отмерь, один – отрежь // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 4. С. 144–147.

© Воронина Н. А., 2023

УДК 343.1

Гаджиалиева А. Т. – адъюнкт адъюнктуры Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

**ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ
В СЛУЧАЕ ОТСУТСТВИЯ РЕАЛЬНОЙ ВОЗМОЖНОСТИ
УЧАСТИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ИЛИ ОБВИНЯЕМОГО
В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ**

**SUSPENSION OF PROCEEDINGS ON A CRIMINAL CASE IF THERE
IS NO REAL POSSIBILITY FOR THE PARTICIPATION
OF A SUSPECTED OR ACCUSED IN A CRIMINAL CASE**

Аннотация. Автор изучаются проблемы применения основания приостановления предварительного расследования, предусмотренного п. 3 ч. 1 ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. На основе анализа правоприменительной практики, а также с учетом имеющихся научных исследований по указанному вопросу автором предлагаются рекомендации по совершенствованию рассматриваемой правовой нормы.

Abstract. The author studies the problems of applying the grounds for suspension of the preliminary investigation, provided for in paragraph 3 of part 1 of Art. 208 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Based on the analysis of law enforcement practice, as well as taking into account the available scientific research on this issue, the author offers recommendations for improving the considered legal norm.

Ключевые слова: приостановление предварительного следствия, предварительное расследование, подозреваемый, обвиняемый.

Keywords: suspension of the preliminary investigation, preliminary investigation, suspect, accused.

Защита прав, интересов потерпевших в уголовном процессе немыслима без быстрого и полного расследования и раскрытия совершенного преступления. Однако в рассматриваемой части необходимо указать на наличие негативной тенденции, связанной со снижением уровня раскрываемости преступлений на фоне значительного увеличения количества возбужденных уголовных дел. Так, в 2022 г. из 1 966 795 зарегистрированных преступлений было раскрыто лишь 1 035 496 (52,6 %). Остальная часть преступлений осталась нераскрытой в отчетном периоде [6]. При этом в силу определенных обстоятельств не по всем уголовным делам оканчивается предварительное расследование.

Указанная негативная тенденция оказывает непосредственное влияние на уровень преступности в стране, препятствует защите нарушенных прав и интересов граждан. В таких условиях свое распространение получает идея о безнаказанности лиц, совершивших преступление.

Кроме того, при наличии определенных уголовно-процессуальным законом обстоятельств, препятствующих своевременному и полному расследованию совершенного преступления органами дознания, следствия выносится постановление о приостановлении предварительного расследования. После отпадения указанных обстоятельств производство по уголовному делу должно быть возобновлено.

Вместе с тем несовершенство положений действующего уголовно-процессуального законодательства не позволяет достичь назначения уголовного судопроизводства. Наличие нераскрытого преступления – препятствие для восстановления социальной справедливости. В таких условиях предварительное расследование по уголовному делу остается незавершенным. В качестве одного из обстоятельств, с которым законодатель связывает приостановление предварительного следствия, выступают случаи, когда место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует (п. 3 ч. 1 ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)).

Названный пункт был введен в ст. 208 УПК РФ в 2002 г. Однако до настоящего времени законодатель не дал разъяснений относительно условий, порядка применения данного основания для приостановления предварительного следствия. Так, дискуссионным признается вопрос о том, что следует понимать под категорией «отсутствие реальной возможности», а потому не исключается формирование противоречивой судебной практики в рассматриваемой части. В связи с отсутствием разъяснений законодателем оснований для приостановления по данному пункту, на практике могут возникнуть ситуации, когда органы предварительного расследования могут приостановить производство по уголовному делу в отсутствии достаточных законных на то оснований.

На практике также встречаются ситуации, когда постановление о приостановлении производства по уголовному делу выносится неоднократно. Так, по одному из уголовных дел указанный акт выносился следователем семь раз, однако все из постановлений отменялись руководителем следственного органа как незаконные [5].

В свою очередь, в качестве обстоятельств, препятствующих возможности реального участия лица в уголовном судопроизводстве по рассматриваемому основанию, правоприменителями признаются следующие обстоятельства. Так, при расследовании кражи, совершенной П., производство предварительного расследования было приостановлено в связи с нахождением подозреваемого в исправительной колонии. Впоследствии предварительное следствие было возобновлено и по его окончании поступило в суд с обвинительным заключением [2].

По другому уголовному делу по факту совершения У. преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 292 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), группой следователей, которым было поручено производство расследования, было приостановлено производство по делу, поскольку обвиняемый находился на лечении [4].

Е. С. Кудряшова соглашается с предложением ряда авторов (И. О. Антонова, А. Ю. Верина, М. Е. Клюкова, Р. В. Шагиева [1, с. 115]) о необходимости дополнения ст. 5 УПК РФ категорией «отсутствие реальной возможности участия обвиняемого (подозреваемого) в производстве по уголовному делу» [3, с. 26]. Авторы предлагают раскрывать содержание указанного понятия через ряд обстоятельств, препятствующих реальной возможности участия подозреваемого, обвиняемого в уголовном процессе. В качестве примеров данных обстоятельств приводятся: нахождение лица в местности, отдаленной от места производства по уголовному делу, необходимость проведения процедур, направленных на лишение иммунитета, выдачу иностранному государству.

Также Е. С. Кудряшова предлагает дополнить перечень оснований приостановления предварительного расследования по п. 3 ч. 1 ст. 238 УК РФ таким основанием, как направление запроса в Конституционный Суд Российской Федерации [3, с. 26]. Данное предложение может быть признано целесообразным. Так, современный законодатель наделяет суды полномочиями на направление запросов в Конституционный Суд Российской Федерации. В свою очередь, органы предварительного расследования указанным правом не наделены, а потому при необходимости обращения в Конституционный Суд Российской Федерации следует соблюсти достаточно сложную процедуру направления запроса. Кроме того, данная процедура требует существенных временных затрат, что при расследовании совершенного преступления может привести к негативным последствиям (например, утрата доказательств).

Решение рассматриваемой проблемы видится в наделении органы предварительного расследования правом на самостоятельное обращение в Конституционный Суд Российской Федерации с запросами о проверке положений действующего законодательства на соответствие нормам Конституции Российской Федерации.

Соответственно, понятие «отсутствие реальной возможности» можно раскрывать через наличие ситуаций, препятствующих привлечению обвиняемого (подозреваемого) для участия в уголовном процессе по объективным причинам. Совокупность таких причин связывается со спецификой местонахождения данного лица. В качестве примеров указанных ситуаций можно рассматривать: нахождение лица за пределами Российской Федерации (в связи с командировкой, учебой и т. п.), нахождение в дальнем плавании, экспедиции, стихийные бедствия на территории, где находится указанное лицо, и др.

Вместе с тем, учитывая современные реалии, законодатель не предусматривает возможность продолжения предварительного расследования уголовного дела, прибегая к использованию цифровых технологий. Данные обстоятельства могут приводить к тому, что органы предварительного расследования могут принимать все возможные меры, направленные на всестороннее и полное расследование и раскрытие совершенного преступления.

Следует уделить внимание также тому аспекту, что законодатель в рассматриваемой правовой норме упоминает только обвиняемого, подозреваемого. Что же касается стороны обвинения, то указанные лица не называются в данной правовой норме [7, с. 101–102].

Вместе с тем данный подход законодателя следует признать необоснованным, приводящим к ограничению прав и интересов потерпевших. Для решения рассматриваемой проблемы предлагается изложить п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в следующей редакции: «место нахождения подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле, в том числе и посредством использования систем видео-конференц-связи, отсутствует».

Библиографический список

1. Антонова И. О., Верина А. Ю., Клюкова М. Е., Шагиева Р. В. Трансформация института приостановления производства по уголовному делу в стадии предварительного расследования // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 4(51). С. 113–116.
2. Апелляционное постановление Владимирского областного суда № 22-1480/2020 от 3 сентября 2020 г. URL: <https://clck.ru/33RRH9> (дата обращения: 01.02.2023).

3. Кудряшова Е. С. О некоторых вопросах функционирования института приостановления предварительного расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 24–29.

4. Приговор Коряжемского городского суда от 25 февраля 2020 г. по делу № 1-147/2019. URL: <https://clck.ru/33RRWs> (дата обращения: 01.02.2023).

5. Решение Тверского областного суда от 24 июля 2020 г. по делу № 3А-125/2020. URL: <https://clck.ru/33RRRM> (дата обращения: 01.02.2023).

6. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 01.02.2023).

7. Латыпов В. С. Институт приостановления предварительного расследования : вопросы теории и нормативного регулирования // LEXRUS-SICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2022. Т. 75. № 10 (191). С. 95–104.

© Гаджиалиева А. Т., 2023

УДК 343.13

Григорьев В. Н. – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (Россия, г. Москва)

О ПРЕДМЕТНОСТИ СРЕДСТВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ON THE OBJECTIVENESS OF MEANS OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

Аннотация. В статье обосновывается недопустимость бесконтрольного включения в законодательство норм, рассчитанных на какие-то единичные ситуации либо на отдельные конкретные виды преступлений, а тем более на деяния, таковыми не являющимися. На примере отечественного и зарубежного законодательства делается вывод о том, что необходимо исключить по возможности из законодательства привязку норм об универсальных видах (институтах) деятельности к конкретным единичным ситуациям либо отдельным конкретным видам преступлений. Это относится к регулированию как уголовно-процессуальной, так и оперативно-розыскной деятельности.

Abstract. The article substantiates the inadmissibility of uncontrolled inclusion in the legislation of norms designed for some isolated situations or for certain specific types of crimes, and even more so for acts that are not such. Us-

ing the example of domestic and foreign legislation, it is concluded that, if possible, from the legislation the binding of norms on universal types (institutions) of activity to specific isolated situations or certain specific types of crimes, and even more so to acts that are not such. This applies both to the regulation of criminal procedural and operational-search activities.

Ключевые слова: законодательство, нормы, уголовно-процессуальная деятельность, оперативно-розыскная деятельность, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Закон Республики Армения от 19 ноября 2007 г. № ЗР-223 «Об оперативно-розыскной деятельности».

Keywords: legislation, norms, criminal procedure activity, operational-search activity, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, The Law of the Republic of Armenia of November 19, 2007, № ЗР-223 “On Operational investigative activities”.

Вовлечение в процесс подготовки и совершенствования законодательства о деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью – явление, безусловно, положительное. Такой подход позволяет учесть нюансы работы, неочевидные для сотрудников, не обладающих узкой специализацией. Вместе с тем бесконтрольное включение в законодательство норм, рассчитанных на какие-то единичные ситуации либо на отдельные конкретные виды преступлений, а тем более на деяния таковыми не являющимися, также недопустимо в силу правил о научных основаниях уголовно-правового запрета [5, с. 189; 1, с. 17].

Так, представляется не вполне точной позиция автора теории об участии прокурора в уголовном преследовании по делам о преступлениях террористической направленности относительно повода и основания возбуждения уголовного дела в разрезе дел о преступлениях террористической направленности. З. Ш. Гатауллин, в частности, пишет: «С недавнего времени предусмотрена процедура проверки информации о преступлениях по ст. 198–199.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (см. новую редакцию ч. 7 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)). Речь идет о сотрудничестве следователя с налоговым органом, который проводит предварительную проверку подобной информации» [2, с. 140]. Заметим, что в указанных статьях УК РФ речь идет о налоговых преступлениях. По существу же приведенного замечания следует сказать, что оно не продвигает ни теорию, ни практику ни в борьбе с преступлениями террористической направленности, ни с налоговыми преступлениями. Во-первых, процедура проверки информации о налоговых преступлениях существовала и до недавнего времени, просто она не имела той специфической формы, что была ей придана Федеральным законом от 9 марта 2022 г. № 51–ФЗ «О внесении

изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [8], которым ст. 140 УПК РФ была дополнена ч. 1.3. Во-вторых, автор указывает в качестве предмета упомянутой проверки информацию о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199.1 УК РФ, в то время как в законе установлен несколько иной перечень таких преступлений – предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ. Наконец, в-третьих, отсылая к новой редакции ч. 7 ст. 144 УПК РФ, автор в сноске на стр. 141 своей работы отсылает лишь к Федеральному закону от 22 октября 2014 г. № 308-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [7], между тем ч. 7 ст. 144 УПК РФ действует в настоящее время в редакции Федерального закона от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». К тому же, в ч. 7 ст. 144 УПК РФ речь идет не о тех же составах преступлений, что указаны в ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ (ст. 198–199.2), а о других – предусмотренных ст. 199.3 и ст. 199.4 УК РФ преступлениях страхователя – соответственно, физического лица либо организации.

Другой подобный пример неудачной привязки норм закона к конкретным составам преступлений из иной сферы правового регулирования – оперативно-розыскной деятельности.

В Федеральном законе Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 28 декабря 2022 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» [6] оперативно-розыскные мероприятия являются универсальным набором инструментов реализации оперативно-розыскной деятельности, доступным всем без исключения органам-субъектам оперативно-розыскной деятельности. В то же время Закон Республики Армения от 19 ноября 2007 г. № ЗР-223 (ред. от 27 июня 2022 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» [4] (далее – Закон Республики Армения «Об оперативно-розыскной деятельности») в ч. 2 ст. 14 строго ограничивает компетенцию субъектов оперативно-розыскной деятельности в проведении отдельных мероприятий. Подобная законодательная мера вероятно призвана максимально ограничить компетенцию каждого субъекта. Вместе с тем она представляется весьма сомнительной и отчасти вытекает из проблемы определения целевого предназначения оперативно-розыскной деятельности.

В частности, п. 4 ч. 1 ст. 14 Закона Республики Армения «Об оперативно-розыскной деятельности» включает в перечень оперативно-розыскных мероприятий контрольную закупку. Статья 18 названного закона раскрывает содержание данного мероприятия, которое определяется как мероприятие, производимое для проверки соблюдения законодательства об обеспечении единства измерений и о стандартизации и правилах налогового учета, а также для получения образцов в целях дальнейших исследований, выявления реальных цен на товары, услуги и работы. При этом

правом на проведение данного мероприятия наделены только налоговые органы. Вместе с тем из содержания данного оперативно-розыскного мероприятия видно, что его проведение не решает задач по выявлению, предупреждению, пресечению или раскрытию деяний, предусмотренных уголовным законодательством, а направлено на проверку нарушений законодательства об обеспечении единства измерений и о стандартизации и правил налогового учета.

Описанные мероприятия хотя и относятся к контрольным функциям государства, в то же время их реализация не должна происходить с использованием методов и средств оперативно-розыскной деятельности, поскольку не решает свойственных этому виду деятельности задач [3].

Вывод из сказанного состоит в том, чтобы исключить по возможности из законодательства привязку норм об универсальных видах (институтах) деятельности к конкретным единичным ситуациям либо отдельным конкретным видам преступлений, а тем более – к деяниям, таковыми не являющимся. Это относится как к регулированию уголовно-процессуальной, так и оперативно-розыскной деятельности.

Библиографический список

1. Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : МГУ имени М. В. Ломоносова, 2001.
2. Гатауллин З. Ш. Теоретическая модель участия прокурора в уголовном преследовании по делам о преступлениях террористической направленности : дис. ... д-ра. юрид. наук. Казань, 2022.
3. Григорьев В. Н. Законодательство Республики Армения об оперативно-розыскной деятельности : модели и некоторые направления совершенствования : монография / В. Н. Григорьев, Р. Г. Налбандян. М. : Книг-Издат, 2020.
4. Об оперативно-розыскной деятельности : закон Республики Армения от 19 ноября 2007 г. № ЗР-223 (ред. от 27 июля 2022 г.) // Правовая информационная система Армении. URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=81018> (дата обращения: 30.01.2023).
5. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М. : Наука, 1982.
6. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 28 декабря 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
7. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 22 октября 2014 г. № 308-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 43. Ст. 5792.

8. О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11. Ст. 1601.

© Григорьев В. Н., 2023

УДК 343.13

Григорьева Н. В. – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Москва)

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА**

**TRENDS IN THE DEVELOPMENT
OF CRIMINAL PROCEEDINGS
IN THE CONDITIONS OF LAW DIGITALIZATION**

Аннотация. В статье на основе анализа изменений, внесенных в уголовно-процессуальное законодательство, определяются тенденции внедрения цифровых технологий при отправлении правосудия по уголовным делам. Делается акцент на интенсификации использования информационно-коммуникационных технологий в уголовном судопроизводстве и необходимости создания цифровой среды осуществления процессуальной деятельности.

Автор определяет дальнейшие перспективы внедрения интеллектуальных цифровых технологий в сфере уголовного судопроизводства и требуемые нормативные изменения.

Abstract. Based on an analysis of the changes made to the criminal procedure legislation, the article identifies trends in the introduction of digital technologies in the administration of justice in criminal cases. Emphasis is placed on the intensification of the use of information and communication technologies in criminal proceedings and the need to create a digital environment for the implementation of procedural activities.

The author defines further prospects for the introduction of intelligent digital technologies in the field of criminal justice and the required regulatory changes.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, правосудие, цифровизация, видео-конференц-связь.

Keywords: criminal proceedings, justice, digitalization, video conferencing.

В современном мире в век цифровых технологий глобальный характер приобрела цифровизация общественных отношений, частью которой является сфера уголовного судопроизводства. За несколько последних лет наметилась тенденция расширения возможностей использования современных технологий при производстве по уголовному делу, обусловленных внедрением различных электронных сервисов, автоматизированных систем и интеллектуальных ресурсов.

Примером является отлично зарекомендовавшая себя система ГАС «Правосудие». Уже никого не удивляет распределение уголовных дел в судах с использованием возможностей искусственного интеллекта; расширение дистанционного участия в досудебном производстве, где предусмотрена система видео-конференц-связи при допросе, очной ставке, опознании; размещение на официальном сайте суда, в рамках разрешаемого судьей дела, информации о внепроцессуальном обращении; электронная форма судебного решения; усиленная квалифицированная электронная подпись судьи; направление документов с использованием Интернета.

В начале 2023 г. произошла трансформация применения систем видео-конференц-связи при осуществлении процессуальной деятельности, связанных с осуществлением судебного разбирательства в режиме онлайн [3]. Уже сегодня не только производство допроса, но и в целом участие в суде осуществляется дистанционно. Активно обсуждается возможность производства процессуальных действий с использованием видео-конференц-связи и в рамках международного сотрудничества.

Практическая реализация цифровой трансформации правосудия только с января по октябрь 2022 г. позволила судам принять более 4,5 млн документов в электронном виде, провести свыше 650 тыс. судебных заседаний в формате веб-конференции или по веб-связи [4].

Очередной этап развития цифровизации судебной системы нашей страны обусловлен запуском в 2024 г. суперсервиса «Правосудие онлайн» [4] (изначально реализация проекта была намечена на 2021 г.), который является масштабным проектом электронного правосудия, однако уже сегодня у всех есть возможность подключиться к Telegram-каналу @pravosudieonline.

Таким образом, наблюдается интенсификация использования информационно-коммуникационных технологий в уголовном судопроизводстве и создание цифровой среды осуществления процессуальной деятельности.

При этом, как отметил председатель Совета судей Российской Федерации В. В. Момотов, применение искусственного интеллекта в правосудии происходит с учетом принципа «пользовательского контроля», определяющего невозможность полной замены судьи искусственным интеллектом [1].

Но, как мы понимаем, помимо неоспоримых плюсов цифровой системы правосудия (отсутствие бумажной волокиты; экономия; упрощение работы; шаг в будущее), могут быть выделены и некоторые возможные риски.

Во-первых, можно отметить риск отрицательного результата. Вносимые изменения носят кардинальный характер, часто применяются впервые, следовательно, сравнить с чем-то подобным не получится и однозначно определить, что новшество будет положительным, нельзя.

Следует отметить, что цифровизация порождает не только трансформацию права, но и качественную модификацию профессиональной юридической деятельности, связанную с изменением содержания и форм организации работы следователей, прокуроров и судей. В этом случае еще одним из рисков непроцессуального характера выступает технологическая безработица – вытеснение (замена) человека с рынка труда. Согласно прогнозам уже к 2025 г. около 52 % часов, которые будут потрачены на работу, придется на долю машин и только 48 % на долю человека [2, с. 56], а к 2030 г. автоматизация может заменить до 800 млн рабочих мест во всех сферах общественных отношений.

Профессиональное сообщество довольно активно обсуждает автоматизацию юридической деятельности.

В условиях ускоряющейся цифровизации уголовного судопроизводства обостряется вопрос обеспечения информационной и цифровой безопасности участников уголовного процесса. Например, какие средства могут гарантировать подсудимому и его защитнику конфиденциальность общения в условиях видео-конференц-связи.

Таким образом, в ходе дискуссий о цифровых инновациях в уголовно-процессуальной среде задачей экспертного сообщества является обоснованная оценка уровня технологического развития, указание на возможность его правового регулирования, а также определение побочных эффектов (рисков, барьеров) с целью выработки адекватных мер, чтобы избежать фальсификации правосудия в будущем.

В целом же следует признать, что уголовное судопроизводство представляется перспективным направлением для внедрения современных цифровых технологий. В этой связи видится необходимым дальнейшая разработка и принятие ряда законодательных новелл по расширению возможности подачи обращения в электронной форме в досудебном производстве посредством современных автоматизированных систем; внедрению, наряду с аудиозаписью и видео-конференц-связью, системы веб-

конференции, доступа к отдельным материалам уголовного дела (например, обвинительному заключению) в электронном виде, включая информационно-телекоммуникационную сеть Интернет; установлению дополнительных гарантий соблюдения требований закона о возможности конфиденциального общения защитника с подсудимым, участвующим в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи; вызову участников уголовного процесса через единый портал государственных и муниципальных услуг.

В заключении отметим, что внедрение современных технологий в сфере уголовного судопроизводства является наиболее эффективным способом повышения доступа к правосудию и как следствие его качества. Цифровизация для уголовного судопроизводства обеспечивает не только достижение его назначения, определенного в ст. 6 УПК РФ, но и решение задач, стоящих перед следователями, прокурорами, судьями при реализации полномочий в различных стадиях уголовного процесса.

Библиографический список

1. Выступление председателя Совета судей Российской Федерации В. В. Момотова на пленарном заседании конференции участников Глобальной сети обеспечения честности и неподкупности судебных органов (Global Judicial Integrity Network), которая состоялась в феврале 2020 г. в столице Катара Дохе под эгидой Управления ООН по наркотикам и преступности. По теме «Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации» : Совет судей Российской Федерации. URL: <https://ssrf.ru/news/lienta-novostiei/36912?> (дата обращения: 15.01.2023).

2. Гайворонская Я. В. Цифровизация юридической профессии: о рисках и угрозах цифровизации рынка труда / Я. В. Гайворонская, Ю. И. Каримова // *Advances in Law Studies*. 2020. Т. 8. № 5. С. 55–63.

3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2023. № 1 (Ч. I). Ст. 57.

4. Суды готовы к запуску платформы «Правосудие онлайн» // Суперсервис «Правосудие онлайн». URL: <https://pravosudieonline.ru/?ysclid=ldpr5ndqtj628258815> (дата обращения: 15.01.2023).

© Григорьев Н. В., 2023

Гурдин С. В. – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Москва)

НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

PURPOSE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье на основе положений современного Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, сравнительного анализа источников уголовно-процессуального права некоторых иностранных государств, существующих в юридической литературе мнений ученых-процессуалистов, практических работников, комплексно исследуется вопрос назначения уголовного судопроизводства.

Abstract. Based on the provisions of the modern Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, a comparative analysis of the sources of criminal procedure law of some foreign states, the opinions of procedural scientists and practitioners existing in the legal literature, the issue of the appointment of criminal proceedings is comprehensively investigated in the article.

Ключевые слова: назначение уголовного судопроизводства, цель, задачи уголовного судопроизводства, справедливость.

Keywords: investigative actions, appointment of criminal proceedings, protection of rights, limits of restriction of rights.

Назначение уголовного судопроизводства всегда было и остается одним из интереснейших, проблемных вопросов современного уголовно-процессуального права.

Казалось бы, ответ на этот непростой вопрос исчерпывающе дает действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Законодатель вполне логично указывает на то, что: «Уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;

2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

2. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение

их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию» [2, ст. 6].

Однако именно такое изложение представления законодателя об уголовном судопроизводстве неизбежно порождает другие, немаловажные рассуждения: соответствует ли такое положение дел представлениям общества о том, для чего предназначено уголовное судопроизводство, понятны ли гражданам страны его цель и сопутствующие ее достижению задачи, соответствуют ли они их ожиданиям?

Продолжая начатый разговор следует отметить, что под уголовным судопроизводством в юридической литературе, как правило, понимается «осуществляемая специально уполномоченными на то государственными органами четко регламентированная правом отрасль государственной деятельности, направленная на защиту условий существования и развития общества, его граждан и государства от наиболее опасных посягательств на них со стороны действительных или мнимых членов этого общества посредством привлечения виновных лиц к уголовной ответственности» [5, с. 70].

Другое определение этого понятия вбирает в себя дополнительные признаки и тем не менее указывает в первую очередь на то, что «уголовное судопроизводство – это осуществляемая в строго установленном законом порядке деятельность уполномоченных (компетентных) государственных органов и должностных лиц по возбуждению, предварительному расследованию, судебному рассмотрению и разрешению уголовных дел, а также возникающие в связи с этой деятельностью отношения государственных органов и должностных лиц как между собой, так и с другими участниками уголовного судопроизводства» [6, с. 9].

Отчетливо прослеживается, что судопроизводство, регламентируемое нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) – это деятельность, которая неизбежно должна возникать при определенных, достаточно четко указанных в законе основаниях, продолжаться в установленном законом порядке и по достижении своей цели (выполнения всех поставленных перед ней законодателем задач), говоря иначе, своего предназначения или, как указано в ст. 6 УПК РФ, назначения – оканчиваться.

Сам по себе термин «назначение» не вызывает особо противоречивых чувств, тем более что его этимологическое значение – задача, миссия [8], аналогичное толкование дается в словаре С. И. Ожегова, который считает, что назначение есть цель.

Законодатель неспроста закрепил положения, касающиеся назначения уголовного судопроизводства, вместе с принципами. Именно принципы уголовного судопроизводства в совокупности с его назначением (гл. 2 УПК РФ) имеют принципиально важное, фундаментальное значение для

этого вида государственной деятельности, затрагивая все без исключения стадии.

О. В. Корнелюк размышляя о цели уголовного процесса, высказал следующее: «Статья 6 УПК РФ, на наш взгляд, весьма удачно закрепила назначение (задачи и цели) уголовного судопроизводства. Положение этой статьи гораздо более правильно, как полагаем, по сравнению с имевшей в свое время широкое распространение формулой «лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невиновного». Правильнее потому, что оправдать 10 виновных означает отказать в правосудии десяти или большему числу потерпевших» [9, с. 114].

В свою очередь, профессор Е. Н. Клещина в одной из своих работ писала: «В УПК РФ впервые введено понятие "назначение уголовного судопроизводства", которое изменило концепцию целей уголовного процесса, стало его целью, на достижение которой направлена деятельность органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство» [7, с. 14, 15].

При ближайшем рассмотрении сказанного выше хорошо заметно, что оба исследователя так или иначе говорят именно о целях и задачах уголовного судопроизводства. Однако в последнем случае хорошо видно более сдержанное отношение к появлению термина «назначение» в уголовном судопроизводстве.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что в настоящее время уголовно-процессуальный мир разделился как минимум на два лагеря в зависимости от степени принятия термина «назначение» в действующем уголовно-процессуальном законодательстве: одни авторы считают, что необходимо поддерживать развитие уголовного судопроизводства и появление нового, пусть и не совсем верного, а уж для большей части общества не совсем ясен понятийный аппарат, который вызывает обоснованные сомнения в том, что в состязательном процессе интересы конкретного члена этого общества будут защищены должным образом.

Другие авторы – такие, как профессор Е. Н. Клещина, как видно выше, сдержаны в своих оценках происходящего и считают, что назначение и есть цель.

Однако существует и другая группа авторов, считающая, что термин «назначение» менее привлекателен по сравнению с существовавшим термином «цель».

В обоснование своих суждений они пишут, что «вероятно целесообразно сопоставить сказанное в ст. 6 УПК РФ с функциональными признаками уголовного процесса. Получается, что цель уголовного процесса и задачи уголовного судопроизводства являются такими же равноправными элементами целеполагания в анализируемой отрасли государственной деятельности, как и ее назначение. Следовательно, термин «цель уголовного процесса» должен быть сохранен» [5, с. 81].

Вместе с тем следует отметить, что термин «цель» отсутствовал в действовавшем в прошлом важнейшем нормативном акте, таком как «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», не содержалось этого термина и в УПК РСФСР, который был принят в 1960 г.

В соответствии со ст. 2 этих нормативных актов: «задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения конституции СССР и советских законов, уважения правил социалистического общежития» [3, 4, ст. 2].

В настоящее время практически в неизменном виде сохранились задачи, которые были присущи уголовному судопроизводству того времени или, говоря иначе, задачи уголовно-процессуального законодательства в УПК бывших республик, входивших в состав СССР.

Мы уже говорили о том, уголовное судопроизводство это в первую очередь деятельность, а значит, как и любая другая она должна иметь вполне определенную, хорошо понятную всем цель, на достижение которой направлены все принимаемые решения и действия органов и должностных лиц, ее осуществляющих.

Такое положение дел определило настоятельную необходимость появления в юридической литературе этого сугубо теоретического, но от этого не менее важного, позволяющего проникнуть в самую сущность уголовно-процессуальной деятельности, осознать ее значение для государства, общества и отдельно взятой личности, термина – цель.

Цель являла собой нечто глобальное, представляющее конечный результат, достижение которого возможно посредством разрешения сопутствующих задач: она была желанна и ожидаема и по большому счету отражала видение законодателя относительно того, каким должно быть уголовное-судопроизводство того времени.

Более того, законодатель посредством формирования цели уголовно-процессуальной деятельности доводил до сведения правоприменителя какими он хочет видеть результаты этой деятельности. При этом такое видение не противоречило ожиданиям общества.

Интересно сравнить существовавшие в то время цели (как теоретический термин) и направленные на их достижение задачи с присущим действующему процессуальному закону назначением деятельности, называемой уголовным судопроизводством.

Возвращаясь к положениям, утратившим силу ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, уголовно-процессуальному законодательству РСФСР и уже известной нам ст. 6 УПК РФ, который действует по настоящее время, заметим, что целью уголовного судопроизводства поставленной законом того времени на первое место было быстрое и естественно полное раскрытие совершенных преступлений, сейчас – защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

При этом, бесспорно, что защита прав и законных интересов лиц, наделенных процессуальным статусом потерпевшего, представляется крайне важной и отвечает норме основного закона страны – ст. 2 Конституции Российской Федерации, в которой говорится о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [1, ст. 2].

Вместе с тем Е. Б. Мизулина, активно принимавшая участие в разработке современного отечественного уголовно-процессуального законодательства высказывалась против того, чтобы оставить в существовавшем виде цель уголовного судопроизводства.

Обосновывая свою позицию по этому вопросу, она писала: «Многие поколения советских следователей, прокуроров, судей воспитывались на убеждении, что любые их действия и решения в уголовном процессе оправданы борьбой с преступностью... Немало потребуется времени, чтобы это убеждение сменилось другим, основанным на уважении к правам человека, на понимании того, что в уголовном процессе всегда есть вероятность ошибочного принуждения к невиновному» [10, с. 747].

В справедливости этих слов есть серьезные сомнения, особенно если исходить из того, что уголовное судопроизводство есть деятельность правоохранительная, т. е. призванная по своей сути защищать права и личности, и общества, и государства в целом от преступных посягательств, но если преступление все-таки совершено, то оно должно быть быстро, полно, всесторонне расследовано и раскрыто, что позволит восстановить социальную справедливость и защитить права потерпевших от преступлений.

Самостоятельной целью уголовного судопроизводства являлось избличение именно тех лиц, которые виновны в совершении преступного деяния, т. е. собирание, проверка и оценка доказательств, свидетельствующих об их причастности к совершенному преступлению, чтобы суд впоследствии мог признать такое лицо виновным посредством рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу и вынесения решения в виде приговора, который должен быть и законным, и обоснованным, и справедливым.

Кроме того, законодательство того времени требовало от органа дознания, суда, прокурора, следователя, дознавателя и других лиц, которые в силу своего должностного, процессуального положения осуществляли

уголовное судопроизводство, неукоснительно обеспечивать правильное применения закона, потому что каждый, кто совершил преступное деяние, должен был понести справедливое уголовное наказание.

В то же время, по мнению законодателя, ни одно лицо, невиновное в совершении преступления, не должно было быть привлечено к уголовной ответственности и уж тем более осуждено.

Анализ положений УПК РФ показывает, что современный законодатель вновь ставит во главу угла защиту личности, которая вовлечена в уголовный процесс и уже имеет определенный процессуальный статус, от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения. Категорически запрещается также незаконным образом ограничивать права и свободы личности, принимавшей участие в уголовном судопроизводстве.

При этом положения ч. 1 и ч. 2 ст. 6 УПК РФ имеют ярко выраженный охранительный характер и при ближайшем рассмотрении направлены на защиту прав и свобод человека и гражданина, а также иных лиц, вовлеченных в отечественное уголовное судопроизводство на законных основаниях.

Очевидно, что такая позиция законодателя демонстрирует заинтересованность государства в серьезной защите личности от такого крайне негативного социального явления как преступность; гарантирует невозможность или крайне малую вероятность ошибочного привлечения к уголовной ответственности лица, не причастного к совершению преступления, ограничение прав и свобод такого лица, включая конституционные и осуждение.

Вместе с тем это неоспоримо демонстрирует стремление государства к уголовному преследованию лиц, совершивших преступление, и назначению справедливого наказания лицам, признанным в установленном законом порядке виновными в их совершении.

Таким образом, государство охраняет в том числе и свои интересы. При этом такая охрана выступает как средство реализации вышеуказанной, первой задачи – защиты прав и свобод человека и гражданина, а также иных лиц, которые являются участниками уголовного судопроизводства.

И в этом плане назначение современного отечественного судопроизводства кажется верным.

Ранее, в случае достижения этих целей, в большинстве случаев становилось, как правило, возможным и разрешение задач, указанных в ч. 2 ст. 2 упомянутых выше Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, УПК РСФСР.

Одна из таких задач представлялась важнейшей, прочно увязывалась с такими категориями, как социалистическая законность, правопорядок и была направлена на их укрепление.

Сказанное означает, что уголовное судопроизводство как вид государственной деятельности способствовало формированию у личности и

общества необходимости безусловно соблюдать Конституцию, в точности исполнять законы, не нарушать их, причем не только из-за страха уголовного или иного наказания, а из уважения к ним.

Все это достаточно гармонично связывалось законодателем с охраной прав и свобод граждан, общественных интересов в целом, несло в себе незаслуженно забытую сейчас воспитательную роль уголовного судопроизводства, которое и сейчас способно вырабатывать, в первую очередь у граждан, необходимость уважительного отношения к Конституции Российской Федерации, действующим законам Российской Федерации, неукоснительного соблюдения и исполнения их соответственно.

Подводя некоторые итоги сказанному, возможно отметить, что формулировка названия и собственно положений ст. 6 УПК РФ в целом создает совершенно замечательную иллюзию своей привлекательности, особенно с точки зрения защиты всевозможных прав личности, причем не взирая на то, совершила эта личность преступление, подчас тяжкое, или это потерпевший от этого преступления с несовершенно процессуальным статусом или это любое другое лицо, вовлеченное в уголовно-процессуальные отношения.

Любой орган или должностное лицо, прочитав ст. 6 УПК РФ, осмыслив ее содержание, придет к выводу о том, что его цель – защитить личность, а уж каким образом – в итоге не совсем ясно.

Вместе с тем достижение назначения уголовного судопроизводства, т. е. решение всех стоящих перед ним задач должно неизбежно приводить к достижению целей, поставленных перед этим институтом государством, – ответу на вопрос о том, виновно ли то или иное лицо в совершении преступного деяния; к восстановлению справедливости и реализации ожиданий от запросов общества в этой сфере.

УПК РФ есть детально урегулированное его нормами отражение того, какой видит законодатель уголовно-процессуальную деятельность, и здесь же содержится информация, для чего она нужна, какова ее ценность для личности, общества и государства в целом.

При этом нет достаточно четкого указания на то, ради какого конечного результата, ответа на какой вопрос органы и должностные лица обязаны принимать процессуально значимые решения и производить указанные в УПК РФ действия.

Для правоприменителя это очень важно, так как он должен отдавать себе отчет, каким будет итог, на каком этапе он выполнил свои функции полностью и добился ожидаемого результата, руководствуясь и строго соблюдая нормы УПК РФ, направленные в том числе на защиту прав и свобод участвующих в деле лиц.

Таким образом, термины «назначение» и «цель» уголовного судопроизводства – это не совсем одно и то же в современной процессуально-правовой действительности.

Соответственно, для оптимизации всей уголовно-процессуальной деятельности, правильного определения того, ради чего она производится, и выбора для достижения этого наиболее эффективных средств законодателью, возможно, следует задуматься о том, чтобы обозначить в действующем УПК РФ цель и задачи, которые с неизбежностью следует решить для ее достижения взамен используемого сейчас термина «назначение» уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик (ред. 12 июня 1990 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (ред. 26 ноября 2002 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Уголовный процесс современной России. Проблемные лекции в 2 т. Т. 1. Общие положения уголовного судопроизводства : учебное пособие для вузов / В. Т. Томин [и др.]; под редакцией В. Т. Томина, И. А. Зинченко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020.
6. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой, Е. Н. Клещиной. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2014.
7. Уголовный процесс. Проблемы теории и практики : учебник / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019.
8. Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова, 2012. URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/414420.html> (дата обращения: 03.02.2023).
9. Корнелюк О. В. К вопросу о цели уголовного процесса // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2017. № 4. С. 114.
10. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2003.

© Гурдин С. В., 2023

Демичева Т. С. – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, г. Москва)

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СТАДИИ
ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**IMPROVEMENT OF THE STAGE OF INITIATING
A CRIMINAL CASE IN MODERN CONDITIONS**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы реформирования этапа начала уголовного судопроизводства, анализируются мнения ученых относительно сохранения или упразднения данной стадии, предлагаются авторские пути решения проблемы совершенствования стадии возбуждения уголовного дела.

Abstract. The article considers some problems of reforming of the stage of initiation of criminal proceedings, analyses opinions of scientists in relation to the preservation or cancellation of this stage, suggests the author's way of solving the problem of improving the stage of initiation of criminal proceedings.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, заявитель, реформирование стадии, рассмотрение сообщения о преступлении, обеспечение доступа к правосудию.

Keywords: institution of criminal proceedings, applicant, reform of the stage, consideration of a crime report, ensuring access to justice.

Первоначальная стадия уголовного процесса начинается с момента поступления в полномочные органы информации о готовящемся или совершенном преступлении, а завершается принятием соответствующих решений по итогам рассмотрения поступившей информации. Между этими двумя юридически значимыми фактами осуществляется комплекс процессуальных и непроцессуальных действий в связи с полученной информацией [2, с. 5]. Возбуждение уголовного дела, таким образом, является первоначальной стадией, этапом, с которого начинается производство по каждому уголовному делу.

Практическая реализация назначения уголовного судопроизводства начинается с первоначальной стадии досудебного производства, т. е. со стадии возбуждения уголовного дела.

Длительное время среди ученых-процессуалистов ведется дискуссия относительно реформирования стадии возбуждения уголовного дела с целью поиска оптимальной модели начала уголовного судопроизводства. Мнения научного сообщества по данному вопросу разделились на две противоположных позиции: сохранение стадии возбуждения уголовного дела с постепенным реформированием и ее полное упразднение.

Б. Я. Гаврилов, С. Е. Гирько, Е. М. Головащук, Э. К. Кутуев, В. В. Кожокар, А. В. Мельников и др. считают необходимым упразднение стадии возбуждения уголовного дела, указывая на разнообразные аспекты, оказывающие негативное влияние на уголовно-процессуальную деятельность, и ограничение доступа граждан к правосудию при условии существования данной стадии. Действительно, в правоприменительной практике существуют некоторые нарушения, которые отнюдь не способствуют эффективной борьбе с преступностью и защите прав и интересов граждан. Например, несвоевременная регистрация сообщений о преступлениях, необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела, невыполнение требований закона о своевременном уведомлении заявителя о принятом решении по его заявлению и др.

Б. Я. Гаврилов считает данную стадию «барьером в реализации права граждан на доступ к правосудию», обосновывая свою позицию статистическими данными, свидетельствующими о большом количестве процессуальных решений о отказе в возбуждении уголовного дела, признанных незаконными и необоснованными [3, с. 176].

Доводы ученых, считающих целесообразным упразднение стадии возбуждения уголовного дела, имеют определенный научный интерес, однако с некоторыми из них сложно согласиться.

В вопросе гарантии права потерпевшему на доступ к правосудию исключение стадии возбуждения уголовного дела может оказать отрицательное влияние. В случае, если предварительное расследование будет начинаться сразу с момента регистрации сообщения о преступлении, возрастет нагрузка на правоохранительные органы, а также это приведет к тому, что решение об отсутствии в деянии признаков преступления будет приниматься в сроки, установленные для предварительного расследования. Это может привести к тому, что в случае обжалования лицом постановления о прекращении уголовного дела будет исключена возможность раскрытия преступления по горячим следам. Как верно отмечает Е. А. Прохорова, в таком случае цель защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, не будет реализована [6, с. 130].

Одной из проблем рассматриваемой стадии является отсутствие процессуального статуса некоторых лиц, участвующих на этапе рассмотрения сообщения о преступлении, например, законодатель не закрепляет процессуальный статус заявителя, очевидца, лица, в отношении которого прово-

дится проверка сообщения о преступлении. В связи с этим после возбуждения уголовного дела часто происходит «дублирование» следственных действий, например, в ходе допроса свидетеля, который ранее уже давал показания, но в рамках проверки сообщения о преступлении. Интересным представляется решение данной проблемы авторами, полагающими необходимым дополнения ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) положением о замене получения объяснения производством допроса свидетеля [1, с. 10]. В таком случае у допрашиваемого лица расширяется круг прав и обязанностей, однако, следует отметить, что допрос подозреваемого, потерпевшего и обвиняемого возможен лишь при условии возбужденного уголовного дела.

По нашему мнению, такое дополнение норм процессуального законодательства требует изучения и в дальнейшем может способствовать сокращению сроков расследования и оптимизации деятельности органов предварительного расследования.

Современным решением существующих проблем стадии возбуждения уголовного дела возможно использование информационных технологий, способствующих обеспечению доступа граждан к правосудию. Например, использование цифровых технологий в рамках получения сообщения о преступлении, а именно: возможность подачи заявления о преступлении в форме электронного документа, также расширения электронного межведомственного взаимодействия в рамках работы государственной платформы ГАС «Доступ к правосудию»; возможность уведомления заявителя по электронной почте или иным средствам связи о решении, принятом по итогу рассмотрения сообщения о преступлении. В настоящий момент вопросы электронной подачи сообщения о преступлении недостаточно урегулированы и требуют соответствующей корректировки. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства в данной сфере будет способствовать доступности уголовного процесса, сокращению сроков проверки сообщения о преступлении. Необходимость решения указанных вопросов была также обозначена в рамках Ежегодного доклада о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации [4].

Стоит поддержать точку зрения ряда ученых, таких как В. Ф. Васюков, Е. А. Прохорова, В. Н. Чаплыгина, В. С. Шадрин, которые не считают целесообразной потребность в ликвидации стадии возбуждения и ее кардинальные изменения, мы придерживаемся авторской позиции относительно сохранения стадии и признания необходимости ее постепенного реформирования и совершенствования.

Значение рассматриваемой стадии также усматривается в исключении возможности необоснованного возбуждения уголовного дела, чем устраняется напрасная затрата сил и средств правоохранительных органов на случаи, лишенные общественно опасного содержания.

В вопросе необходимости сохранения или упразднения стадии возбуждения уголовного дела стоит согласиться с мнением профессора А. В. Победкина и В. П. Лаврова относительно того, что необходимо развивать средства проверки сообщения о преступлении и они должны обладать своими особенностями, отличающими их от средств последующих стадий, сопровождаясь минимумом принуждения и развитостью гарантий обеспечения прав человека [5, с. 198].

Таким образом, важность стадии возбуждения уголовного дела заключается в том, что она выступает процессуальной гарантией обеспечения прав и свобод граждан на начальной стадии уголовного судопроизводства. В связи с этим следует придерживаться обоснованности позиций относительно сохранения стадии возбуждения уголовного дела с учетом необходимости ее совершенствования.

Библиографический список

1. Багмет А. М., Османова Н. В. О совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2022. № 2. С. 8–13.
2. Бобров В. К. Стадия возбуждения уголовного дела : учебное пособие / В. К. Бобров. Моск. юрид. ин-т. М. : МЮИ, 1997.
3. Гаврилов Б. Я. Влияние института возбуждения уголовного дела на состояние борьбы с преступностью / Б. Я. Гаврилов // Актуальные проблемы борьбы с преступностью : вопросы теории и практики : материалы XXIV Международной научно-практической конференции, Красноярск, 8–9 апреля 2021 г. Ч. 1. Красноярск : Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 175–177.
4. Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 г. // Российская газета. 2022. № 21.
5. Лавров В. П., Победкин А. В. Проверка сообщения о преступлении: условия конституционности // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 194–198.
6. Прохорова Е. А. Правовая модель начального этапа уголовно-процессуальной деятельности : эволюция и современные проблемы : монография. М. : Юрлитинформ, 2023.

© Демичева Т. С., 2023

Денисова М. Д. – адъюнкт кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова (Россия, г. Орел)

**О СОРАЗМЕРНОСТИ СТОИМОСТИ АРЕСТОВАННОГО
ИМУЩЕСТВА В ХОДЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
РАЗМЕРУ ВОЗМОЖНЫХ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ВЗЫСКАНИЙ**

**ON THE PROPORTIONALITY OF THE VALUE OF THE SEIZED
PROPERTY IN THE COURSE OF CRIMINAL PROCEEDINGS
TO THE SIZE OF POSSIBLE PROPERTY PENALTIES**

Аннотация. В статье поднимается вопрос о соразмерности стоимости имущества, подвергаемого аресту, размерам имущественных притязаний (например, в части возмещения причиненного преступлением вреда). Производится анализ норм уголовно-процессуального закона, позиции Верховного Суда Российской Федерации по данной проблеме, правоприменительной практики, а также имеющихся в юридической науке мнений ученых-процессуалистов относительно соблюдения принципа соразмерности при применении мер процессуального принуждения.

Abstract. The article raises the question of proportionality of the value of property to be seized to the size of property claims (for example, in terms of compensation for damage caused by crime). The author analyses norms of criminal procedure law, position of the Supreme Court of the Russian Federation, law enforcement practice as well as opinions of legal scholars, available in the science of law, regarding compliance with the principle of proportionality in the application of procedural coercive measures.

Ключевые слова: наложение ареста на имущество, соразмерность, имущественные притязания, принцип пропорциональности.

Keywords: seizure of property, proportionality, property claims, principle of proportionality.

В целях совершенствования правового регулирования меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество разработан законопроект, влекущий изменения норм ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Он предполагает введение нового основания отмены наложенного ареста на имущество: выявление существенной несоразмерности объема притязаний, который обеспечивает арест имущества, стоимости непосредственно самого имущества, подпадающего под арест [1]. Представляется, что данный

законопроект в случае его одобрения позволит привести в сбалансированность нормы уголовно-процессуального законодательства, а также исключить чрезмерное ограничение конституционных прав участников уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальный закон вопросы соразмерности (сопоставимости) стоимости имущества, подлежащего аресту, регламентирует в ст. 160.1 УПК РФ. Эта норма гласит, что, если установлено, что совершенным преступлением причинен имущественный вред, а также возможно применение конфискации имущества в соответствии со ст. 104.1 УК РФ либо за совершенное преступление предусмотрены наказание в виде штрафа или другие имущественные взыскания, следователь, дознаватель обязаны незамедлительно принять меры по установлению подлежащего конфискации имущества, стоимость которого соответствует стоимости предмета, подлежащего конфискации, либо сопоставима со стоимостью этого предмета, и имущества подозреваемого, обвиняемого или лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает упомянутые выше имущественные взыскания, а также принять меры по наложению ареста на такое имущество [2].

Следует отметить, что вопрос соразмерности размера имущественных претензий, предъявляемых в связи с совершенным преступлением, и стоимости имущества, подвергнутого аресту, представляет актуальную проблему для практики. К примеру, Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации еще в 2019 г., предусматривал в качестве одного из оснований изменения судебного решения о наложении ареста на имущество вывод о несоразмерности стоимости имущества тому ущербу, в целях возмещения которого оно арестовано [3]. На рассматриваемый аспект обращает внимание и Пленум Верховного Суда Российской Федерации в 2017 г. Так, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19: в случае заявления ходатайства о наложении ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части наказания в виде штрафа или для обеспечения гражданского иска судам следует учитывать, что стоимость имущества, на которое налагается арест, не должна превышать максимального размера штрафа, установленного санкцией статьи Особенной части УК РФ, либо должна быть соразмерна причиненному преступлением ущербу [4].

Нельзя не оценить имеющуюся в настоящее время положительную практику, где следователи и судьи при решении вопроса о наложении ареста на имущество учитывают стоимость имущества, подпадающего под арест. Так, в уголовном деле № 1-57/2022 следователь обращается в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество гражданина Р., а именно

на несколько объектов незавершенного строительства общей стоимостью 2 809 050 рублей 28 копеек. Судья, рассматривающий ходатайство следователя, принял решение об удовлетворения ходатайства в части и наложил арест на объект незавершенного строительства с наименьшей стоимостью – 214 659 рублей 76 копеек. Судья мотивировал свое решение тем, что общая стоимость имущества несоразмерна размеру причиненного преступлением ущерба (100 000 рублей), а также значительно превышает размер максимального штрафа, установленного санкцией статьи, по которой привлекается к ответственности гражданин Р. [5].

Встречаются в правоприменительной деятельности и ситуации, когда суды не применяют данную меру, если не установлена соразмерность стоимости имущества, предлагаемого к аресту, и вреда, подлежащего возмещению: к примеру, Саратовский областной суд в одном из постановлений отмечает, что отсутствие сведений о стоимости имущества является препятствием для его рассмотрения, поскольку при применении наложения ареста на имущество необходимо учитывать размер причиненного ущерба и стоимость непосредственно имущества [6].

Однако единообразия правоприменительной практики в настоящее время нет, несмотря на имеющиеся разъяснения высшего судебного органа Российской Федерации. Анализ уголовных дел показывает, что часто правоприменитель, накладывая арест на имущество, не задумывается о соразмерности размера имущественных требований стоимости имущества, подвергаемого аресту.

К примеру, в уголовном деле № 1–82/2022 в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества наложен арест на мобильный телефон обвиняемого, который оценен в 300 рублей. При этом в уголовном деле был заявлен гражданский иск на сумму 1 235 227 рублей 81 копейка, а также имеются процессуальные издержки на сумму 37 710 рублей, которые подлежат взысканию с обвиняемого. Общая сумма долга по рассматриваемому делу составляет 1 272 937 рублей 81 копейку [7]. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности наложенного ареста, поскольку сумма размером 300 рублей не покрывает даже части имеющейся задолженности. Подобного рода примеры в правоприменительной деятельности не единичны.

Полагаем, что прежде, чем предложить меры, направленные на сбалансирование правоприменительной деятельности, стоит разобраться, что следует понимать под термином «соразмерность».

В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова слово «соразмерный» имеет значение – соответствующий какой-нибудь мере, соответственный чему-нибудь [8, с. 749].

В зарубежных источниках соразмерность в широком значении определяется как принцип пропорциональности. Зародился рассматриваемый

принцип в публичном праве Германии, в последующем распространился на другие европейские государства [9].

В действующем уголовно-процессуальном законе принцип соразмерности не получил нормативного закрепления. Как справедливо отмечает К. Б. Калиновский, в УПК РФ рассматриваемый принцип «разбросан мелкими бусинками» и становится очевидным правоприменителю лишь благодаря юридической науке, а также последовательной позиции Конституционного Суда Российской Федерации, который подчеркивает конституционную основу упомянутого принципа (Постановления от 2 июля 1998 г. № 20-П, от 22 марта 2005 г. № 4-П, от 22 марта 2018 г. № 12-П) [10, с. 11]. В связи с этим К. Б. Калиновский убежден, что применение принципа соразмерности в практической деятельности позволило бы точнее определить условия действия мер процессуального принуждения, поскольку из данного принципа вытекает, что стоимость имущества, на которое наложен арест, не должна превышать, к примеру, сумму заявленного гражданского иска и т. д. [10, с. 11]. В целом разделяя данную точку зрения, полагаем, что вряд ли можно рассматривать предписание о соразмерности именно как принцип уголовного процесса, скорее нужно вести речь о «правиле соразмерности».

Проблематика определения критериев соразмерности применения мер процессуального принуждения в уголовном процессе стала предметом исследования и К. В. Муравьева, в ходе которого упомянутый автор приходит к выводу: соразмерность принуждения в ходе производства по делу предполагает пропорциональность ограничений грозящему наказанию [11, с. 137]. В большей степени упомянутое исследование было посвящено применению мер пресечения, но вывод о критериях соразмерности вполне применим и к институту наложения ареста на имущество в уголовном процессе, поскольку сумма имущества, подвергаемого аресту, не должна превышать сумму имеющихся в уголовном деле имущественных претензий либо наоборот не должна быть значительно меньше.

Исследуя данный вопрос, А. В. Луданина полагает, что понятие соразмерности следует понимать как в узком, так и в широком смысле. Так, в узком смысле, по мнению упомянутого автора, под соразмерностью следует понимать соответствие стоимости имущества причиненному ущербу, а в широком – соблюдение баланса частных и публичных интересов [12]. Эта позиция представляется весьма перспективной, поскольку позволяет учитывать при наложении ареста на имущество не только «стоимостную» сторону вопроса, но другие интересы участников уголовного процесса. Такой подход способствует индивидуализации конкретных правоограничений, налагаемых на собственника имущества.

Представляется, соблюдение правила соразмерности при наложении ареста на имущество может быть достигнуто, если:

- стоимость арестованного имущества не превышает размера заявленного гражданского иска;
- стоимость арестованного имущества не превышает размера штрафа, предусмотренного санкцией статьи УК РФ, а также размера имеющих-ся процессуальных издержек;
- имущество, подлежащее аресту, подлежит обязательной оценке с целью соблюдения правила соразмерности.

Библиографический список

1. Проект федерального закона о внесении изменений в статью 115 УПК РФ (относительно защиты прав залогодержателей при наложении ареста на имущество в уголовном процессе). ID проекта 01/05/01-22/00124376. URL: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 18.01.2023).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным ч.1 ст. 115 УПК РФ (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 27 марта 2019 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Уголовное дело № 1-57/2022 // Архив Заводского районного суда г. Орла.
6. Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 28 декабря 2020 г. по делу №3/6-162/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WGFOuXGERir4/> (дата обращения: 18.01.2023).
7. Уголовное дело № 1-82/2022 // Архив Заводского районного суда г. Орла.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2006.
9. Grimm D. Proportionality in Canadian and German Constitutional Jurisprudence // The University of Toronto Law Journal. № 2. 2007. Pp. 383–397.
10. Калиновский К. Б. Принцип соразмерности мер процессуального принуждения // Уголовный процесс. 2018. № 11. С. 11.
11. Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия : доктрина, применение, оптимизация : монография. Омск, 2017.

12. Луданина А. В. Оценка стоимости имущества при наложении на него ареста : как применять принцип соразмерности // Уголовный процесс. 2022. № 12.

© Денисова М. Д., 2023

УДК 343.13

Емельянова Н. Ю. – преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, г. Москва)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕСТА И РОЛИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

CURRENT ISSUES OF THE PLACE AND ROLE OF THE INVESTIGATOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье анализируется место и роль следователя в уголовном судопроизводстве в настоящее время.

Abstract. The article analyzes the place and role of the investigator in criminal proceedings at the present time.

Ключевые слова: суд, участники, следователь, обвинение, полномочия.

Keywords: court, participants, investigator, prosecution, powers.

Вопрос места и роли следователя в уголовном процессе требует тщательного исследования. Обусловлено это тем, что определение его места в уголовном судопроизводстве носит дискуссионный характер. Но некоторые специалисты ставят под сомнение сам факт дискуссионности, что только увеличивает интерес изучения данного вопроса.

Так, В. В. Конин и А. А. Струкова отмечали, что следователь – участник, относящийся к стороне обвинения [5, с. 45]. Для утверждения своей позиции, ученые обращаются к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее – УПК РФ), конкретно к ст. 38, содержащейся в 6 главе «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения». А. М. Багмет аналогично отстаивает мнение о том, что следователь относится к стороне обвинения [2, с. 12].

Но существуют и иные точки зрения, которые не поддерживают позиции по поводу того, что следователь относится к стороне обвинения. Так, О. Я. Баев утверждает, что следователь не может быть носителем этой

функции так, как главная его задача – это установление истины по делу [3, с. 31].

Можно сказать, что наиболее верной позицией будет вторая, так как основной задачей следователя является производство предварительного следствия, что, по сути, подтверждает направление деятельности следователя на установление обстоятельств, которые содержатся в ст. 75 УПК РФ. Следователь обеспечивает гарантии того, что будут установлены все события произошедшего, а также будут реализованы права участников уголовного судопроизводства в полном объеме. Однако при осуществлении расследования следователь может прийти к заключению, что лицо виновно в совершении преступления, или, наоборот, невиновно в силу отсутствия события самого преступления или невиновности в преступлении того или иного лица. В одном случае следователь направит дело в суд, во втором случае расследование дела может быть прекращено из-за отсутствия состава преступления. Поэтому относить следователя к стороне обвинения некорректно, так как, по сути, он может изначально установить невиновность лица.

Некоторые процессуалисты не рассматривают следователя как лицо, которое устанавливает истину по делу. Так, В. А. Середнев в своих рассуждениях отмечает, что «сегодня суды в России акцент делают на форму, а не на содержание» [6, с. 15]. Автор своими рассуждениями хотел донести то, что суд рассматривает исключительно только внешний вид доказательств, который должен соответствовать требованиям уголовно-процессуального законодательства, касающихся таких признаков, как: относимость, допустимость, достоверность, достаточность.

Таким образом, следователь не может быть отнесен как к стороне защиты, так и к стороне обвинения в полной мере. Данное положение связано с тем, что его роль в уголовном судопроизводстве необходимо устанавливать как что-то срединное, т. е. устанавливать возможность определения истины по делу, независимо от того обвинение ли это лица в совершении преступления или, наоборот, опровержение указанных обстоятельств в качестве событий преступления.

Рассматривая вопрос о месте и роли следователя в уголовном судопроизводстве, необходимо рассмотреть такое понятие, как самостоятельность следователя. В настоящее время понятие самостоятельности следователя в уголовном процессе отсутствует. Однако свое отражение данное понятие нашло в теории уголовного и уголовно-процессуального права.

С. Н. Хорьков убежден, что самостоятельность следователя – это полномочия по разработке, выдвижению и проверке версий по делу, также определение направления своей деятельности, в частности составление плана следственных действий, условий их проведения, сроков следствия, а также реализация мер принуждения в установленном законом порядке [8, с. 21]. Здесь автор использовал конкретный перечень мероприятий, кото-

рые должен осуществлять следователь, что отрицательно отражается на правоприменительной практике при расследовании уголовного дела. Указанные ситуации, безусловно, могут произойти, но данное мнение исследователя подрывает эффективность следователя, что не позволяет согласиться с данной точкой зрения.

Если обратиться к точке зрения Х. Б. Бегиева, то он под самостоятельностью следователя подразумевает совокупность его прав по осуществлению процессуальных полномочий [1, с. 98]. Эта дефиниция не раскрывает всецело все аспекты данного понятия, так как таким же образом можно сформулировать совокупность прав иных участников.

А. Р. Вартанова, анализируя указанные моменты, делает вывод, что самостоятельность следователя заключается в принятии решений и при выборе действий, необходимых при осуществлении процессуальных действий, ограничивается только при необходимости судебного разрешения [4, с. 45]. Данное мнение, на наш взгляд, является наиболее полным и правильным.

Действительно, при формировании понятия процессуальной самостоятельности следователя важно учитывать п. 3 ст. 38 УПК РФ, содержащий положение о том, что следователь самостоятельно определяет ход расследования преступления, принимает решение о проведении следственных действий, за исключением случаев, когда требуется судебное решение или разрешение руководителя следственного органа.

В понятие процессуальной самостоятельности следователя включается ряд правомочий, таких как:

- право давать поручения, которые связаны с осуществлением производства оперативно-розыскных мероприятий и отдельных следственных действий;
- право следователя на производство оценки доказательств.

Однако стоит отметить, что единственные должностные лица, которые могут повлиять на осуществление деятельности следователя – это суд и руководитель следственного органа. В 2007 г. законодатель делегировал контроль за деятельностью следователя руководителям следственного органа, приняв Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"» [7].

Стоит отметить, что законодатель предусмотрел механизмы защиты как следователя от необоснованного вмешательства со стороны должностных лиц, так и иных участников уголовного судопроизводства от неправомерных действий следователя, предоставив им право обжаловать решение следователя руководителю следственного органа или в суде.

Анализируя роль руководителя следственного органа в деятельности следователя, многие процессуалисты отмечают то, что в настоящее время самостоятельность следователя является спорной по причине того, что

следователь тотально подчиняется руководителю следственного органа, выполняя лишь его указания.

Данные высказывания носят сомнительный характер, так как являются недостаточно продуманными по причине того, что все навыки любого руководителя следственного органа основываются на умении организовывать деятельность сотрудников, ставить конкретные задачи и цели для наиболее эффективного осуществления расследования по уголовному делу.

Однако стоит сказать, что сегодня существует ряд проблем в части реализации принципа самостоятельности следователя. Необходимо указать на ту реформу, которая распределила полномочия по контролю между прокурором и руководителем следственного органа.

Изначально предполагалось, что данная реформа установит баланс между контрольной деятельностью прокурора и руководителя следственного органа, что не станет причиной повышения контрольно-надзорной нагрузки на следователя, но, как показала практика, объем контрольных полномочий вырос в несколько раз. Итог – следователь старается не устанавливать истину, а лишь не попасть под санкции со стороны лиц, которые осуществляют за ним контроль и надзор. Поэтому эффективность предварительного расследования достаточно сильно снизилась.

Так, сложившаяся ситуация достаточно негативно сказывается на состоянии следственной работы в России. Это связано с необоснованным ущемлением процессуальной самостоятельности следователя, что приводит к потере эффективности расследования. Это подтверждается историей развития процессуального статуса следователя в Российской Федерации. Процессуальная самостоятельность следователя должна рассматриваться как принцип уголовного судопроизводства, тем самым формируя основу для уголовного судопроизводства в действиях следователя. Данный принцип должен содержаться в нормах закона и стать предпосылкой для совершенствования уголовного процесса в части правового положения следователя.

Библиографический список

1. Бегиев Х. Б. Реализация в современном уголовном судопроизводстве России норм процессуальной самостоятельности следователя : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 98.
2. Багмет А. М. Следователь – судья на досудебной стадии // Российский следователь. 2019. № 18. С. 10–13.
3. Баев О. Я. Реплика. О правовой корректности аргументов в научных дискуссиях последнего времени // Библиотека криминалиста. 2017. № 7 (24). С. 31.
4. Вартанов А. Р. Проблемы процессуальной самостоятельности следователя по УПК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 45.

5. Конин В. В., Струкова А. А. Судебный следователь в российском уголовно-процессуальном праве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12. С. 45.

6. Середнев В. А. К вопросу о роли и статусе следователя в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2019. № 3. С. 15.

7. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87–ФЗ (ред. от 22 декабря 2014 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2017 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 24. Ст. 2830.

8. Хорьяков С. Н. Процессуальная самостоятельность следователя : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 21.

© Емельянова Н. Ю., 2023

УДК 343.13

Есина А. С. – профессор кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Москва);

Чиковани М. А. – преподаватель кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, г. Москва)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ: ПРИЧИНЫ И ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE APPLICATION OF DETENTION: REASONS AND WAYS OF RESOLUTION

Аннотация. В статье анализируются проблемные ситуации, которые возникают в деятельности следователя при применении меры уголовно-процессуального принуждения – задержания. Авторы попытались обосновать позицию относительно уяснения смысла отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) с тем, чтобы определиться в отдельных ключевых моментах применения данной меры: относительно исчисления срока задержания, юридического момента оформления задержания и др.

Abstract. The article analyzes the problematic situations that arise in the activities of an investigator when applying a measure of criminal procedural coercion-detention. The authors tried to substantiate their position regarding the clarification of the meaning of certain provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in order to determine certain key points in the application of this measure: regarding the calculation of the period of detention, the legal moment of registration of detention, and others.

Ключевые слова: задержание, мера уголовно-процессуального принуждения, подозреваемый, следователь, протокол задержания, срок задержания, права подозреваемого.

Keywords: detention, measure of criminal procedural coercion, suspect, investigator, protocol of detention, period of detention, rights of the suspect.

Уголовно-процессуальный закон предоставляет следователю различные правовые средства для решения задач уголовного судопроизводства, среди которых задержание подозреваемого занимает особое место. Это самая эффективная, исключительная и особенная мера принуждения, что обусловлено целями и процессуальным порядком ее применения. Следует признать тот факт, что проблемные вопросы процессуального задержания являются одной из самых дискуссионных тем в уголовно-процессуальной науке. Нет единообразия в понимании сущности и порядка применения данной меры принуждения и среди практических сотрудников органов предварительного расследования. На протяжении десятилетий идут дискуссии относительно момента фактического задержания и его разграничения с процессуальным задержанием. Нет единого мнения о начальном моменте исчисления срока задержания, возможности применения задержания на первом этапе уголовного судопроизводства, о правах подозреваемого и тех лиц, которые принимают участие в задержании, и многом другом. Молодые ученые на уровне своих исследований изучают данную проблематику, предлагая, в зависимости от предмета исследования, свои пути разрешения обозначенных вопросов. Однако ситуация по-прежнему остается проблемной, а необходимость применения норм гл. 12 УПК РФ в правоприменительной практике появляется ежедневно.

Возникает закономерный вопрос: почему данное процессуальное действие на протяжении многих десятилетий приковывает к себе внимание и ученых и практиков? Ответ видится авторам статьи в простом объяснении: правовое регулирование применения данной меры принуждения не имеет четкой конструкции. Более того, термины и понятия, используемые законодателем в нормах гл. 12 УПК РФ, не позволяют правоприменителям единообразно уяснить очевидность законодательных требований.

Заметим, что отсутствие единого толкования отдельных положений закона по применению задержания беспокоит и органы судебной власти.

Именно в целях единообразного правоприменения в июне 2022 г. Верховный Суд Российской Федерации дал свои разъяснения относительно того, когда процессуальное задержание следует считать законным [1]. Думается, что публичное мнение высшего органа судебной власти по поводу задержания появилось неслучайно. Очевидно, что дальнейшее несовершенство отдельных законодательных положений института процессуального задержания влечет риски по применению норм данного правового института с точки зрения обеспечения принципа законности и конституционных прав граждан в уголовно-процессуальной сфере.

Полагаем, что обозначенную проблему можно разрешить путем внесения изменений в определенные нормы гл. 12 УПК РФ. Попытаемся кратко обосновать некоторые свои позиции по данному вопросу.

1. Целесообразно исключить из текста уголовно-процессуального закона термин «фактическое задержание», поскольку толкование рассматриваемого термина в п. 15 ст. 5 УПК РФ более всего вводит в заблуждение правоприменителей. Обратим внимание, что именно момент фактического задержания определяет возникновение обязанностей у следователя и иных участников процесса. В ч. 2 ст. 46 УПК РФ законодатель требует произвести допрос подозреваемого не позднее 24 часов с момента его фактического задержания. В п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ (Защитник) говорится о том, что защитник участвует в уголовном деле с момента фактического задержания. Однако, обратившись за буквальным толкованием рассматриваемого термина к словарям, обнаружим, что в словаре Д. Н. Ушакова [2] для уяснения смысла слова «фактический» приводится пример: фактический брак, т. е. существующий, но юридически не оформленный. Представляется, что именно в таком понимании следует толковать и фразу «фактическое задержание», т. е. удержание лица имело место быть в действительности, что и повлекло ограничение лица в свободе передвижения, но юридического оформления (согласно УПК РФ) это событие не получило. В данном случае уместно вспомнить мнение профессора О. В. Химичевой о том, что : «....применяемый законодателем термин "фактическое задержание" используется лишь для обозначения момента непосредственного задержания лица, то есть физического ограничения свободы, а не в смысле противопоставления некоему "процессуальному задержанию"» [2]. Полагаем, что следует устранить причину терминологического свойства. В уголовно-процессуальной сфере не может быть иного задержания, кроме как процессуального, регулируемого УПК РФ, что и следует четко закрепить в тексте закона, исключив словосочетание «фактическое задержание» из норм УПК РФ.

2. В уголовно-процессуальном законе следует закрепить положение о том, что условием для применения задержания является наличие возбужденного уголовного дела. Применять задержание до возбуждения уголовного дела недопустимо. Отсутствие подобного положения в тексте закона дает основание к выводу о возможности задержания до возбуждения уго-

ловного дела, а такое основание как «лицо застигнуто при совершении преступления» (п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ) окончательно убеждает правоприменителей в верности своего ошибочного утверждения. Данное предложение следует реализовать незамедлительно с той точки зрения, с которой Верховный Суд Российской Федерации вполне категорично высказался в Постановлении от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия», предлагая судьям считать незаконным задержание в случае его осуществления до возбуждения уголовного дела [1].

3. Анализ правоприменительной практики позволяет констатировать, что начальный момент задержания лица по-разному определяется и правоприменителями, и адвокатами, и прокурорами, осуществляющими надзор, что в отдельных случаях является основанием для вывода о нарушении закона в действиях следователя. Если в законе будет четко определен момент юридического оформления процессуального задержания (составление протокола задержания), условие для процессуального задержания (наличие возбужденного уголовного дела), то никому и в голову не придет мысль отсчитывать срок задержания в 48 часов с момента захвата гражданина на улице. Во-первых, не каждый «схваченный» на улице (пусть даже на месте совершения преступления) оказывается причастным к преступлению. Во-вторых, даже если будет установлено, что лицо причастно к совершению преступления, то не во всех случаях к такому лицу применяют задержание. В арсенале субъекта расследования имеются и иные меры, например, обязательство о явке, меры пресечения. В-третьих, задержание гражданина на улице и доставление его в правоохранительный орган, безусловно, ограничивает гражданина его в конституционном праве на свободу личности. НО! Это действие не урегулировано УПК РФ, не является процессуальным задержанием и потому не носит процессуального характера. Мы согласны с тем, что продолжительность удержания лица до момента процессуального задержания (т. е. до момента составления протокола) является ограничением конституционного права. Скорее всего адвокаты правы, когда обращают внимание суда на время «захвата» своего клиента сотрудниками правоохранительных органов. Однако мы убеждены, что этот период времени не должен учитываться при исчислении 48 часов задержания, а должен приниматься во внимание судом при определении меры наказания в виде лишения свободы. В качестве аргумента нашей позиции следует привести тот очевидный факт, что законодательно закрепленные 48 часов задержания установлены для проверки задержанного на причастность к совершению преступления. Промежуток времени, в течение которого лицо доставляется в орган дознания, а затем находится в течение 3 часов в помещении органа дознания, в соответствии со ст. 92 УПК РФ – это время, которым не располагает следователь. В этот отрезок времени с задержанным общаются другие лица, в том числе и должностные, но не следователь. Интерес представляет регламентация данной си-

туации в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан (далее – УПК РК), где само доставление названо мерой принуждения и регламентирован его срок – 3 часа (ст. 129 УПК РК). Однако в случае невозможности обеспечить своевременное доставление задержанного к должностному лицу, общий срок задержания может исчисляться 72 часами (п. 6 ч. 4 ст. 131 УПК РК). Полагаем, что установить период времени доставления задержанного в орган дознания в Российской Федерации весьма проблематично. При разрешении данного вопроса необходимо учитывать территорию нашей страны, географические особенности, погодные условия, чрезвычайные ситуации и иное. Уголовно-процессуальный закон действует на всей территории Российской Федерации, а не в отдельно взятом субъекте, где было бы возможно четко установить время доставления лица к следователю. В этой связи мы не настаиваем на законодательном закреплении периода времени доставления лица в орган дознания, но приводим пример зарубежного законодательства с целью демонстрации регулирования данного вопроса в законе иных стран. Таким образом, полагаем, что в случае четкого определения момента юридического оформления задержания путем составления протокола время исчисления срока задержания не будет вызывать затруднения, поскольку очевидно, что с момента составления протокола задержания следователем (дознавателем) начинает исчисляться срок задержания.

Полагаем, что высказанные в статье предложения, в случае их реализации, будут способствовать совершенствованию правового регулирования применения процессуального задержания и сократят случаи нарушения закона со стороны должностных лиц, применяющих нормы данного правового института из-за неясности уяснения замысла законодателя.

Библиографический список

1. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 // Российская газета. 2022. № 145.
2. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова // Словари и энциклопедии GUFO. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov> (дата обращения: 14.01.2023).
3. Химичева О. В., Шаров Д. В., Терехов А. Ю. К юбилею выдающегося ученого. Профессор В. Н. Григорьев : концепция задержания подозреваемого // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 4 (54). С. 120.

© Есина А. С., 2023

© Чиковани М. А., 2023

Жамкова О. Е. – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (Россия, г. Москва)

**УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В ОТНОШЕНИИ СВИДЕТЕЛЯ:
ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ
ИЛИ НЕЗАКОННАЯ ПРАКТИКА**

**CRIMINAL PROSECUTION OF A WITNESS:
PROCEDURAL NECESSITY OR ILLEGAL PRACTICE**

Аннотация. В статье анализируется проблемная ситуация, когда в ходе предварительного следствия лицо, в отношении которого имеются данные, свидетельствующие о возможной его причастности к совершению преступления, допрашивается в качестве свидетеля, оценивается осуществляемая должностными лицами процессуальная деятельность по изобличению лица, не являющегося пока подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу.

Abstract. The article analyzes a problematic situation when, during the preliminary investigation, a person in respect of whom there is evidence of his possible involvement in the commission of a crime is interrogated as a witness, the procedural activity carried out by officials to expose a person who is not yet a suspect or accused in a criminal case is evaluated.

Ключевые слова: защита, подозреваемый, свидетель, уголовное преследование, уголовно-процессуальная деятельность.

Keywords: defense, suspect, witness, criminal prosecution, criminal procedural activity.

Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) установлено, что в каждом случае обнаружения признаков преступления должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, наравне с установлением события преступления принимают меры по изобличению лица, виновного в его совершении. Однако прежде чем сделать вывод о том, что преступление совершено определенным лицом, необходимо последовательно реализовывать деятельность по уголовному преследованию такого лица.

Следует согласиться с Л. М. Карнеевой, которая полагала, что «пока подозрение является лишь субъективной точкой зрения следователя, не

находящее выражение в соответствующем процессуальном документе и не затрагивающее интересы «заподозренного» лица, то невозможно поставить вопрос о наделении последнего определенными процессуальными правами» [1, с. 36]. С этой точки зрения бесспорно и мнение А. П. Кругликова, который полагал, что «подозреваемым следует считать лицо, в отношении которого следователь (дознатель) по уголовному делу выдвинул и изложил в определенных процессуальных документах обоснованное предположение о совершении этим лицом преступления и предпринял действия, направленные на его разоблачение» [2, с. 103].

Таким образом, ученые-процессуалисты полагают, что для вывода о причастности лица к совершению преступления, для придания ему процессуального статуса подозреваемого необходимо наличие достаточных оснований, т. е. каких-либо доказательств, подтверждающих причастность лица к преступлению.

Однако анализ правоприменительной практики позволяет утверждать, что не всегда на первоначальном этапе расследования удастся собрать достаточное количество доказательств для вывода о причастности лица к совершению преступления, что, в свою очередь, не позволяет наделить это лицо соответствующим процессуальным статусом. В практике довольно часто встречаются ситуации, когда, например, в групповом преступлении действия одного из соучастников очевидны и собрать доказательства его причастности к преступлению не представляет труда. В то время как другое лицо выполняет незначительные действия и его соучастие в преступлении не столь очевидно, в результате чего доказать его вину в совершении преступления бывает порой очень затруднительно. Для того, чтобы установить степень участия каждого лица в совершении преступления, а также с целью непривлечения к уголовной ответственности лиц, которые случайно оказались на месте преступления, необходимо проводить с ними следственные действия. Тут и возникает вопрос о том, в каком процессуальном статусе участвуют эти лица в уголовном деле? На первоначальном этапе расследования не всегда бывает очевидно, кто какую роль выполнял в момент совершения преступления и каким процессуальным статусом должно обладать лицо в уголовном деле.

Как правило, сначала следователи допрашивают граждан в качестве свидетелей. Однако, наряду с вопросами о событии преступления, всегда задаются вопросы, которые более характерны для допроса подозреваемого. Например, спрашивается о том, где гражданин был в момент совершения преступления, что конкретно делал и говорил в момент совершения преступления и др. Фактически, следует признать, что такой свидетель более похож на «заподозренного», поскольку у него может иметься интерес в уголовном деле более свойственный подозреваемому, чем свидетелю. Однако уголовно-процессуальный закон предлагает следователю выбор: либо

следует оформить такое лицо в качестве подозреваемого, либо следует произвести допрос этого лица в качестве свидетеля.

Есть мнение, что если следователь производит допрос лица в качестве свидетеля, то в этом усматривается стремление лишить их конституционного права не свидетельствовать против самого себя, добиться от свидетеля нужных показаний путем самоизобличения. Так, по мнению С. П. Фурлета [3], такая деятельность препятствует реализации лица его права на самозащиту и защиту от первично возникших подозрений, выступает формой полноценного скрытого уголовного преследования. Представляется, что данная позиция основана на судебном толковании понятия «уголовное преследование», которое предлагалось понимать как деятельность, которая осуществляется еще до возбуждения уголовного дела, если проверочные действия процессуального характера осуществляются в отношении конкретного лица.

С подобной позицией можно было бы согласиться, если бы законодатель внес соответствующие изменения в текст УПК РФ и изменил формулировку понятия «уголовное преследование». Однако этого не произошло. Уголовное преследование толкуется как деятельность, осуществляемая только в отношении подозреваемого или обвиняемого (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Следовательно, вопросы свидетелю, которые могут быть истолкованы как «против него самого», не означают начала уголовного преследования. В то же время нет оснований для утверждения о незаконности подобной практики. Следователь, производя допрос лица в качестве свидетеля, тем самым включает лицо в сферу уголовно-процессуальных отношений, чтобы при оценке всех полученных доказательств установить, причастно ли это лицо (этот свидетель) к совершению преступления или нет. При этом не следует отрицать того очевидного факта, что процессуальный статус свидетеля в определенном смысле «удобен» для должностного лица, поскольку свидетель не может отказаться от дачи показаний, не вправе давать ложные показания, обязан являться по вызовам и имеет другие обязанности, несоблюдение которых дает право должностному лицу применить к свидетелю меры уголовно-процессуального принуждения (например, привод или денежное взыскание).

Бесспорно, что на этапе доследственной проверки деятельность по установлению события преступления, обстоятельств произошедшего и личности преступника фактически уже осуществляется. При этом законодатель постоянно расширяет процессуальные средства проверки, дополняя ст. 144 УПК РФ. С этой точки зрения, можно признать оправданным утверждение о том, что уголовное преследование фактически начинается до возбуждения уголовного дела, поскольку все проверочные действия направлены на установление лица, совершившего преступление. Однако, по мнению автора статьи, данный вопрос должен быть урегулирован в тексте

уголовно-процессуального закона путем изменения формулировки понятия «уголовное преследование».

Не способствует разрешению рассматриваемой ситуации и несовершенство законодательных норм, регламентирующих уголовно-процессуальный статус подозреваемого. Порядок производства предварительного следствия позволяет наделить лицо процессуальным статусом подозреваемого лишь в случае, если в отношении лица возбуждено уголовное дело, если оно задержано по подозрению в совершении преступления или в отношении него избрана мера пресечения. У следователя (в отличие от дознавателя) нет возможности наделить лицо статусом подозреваемого при наличии собранных для этого данных (п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ). Фактически законодатель установил для предварительного следствия такую процедуру, когда вчерашний «свидетель» может оказаться «обвиняемым» не находясь в промежуточном статусе «подозреваемого» вовсе. Безусловно, данный порядок ограничивает и возможности следователя. Возникают две ситуации, когда:

- сведения, имеющиеся у следователя, дают основания заподозрить определенное лицо в причастности к совершению преступления, но они недостаточны для введения лица в статус подозреваемого и требуют проверки и дополнения;

- сведения, имеющиеся у следователя, достаточны для введения лица в статус подозреваемого, но отсутствует процессуальная возможность наделить лицо статусом подозреваемого.

В специальной литературе высказаны различные предложения относительно разрешения рассматриваемой проблемы. Большинство авторов пишут о необходимости дополнения УПК РФ нормой, определяющей процессуальный статус лиц, в отношении которых отсутствуют достаточные доказательства их участия в совершении преступления, однако именовать их свидетелями, в том смысле, как определяет данного участника законодатель, также нет оснований (ст. 56 УПК РФ). Так, например, С. П. Фурлет предлагает ввести такого участника как «заподозренный свидетель», под которым он предлагает понимать лицо, о котором упоминается в сообщении о преступлении либо его ФИО фигурирует в показаниях участников уголовного судопроизводства как о соучастнике преступления. При этом такое лицо будет получать данный статус либо с момента возбуждения уголовного дела, либо с момента вынесения соответствующего постановления. Упомянутый автор полагает, что статус свидетеля позволит ему участвовать в следственных действиях вместе с адвокатом, знакомиться с протоколами следственных действий, и при этом он будет освобожден от уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний.

Данное предложение представляется спорным. Включение участника уголовного судопроизводства, который будет обладать гибридными правами подозреваемого и свидетеля, в отношении которого у должностных лиц отсутствует четкие доказательства причастности к совершенному преступлению, нецелесообразно. Возникает ряд вопросов: будет ли такое лицо иметь право на реабилитацию в случае, если подозрение не подтвердится; каков порядок применения к такому лицу мер процессуального принуждения; как производить оценку данных таким лицом показаний.

По мнению автора статьи, если следователь осуществляет деятельность по производству уголовного преследования в отношении свидетеля, располагая при этом сведениями о том, что свидетель причастен к совершению преступления, но сознательно сохраняет за ним данный процессуальный статус, то подобную практику следует признать незаконной.

В случае же, когда у следвателя отсутствует легальный способ наделить лицо процессуальным статусом подозреваемого, вполне целесообразным выглядит предложение о том, чтобы распространить законодательную конструкцию уведомления о подозрении на такую форму расследования как предварительное следствие. Реализация данного предложения позволит разрешить проблемную ситуацию с допросом «заподозренного свидетеля» и позволит исключить осуществление в отношении лица скрытого уголовного преследования.

Библиографический список

1. Карнеева Л. М. Подозреваемый в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1959. № 4. С. 36.
2. Кругликов А. П. Уголовный процесс : учебник для бакалавров. М. : Норма, 2015. С. 103.
3. Фурлет С. П. Процессуальные технологии незаконных уголовных преследований : осуществление в отношении свидетелей скрытых уголовных преследований. URL: https://zakon.ru/blog/2018/2/21/processualnye_tehnologii_nezakonnyh_ugolovnyh_presledovanij?ysclid=ldmpfahlt646107694 (дата обращения: 15.01.2023).

© Жамкова О. Е., 2023

Заливин А. Н. – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Рыжаков А. П. – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, г. Москва)

АКТИВИЗАЦИЯ ЗАЯВИТЕЛЕМ ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЕГО ПРАВ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

ACTIVATION BY THE APPLICANT OF THE DEPARTMENTAL CONTROL OVER THE OBSERVANCE OF HIS RIGHTS AT THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE

Аннотация. В статье описаны типичные способы нарушений прав заявителя на стадии возбуждения уголовного дела, возможности противодействия таковым; обосновывается возможность требования электронного ответа на электронное обращение.

Abstract. The article describes typical ways of violations of the applicant's rights at the stage of initiation of a criminal case, the possibility of countering such; substantiates the possibility of requiring an electronic response to an electronic appeal.

Ключевые слова: жалоба, заявитель, заявление о преступлении, отказ в возбуждении уголовного дела, следователь, электронное обращение.

Keywords: complaint, applicant, statement about a crime, refusal to initiate a criminal case, investigator, electronic appeal.

Проблема несоблюдения установленных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) сроков стадии возбуждения уголовного дела в отдельных органах предварительного следствия не нова. В особенности так происходит, когда предполагается завершение первоначальной стадии уголовного процесса отказом в возбуждении уголовного дела [8, с. 17–20].

Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отдельных случаях оформляется «задним числом» [1, с. 8–12]. Заявителю своевременно не сообщают о принятом по его заявлению о преступлении решении, предусмотренном одним из пунктов ч. 1 ст. 145 УПК РФ, не направляют копию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 148 УПК РФ). На его жалобы в порядке ст. 123 УПК РФ реакция та же [4]. Добиться своевременного получения копии постановления о полном или частичном удовлетворении жалобы либо об отказе в ее удовлетворении, особенно если заявитель проживает в другом субъекте Российской Федерации, мягко говоря, непросто [3]. Хотя в материале об отказе в возбуждении уголовного дела копия документа, свидетельствующего об отправке заявителю сообщения, копии постановления и т. п. (далее для краткости, если иное специально не оговорено, – Извещение) имеется.

Каковы типичные способы, используемые такими следователями? По нашему мнению, их можно подразделить на несколько видов:

1) приобщение к материалу копии Извещения, якобы направленного простым письмом почтой России [6];

2) возбуждение уголовного дела по рапорту об обнаружении признаков преступления, составленному в тот же день, что возбуждено уголовное дело, после серии незаконных отказов в возбуждении уголовного дела по заявлению о преступлении [10];

3) отказ от присвоения Извещению исходящего номера [2];

4) игнорирование ходатайства заявителя о направлении Извещения на адрес его электронной почты [5].

Почему применяются перечисленные здесь формы нарушения требований законодательства?

Первый способ позволяет проверяющему «убедиться» в том, что в материале проверки имеется копия Извещения. Предполагается, что поскольку таковая имеется, то Извещение было не только направлено заявителю, но и получил он его своевременно. Если заявитель продолжает требовать направления ему Извещения и утверждает, что его не получил, следователь имеет возможность сослаться на то, что Извещение еще не дошло почтой России или что это не его упущение, а недоработка почты России.

Вторым способом следователь «убирает» из дела заявителя, тем самым лишая конкретного человека, обратившегося в следственный орган с заявлением о преступлении, ряда уголовно-процессуальных прав. Причем делается это еще и для того, чтобы скрыть факт неразумного срока досудебного производства и воспрепятствовать положенной в этом случае лицу компенсации.

При применении третьего способа в соответствующем месте Извещения вместо исходящего номера указывается номер контрольного производства [7]. Это позволяет на Извещении указывать любую дату его направления заявителю. Если в Извещении отражать номер исходящего до-

кумента, то по нему легко обнаружить, что дата отправки документа не совпадает с исходящим номером. Либо следователь будет вынужден дату на Извещении указывать правильную. В этом случае нарушение сроков направления Извещения будет налицо.

Четвертый способ хотя, по сути, и сопровождается нарушением требований п. 3 ст. 7 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [9] и ведомственных нормативных актов, но проходит часто из-за того, что заявителю не известны данные требования. К тому же отказ в направлении Извещения на электронный адрес заявителя следователь обычно оправдывает сложившейся практикой в его следственном отделе и отсутствием в УПК РФ обязанности следателя направлять заявителю извещения на электронный адрес.

Как с этим бороться?

Прежде всего путем обжалования незаконного уголовно-процессуального бездействия (решений, действий) следователя (руководителя следственного органа) в порядке ст. 123 и 125 УПК РФ. Наш опыт исправления указанных разновидностей нарушений законодательства Российской Федерации указывает на то, что эффективнее оказывается не одновременное обжалование в разные ведомства, а поочередное. Сначала подробная жалоба со ссылками на закон и приказы ведомства направляются руководителю следственного органа. Если через 10 дней ответ от него не получен, обжалуется уже его уголовно-процессуальное бездействие руководителю вышестоящего следственного органа. Если нет ответа от последнего, обжалуется руководителю еще более вышестоящего следственного органа уже уголовно-процессуальное бездействие второго руководителя. Рекомендуются также добиваться приема у руководителей контрольно-следственных подразделений и руководителей следственных органов уровня субъекта Российской Федерации. Причем, если заявитель находится в другом субъекте Российской Федерации, он не лишен возможности ходатайствовать о приеме его по телефону. Но в любом случае следует ссылаться на нормативные акты, которые, с одной стороны, указывают на наличие у заявителя права требовать получения Извещения, с другой – обязанности должностных лиц как направлять таковые заявителю, так и контролировать выполнение данного требования своими подчиненными.

На какие же нормативные акты следует ссылаться?

Часто заявителю очень сложно добиться своевременного получения копии незаконного и необоснованного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. В особенности так происходит, когда следователь не смог установить лицо, совершившее преступление, и вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в отношении лица, которое, по его мнению, непричастно к совершению пре-

ступления. Но по факту совершения преступления решения просто не принял.

Мы бы рекомендовали по такого рода фактам совершения преступлений заявления о преступлении направлять в виде электронного документа в следственный орган посредством специальных страниц (разделов), имеющих на официальных сайтах учреждений. Такие страницы, к примеру сайтов следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по субъектам Российской Федерации, именуются интернет-приемной. В самом заявлении о преступлении рекомендуется указывать не только адрес своей электронной почты, но и ходатайствовать о своевременном направлении на нее всех полагающихся заявителю документов (сообщений, копий постановлений и т. п.).

В части 4 ст. 148 УПК РФ закреплена обязанность следователя направлять заявителю копию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента его вынесения. В этой статье нет ни слова о том, что направлять данный документ следователь вправе только почтой России, что обязательно нужно при этом тратить государственные средства и нельзя это сделать бесплатно, способом, предусмотренным п. 3 ст. 7 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Пункт 3 же ст. 7 вышеназванного федерального закона возлагает на «должностное лицо», которому поступило обращение в форме электронного документа, обязанность направить ответ на адрес электронной почты, указанный «гражданином» в обращении.

Согласно п. 24 Инструкции о порядке ведения официального сайта Следственного комитета Российской Федерации в сети Интернет, утвержденной приказом Следственного Комитета Российской Федерации от 30 сентября 2011 г. № 141, «в обращении гражданин в обязательном порядке указывает свои фамилию, имя, отчество (последнее – при наличии), адрес электронной почты, если ответ должен быть направлен в форме электронного документа». Подобная информация размещена на официальном сайте каждого Следственного управления (Главного следственного управления) Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации (см., к примеру: <https://ivanovo.sledcom.ru/references>).

На руководителя следственного органа п. 2.4. приказа Генпрокуратуры России № 147, МВД России № 209, ФСБ России № 187, СК России № 23, ФСКН России № 119, ФТС России № 596, ФСИН России № 149, Минобороны России № 196, ФССП России № 110, МЧС России № 154 от 26 марта 2014 г. «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях» возложил обязанность обеспечить постоянный контроль

за направлением заявителю копий постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в установленный законом срок, а также за приобщением к материалам проверки сведений, подтверждающих выполнение требований ч. 4 ст. 148 УПК РФ. В соответствии с п. 1.6 приказа Следственного комитета Российской Федерации от 9 января 2017 г. № 2 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации» именно он обязан контролировать в возглавляемом им отделе направление заявителю копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента его вынесения, с разъяснениями заявителю права обжалования данного решения.

Все перечисленные сведения следует указать в жалобе. Это вполне может стать достаточным, чтобы «убедить» руководителя следственного органа как в необходимости направления ответа на нее им самим, так и копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела следователем в виде электронного документа на электронный адрес заявителя.

Библиографический список

1. Быданцев Н. А. Актуальные вопросы производства по судебному контролю в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации // Законы России : опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 8–12.

2. Контрольное производство № 174ж-21 Симоновского межрайонного следственного отдела СУ по Южному административному округу г. Москвы ГСУ СК России по г. Москве.

3. Материал проверки КРСП № 187пр-21 от 12 апреля 2021 г. следственного отдела по Колпинскому району ГСУ СК России по Санкт-Петербургу.

4. Материал проверки КРСП № 222 пр/лен-22 от 30 марта 2022 г. следственного отдела по Ленинскому району города Иваново Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ивановской области.

5. Материал проверки КРСП № 361пр-22 следственного отдела по Нахимовскому району города Севастополя Главного Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым и городу Севастополю.

6. Материал проверки КРСП № 403пр-20 от 13 октября 2020 г. Чертановского межрайонного следственного отдела Следственного Управления по Южному административному округу ГСУ СК России по г. Москве.

7. Постановление Симоновского районного суда г. Москвы от 19 октября 2022 г. по делу № 3/12-0209/2022.

8. Смирнова И. Г., Шадрин М. Ю. К вопросу о пределах разумности срока судебной проверки законности постановления о возбуждении уголовного дела : по следам одного уголовного дела // Российский следователь. 2020. № 2. С. 17–20.

9. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.

© Заливин А. Н., 2023

© Рыжаков А. П., 2023

УДК 343.1

Зотова А. Ф. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России (Россия, г. Волгоград)

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ОТКРЫТОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

TRANSPARENCY AS A WAY TO IMPLEMENT THE PRINCIPLE OF OPENNESS OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье проводится анализ понятия транспарентности как феномена, являющегося предметом рассмотрения научным сообществом и законодателями, с целью обеспечения механизма реализации демократического общества. Особое внимание уделяется интеграции данного понятия с понятиями «открытость, доступность, свобода». Приводится обоснование наличия данного феномена в законодательной базе Российской Федерации. Транспарентность как феномен интересует не только научное сообщество. В настоящее время пристальное внимание к нему уделяется как политиками, так и государственными служащими, так или иначе выступающими управленцами, публичными личностями. Ставится вопрос о возможности выступления транспарентности как способе реализации принципа открытости уголовного судопроизводства. Обосновывается позиция о выделении уголовного судопроизводства как наиболее подлежащего раскрытию с точки зрения доступности.

Abstract. The article analyzes the concept of transparency as a phenomenon that is the subject of consideration by the scientific community and legislators in order to provide a mechanism for the implementation of a democratic society. Particular attention is paid to the integration of this concept with the concepts of "openness, accessibility, freedom". The substantiation of the existence of this phenomenon in the legislative framework of the Russian Federation is

given. Transparency as a phenomenon is of interest not only to the scientific community. Currently, close attention is paid to it by both politicians and civil servants, one way or another acting managers, public figures. The question is raised about the possibility of transparency as a way to implement the principle of openness of criminal proceedings. The position on the allocation of criminal proceedings as the most subject to disclosure in terms of accessibility is substantiated.

Ключевые слова: открытость, транспарентность, уголовное судопроизводство.

Keywords: openness, transparency, criminal proceedings.

Современное общество переживает кардинальные изменения во всех своих сферах. Стремительная интеграция цифровых технологий отражается на прежнем укладе и неустанно диктует необходимость введения новых правил. Не является исключением необходимость изменения сложившегося понимания демократического общества, которое и ранее характеризовалось в первую очередь открытостью и доступностью информации, развитыми институтами гражданского общества и коммуникационными системами.

Обострившаяся политическая обстановка показала достаточно прозрачно, что доминирование глобальных политических сообществ на мировой арене не является перевешивающим фактором, и в случае необходимости внутренний потенциал страны может консолидироваться таким образом, что парадигма управленческих сил, ориентируясь на отдельно взятого человека, сможет возродить институты этого общества и вывести их в качественном плане на вполне способный к конкурентной основе мировой аналог.

Под транспарентностью мы понимаем порядок взаимоотношений и взаимодействий при прямой связи органов власти, учреждений и организаций, предоставляющих необходимую информацию для заинтересованных лиц с возможностью дальнейшего использования полученной информации [1]. Отсюда и вытекает, что данные решения реализуются на открой, полной и своевременной информации, доступной для широкого круга лиц с целью ненарушения их законных прав.

Транспарентность уголовного процесса как феномен широко рассматривается не только учеными в области науки. Помимо этого, сегодня особую заинтересованность можно увидеть со стороны лиц, занимающихся политикой, среди государственных служащих, в том числе и среди людей, выступающих управленцами, публичными личностями.

Нормативная правовая база, закрепляющая данный термин и дающая ему официальное толкование, имеется только в Соединенных штатах Америки. Так, законом о свободе информации предусмотрено [2], что транспа-

рентность, помимо прочего, делится на виды и наиболее весомой выступает правительственная транспарентность. А в общем понимании это ничто иное как свобода в получении информации, возникающей при взаимоотношении индивида и управленческих организаций, а также между управленческими организациями [3, с. 29].

В Российской Федерации регламентирование данного права осуществляется как на конституционном уровне, так и на уровне федерального законодательства. Статья 29 Конституции Российской Федерации закрепляет право получать, производить и распространять информацию и объединяет это право со свободой слова и свободой средств массовой информации.

Здесь хотелось бы более подробно остановиться на транспарентности судопроизводства, а именно уголовного судопроизводства, так как именно при отправлении уголовного судопроизводства наиболее часто решается судьба не только отдельно взятого индивида, но и общества в целом.

Открытый характер при рассмотрении уголовных дел предусмотрен в том случае, когда это не противоречит требованиям законодательства об уголовном судопроизводстве [4, с. 33].

Учитывая специфику уголовного судопроизводства и наличие категорий дел, рассматриваемых в обязательном порядке в закрытом судебном заседании, ставится под сомнение необходимость использования многообразия синонимичных терминов [5, с. 47].

Примечательно мнение профессора А. В. Смирнова, согласно которому «публичность, тождественно открытости правосудия и оба представляют собой более глубокое понятие, нежели просто гласное ведение судебного разбирательства или только оглашения приговора» [6, с. 13]. С данным высказыванием вполне обоснованно можно не согласиться, так как отождествление публичности процесса и его открытости с транспарентностью не совсем точно ввиду того, что транспарентность понятие более широкое.

Смешивание данных понятий случалось неоднократно и ранее уже отмечалось в учебниках по уголовному процессу, однако изменения в законодательстве стерли сложившееся понимание и четко разграничили эти принципы.

При обращении к терминологии понятия «публичность» мы видим буквальный перевод с английского языка – public. Данный термин и явился в 2001 г. формальным поводом к исключению принципа публичности из гл. 2 УПК РФ.

Тем не менее исключение принципа публичности из целой системы принципов уголовного процесса вызвало множество негодований среди ученых процессуалистов. Вместе с тем появились и мнения по поводу регулирования публичности в уголовном процессе [7, с. 49].

Занимая любую позицию в данных дискуссиях, трудно смириться с тем, что понятийный аппарат уголовно-процессуального закона иногда формируется под воздействием банальной терминологической путаницы.

Таким образом, стоит отметить, что транспарентность как судебной власти в целом, так и уголовного судопроизводства в частности является наиболее важным условием эффективности российской судебной системы. Реализация данного принципа представляет собой некую гарантию как независимости судей, так и контроля за деятельностью суда, повышая уровень доверия и авторитета к судебной власти. Разграничивая такие понятия как «открытость» и «транспарентность» не учитывается тот факт, что «транспарентность» априори понятие собирательное, более широкое по своему смысловому значению и включает в себя как «гласность», так и «открытость», раскрывая при помощи этого все стороны организации и деятельности судебной власти, провозглашая принципы демократического государства и гражданского общества.

Библиографический список

1. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации : федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Аносова Л. С. Соотношение понятий гласности, открытости и транспарентности судопроизводства : конституционно-правовые аспекты // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 21. С. 29.
4. Проблемы транспарентности правосудия : монография / ред.-сост. Е. Б. Абросимова, С. Л. Чижков. М. : ЛексЭст, 2005 С. 33.
5. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841 С. 42–43, 47.
6. Смирнов А. В. Транспарентность судебной власти : политико-правовой анализ // Проблемы транспарентности правосудия : монография / ред.-сост. Е. Б. Абросимова, С. Л. Чижков. С. 13.
7. Частилова Л. А., Бурмистрова Е. С. Открытость судебной системы. Проблема баланса интересов // Российское правосудие. 2010. № 6. С. 49.

© Зотова А. Ф., 2023

Ильяшевич Т. А. – преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, г. Москва)

ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СРОКОВ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

ISSUES OF REGULATION OF TERMS OF INQUIRY IN ABBREVIATED FORM

Аннотация. В процессе расследования уголовного дела важно не выйти за временные границы, что обуславливает необходимость рассмотрения понятия процессуальных сроков и их определения при производстве дознания в сокращенной форме. Выявленные расхождения в ходе анализа практики исчисления последних указывают на необходимость их унификации.

Abstract. During the investigation of a criminal case, it is important not to go beyond the time limits, which necessitates the consideration of the concept of procedural deadlines and their definition during the investigation in an abbreviated form. The revealed discrepancies, during the analysis of the practice of calculating the latter, indicate the need for their unification.

Ключевые слова: процессуальные сроки, дознание в сокращенной форме, срок дознания в сокращенной форме, приговор.

Keywords: procedural terms, inquiries in abbreviated form, term of inquiry in abbreviated form, sentence.

Уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая уполномоченными органами в связи с расследованием преступления, ограничена процессуальными сроками. Под процессуальными сроками и понимается установленный уголовно-процессуальным законом промежуток времени, в течение которого участники уголовного судопроизводства обязаны или правомочны принимать соответствующее решение, совершить процессуальное действие или воздержаться от его совершения в целях реализации назначения уголовного судопроизводства в разумный период времени [7, с. 188].

Процессуальные сроки играют важную роль в уголовном судопроизводстве, они определяют временные границы стадий, принятие отдельных решений, производство процессуальных действий. На определение процессуальных сроков влияет множество факторов, обеспечивающих защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, ба-

ланс между временем и качеством производства определенных действий и непосредственно эффективность расследования.

Нарушение процессуальных сроков приведет к нарушению уголовно-процессуальной формы и, соответственно, производство процессуальных действий, принятие решений за пределами установленных сроков будет признано незаконным.

В настоящей работе хотелось бы остановиться как раз на сроках дознания в сокращенной форме. Как отмечает О. В. Мичурина, сокращенное дознание должно осуществляться быстрее и с меньшими затратами сил и средств, нежели обычное дознание и тем более предварительное следствие [6, с. 136]. Исходя из перечисленных аспектов, полагаем, что необходимо рассмотреть сроки дознания в сокращенной форме с точки зрения унификации их применения и исключения двусмысленности толкования. Необходимость такого рассмотрения связана с отсутствием единообразной практики определения соответствующих сроков. Представленная в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) регламентация сроков дознания в сокращенной форме приводит к различным правилами исчисления сроков при производстве данной формы в ходе досудебного производства и принятием таких сроков судами.

Изучение практики применения положений уголовно-процессуального законодательства о сроках производства дознания в сокращенной форме позволяет сделать вывод об отсутствии унифицированного определения правоприменителями основного срока данной формы, ограниченного 15 сутками, но в тоже время обязывающего дознавателя составить обвинительное постановление в период, ограниченный 10 сутками (ч. 3 ст. 226.7 УПК РФ) с момента вынесения постановления о производстве таковой формы расследования.

Апелляционным постановлением Копейского городского суда Челябинской области по делу № 10-61/2018 был отменен приговор мирового судьи в связи с отсутствием должной правовой оценки нарушения срока в 10 суток для составления обвинительного постановления дознавателем, что, безусловно, выступает препятствием для постановления законного, справедливого и обоснованного приговора по делу.

На соблюдение срока составления обвинительного постановления в 10 суточный срок обращает внимание и Мирнинский районный, Верховный суд Республики Саха (Якутия) в первой и апелляционной инстанции соответственно по делу № 22-1722/2015.

Однако Преображенский районный суд г. Москвы в апелляционной инстанции признал обоснованным составление обвинительного постановления в 15 суточный срок (ч. 1 ст. 226.6 УПК РФ), не согласившись с решением суда первой инстанции о существенности нарушения 10 суточного срока составления обвинительного постановления, нарушающей права

участников процесса на следование принципу разумных сроков и препятствующей принятию законного решения.

Проведенный анализ указывает на отсутствие единообразного толкования и применения нормативных положений как на досудебных, так и на судебных стадиях производства по делу при производстве дознания в сокращенной форме, что, безусловно, недопустимо, так как приводит к нарушениям процессуальной формы и требует внесения конкретизации в уголовно-процессуальное законодательство для унифицированного исчисления срока дознания в сокращенной форме и установления сроков в пределах 10 суток.

Вышеизложенное указывает на необходимость проведения реформирования существующего законодательного регулирования сроков дознания в сокращенной форме для повышения ее временной эффективности, обеспечения гарантированности правового статуса участников. Все это позволит качественно функционировать процессуальной форме, а также повысит качество предварительного расследования, в частности дознания в сокращенной форме.

Библиографический список

1. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 3 ноября 2015 г. по делу № 22-1722/2015 (ст. 166 УК РФ). Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
2. Апелляционное постановление Копейского городского суда Челябинской области от 17 декабря 2018 г. по делу № 10-61/2018. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
3. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 14 февраля 2019 г. по делу № 22-780/2019. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
4. Апелляционное постановление Преображенского районного суда от 5 августа 2021 г. по делу № 10-0022/2021. Официальный сайт московского городского суда. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/preobrazhenskij/services/cases/appeal-criminal/details/36f3d910-ee10-11eb-93fa-23b3603f3b9a> (дата обращения: 01.02.2023).
5. Мичурина О. В. Предварительное расследование : современное состояние и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 134–136.
6. Уголовный процесс. Проблемы теории и практики : учебник / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. М. : Юнити-Дана, 2020. С. 799.

© Ильяшевич Т. А., 2023

Исанбаев И. С. – преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ**

**CERTAIN ISSUES OF IMPROVING
THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION
ON CRIMINAL CASES INVOLVING MINOR VICTIMS**

Аннотация. В статье предлагается рассмотреть вопросы, связанные с защитой прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших, роли адвоката как их представителя. Важность исследуемой темы объясняется спецификой проведения следственных действий с участием несовершеннолетних. Автором предлагается внести в уголовно-процессуальный закон изменения в части, касающиеся представителей несовершеннолетних потерпевших.

Abstract. The article proposes to consider issues related to the protection of the rights and legitimate interests of minor victims, the role of a lawyer as their representatives. The importance of the topic under study lies in the specifics of conducting investigative actions with the participation of minors. The author proposes to amend the Criminal procedure law, in part concerning the representatives of minor victims.

Ключевые слова: несовершеннолетние потерпевшие, законный представитель, представитель, адвокат, права, законные интересы.

Keywords: minor victims, legal representative, representative, lawyer, rights, legitimate interests.

Вопросы защиты прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве во все времена имели особое значение. Это, безусловно, связано с возрастными особенностями данной категории лиц, физиологической перестройкой организма, несформированностью сознания, неустойчивой психикой, что напрямую влияет на возможность в меньшей степени ими пользоваться всеми правами, предусмотренными законодательством, отстаивать свои интересы, защищаться и в целом знать о наличии этих прав.

Гражданин Российской Федерации с 18 лет может в полном объеме самостоятельно осуществлять свои права и обязанности. В государствен-

ной политике России дети являются важнейшим приоритетом (ст. 60, 67 Конституции Российской Федерации) [1]. Лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, являются несовершеннолетними.

Права несовершеннолетних закреплены во многих законодательных актах. Так, в соответствии со ст. 56 Семейного кодекса Российской Федерации, ребенок имеет право на защиту своих прав и законных интересов, которая осуществляется родителями, органами опеки и попечительства, прокурором, судом [2].

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) производству в отношении несовершеннолетних, привлекаемых к уголовной ответственности, посвящена отдельная глава (гл. 50 УПК РФ). Также права несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых закреплены в иных статьях УПК РФ. Так, в уголовном деле о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, к обязательному участию привлекаются их законные представители (ст. 48 УПК РФ). Если подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним, то в уголовном судопроизводстве участие защитника обязательно (ст. 51 УПК РФ)[3].

Права несовершеннолетних потерпевших также закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве, но если сравнивать их с правами несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, то процессуально у несовершеннолетних потерпевших предусмотрено меньше возможностей по защите своих прав.

Как было указано выше, при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в обязательном порядке принимают участие их законные представители и защитник. При производстве же следственных действий по уголовному делу с участием несовершеннолетнего потерпевшего обязательно участие только законных представителей (ч. 2 ст. 45 УПК РФ), к которым законодатель относит родителей, усыновителей, опекунов, попечителей, представителей учреждений либо организаций, на попечении которых находится подросток, органы опеки и попечительства (п. 12 ст. 5 УПК РФ). Кроме этого есть возрастные ограничения, при которых закон обязывает проводить следственные действия с участием педагога или психолога (ст. 191 УПК РФ).

Участие адвоката в качестве представителя несовершеннолетнего потерпевшего также нашло свое отражение в уголовно-процессуальном законодательстве с внесенными Федеральным законом Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ изменениями, но с существенными ограничениями, а именно: адвокат может по постановлению следователя, дознавателя или суда участвовать в качестве представителя несовершеннолетнего потерпевшего наряду с законным представителем, но только по преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетне-

го, при этом не достигшего возраста 16 лет и только по ходатайству законного представителя (ст. 45 УПК РФ).

Обратим внимание на то, что в приведенной процессуальной конструкции «размыт» момент, наступление которого обязывает следователя обеспечить участие в деле адвоката для представления интересов потерпевшего [4].

Из содержания ст. 42 УПК РФ следует, что потерпевший по уголовному делу признается таковым незамедлительно после его возбуждения. С этого же момента у потерпевшего появляются права и обязанности, но помимо того, что сам несовершеннолетний не в полной мере может воспользоваться своими правами и защитить свои интересы, и не всегда законные представители, ввиду того, что могут вести аморальный образ жизни или же ввиду просто правовой неграмотности, могут представлять интересы и защищать права своих детей, т. е. они не только не воспользуются предоставленным правом заявить ходатайство об участии в качестве представителя адвоката несовершеннолетнего потерпевшего, расходы на оплату труда которого из средств федерального бюджета компенсируются, но и самоустраняются от своей обязанности как законные представители, формально подписывая процессуальные документы с участием несовершеннолетних потерпевших.

Из положений ст. 45 УПК РФ следует, что по преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетнего у лиц в возрасте от 16 до 18 лет отсутствует возможность участия адвоката в качестве их представителя, но несовершеннолетними они не перестают быть, и за преступления, совершенные в отношении них уголовным законом, предусмотрена соответствующая ответственность (п. «а» ч. 3 ст. 131, п. «а» ч. 3 ст. 132, ч. 2 ст. 133 УК РФ) [5].

Здесь следует обратить внимание на подход уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан к решению вопроса о защите прав несовершеннолетних потерпевших.

Так, Уголовно-процессуальным кодексом Республики Казахстан (далее – УПК РК) для защиты прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших закреплено в обязательном порядке, наряду с законным представителем, участие представителя – адвоката, и в случае отсутствия средств оплаты труда адвоката у потерпевшего или его законного представителя, оплата производится за счет бюджетных средств (ст. 76 УПК РК) [6].

Таким образом, уголовно-процессуальным законодательством Республики Казахстан закреплено участие адвоката как представителя несовершеннолетнего потерпевшего абсолютно по всем уголовным делам, без возрастного ограничения несовершеннолетнего и независимо от наличия ходатайства законного представителя, что гарантирует более качественную защиту прав и представление интересов несовершеннолетнего потерпевшего по уголовному делу.

В отечественном уголовном судопроизводстве следователь и потерпевший относятся к одной стороне – стороне обвинения, но конфликт их интересов не исключен [7].

Так, например, в ходе расследования уголовного дела следователь устанавливает причиненный преступлением характер и размер вреда (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Законным представителем несовершеннолетнего потерпевшего может быть предъявлен гражданский иск (ч. 3 ст. 44 УПК РФ). Но интересы несовершеннолетнего потерпевшего могут выходить за рамки установленного преступлением вреда, и не факт, что в данном случае законный представитель в своем исковом заявлении, поданном в интересах несовершеннолетнего, будет реально исходить из его интересов (морального вреда, упущенной выгоды и т. д.) или ограничится указанием суммы вреда, установленного предварительным следствием. То же самое касается права о предоставлении доказательств и заявления ходатайств.

В этой связи считаем необходимым, с целью защиты в полном объеме прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших, внести в УПК РФ изменения, а именно: в ст. 45 УПК РФ закрепить возможность, наряду с участием законного представителя, по всем преступлениям, совершенным в отношении несовершеннолетнего, участие адвоката как представителя лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Данильян А. С., Виноградова В. А., Ломакина А. А. Участие адвоката в качестве представителя несовершеннолетнего потерпевшего в уголовных делах о преступлениях против половой неприкосновенности // Адвокатская практика. 2020. № 1. С. 31–36.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852&pos=1;21#pos=1;21 (дата обращения: 16.01.2023).
7. По делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а

также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э. Р. Юровских : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 мая 2021 г. № 18-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Исанбаев И. С., 2023

УДК 343.14

Каац М. Э. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа);

Боков В. В. – преподаватель цикла профессиональной служебной и физической подготовки Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России (Россия, г. Уфа)

СПЕЦИФИКА ОЦЕНКИ ПОКАЗАНИЙ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

THE SPECIFICS OF THE EVALUATION OF INDICATIONS THE SUSPECT AND THE ACCUSED IN THE PROCESS OF INVESTIGATING CRIMES

Аннотация. В статье подвергаются анализу отдельные аспекты оценки следователем (дознавателем) показаний лиц, привлекаемых к уголовной ответственности в процессе проведения предварительного расследования, а также возникающие в этой связи теоретико-правовые вопросы осуществления данного этапа доказательственной деятельности.

Abstract. The article analyzes certain aspects of the investigator's (inquirer's) assessment of the testimony of persons brought to criminal responsibility in the process of conducting a preliminary investigation, as well as the theoretical and legal issues arising in this regard in the implementation of this stage of evidentiary activity.

Ключевые слова: процесс доказывания, оценка доказательств, источники доказательств, показания подозреваемого (обвиняемого).

Keywords: the process of proof, evaluation of evidence, sources of evidence, testimony of the suspect (accused).

Доказывание в уголовном процессе представляет собой обязательное условие правильного установления всех обстоятельств дела, направленное на привлечение к уголовной ответственности и назначение справедливого наказания виновному, из чего следует объективность освобождения от наказания лиц, вина которых не доказана, с последующей реабилитацией каждого, кто без оснований был подвергнут уголовному преследованию. Отсюда следует, что эффективное доказывание по уголовным делам является одной из фундаментальных основ построения в России правового государства, гарантирующего своим гражданам признание, соблюдение и защиту прав и свобод на основе осуществления правосудия.

Одним из наиболее сложных и значимых этапов процесса доказывания следует считать оценку доказательств, так как именно она определяет последующую обоснованность и законность принимаемых в уголовном процессе решений. Все используемые в процессе уголовного судопроизводства следственные действия сводятся именно к получению доказательств. Наряду с этим, с процессуальной точки зрения из всех следственных действий, необходимых для расследования по уголовному делу, самым распространенным является допрос, результатом которого выступают показания участников уголовного судопроизводства. Таким образом, показания, при условии их правильной оценки, можно считать наиболее распространенной формой получения доказательств по уголовному делу. При этом допрос признается специалистами достаточно сложным средством доказывания с точки зрения тактики его производства. Очевидно, для того, чтобы сыграть свою роль в процессе доказывания, показания должны быть получены своевременно, в полном объеме, оперативно проверены на относимость, достоверность и допустимость.

В силу особенностей правового регулирования доказывания по уголовным делам, обусловленных объективной необходимостью принятия оперативных решений для эффективного обеспечения правосудия, первыми субъектами реагирования государства на совершение преступления являются органы предварительного расследования. Именно на них лежит ответственность за принятие первоначальных мер в системе расследования по уголовному делу, от правильности которых во многом зависит успех дальнейшего расследования.

Оценка показаний участников уголовного судопроизводства, привлеченных к проведению предварительного расследования, всегда осложняется наличием объективных обстоятельств, обуславливающих их заинтересованность в исходе дела. Именно этот фактор в наибольшей степени

влияет на содержание показаний, препятствуя формированию мотивации для стремления к их объективности и затрудняя, таким образом, их правильную оценку, необходимую для успешного расследования по уголовному делу. Указанными обстоятельствами объясняется актуальность темы данной статьи.

К числу заинтересованных в исходе уголовного дела участников, выступающих в качестве допрашиваемых при осуществлении следователем (дознавателем) следственных действий, направленных по получение показаний, относятся подозреваемый, обвиняемый, свидетель и потерпевший.

В уголовном судопроизводстве подозреваемый и обвиняемый представляют собой лиц, в любом случае субъективно заинтересованных в максимально благополучном по отношению к себе исходе дела. Эта их общая особенность, наряду с такими положениями уголовно-процессуального права как принцип презумпции невиновности, отсутствие процессуальных обязанностей давать показания (п. 2 ч. 4 ст. 46, п. 3 ч. 4 ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)) и доказывать свою невиновность (ст. 14 УПК РФ), создает уникальную процессуальную ситуацию, в которой уполномоченное на проведение расследования лицо обязано подвергнуть показания подозреваемого или обвиняемого оценке, на основании которой должно быть принято обоснованное и законное процессуальное решение.

Показания подозреваемого в силу его процессуального статуса соответствуют критерию относимости вне зависимости от степени их информативности о содержании фактов и обстоятельств уголовного дела. Как отмечается в исследовании А. В. Гарусова, показания подозреваемого сохраняют свое важнейшее значение для установления истины по уголовному делу, являясь средствами, при помощи которых уполномоченное лицо выявляет относящиеся к нему факты и обстоятельства [3, с. 111]. В. С. Филь обоснованно подчеркивает, что в процессе получения показаний подозреваемого должны подлежать учету все сообщаемые им сведения. И при оценке этих показаний на предмет их относимости к материалам дела непосредственно устанавливается наличие или отсутствие связей с подлежащими, согласно п. 1 ст. 74 УПК РФ, доказыванию обстоятельствами [9, с. 98].

Практика показывает значение доказательственной информации, полученной в ходе первого допроса подозреваемого, которая во многих случаях становится основой всего предварительного расследования. При учете положений ч. 2 ст. 46 УПК РФ, предписывающей обязательность допроса подозреваемого в течение 24 часов с момента его фактического задержания, большинство исследователей разделяет необходимость учета фактора внезапности при производстве первого допроса подозреваемого, который состоит в расчете на то, что подозреваемый, скорее всего, не успел к моменту начала допроса продумать линию защиты и не имеет представле-

ния о том, какие доказательства вины имеются в распоряжении дознавателя или следователя [4, с. 609].

При принятии решения о необходимости оперативного допроса подозреваемого, лица, проводящие расследование, исходят из содержания сведений, доказывающих причастность подозреваемого к расследуемому преступлению.

При признании подозреваемым факта совершения им преступления необходим незамедлительный допрос для исключения возможности изменить позднее свои показания.

В процессе допроса следователь (дознаватель) получает возможность изучения характера личности задержанного, что дает основания для выбора способов формирования психологического контакта и определения тактики допроса подозреваемого.

При первом допросе подозреваемого следователь (дознаватель) должны для себя определить, какие вопросы и в какой форме необходимо задать подозреваемому, а какие факты и обстоятельства выяснять на нем преждевременно. При этом внимание надо обращать не только на содержание показаний, но и на манеру их изложения, и на логику, опираясь на которую подозреваемый пришел к совершению преступления. Такие внешние признаки как повышенное потоотделение, дрожь, мимика, жесты, произвольные реакции на вопросы или какую-либо информацию могут дать представление о фактических обстоятельствах дела как основе построения версий. Для правильного учета внешних признаков необходимо сформировать максимально объективное представление о допрашиваемом лице [2, с. 16].

Дознаватель, как и следователь, и суд, обязаны принять все необходимые меры для максимально объективной и полной проверки и оценки сведений, содержащихся в показаниях подозреваемого вне зависимости от признания или отрицания им своей вины. А. В. Гарусов считает существенным пробелом уголовно-процессуального законодательства отсутствие в УПК РФ статьи, регулирующей процедуру допроса подозреваемого по делу, необходимость которой обусловлена, с его точки зрения, закреплением в ст. 25, 25.1, 28, 28.1 УПК РФ возможности для прекращения уголовного преследования как обвиняемого, так и подозреваемого.

Как отмечает М. Ю. Бруевич, при проведении неотложных следственных действий личность подозреваемого еще не может быть изученной дознавателем. Такая ситуация приводит к необходимости выработки тактики допроса уже в процессе его проведения. Это требует от дознавателя умения оперативно анализировать исходные сведения об обстоятельствах расследуемого преступления и, исходя из них, планировать проведение допроса [1, с. 72].

Процессуальное значение содержащих признание своей вины показаний подозреваемого или обвиняемого состоит в наличии сведений, кото-

рые было бы невозможно получить из других источников. С другой стороны, распространенной и чреватой огромными разрушительными последствиями для всей системы правосудия ошибкой органов дознания и следствия следует считать переоценку признания подозреваемым или обвиняемым своей вины. Ее можно избежать при добросовестном отношении субъекта расследования к оценке таких «признательных показаний», которая должна опираться на объективное и непредвзятое оценивание всей совокупности доказательств по делу. Если, кроме признательных показаний, совокупность всех остальных доказательств по делу не дает оснований для однозначного вывода о виновности совершившего признание своей вины лица, то отсюда субъект расследования обязан сделать логический вывод о недоказанности на данный момент информации о изобличении обвиняемого в совершении преступления.

Нарушение этого правила следователем (дознавателем) недопустимо, так как оно подвергает сомнению эффективность системы работы уголовной юстиции в целом. Признание подозреваемым или обвиняемым вины является рядовым доказательством, которое должно подвергаться комплексной логической оценке и рассматриваться только в совокупности с другими доказательствами и обстоятельствами дела на предмет обнаружения их противоречивости или непротиворечивости, на что уже не раз обращалось внимание в решениях Верховного Суда Российской Федерации [8] и Конституционного Суда Российской Федерации [7].

На практике обвиняемый в подавляющем большинстве случаев согласен на дачу показаний. Специфика его процессуального статуса определяет необходимость в таком случае не только оценки содержания его показаний, но и выявления мотивов его согласия или несогласия отвечать на те или иные вопросы, а также выяснения способных повлиять на его мотивацию предшествующих его согласию действий субъектов расследования. Следователю (дознавателю) и в этом случае надо учитывать, что только на основе всесторонней оценки содержания показаний обвиняемого и их мотивов появляется возможность установления достоверности и относимости его показаний, а также их доказательное значение для расследования по уголовному делу.

Относимость доказательства как его существенный признак указывает на наличие необходимой для доказывания связи между составляющими доказательственную ценность сведениями и подлежащими доказыванию обстоятельствами.

Только всесторонняя оценка содержания показаний обвиняемого может формированию внутреннего убеждения в их относимости. Для ее установления при оценке указанных показаний следователю (дознавателю) необходимо получить ответы на три вопроса: а) является ли обстоятельство, для установления которого используются сведения, исходящие от обвиняемого, элементом предмета доказывания; б) возможно ли на основа-

нии содержания фактических данных из показаний установление данного обстоятельства; в) присутствует ли в показаниях обвиняемого информация, которая может быть использована для выявления иных значимых для данного дела обстоятельств.

Оценка дознавателем показаний обвиняемого должна исходить из учета его интереса в реализации конституционного права на защиту, способ которой определяется им по своему усмотрению. Другим важнейшим фактором оценки показаний данного участника уголовного судопроизводства является то, что любые его показания, включая не имеющие прямого отношения к расследуемым событиям, являются относимыми в том смысле, что на основе анализа их содержания представляется обоснованным делать выводы о значимых для расследования обстоятельствах, например, о характеристиках его личностных качеств. Анализ таких черт личности обвиняемого как характер, уровень воспитания, образования, образа жизни, мировоззрения, возможных заболеваний с высокой степенью вероятности может дать основания, которые помогут определить направление дальнейшего расследования, обеспечить доказывание других важных обстоятельств, которые входят в предмет доказывания. Примером могут служить мотивы совершения расследуемого преступления, обстоятельства, которые способствовали его совершению, а также отягчающие или смягчающие наказание. Указанный анализ также может привести субъекта расследования к выводу о необходимости производства следственных действий, которые до учета личностных качеств обвиняемого не планировались, а также повлиять на определение тактики их проведения [3, с. 113].

Например, при расследовании одного из уголовных дел обвиняемый в своих показаниях об обстоятельствах своего участия в совершении преступления отказался отвечать на вопрос о том, участвовала ли в подготовке к совершению данного преступления женщина? Следовательно, оценив такой эпизод показания на предмет достоверности, пришел к выводу о необходимости целенаправленного поиска доказательств участия лица женского пола в расследуемом групповом преступлении, что существенно ускорило расследование [3, с. 113].

Анализ практики позволяет сделать обоснованный вывод о том, что при расследовании уголовных дел показания обвиняемого всегда обладают свойством относимости, что должно учитываться дознавателями и следователями при их оценке.

Как указывается в исследовании А. В. Гарусова, опирающемся на результаты анкетных опросов, уполномоченных на оценку показаний должностных лиц, субъекты расследования почти всегда воспринимают показания подозреваемого и обвиняемого именно как недостоверные, хотя теоретически доказано наличие у них признака относимости. Допустимость также является необходимым условием для оценки достоверности показа-

ния обвиняемого, но ее установление не обуславливает вывод о его достоверности [3, с. 63].

Оценка показаний обвиняемого на предмет определения их допустимости в теории уголовно-процессуального права должна опираться на поиск ответов на два вопроса: 1) является ли законным использование данного источника фактических сведений по уголовному делу; б) получены ли данные сведения с нарушением норм УПК РФ.

Решение указанных вопросов является обязательным в силу требований ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации, в рамках которых запрещено использование при расследовании по уголовному делу доказательств, которые были получены с нарушением федерального закона. Это требование конкретизируется в ст. 75 УПК РФ.

Важнейшим фактором, требующим учета следователя (дознавателя) или другого субъекта, проводящего оценку показаний, является положение п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, согласно которому не имеют юридической силы показания подозреваемого или обвиняемого, полученные в ходе досудебного производства по уголовному делу без присутствия защитника. Оно подтверждалось и в судебной практике, например, в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [6].

В таких условиях лица, производящие в силу должностных обязанностей оценку показаний подозреваемого или обвиняемого, вынуждены применять тактический прием, состоящий в том, чтобы при проведении повторного допроса, на котором, в отличие от первого допроса, уже присутствует защитник, получить подлежащие фиксации в качестве доказательств по делу сведения, которые ранее были уже изложены в показаниях, полученных в отсутствие защитника. Такой метод делает показания, зафиксированные уже в присутствии защитника, допустимым доказательством.

Примером из практики является дело, в рамках которого при осуществлении личного досмотра у М. был найден и подвергнут изъятию наркотик – гашиш. В протоколе досмотра, представленном в обвинительном акте, рассматриваемом в суде, имелась запись дознавателя о том, что М. купил обнаруженный и изъятый у него гашиш у своего знакомого по имени Леша с целью его продажи, но подпись М. под указанной записью отсутствовала. При проведении досмотра и изъятии гашиша М. защитник не присутствовал. В ходе допроса на предварительном следствии М. заявлял, что купил указанный наркотик с целью личного потребления, а проводивший его досмотр сотрудник полиции неправильно понял его объяснения по поводу изъятых гашиша. При проведении судебного следствия М. признал свою вину в незаконном хранении наркотиков без цели сбыта, отказавшись от дачи показаний на основании ст. 51 Конституции Российской Федера-

ции. В результате М. ни в процессе предварительного расследования, ни во время судебного рассмотрения никак не подтвердил сведения из записи протокола допроса, в котором было отмечено, что он приобрел наркотик с целью сбыта. Поскольку защитник не участвовал в ходе проведения допроса, при котором был обнаружен наркотик у М., его объяснение о приобретении наркотика с целью сбыта, зафиксированное в протоколе без его подписи, не было признано судом в качестве доказательства виновности М. в приготовлении к незаконному сбыту наркотических средств [5].

Таким образом, подозреваемый и обвиняемый представляют собой лиц, в любом случае субъективно заинтересованных, в силу своего процессуального статуса, в максимально благополучном по отношению к себе исходе дела. Наряду с такими положениями уголовно процессуального права как принцип презумпции невиновности, отсутствие процессуальных обязанностей давать показания и доказывать свою невиновность, это заинтересованное положение создает уникальную процессуальную ситуацию, присущую именно отношению к допросам подозреваемого и обвиняемого. Она состоит в том, что лицо, уполномоченное на проведение расследования, обязано подвергнуть показания подозреваемого или обвиняемого оценке, на основании которой должно быть принято обоснованное и законное процессуальное решение. Статус подозреваемого и обвиняемого соответствует одной из известных типичных ситуаций, в которой допрашиваемый как заинтересованный в исходе дела участник судопроизводства обладает искомой информацией, но умышленно искажает ее или скрывает. Это характеризует допрашиваемого как участника уголовного судопроизводства, заинтересованного в исходе дела.

Показания подозреваемого (обвиняемого) соответствуют критерию относимости вне зависимости от степени их информативности о содержании фактов и обстоятельств уголовного дела. Специфика оценки следователем (дознавателем) показаний, полученных в ходе допроса подозреваемого при проведении неотложных следственных действий, состоит в том, что личность подозреваемого еще не могла быть предварительно изучена.

Соответствие показаний подозреваемого критериям допустимости и достоверности необходимо установить в ходе оценки его показаний должностным лицом органа расследования. Следовательно (дознавателю) надо учитывать, что только на основе всесторонней оценки содержания показаний обвиняемого и их мотивов появляется возможность установления достоверности и относимости его показаний, а также их доказательное значение для расследования по уголовному делу.

Библиографический список

1. Бруевич М. Ю. Особенности тактики проведения допросов по уголовным делам, связанным с поджогом // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2014. № 2 (23). С. 71–75.

2. Волков Д. Ю. Сущность, значение и тактические особенности допроса подозреваемого // Криминалистическая характеристика и оперативное сопровождение раскрытия и расследования пенитенциарных преступлений : сборник материалов круглого стола Международной научно-практической конференции (г. Вологда, 3 ноября 2017 г.) / под общ. ред. В. Н. Некрасова, Ю. Н. Спиридоновой. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2018. С. 15–19.

3. Гарусов А. В. Оценка показаний участников уголовного судопроизводства, заинтересованных в исходе дела : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017.

4. Криминалистика : учебник / Т. В. Аверьянова, Е. Р. Россинская, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов. М. : Норма : НИЦ Инфра-М, 2019.

5. Материалы УД № 1292710****4 // Архив Бакалинского районного суда Республики Башкортостан. Оп. 3. 216.

6. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 декабря 1995 г. № 8 // Российская газета. 1995.

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Подъячева Александра Александровича на нарушение конституционных прав его умершего сына Подъячева Артема Александровича рядом норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 1494-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 февраля 2011 г. № 57-О11-1 на приговор Верховного суда Республики Башкортостан от 17 декабря 2010 г. // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/court-j-s/act-437647> (дата обращения: 27.02.2023).

9. Филь В. С. Показания подозреваемого в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.

© Каац М. Э., 2023

© Боков В. В., 2023

Каац М. Э. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа);

Кашапова Ф. М. – преподаватель цикла профессиональной служебной и физической подготовки Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России (Россия, г. Уфа)

**ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
(ДОСЛЕДСТВЕННЫЙ ПЕРИОД)**

**CERTAIN FEATURES OF THE CRIMINAL PROCESS
OF THE DEMOCRATIC PEOPLE'S REPUBLIC OF KOREA
(PREINVESTIGATION PERIOD)**

Аннотация. В статье подвергаются анализу отдельные аспекты доследственного периода уголовного процесса Корейской Народно-Демократической Республики, а также некоторые социально-правовые особенности существования северокорейского общества, сказывающиеся на построении системы уголовной юстиции данного государства.

Abstract. The article analyzes certain aspects of the pre-investigation period of the criminal process of the Democratic People's Republic of Korea, as well as some socio-legal features of the existence of North Korean society, affecting the construction of the criminal justice system of this state.

Ключевые слова: уголовный процесс Корейской Народно-Демократической Республики, уголовно-процессуальный закон Корейской Народно-Демократической Республики, проверка информации о преступлении в Корейской Народно-Демократической Республике.

Keywords: criminal procedure of the Democratic People's Republic of Korea, criminal Procedure Law of the Democratic People's Republic of Korea, verification of information about a crime in the Democratic People's Republic of Korea.

В последнее время в юридической литературе стало появляться много публикаций компаративистской направленности, раскрывающих те или иные особенности осуществления уголовно-процессуальной деятельности различных государств. Каждая из подобных публикаций особенно ценна,

так как позволяет не только исследователям уголовного судопроизводства, но и практическим работникам, реализующим деятельность в области международного сотрудничества, познакомиться с многообразными аспектами функционирования национальных систем уголовной юстиции.

На фоне произошедшего сближения отношений между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой (далее – КНДР, Северная Корея)¹, способного повлечь за собой дальнейшее их развитие², в том числе в области юриспруденции, авторами данной работы была предпринята попытка проанализировать особенности уголовного судопроизводства данного государства Корейского полуострова. Самобытность общественно-политических процессов, проходящих в КНДР, обусловила закрытость данной страны, включая ее правовую систему. Это, с одной стороны, затрудняет изучение северокорейского уголовного процесса, а с другой, позволяет авторам не спешить в этом исследовании, а насладиться им размеренно, подходя к отдельным институтам уголовного судопроизводства более детально. Поэтому в данной работе будут отражены лишь отдельные аспекты вводной части уголовного процесса КНДР, включая его доследственный период.

Учитывая историко-политические аспекты становления Северной Кореи, – нахождение ее под контролем СССР фактически с 1945 г. (после японской деокупации) – можно утверждать, что советский уголовный процесс оказал непосредственное влияние на построение уголовно-процессуального права данной страны. «По социалистическому образцу закреплялись и основы современного уголовного и уголовно процессуального права КНДР, отображенные в соответствующих кодексах» – указывает в этой связи Е. С. Баранова [1, с. 112]. А. А. Сумин, О. В. Химичева также упоминают о том, что северокорейский уголовно-процессуальный закон, принятый в 1946 г., был во многом схож с УПК РСФСР 1923 г. Однако после смерти И. В. Сталина просоветское политическое влияние на правовую сферу северокорейского общества заметно ослабло, хотя до на-

¹ Необходимо сказать, что на начало 2023 года Северная Корея является одним из шести государств, официально признавшим законность присоединения Крыма к Российской Федерации, а также государством (наряду с Сирийской Арабской Республикой), признавшим независимость Донецкой и Луганской народных республик.

² Славные традиции дружбы и сотрудничества, заложенные в тяжелые дни, и сегодня служат прочной основой для развития добрососедских отношений между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой» – отмечал Президент России В.В. Путин в поздравительном письме, отправленном по случаю Дня освобождения Кореи в августе 2022 г., главе КНДР Ким Чен Ёну // Центральное информационное агентство Кореи. URL: <http://www.kcna.kp/kp/article/q/b94622863f6e7cc306a87b4bbe932d1d.kcmsf> (дата обращения: 25.01.2023).

стоящего времени уголовно-процессуальное законодательство данной страны несет в себе отголоски советского прошлого.

В юридической литературе высказывается мнение, что современная правовая система Северной Кореи по своей технологии относится к романо-германской правовой семье, по идеологии – к социалистической, а в плане правореализационных элементов и правосознания – к традиционной, или философской (дальневосточной группе правовых систем), характеризующихся идеями конфуцианства [1]. С данным суждением стоит согласиться.

На сегодняшний момент источниками уголовного судопроизводства в КНДР являются Социалистическая Конституция 1972 г.¹, Закон об уголовном процессе (хенгсасосунгб) 1992 г., а также другие нормативные правовые акты [2, с. 6, 14, 16–17, 22–25], отдельные из которых носят закрытый характер. Последние публикуются в специальном издании, доступ к которому имеется только у действующих северокорейских чиновников. Как правило, это нормы, определяющие механизм обережения государственной (национальной) безопасности КНДР, включая применение мер уголовного наказания за совершение преступления против государства и нации, а также устанавливающие особенности уголовного судопроизводства в военных судах [2, с. 18]. Имеется мнение о необходимости включения в систему источников уголовно-процессуального права КНДР директивных документов Трудовой партии Северной Кореи [2, с. 18], являющейся единственной правящей политической силой в КНДР.

Северокорейское уголовное судопроизводство включает в себя, по мнению авторов статьи, 6 стадий:

- 1) проверка информации о преступлении;
- 2) предварительное следствие;
- 3) обвинение;
- 4) судебное разбирательство (в первой и второй (апелляционной) инстанции);
- 5) вынесение решения;
- 6) исполнение судебного решения.

В единственном источнике монографического характера, раскрывающем общие положения уголовного процесса Северной Кореи «проверка информации о преступлении» отнесена к первому этапу стадии предварительного расследования [2, с. 15]. Отдавая дань огромному труду, сделанному авторами монографии А. А. Сумину и О. В. Химичевой, выскажем предположение о нецелесообразности объединения данных этапов

¹ Примечательно, что проект первой Конституции КНДР, принятой в 1948 году, обсуждался в Москве с участием И. В. Сталина и В. М. Молотова, поэтому сама Конституция получилась весьма схожей с Конституцией СССР 1936 г.

уголовного судопроизводства в единую стадию. На наш взгляд, стадия проверки информации о преступлении обладает всеми признаками обособленного уголовно-процессуального института.

Цель (миссия) данной стадии обозначена в ст. 133 Закона об уголовном процессе и заключается в установлении преступления [2, с. 20], а также обнаружении преступника [2, с. 62]. Согласно ст. 10 Уголовного кодекса КНДР (далее – УК КНДР), преступлениями признаются общественно опасные деяния, нарушающие целостность государства, социалистического строя и государственные законы, вне зависимости от намеренности или нечаянности совершенного деяния. Исходя из чего можно сделать вывод, что если в проверяемой информации содержатся признаки общественно опасного деяния, наказание за которые предусмотрено УК КНДР¹, необходимо принимать решение о начале предварительного расследования.

Относительно цели обнаружения преступника следует сказать, что действующая в данной стране система «народной группы» – «инминбан», наряду с другими особенностями реализации социально-политической жизни северокорейского общества, по мнению отдельных исследователей, значительно облегчает деятельность правоохранительных органов по установлению и обнаружению лиц, совершивших преступление [2 с. 65; 5 с. 30].

Конструкция построения общественной жизни граждан КНДР по системе «инминбан» достаточно древняя, предполагает объединение коллектива в «соседские группы» по признаку проживания (ряд домов в сельской местности, один или несколько подъездов в городе), возглавляемые членом Трудовой партии Северной Кореи «инминбанчжаном» («руководителем народного отряда»). Все члены «инминбана» несут ответственность за наблюдением друг за другом на предмет преступной деятельности или политического неповиновения. Номер «инминбана» является частью стандартного почтового адреса в КНДР. Глава группы «инминбанчжан», не являющийся государственным чиновником или официальным служащим правоохранительного органа (как правило, политически благонадежная женщина-домохозяйка средних лет), имеет право круглосуточного доступа в любое жилое помещение для проверки надлежащего поведения члена «инминбана». Без согласия данного лица нельзя выехать в другой город к родственникам, о выездах в командировки тоже следует ставить его в из-

¹ Отдельно следует отметить, что до конца XX века в Северной Корее разрешалось применять нормы Особенной части УК КНДР по аналогии при схожести совершенных общественно опасных деяний и отсутствии в УК КНДР положений, закрепляющих уголовную ответственность за деяние. На сегодняшний момент данная возможность отсутствует: в УК КНДР закреплён принцип привлечения к ответственности только за преступления, предусмотренные данным нормативным правовым актом, а количество статей его Особенной части практически увеличено в два раза.

вестность. Даже студенты, прибыв на каникулы, обязаны доложиться об этом «инминбанчжану». Помимо этого, члены «инминбана» вместе убирают и содержат придомовую территорию, а также регулярно проводят так называемые «собрания самокритики». На них каждый участник выступает, рассказывая о допущенных им ошибках, что затем подвергается всеобщему обсуждению. Такие же собрания проходят по месту работы или учебы. В 1970–1980-е годы житель КНДР должен был проводить в среднем по два часа в день на разного рода собраниях. Т. е. создана социальная система, в которой общество само контролирует себя – институт круговой поруки. «В Северной Корее – отмечает в этой связи А. В. Юрковский, – практически невозможно скрыться от властей. Одной из важнейших задач, которую ставит перед правоохранительными органами система административно-полицейского контроля КНДР, является обеспечение «самобытности» (читай закрытости, «герметичности») корейского общества и организация жесткого контроля над информацией» [5, с. 29].

В обязанность граждан Северной Кореи входит незамедлительное извещение ими правоохранительных органов о ставших известными сведениях о совершенном или готовящемся преступлении (ст. 84 Закона об уголовном процессе). За укрывательство и недоносительство в УК КНДР установлена уголовная ответственность [2 с. 15; 3, с. 35]. Данные нормативные предписания понимаются северокорейским обществом как превентивно-профилактические, направленные на предотвращение преступности в стране. Основу их составляет ст. 63 Социалистической Конституции КНДР, согласно которой права и обязанности граждан базируются на коллективистском принципе «один для всех, все для одного» [2, с. 15]. Сам принцип предупреждения преступности закреплен, как таковой, не только в уголовном, но и в уголовно-процессуальном законе, что является не свойственным для классического построения системы уголовной юстиции. Так, ст. 2 УК КНДР гласит: «Государство должно стремиться к тому, чтобы все граждане уважали и строго соблюдали закон и принимали активное участие в борьбе с преступностью и ее предотвращении» [4, с. 126]. В свою очередь, ст. 4 Закона об уголовном процессе устанавливает, что «государство намерено предотвращать преступность, совершенствуя правоприменение и правовой контроль граждан» [2, с. 26].

Итак, северокорейское уголовное судопроизводство традиционным образом начинается с момента получения правоохранительными органами КНДР извещения о преступлении, которое является поводом для начала осуществления доследственной проверки. Поводом может служить устное или письменное сообщение, заявление, поданное физическими либо юридическими лицами, а также непосредственное выявление признаков преступления соответствующими субъектами уголовной юстиции. При устной форме обращения в правоохранительные органы составляется протокол с изложением персональных данных заявителя, имеющейся у него информа-

ции о преступном действии, а также предупреждением об уголовной ответственности за ложное сообщение. Данные сведения должны содержаться и в письменном заявлении.

Проверку информации о преступлении осуществляет должностное лицо правоохранительного органа – «сусавон». Сусавон (от суса – проверка, расследование) – процессуальное наименование должностного лица Министерства общественной безопасности КНДР (общей, железнодорожной или военной полиции), Департамента национальной безопасности КНДР, которые в соответствии с законом вправе производить проверку информации о преступлении, осуществляя процессуальные действия в сочетании с негласной деятельностью по установлению всех элементов события преступления и лица его совершившего. Так, в структуре Министерства общественной безопасности КНДР функционирует специальное подразделение (отдел) по предварительной проверке сообщений о преступлениях [2, с. 35–36, 65]. Срок проведения проверки – 48 часов (ст. 156 Закона об уголовном процессе). Он совпадает со сроком допускаемого задержания лица по подозрению в совершении преступления до получения согласия прокурора. В северокорейском уголовном судопроизводстве прокурор дает согласие на проведение процессуальных действий, ограничивающих конституционные права граждан, т. е. осуществляет функции, которые во многих государствах отнесены к компетенции суда.

В это период, если существует угроза уничтожения доказательств, «сусавон» имеет право на проведение следующих проверочных действий: получать объяснения; истребовать, изымать предметы и документы; доставлять лиц, в отношении которых имеются сведения о причастности к совершению преступления, в правоохранительные органы; осуществлять негласные поисковые и идентификационные мероприятия [2, с. 63].

По окончании проверки составляется итоговая справка – «Отчет о результате запроса на проверку» и документ, именованный «Решение о производстве предварительного расследования», которые направляются в компетентные органы предварительного следствия, о чем в течение 24 часов извещается прокурор [2, с. 20, 65].

Подразделения органов предварительного следствия существуют в Министерстве общественной безопасности КНДР, Департаменте национальной безопасности КНДР и прокуратуре КНДР. К подсудственности следователей Министерства общественной безопасности КНДР относится большинство уголовных дел, за исключением дел, подсудственных другим органам. Следователи Департамента национальной безопасности КНДР осуществляют расследование таких преступлений как «Заговор с целью свержения государственной власти (ст. 60 УК КНДР), «Терроризм» (ст. 61 УК КНДР), «Измена Родине (ст. 63 УК КНДР), «Шпионаж» (ст. 64 УК КНДР) «Диверсия и саботаж» (ст. 65 УК КНДР), «Побуждение к вооруженному вторжению или разрыву дипломатических отношений» (ст. 66

УК КНДР), «Предательство нации» (ст. 68 УККНДР), «Подавление национально-освободительного движения корейского народа» (ст. 69 УК КНДР), «Агрессия против корейской нации» (ст. 70 УК КНДР) и др., т. е. преступлений против основ государственного строя и национального суверенитета Северной Кореи [2, с. 35; 3, с. 26].

Следственные органы прокуратуры КНДР могут расследовать преступления экономической направленности, а также совершенные отдельной категорией лиц (специальными субъектами) – судьями, сотрудниками правоохранительных и административных органов. К тому же прокуратура вправе изъять любое уголовное дело, находящееся в производстве следственных подразделений Министерства общественной безопасности КНДР, и провести по нему расследование частично или в полном объеме (ст. 146 Закона об уголовном процессе) [2, с. 33].

Органы предварительного следствия, получив документы, составленные по результатам проверки информации о преступлении, вправе не согласиться с решением «сусавона» о начале проведения предварительного расследования (являющемуся, по сути, решением о возбуждении уголовного дела) и принять противоположное решение об отказе в производстве расследования.

Безусловными основаниями к подобному отказу будут являться: недостижение лицом возраста уголовной ответственности (14 лет – согласно ст. 11 УК КНДР); совершение деяния, не признаваемого в КНДР преступлением; истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности; издание специального акта об освобождении от уголовной ответственности¹; наличие вступившего в законную силу решения следователя об отказе в производстве предварительного расследования или о прекращении уголовного преследования либо приговора суда, вынесенного по тому же деянию, по которому проводилась предварительная проверка; смерть лица, совершившего преступление [2, с. 66].

В свою очередь, прокурор, реализуя функцию надзора, может отменить как решение «сусавона», так и следователя.

Заявитель информируется о всех принятых решениях по сообщению о преступлении в течение одного месяца, лицо, в отношении которого проводилась проверка информации – настолько быстро, насколько это реально возможно (считай, «немедленно»). Примечательно, что данные участники уголовного процесса по северокорейскому законодательству не могут обжаловать принятые правоохранительными органами решения.

Таким образом, мы попытались рассмотреть особенности доследственного периода уголовного процесса Северной Кореи – страны с богатейшей историей, уникальным правовым опытом и своеобразным государственно-политическим режимом. К последнему можно относиться по-

¹ Аналогичен акту об амнистии в Российской Федерации.

разному, однако отрицать эффективность его влияния на уровень преступности данной страны невозможно.

Библиографический список

1. Баранова Е. С. Особенности становления правовой системы КНДР : факторы развития и основные этапы // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2 (77). С. 109–114.
2. Введение в уголовный процесс Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея : монография. М. : Юрлитинформ, 2020.
3. Милюков С. Ф. Уголовный кодекс КНДР : опыт уголовно-политического анализа // Криминология : вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4 (51). С. 33–38.
4. Сабитов Т. Р., Жилко И. А., Гилев А. А. Уголовный кодекс Корейской Народно-Демократической Республики : последние тенденции // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 124–132.
5. Юрковский А. В. Правоохранительные органы в политической системе Корейской Народной Демократической Республики // Сибирский юридический вестник. 2005. № 1. С. 25–30.

© Каац М. Э., 2023

© Кашапова Ф. М., 2023

УДК 343.123.1

Кулеш Е. А. – начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ В СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

IMPLEMENTATION AND IMPROVEMENT ISSUES THE PRINCIPLE OF PUBLICITY IN THE JUDICIAL STAGES CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье рассматриваются фундаментальные и практические основы принципа гласности применительно к стадии судебного разбирательства в российском уголовном процессе. Анализируются основные проблемы реализации данного принципа при проведении как открыто-

го, так и закрытого судебного разбирательства. Обозначены подходы к решению некоторых проблем реализации данного принципа в практической деятельности судебных органов Российской Федерации.

Abstract. The article discusses the fundamental and practical foundations of the principle of publicity in relation to the stage of judicial proceedings in the Russian criminal process. The main problems of the implementation of this principle during both open and closed court proceedings are analyzed. The approaches to solving some problems of the implementation of this principle in the practical activities of the judicial authorities of the Russian Federation are outlined.

Ключевые слова: гласность, принцип уголовного судопроизводства, транспарентность, судебное заседание, аудиозапись, протокол.

Keywords: publicity, the principle of criminal proceedings, transparency, court session, audio recording, protocol.

В силу ст. 123 Конституции Российской Федерации [1] разбирательство дел во всех судах открытое. Это является одним из основных организационных принципов функционирования всей судебной системы государства. Данное положение подразумевает под собой свободное посещение лицами, достигшими 16-летнего возраста, зала судебных заседаний, где происходят слушания по уголовным делам.

Принципы уголовного судопроизводства отличаются от общих условий судебного разбирательства, которые применимы лишь к отдельным стадиям уголовного процесса. Принцип гласности не был включен в систему принципов уголовного процесса, регламентированных главой 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), несмотря на то, что данный принцип имеет конституционные основы. Причины этого кроются в следующем. Гласность как принцип уголовного процесса охватывает не все его стадии, а только лишь судебное производство. Гласность исключена для досудебного производства, где тайна следствия является прерогативой правоохранительных органов и используется в целях раскрытия и расследования преступных деяний, а также стадии возбуждения уголовного дела и при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Гласность как принцип функционирования всей судебной системы распространяет свое действие не только на сферу уголовного судопроизводства. Говоря о его значимости для судебного делопроизводства, К. К. Магомедова отмечает, что «гласность», «публичность», «открытость» используются в юридической науке как синонимы, характеризующие способ осуществления судебной власти [6, с. 56]. Исходя из этого, гласность должна рассматриваться как составная часть другого общеуголовного принципа, а именно транспарентности правосудия, где она охватывает все стадии судебного разбирательства. Транспарентность – более широкое по-

нятие, подразумевающее под собой качество функционирования всей судебной системы государства, находящейся в единстве с исполнительной и законодательной властью, конечно же, с учетом принципа разделения властей.

Анализируя эти две категории применительно к уголовному процессу, Е. И. Свежинцев подмечает, что «гласность характеризует качество уголовно-процессуальной деятельности, является самостоятельным свойством уголовно-процессуальной формы, а транспарентность – качество функционирования судебной системы как части системы государственных органов» [8, с. 79].

Как составная часть принципа транспарентности гласность способствует состязательности сторон в судебном процессе и является основой функционирования судебной системы в целом на современном этапе развития России. Таким образом, следует констатировать, что принцип гласности уголовного процесса должен занять свое место в системе принципов, регламентированных главой 2 УПК РФ.

Основным механизмом реализации принципа гласности судебного разбирательства является законодательное положение, позволяющее гражданам посещать зал судебных заседаний, а также вести аудиозапись и письменно фиксировать ход рассмотрения дела судом (пункт 5 статьи 241 УПК РФ).

Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов» также регламентирует основные положения гласного начала уголовного судопроизводства, а именно пунктом 1 статьи 6 и статьей 12 гарантируется возможность непосредственного присутствия граждан, представителей общественных организаций, представителей власти в открытом судебном заседании [3]. В статье 15.1 раскрывается такой способ доступа к информации о деятельности судов, как трансляция судебных заседаний по радио, телевидению и в сети Интернет. Такой способ, как опубликование текстов судебных актов в средствах массовой информации и сети Интернет регламентируется в статье 15 рассматриваемого Закона.

Также Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в статью 259 УПК РФ с 1 сентября 2019 г. введена обязательная аудиозапись судебных заседаний в судах первой и апелляционной инстанций [2]. Особенность данной нормы раскрывается через возможность лиц, участвующих в судебном разбирательстве, в течение 5 дней после подписания протокола знакомиться с аудиозаписью хода судебного заседания, а также выделить моменты, связанные с неполнотой и неточностями аудиозаписи, и в связи с этим подать замечание председательствующему судье. Исключение составляют закрытые судебные заседания, о проведении которых судьей выносится мотивированное постановление по правилам, предусмотренным статьей 241 УПК РФ.

В целом следует отметить, что введение данной нормы способствует расширению принципа гласности. Теперь участники уголовного процесса могут практически в режиме реального времени отследить ход судебного процесса, а также соотнести их с протоколом судебного заседания, подать соответствующие замечания и ходатайства.

Реализация гласности в ходе судебного разбирательства строится также на принципах взаимодействия судебной власти и гражданского общества. Не последнюю роль в данном процессе играют средства массовой информации, которые способствуют реализации гласности в ходе судебного процесса. Нельзя оспорить то обстоятельство, что журналисты имеют право на доступ к информации в зале суда, если это судебное заседание открытое. Как разъяснено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16, журналисты законодательно имеют право производить аудио- и видеосъемку судебного заседания [4].

Так как принцип гласности является определяющим при взаимодействии судебных органов с общественными организациями и гражданским обществом, то требуют законодательного закрепления, а также ведомственного разъяснения принципов, определяющих основы взаимодействия судов и СМИ. Также следует для данных участников процесса установить сокращенные сроки рассмотрения жалоб на отказ в доступе к информации о деятельности судов.

Нормативные положения ст. 259 УПК РФ обязывают суд первой и апелляционной инстанций вести не только письменный протокол, но также и осуществлять запись хода судебного процесса (вести аудиопроотолирование), используя соответствующие технологические приборы. По окончании судебного разбирательства в протоколе делается отметка о ведении аудиопроотолирования, а соответствующая запись прилагается к материалам дела. Все другие записи, произведенные лицами, присутствующими в зале заседания, могут использоваться только для обеспечения своих собственных интересов иного характера. Кроме того, произведенная ими аудиозапись не может заменить протокол судебного заседания и дать возможность сомневаться в его законности.

Как подчеркнул Волгоградский областной суд, доводы стороны защиты о несоответствии сведений, отраженных в протоколе судебного заседания, аудиозаписи судебного заседания, которую осуществляла сторона защиты, не принимаются судом апелляционной инстанции.

При этом судебной инстанцией это обосновывалось следующими моментами. Часть 5 ст. 241 УПК РФ допускает осуществление аудиозаписи в ходе проведения судебного разбирательства. Тем не менее уголовно-процессуальный закон не регламентирует приобщение данных записей к материалам уголовного дела. С точки зрения Уголовно-процессуального закона доказательством может являться только аудиозапись процесса,

сделанная с применением технических средств самим судом, а не участниками процесса [5].

На основании вышеизложенного можно констатировать, что, если аудиозапись, сделанная судом во время судебного разбирательства, каким-либо образом потеряется, либо в силу технических причин окажется испорченной полностью или частично, то в этом случае сторона защиты не сможет при подаче замечаний на содержание протокола судебного заседания опираться на сделанную ей же аудиозапись. Это ограничение не способствует полноценной реализации гласности судебного разбирательства, а также ограничивает возможности защиты в представлении интересов обвиняемых лиц.

Далее следует критически подойти и к получению разрешения судьи на фото-, киносъемку и видеозапись хода судебного заседания. При этом в ст. 241 УПК РФ не указан порядок получения разрешения и не установлена обязанность суда мотивировать отказ в даче разрешения на производство того или иного вида записи. Это разъясняется на уровне Верховного Суда Российской Федерации (п. 15 Постановления Пленума № 35).

Провозглашение открытого судебного процесса председательствующим должно свидетельствовать о моральной готовности лиц, участвующих в процессе, к тому, что запись судебного разбирательства, возможно, будет осуществляться с использованием разнообразных электронных устройств и с применением компьютерных технологий, и что принятое решение впоследствии будет размещено на соответствующих электронных ресурсах в сети Интернет. Иначе, если невозможно ведение видеозаписи в открытом процессе, то рассмотрение уголовного дела должно проходить в закрытом судебном заседании, тогда и аудиозапись недопустима [7, с. 61].

Практическая реализация данных нововведений может привести к обратному эффекту, а именно к еще большему ограничению гласности посредством полного запрета судом видеосъемки в зале заседания. Таким образом, вряд ли данная новелла достигнет поставленных целей.

Основание проведения закрытого судебного заседания в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 241 УПК РФ связано с участием в качестве подсудимого специального субъекта – лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста. В силу того, что эмоционально-волевая сфера, а также психологическое развитие несовершеннолетних 15-летнего и 17-летнего возраста отличаются незначительно, следует все дела, где подсудимым является лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста, рассматривать в закрытом судебном заседании. В связи с изложенными аргументами, п. 2 ч. 2 ст. 241 УПК РФ следует изложить следующим образом: «рассматриваются уголовные дела о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими возраста восемнадцати лет».

Условия проведения закрытого заседания могут быть связаны не только с категорией рассматриваемых дел, но также и с наличием в доказательственном материале интимных обстоятельств жизни участников уголовного процесса.

Обеспечение безопасности участников процесса также является основанием для проведения закрытого судебного разбирательства. В случае возникновения угрозы безопасности после начала судебного разбирательства не только по ходатайству сторон, но и по собственной инициативе суд может принять решение о продолжении заседания за закрытыми дверями. В связи с этим следует дополнить п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ самостоятельным основанием – проведение закрытого судебного заседания именно для обеспечения безопасности и в случаях, когда ранее такие безопасные меры не принимались в досудебном производстве.

Таким образом, можно констатировать, что гласность уголовного судопроизводства в ее практической плоскости может быть рассмотрена не только как единый процесс применения правовых норм, которые позволяют гражданам, СМИ и представителям общественных организаций присутствовать в зале судебного заседания, фиксировать с помощью технических средств его ход, но и как комплексную систему, в основе которой лежит информационная составляющая процесса взаимодействия общества с судебной системой в связи с рассмотрением и разрешением уголовных дел.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 31. Ст. 4817.

3. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации : федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

4. О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 8.

5. Апелляционное постановление Волгоградского областного суда от 5 августа 2020 г. по делу № 1-163/2019. URL:<https://sudact.ru>. (дата обращения: 02.02.2023)

6. Магомедова К. К. Некоторые аспекты содержания конституционного принципа транспарентности судебной власти // Российский юридический журнал. 2015. № 2. С. 55–58.

7. Малинский М. Ю. Проблемы реализации принципа гласности в уголовном судопроизводстве // Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве: организационные, процессуальные и криминалистические аспекты : материалы Крымского студенческого юридического форума /ответственные редакторы М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко. 2018. С. 61–62.

8. Свежинцев Е. И. Теоретические и прикладные проблемы реализации конституционного права на доступ к информации в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2019.

© Кулеш Е. А., 2023

УДК 343.1

Латыпов В. С. – профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

**ЗАЛОГОДАТЕЛЬ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
МОДЕЛИ СОДЕЙСТВИЯ ОТПРАВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ**

**THE PLEDGER IN THE CONTEXT OF THE THEORETICAL MODEL
OF ASSISTANCE TO THE ADMINISTRATION OF JUSTICE
IN THE CRIMINAL PROCESS OF RUSSIA**

Аннотация. В рамках настоящей статьи автор раскрывает выдвинутую им теоретическую модель содействия отправлению правосудия на основе выделенной самостоятельной по отношению к основным уголовно-процессуальной функции содействия правосудию. Выделение указанной функции позволило завершить предпринятую законодателем систематизацию участников уголовного судопроизводства исходя из их функционального предназначения, а также способствовало выработке предложений о необходимости качественного и количественного расширения лиц, реализующих функцию содействия правосудию с закреплением их процессуального статуса в главе 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Abstract. Within the framework of this article, the author reveals the theoretical model of assistance to the administration of justice put forward by him on the basis of the allocated independent in relation to the main criminal procedural function of assistance to justice. The allocation of this function made

it possible to complete the systematization of participants in criminal proceedings undertaken by the legislator based on their functional purpose, and also contributed to the development of proposals on the need for qualitative and quantitative expansion of persons implementing the function of assisting justice with the consolidation of their procedural status in Chapter 8 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: содействие правосудию, уголовный процесс, участники уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальная функция.

Keywords: assistance to justice, criminal process, participants in criminal proceedings, criminal procedural function.

Уголовное судопроизводство России основано и реализуется на принципе состязательности сторон, предусмотренном ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Состязательность в уголовном процессе по своей юридической природе представляет некое противостояние сторон, использующих предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством способы реализации своей процессуальной позиции относительно возникшего уголовно-правового спора.

Состязательность как ключевой уголовно-процессуальный принцип была призвана Концепцией судебной реформы в РСФСР [1] осуществить качественный переход от советского уголовного судопроизводства к российскому, основанному на международных стандартах и общепризнанных принципах. Является очевидным тот факт, что состязательность должна быть обеспечена исключительно на равных процессуальных возможностях состязającychся сторон и данное равноправие должно реализовываться на всех стадиях уголовного процесса.

Вместе с тем реализация состязательных начал на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования затруднительна, ввиду сформировавшейся специфики российской модели уголовного судопроизводства. В своем большинстве сложности возникают у стороны защиты, поскольку законодатель, провозгласив состязательность и равноправие сторон, все же ключевую роль в формировании доказательственной базы закрепил за государственными органами, осуществляющими предварительное расследование в лице компетентных должностных лиц – следователя и дознавателя. Являясь, как это принято называть, «хозяевами уголовного дела», они принимают властные процессуальные решения, обязательные для исполнения сторонами, формируют доказательственную базу по уголовным делам путем производства следственных и иных процессуальных действий. Указанное обстоятельство свидетельствует о существующей монополии стороны обвинения и однополярном расследовании на досудебных стадиях уголовного процесса.

Выделенная нами уголовно-процессуальная функция содействия правосудию является нейтральной по отношению к основным функциям. Ее реализуют участники уголовного судопроизводства, не имеющие личной заинтересованности в исходе уголовного дела и не являющиеся властными участниками уголовного процесса.

Само содействие отправлению правосудия может заключаться в сообщении и (или) получении доказательственной информации, оказании консультационной, технической (организационной) или иной помощи сторонам и суду, способствующей установлению обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела по существу.

Ограничение доступа к реализации данной функции, вовлечению лиц ее оказывающих стороны защиты может привести к принятию лицами, осуществляющими расследование, субъективного, необоснованного, одностороннего решения, являющегося в конечном итоге ограничением конституционного права стороны защиты на доступ к правосудию.

Ключевая идея предложенной модели состоит в том, что для обеспечения состязательного правосудия, основанного на равноправии сторон, необходимо создание доступного сторонам и суду публично-правового механизма, основанного на реализации нейтральной уголовно-процессуальной функции содействия правосудию участниками уголовного процесса.

Новизна авторского подхода в изучении деятельности участников уголовного судопроизводства состоит в выделении особой роли лиц, оказывающих содействие правосудию, заключающееся в сообщении и (или) получении доказательственной информации, оказании консультационной, технической (организационной) или иной помощи сторонам и суду.

Основные аспекты предложенной теоретической модели были изложены нами ранее [2; 3], в связи с чем предлагаем рассмотреть возможность развития указанной модели в части расширения перечня лиц, оказывающих содействие правосудию.

Напомним, что к данной категории лиц нами отнесены участники уголовного судопроизводства, чей процессуальный статус регламентирован гл. 8 УПК РФ, а также те, чей статус действующим уголовно-процессуальным законодательством не регламентирован, но участие которых законом предусмотрено: процессуальный ассистент (статист); помощник судьи; секретарь судебного заседания; врач; психолог; педагог.

Классифицировать их можно по различным основаниям в зависимости от:

- а) наличия у субъектов уголовного судопроизводства специальных знаний в их уголовно-процессуальном понимании;
- б) продолжительности принимаемого участия в уголовном судопроизводстве;
- в) стадии уголовного судопроизводства, на которой лицо, оказывающее содействие, принимает участие;

г) критерия целей привлечения.

В качестве лица, оказывающего содействие правосудию, предлагаем рассмотреть такого субъекта уголовно-процессуальных отношений, как залогодатель.

Залогодатель является неотъемлемым субъектом уголовно-процессуальных отношений, возникающих при принятии решения об избрании такой меры пресечения, как залог (ст. 106 УПК РФ).

Залог как самостоятельная мера пресечения входит в систему мер принуждения с XIX века со времен Устава уголовного судопроизводства (1864 г.). Вместе с тем анализ судебной практики позволил установить, что существует стабильная тенденция к снижению количества ее применения. Так, согласно информации, размещенной на официальном сайте Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации из отчета о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за период с 2019 по 2021 год и первую половину 2022 г. ходатайств об избрании залога как меры пресечения в ходе предварительного расследования поступило в 2019 г. – 87, из них удовлетворено 77, что составило 88,5 %; в 2020 г. поступило 264 ходатайства, из них удовлетворено 244 или 92,4 %; в 2021 г. поступило 41, удовлетворено 25 или 60,97 %; в первой половине 2022 г. поступило 62 ходатайства, удовлетворено 53, что составило 85,48 % [4]. Резкий скачок количества ходатайств об избрании залога и практически полное их удовлетворение отмечается в 2020 г., что может быть объяснено сложной эпидемиологической ситуацией в стране и мире, вызванной распространением коронавирусной инфекцией COVID-19 и возможностью избегания изоляции лица в исправительных учреждениях при реализации такой меры пресечения, как заключение под стражу.

Сущность залога заключается в передаче подозреваемым, обвиняемым или иным лицом (залогодателем) движимого или недвижимого имущества, представляющегося в виде денежных средств, ценностей, акций, облигаций, залогодателя (физического или юридического лица) с целью обеспечения «явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд, предупреждения совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу» (ч. 1 ст. 106 УПК РФ).

Не подвергая анализу процессуальную составляющую избрания и применения данной меры пресечения, предмета залога и других не менее важных составляющих данной меры принуждения, остановим свое внимание на залогодателе.

Предмет залога выступает материальной гарантией обеспечения лицом, в отношении которого избрана данная мера пресечения, установленных законом требований, сам же залогодатель является, по сути, третьим лицом, процессуальную роль которого можно свести к оказанию содействия сторонам и суду в соблюдении указанных требований.

К сожалению, даже по прошествию практически 160 лет с момента введения в уголовно-процессуальные отношения данного субъекта законодатель не предусмотрел самостоятельной нормы, регламентировавшей бы его процессуальный статус.

Вместе с тем, частично соглашаясь с позицией А. Б. Коноваловой и И. А. Обоймовой о возможности регламентации процессуального статуса залогодателя в главе 7 УПК РФ, аргументируя это соответствием его функционального назначения [5, с. 61], все же полагаем, что его статус следует прописать в главе 8 УПК РФ, отнеся его к лицам, оказывающим содействие правосудию, дополнив данную главу самостоятельной нормой «Залогодатель». Указанная норма должна содержать в себе определение залогодателя, его права, обязанности, а также предусмотренную законом ответственность.

Предложенный вариант соответствует разработанной теоретической модели содействия отправлению правосудия и выделенной самостоятельной уголовно-процессуальной функции содействия правосудию.

Применительно к предложенной классификации лиц, оказывающих содействие правосудию, залогодателя следует относить к тем, кто не обладает специальными знаниями, принимает участие в уголовном процессе эпизодически. Залогодатель участвует в уголовном процессе на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства. По критерию цели привлечения залогодателя следует относить к тем участникам, которые оказывают организационную помощь сторонам и суду.

Библиографический список

1. О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435
2. Латыпов В. С. Содействие правосудию как самостоятельная уголовно-процессуальная функция // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 6. С. 786–796.
3. Латыпов В. С. О теоретической концепции содействия отправлению правосудия в уголовном процессе России // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 1 (65).
4. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.02.2023).
5. Коновалова А. Б., Обоймова И. А. Залог в системе мер процессуального принуждения : проблемы законодательной регламентации и правоприменительный потенциал // Безопасность бизнеса. 2021. № 6. С. 57–64.

© Латыпов В. С., 2023

Латышев О. Ю. – действительный член МАС, МАЕ, ЕАЕ, ISA, МОО АД ЮТК, член-корр. МАПН, профессор университета «Сайпрес» (США), профессор РАЕ, президент Международной Мариинской академии имени М. Д. Шаповаленко, п. д. н., кандидат филологических наук (Россия, г. Москва);

Латышева П. А. – исполнительный директор Международной Мариинской академии имени М. Д. Шаповаленко (Россия, г. Москва);

Луизетто М. – почетный вице-президент Международной Мариинской академии имени М. Д. Шаповаленко, доктор филологических наук (Италия, г. Пьяченца)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

INTERACTION OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL OFFENSES

Аннотация. Цель работы представляет собой изучение роли подразделений правоохранительных органов в расследовании преступлений уголовного характера. Объектом работы является совместная деятельность подразделений правоохранительных органов и следственных органов, направленных на надлежащее обеспечение процесса расследования. Предмет работы представляет собой исследование основной функции подразделений правоохранительных органов в содействии успешному протеканию расследования уголовных преступлений. Основу данного исследования составили научные труды выдающихся ученых: В. З. Дворкина, В. И. Ковалева, В. Конышева, В. Н. Лисицы, А. С. Рогова и др. В процессе исследования были использованы следующие методы: анализ научной литературы, синтез, сравнение, сопоставление, обобщение, библиографический метод.

Abstract. The purpose of the work is to study the role of police units in the investigation of crimes of a criminal nature. The object of the work is a joint activity of the police departments and investigating authorities, aimed at proper provision of the investigation process. Subject of work: is a study of the main function of police units in contributing to the successful course of the investiga-

tion of criminal offenses. The basis of this study was the scientific works of prominent scientists: V. Z. Dvorkin, V. I. Kovalev, V. Konyshev, V. N. Lisitsa, A. S. Rogov and others. The following methods were used in the research process: analysis of scientific literature, synthesis, comparison, comparison, generalization, bibliographic method.

Ключевые слова: следственные органы, подразделение правоохранительных органов, следствие, уголовный процесс, преступление.

Keywords: investigating authorities, police unit, investigation, criminal process, crime.

Каждый сотрудник подразделений правоохранительных органов должен уметь своевременно прийти на помощь следствию. Какими бы ценными ни были свидетельские показания, они достаточно часто характеризуются высокой степенью субъективности и пристрастности, а также эмоциональной окрашенности.

Напротив, сотрудникам подразделений правоохранительных органов в значительно более высокой степени удастся сохранять беспристрастность при изложении фактов, которые представляют большой интерес для следователя, ответственного за расследование конкретного уголовного преступления [1].

Например, стоя в оцеплении, которое организуется на месте только что совершенного преступления, сотрудники полиции могут лучше кого бы то ни было увидеть подробности картины только что произошедшей трагедии.

В случае, если расследуются, например, последствия совершения такого уголовного преступления, какое представляет собой террористический акт, то знакомство сотрудников подразделений правоохранительных органов с классификацией объектов, которые составляют антитеррористическую защиту, способно помочь следствию правильно квалифицировать всю совокупность преступных действий, имевших место быть в данном случае, могут в ряде случаев оказываться единственными свидетелями совершенного уголовного преступления или его быстро исчезающих последствий, способных выступить в качестве вещественных доказательств, помогающих следствию своевременно пролить свет на недостающие сведения [2].

Например, внезапно начавшийся на месте преступления сильный дождь может смыть следы крови, деформировать бумагу потерянных документов, написанный на бумаге текст, способный пролить свет на характер преступления, его причины, отношения, существовавшие между преступником и его жертвой. и т. д.

И только сотрудники подразделений правоохранительных органов могут своевременно заметить неизбежно ускользающие от взгляда даже

достаточно опытных работников следствия признаки преступления и помочь последним правильно приступить к работе по изучению места происшествия.

В совместной работе следственных органов и сотрудников подразделений правоохранительных органов представляется целесообразным более активно использовать все необходимые в данном случае инструменты визуального продвижения, которые также способны повысить эффективность данной деятельности [3].

Это позволяет каждому сотруднику подразделений правоохранительных органов помогать следственным органам находить свидетелей процесса совершения уголовного преступления, которые даже по отдельным, представляющимся, на первый взгляд, несущественными, штрихам могут помочь восстановить картину преступления.

Опора на конкретные изображения может оказать существенную помощь сотрудникам подразделений правоохранительных органов помочь свидетелям уголовного преступления более уверенно высказывать свои мнения.

Чем более инициативно благодаря этому станут работать непосредственные свидетели происшедшего на их глазах, тем лучше в дальнейшем это поможет передать следствию ценные развернутые данные, необходимые для существенного ускорения и удешевления следственного процесса.

Сотрудники подразделений правоохранительных органов в любом случае готовы быстро и инициативно приходить на помощь работникам следствия для существенного повышения эффективности их работы.

Библиографический список

1. Быковская Ю. В. Роль подразделений правоохранительных органов в реализации антитеррористической функции государства в ХМАО-Югра // Социальное и пенсионное право. 2020. № 3. С. 13–16.
2. Добаев И. П. Противодействие новому терроризму в идеологической сфере : зарубежный опыт // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2018. № 3.
3. Шикунов Д. В. Антитеррористическая политика современного российского государства // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 9.

© Латышев О. Ю., 2023

© Латышев П. А., 2023

© Луизетто М., 2023

Лисицына А. В. – старший инспектор управления процессуального контроля за следственными органами Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации (Россия, г. Москва)

НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРИОСТАНОВЛЕННОГО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

UNSOLVED PROBLEMS OF THE RESUMPTION OF THE SUSPENDED PRELIMINARY INVESTIGATION

Аннотация. В представленной статье автор анализирует некоторые теоретические проблемы возобновления предварительного следствия, а также спорные вопросы, возникающие в процессе правоприменительной деятельности при реализации указанного института.

Abstract. In the presented article, the author analyzes some theoretical problems of resuming the preliminary investigation, as well as controversial issues that arise in the process of law enforcement activities in the implementation of this institution.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, приостановление предварительного следствия, возобновление приостановленного расследования, производство следственных действий.

Keywords: criminal proceedings, suspension of a preliminary investigation, suspension of a preliminary investigation, resumption of a suspended investigation, performance of investigative actions.

Не всегда перспективы окончания предварительного следствия бывают очевидны и следователю удается направить уголовное дело в суд с итоговым процессуальным документом. Нередко в его практической деятельности возникают ситуации, когда предварительное следствие необходимо приостановить. Вместе с тем перерыв в производстве предварительного следствия – это не повод отложить материалы уголовного дела в сейф, прекратив работу, направленную на установление всех обстоятельств совершенного преступления и поиск преступника. Возможно, кто-то возразит, полагая, что ограниченность инструментария не позволяет следователю успешно решать задачу по раскрытию и расследованию преступления, ведь приостановление расследования влечет юридические последствия, представляющие собой правовой режим, не позволяющий продолжать производство по уголовному делу, иными словами, проведение

следственных действий оказывается невозможным. С этим утверждением нельзя согласиться. Видится, что наоборот не скованный процессуальными сроками следователь на этом этапе должен действовать активно, нестандартно, принимая решения, ориентированные на сложившуюся ситуацию по делу, как лично, путем изучения иных приостановленных и находящихся в производстве уголовных дел, на предмет схожести механизма совершенного преступления, установления признаков серийности, так и с помощью оперативных служб, которым он вправе давать поручения. Учеными процессуалистами не раз отмечалось, что трудности в работе следственных подразделений связаны в большей мере с повышением требовательности к законности, соблюдению прав и законных интересов граждан, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность в связи с совершением преступлений [1, с. 8].

Вынося решение о приостановлении предварительного следствия, следователь полностью не останавливает по нему работу, а принимает все возможные меры к устранению препятствий, способствовавших временному перерыву в его процессуальной деятельности. По этой причине приостановление предварительного следствия нельзя рассматривать в отрыве от его возобновления. Их единство следует и из анализа норм Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК РФ), где, вслед за ст. 208, регламентирующей основания и порядок приостановления, законодатель разместил ст. 211, определяющую основания и порядок возобновления приостановленного предварительного расследования. Иначе нормы, регламентирующие институт приостановления предварительного следствия, не способствовали бы достижению назначения уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает следующие основания для возобновления предварительного следствия:

- 1) отпали основания его приостановления (ч. 1 ст. 211 УПК РФ);
- 2) возникла необходимость производства следственных действий, которые могут быть осуществлены без участия подозреваемого, обвиняемого (ч. 1 ст. 211 УПК РФ);
- 3) прокурором отменено постановление руководителя следственного органа или следователя о приостановлении предварительного следствия (ч. 1 и 1.1 ст. 211 УПК РФ);
- 4) руководителем следственного органа отменено постановление следователя о приостановлении предварительного следствия (ч. 2 ст. 211 УПК РФ).

Системный анализ законодательных норм правового регулирования позволяет утверждать, что предварительное следствие в связи с необходимостью производства следственных действий возобновляется: в связи с появлением фигуры подозреваемого и обвиняемого либо в отсутствии подозреваемого и обвиняемого. Появление подозреваемого (обвиняемого) по уголовному делу, как правило, открывает дальнейшие перспективы окон-

чания расследования, приближая предварительное следствие к завершающему этапу, в ходе которого идет подготовка материалов уголовного дела для дальнейшего рассмотрения по существу в суде. Возобновление же производства в связи с необходимостью проведения следственных действий, возможных в отсутствие подозреваемого и обвиняемого – решение не всегда однозначное с точки зрения целесообразности продления сроков расследования, в отсутствие реальной перспективы его завершения. Учитывая изложенное, стоит рассмотреть указанное основание возобновления более подробно сквозь призму проблемных аспектов его практического применения.

Так, анализ практической реализации проведения следственных действий, возможных в отсутствие подозреваемого или обвиняемого, позволяет прийти к выводу, что данные следственные действия в большинстве случаев направлены на восполнение недостатков (так называемых пробелов), ранее допущенных в ходе предварительного следствия. Неполнота расследования, связанная с недобросовестностью или низким профессиональным уровнем следователя, влечет отмену принятого решения о приостановлении предварительного расследования. Здесь необходимо отметить, что положения ч. 5 ст. 208 УПК РФ указывают на необходимость выполнения всех следственных действий, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого или обвиняемого, лишь только после этого возможно принятие решения о приостановлении предварительного расследования. В ежедневной практической деятельности следователя это трудно осуществимо, так как не существует единого шаблона расследования; и, полагаем, что понятие полноты предварительного расследования все же оценочное.

Вместе с тем практика изучения материалов приостановленных уголовных дел свидетельствует о том, что порой не выполняются самые элементарные следственные мероприятия, необходимость в проведении которых очевидна. Так, Главным Следственным Управлением Следственного Комитета Российской Федерации (далее – ГСУ СК России) по г. Москве 12 мая 2022 г. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, по факту безвестного исчезновения гражданина Б. Спустя 12 месяцев предварительное следствие по уголовному делу было приостановлено на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Так, в ходе производства по уголовному делу не установлено последнее место пребывания Б., не проанализирована детализация соединений его мобильного телефона в день исчезновения, факт обращения Б. в указанный день за помощью в медицинское учреждение, установленный в ходе допроса его матери, не исследован, соответствующий запрос в медицинское учреждение не направлен, персонал не допрошен. Кроме того, по делу в полном объеме не исследована личность Б., лица из ближайшего окружения и родственники не установлены и не допрошены, в том числе и по во-

просам его взаимоотношений в семье и обстоятельств исчезновения. С учетом имеющейся информации о том, что Б. состоял на учете в психоневрологическом диспансере, соответствующие документы не запрошены, к материалам уголовного дела не приобщены, не допрошен лечащий врач о состоянии его здоровья.

По результатам изучения материалов уголовного дела в порядке ведомственного контроля установлено, что данное решение принято необоснованно, так как не выполнены все следственные действия, производство которых возможно в отсутствие подозреваемого (обвиняемого). Постановление следователя о приостановлении предварительного следствия руководителем следственного отдела отменено, предварительное расследование возобновлено.

Но не всегда неполнота расследования является основанием для возобновления предварительного следствия. Технический прогресс, усовершенствование криминалистической техники, появление новых методов и методик исследования изъятых с места происшествия орудий и следов преступления, а также ежегодно пополняемые массивы баз данных криминалистических учетов существенно увеличивают возможности раскрытия преступлений, предварительное расследование которых было приостановлено в связи отсутствием лица подозреваемого в его совершении. Так, в ГСУ СК России по Московской области 18 июня 2012 г. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, по факту обнаружения в лесном массиве лесопарка «Битца» тупа мужчины, позднее опознанного как С., с признаками насильственной смерти в виде множественных колото-резанных ранений в области шеи и туловища. В ходе предварительного следствия допрошено более 30 свидетелей, неоднократно проведен осмотр места происшествия, в том числе с использованием металлоискателя на предмет обнаружения орудия преступления, отработаны различные версии и мотивы убийства С., в том числе о совершении убийства по причине личной неприязни и в связи с профессиональной деятельностью погибшего, которые результатов не дали. Кроме того, по уголовному делу проведено более 5 экспертных исследований, в том числе молекулярно-генетическое, в результате которого установлен ДНК-код лица, вероятно причастного к совершению указанного преступления, который при проверке по базе криминалистического учета совпадений не дал. В связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, предварительное расследование было приостановлено.

Вместе с тем деятельность следователя, направленная на установление лица, причастного к совершению указанного преступления, не приостанавливалась. В результате анализа преступлений, совершенных на территории Московского региона, схожих по механизму совершения с расследуемым, установлено, что в течение двух лет с момента совершения

преступления на территории г. Москвы и Московской области возбуждено два уголовных дела по фактам совершения убийств мужчин аналогичным способом. На месте происшествия одного из них был изъят ДНК-профиль, не принадлежащий потерпевшему. Учитывая изложенное, предварительное расследование было возобновлено для отработки следственным путем версии о серийном характере совершенного преступления и проведения геномной экспертизы на предмет установления соответствия ранее идентифицированных на различных местах преступлений биологических следов человеческого происхождения.

А если производимые следственные действия по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, так не дали никакого результата, и предварительное следствие вновь пришлось приостановить? Как долго оно может быть приостановлено? По пункту 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ предварительное расследование, согласно сложившейся правоприменительной практике, подлежит прекращению по основаниям, предусмотренным п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в случае, если истекли сроки давности уголовного преследования. Уголовно-процессуальный закон не содержит прямого запрета на прекращение уголовного дела о преступлении, по которому не установлено лицо, его совершившее, а сроки давности уголовного преследования истекли, и одновременно не содержит регламентации прекращения приостановленного уголовного дела. Часть 1 ст. 211 УПК РФ, регламентируя перечень оснований возобновления приостановленного предварительного расследования, не включает такое основание, как «необходимость прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, предусмотренных пунктом 3 части 1 статьи 24 настоящего Кодекса». Положения п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ отсылают нас к ч. 1 ст. 78 УК РФ, которая предусматривает освобождение от уголовной ответственности конкретного лица; но по смыслу указанных норм прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования возможно лишь в отношении конкретного лица, тогда как следственная практика свидетельствует об обратном. Спорность этой ситуации уже затрагивалась на странице юридической печати [2, с. 55].

В рамках настоящей статьи мы затронули отдельные проблемы института возобновления приостановленного предварительного следствия, а также наиболее спорные вопросы, возникающие в процессе его правоприменения. Нам видится, что в обозначенных нами условиях особый акцент должен быть сделан именно на инициативе и опыте следователя, а также его профессионализме.

Библиографический список

1. Ендольцева А. В. О повышении профессионализма сотрудников следственных органов в условиях продолжающейся судебно-правовой ре-

формы // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 7–8.

2. Химичева Г. П., Мичурина О. В., Химичева О. В. Окончание предварительного расследования прекращением уголовного дела : монография. Рязань : «Узорочье», 2001.

© Лисицына А. В., 2023

УДК 343.13

Лугинец Е. А. – старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Волгоград)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ ФАКТОВ ХИЩЕНИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ

SOME FEATURES OF REVEALING AND DISCLOSURE OF THE FACTS OF THEFT OF ELECTRICITY

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные вопросы, непосредственно связанные с деятельностью сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел в процессе выявления и раскрытия фактов хищения электроэнергии. На основе исследования криминогенной ситуации, связанной с хищением электроэнергии, результатов правоприменительной практики, отражающих деятельность по выявлению и раскрытию таких преступлений, предложены направления совершенствования оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел.

Abstract. The article deals with certain issues directly related to the activities of employees of operational units of internal affairs bodies in the process of identifying and disclosing the facts of theft of electricity. Based on the study of the criminogenic situation associated with the theft of electricity, the results of law enforcement practice reflecting the activities to identify and disclose such crimes, the directions for improving the operational and official activities of the internal affairs bodies are proposed.

Ключевые слова: электрическая энергия, потребители, преступность, оперативно-розыскные мероприятия.

Keywords: electric energy, consumers, crime, operational investigative measures.

В условиях функционирования рыночной экономики электроэнергия является таким же товаром, как любой другой объект, который можно не только законно приобрести или реализовать, но и похитить.

Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [1] закрепил за электрической энергией статус товарной продукции, предназначенной для купли-продажи.

В. В. Красник описал сложившуюся ситуацию вокруг электрической энергии как объекта экономики следующим образом: «В настоящее время электроэнергия перестала быть государственной собственностью, ее производство, передача и сбыт перешли в частные коммерческие организации. В результате контроль фактов хищения электроэнергии оказался практически утраченным, отсутствуют действенные организационно-правовые и технические меры по предотвращению подобного явления» [2].

Как показывает правоприменительная практика, хищение электричества заключается в том числе в незаконном получении ресурсов с целью избежания платы за них. В современных реалиях пользователей желающих уменьшить платежи за потребляемую электроэнергию в нашей стране с каждым годом становится все больше. К таковым относятся как руководители различных организаций и предприятий, так и простые граждане. Так, например, в сельской местности и в районах частного сектора городов одни «электроворы» самовольно подключаются к линиям электропередачи путем простого временного «наброса» проводов на линию электроснабжения, другие – делают стационарные ответвления от основной линии, ведущей к прибору учета, используют разнообразные скрутки на крышах домов и иных хозяйственных постройках и т. д. Особым способом совершения хищений электроэнергии является намеренное сугубо механическое или аппаратно-программное изменение параметров работы приборов учета, позволяющих занижить объем реально потребляемых киловатт-часов. В целом же практика свидетельствует, что на сегодняшний день существует огромное множество способов хищения электроэнергии.

В итоге, к сожалению, «в настоящее время хищение энергии имеет достаточно большую тенденцию к росту» [3, с. 44]. Подтверждением тому служат официальные статистические данные МВД России [4].

Так, за последние 5 лет число зарегистрированных преступлений, совершенных в сфере производства, передачи и распределения электрической энергии, увеличилось практически вдвое. Приведенные ниже цифры говорят сами за себя (таблица 1):

Таблица 1

Число зарегистрированных преступлений, совершенных в сфере производства, передачи и распределения электрической энергии

Отчетный период	2018	2019	2020	2021	2022
Количество (по России)	155	170	198	230	286

Сведения правовой статистики свидетельствуют о стабильности достаточно сложной криминогенной ситуации, связанной с хищениями электроэнергии в Центральном, Приволжском, Дальневосточном и Южном федеральных округах России.

Также показательна ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе, где изначально регистрировалось максимальное число преступлений рассматриваемого вида, но существует тенденция к их снижению. Среди прочего, это обусловлено пристальным вниманием со стороны Глав государства в последние несколько лет к этому региону и, как результат – выполнение правоохранительными органами поставленных Президентом России задач по декриминализации топливно-энергетического комплекса на территории различных субъектов, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа.

Одновременно с этим представители различных энергосбытовых компаний стали заявлять о росте числа хищений электроэнергии. «Энерговоры» с каждым годом становятся все хитрее: подделывают пломбы, с помощью компьютера перенастраивают приборы учета (счетчики), осуществляют вкручивание саморезов в самонесущие изолированные провода (СИП). Ущерб от подобных действий в масштабе страны исчисляется миллиардами рублей» [5]. Информация об этом постоянно обсуждается в различных печатных и электронных изданиях, медиа-ресурсах, которые «пестрят» заголовками о долгах за электроэнергию, что подтверждает актуальность и злободневность нашего исследования [6].

Как следствие, можно констатировать постоянный рост объема задолженности различных потребителей электроэнергии в России перед ее поставщиками, в числе основных можно назвать АО «СО ЭЭС» и ПАО «Россети», по сути, являющиеся государственными компаниями.

Так, например, по данным АО «Центр финансовых расчетов», являющегося основным координатором оптового рынка электроэнергии и мощности в России, только по состоянию на 31 декабря 2021 г., суммарная задолженность на розничном рынке составила 289,4 млрд руб., увеличившись по сравнению с 2020 г. на сумму, превышающую 2,5 млрд руб. При этом основная задолженность пришлась на непромышленных потребителей – 161,2 млрд руб., еще 69,1 млрд руб. – на население. Собираемость же платежей, в том числе идущих в доход государства, на оптовом рынке электроэнергии и мощности (ОРЭМ) в 2022 году показала тенденцию к снижению [6].

Тенденцию к стабильному росту сохраняют факты безучетного и бездоговорного потребления электроэнергии в нашей стране.

Согласно данным правовой статистики, в рассматриваемой сфере общественных отношений доминируют преступления против собственности (глава 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), имеющие свою специфику, обусловленную особенностью правовой при-

роды электрической энергии и мощности, которая современной правоприменительной практикой предметом хищения не признается. На эту особенность рассматриваемых деяний указывают ученые и практики. Данная точка зрения, на наш взгляд, однозначно дискуссионная и требует отдельного рассмотрения вне рамок настоящей статьи. В контексте проблематики исследования, основываясь на результатах практики возбуждения уголовных дел, связанных с хищениями электроэнергии, отметим лишь, что в случаях, когда целью противоправных действий злоумышленников является незаконное завладение электроэнергией (мощностью) в крупном размере, содеянное в большинстве случаев квалифицируется как «Причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием», т. е. как преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 165 УК РФ, на что выше обращалось внимание.

Необходимо отметить и тот факт, что в рассматриваемой отрасли с каждым годом все чаще совершаются преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, предусмотренные главой 30 УК РФ. Так, в 2022 г. в России на учет поставлено 123 таких преступления (в 2021 г. – 36). Значительный вклад в данный показатель внесен сотрудниками Управления экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК) ГУ МВД России по Волгоградской области, которыми выявлено 45 преступлений рассматриваемого вида, в том числе 18 фактов получения взятки, 22 – дачи взятки и 5 – посредничества во взяточничестве.

Приведем характерный пример. Сотрудниками ЭБиПК ГУ МВД России по Волгоградской области в ходе осуществления комплекса оперативно-розыскных мероприятий было установлено, что ведущий инженер группы учета электроэнергии филиала ПАО «Россети-Юг Волгоградэнерго» (крупнейшая электросетевая компания региона, собственником которой практически на 90 % является государство) Г. и иные должностные лица систематически получали от руководителей различных коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей взятки в виде незаконных денежных вознаграждений за услуги, связанные с корректировкой показаний приборов учета электроэнергии в сторону их уменьшения. Было установлено 19 эпизодов получения взяток на общую сумму более 2,6 млн руб. Похищенная электроэнергия использовалась в том числе для производства криптовалют на майнинговых фермах. В результате реализации всей оперативной информации, полученной в рамках дела оперативного учета, заведенного для документирования преступных действий обозначенных выше фигурантов, Следственным управлением Следственного комитета России по Волгоградской области было возбуждено в общей сложности 44 уголовных дела по преступлениям, предусмотренным ст. ст. 290, 291, 291.1 УК РФ, которые в последующем были соединены в одно производство (уголовно дело № 12202180029000025). В настоящее время пред-

варительное следствие по данному уголовному делу окончено, обвинительное заключение утверждено прокурором, и уголовное дело направлено в суд.

Приводя положительные результаты, все же следует акцентировать внимание на то, что складывающаяся ситуация в сфере электроэнергетики усугубляется интересом, проявляемым к рассматриваемой отрасли экономики организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями), что находит свое отражение в статистических отчетах. Так, если 2020 г. в России преступлений, совершенных в сфере электроэнергетики организованной группой либо преступным сообществом (преступной организацией) зарегистрировано не было, то в 2021 г. таких преступлений было поставлено на учет 10, в том числе 6 из них с квалифицирующим признаком, предусмотренным ст. 210 УК РФ. В 2022 г. было зарегистрировано лишь 6 фактов таких преступлений, совершенных только организованными группами [4].

В данной ситуации, с учетом мнения респондентов, считаем целесообразным затронуть вопрос об уровне профессиональной подготовки сотрудников ЭБиПК и их заинтересованности в конечном результате, в том числе избличении участников не только организованных групп, но и преступных сообществ.

Учитывая происходящие в настоящее время события в мире, наличие дефицита взаимного доверия между государствами, применением в одностороннем порядке ограничительных мер (санкций) и т. п., мы отдаем дань уважения предусмотрительности руководства нашей страны. Стратегией национальной безопасности Российской Федерации [7] в качестве одной из основных задач предусмотрено обеспечение энергетической безопасности Российской Федерации, в том числе обеспечение устойчивого тепло- и энергоснабжения населения и субъектов национальной экономики, повышение энергетической эффективности экономики и эффективности государственного управления в сфере топливно-энергетического комплекса.

Эта проблематика также нашла отражение в различных предписывающих документах стратегического и текущего планирования, в том числе Концепции реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации [8].

Для достижения намеченных целей необходима выработка соответствующих научнообоснованных рекомендаций, которые, будучи апробированными практикой, должны повысить эффективность обеспечения экономической безопасности России, в том числе связанной со сферой топливно-энергетического комплекса, одним из компонентов которого является электроэнергетика. Неслучайно исследование вопросов декриминализации топливно-энергетического комплекса, а также организованной преступности приказом МВД России от 1 апреля 2016 г. № 155 «Об осуществлении науч-

ной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации» отнесено к числу основных направлений научного обеспечения деятельности этого самостоятельного федерального органа исполнительной власти.

Не требует детального рассмотрения тезис о том, что наличие коррупционных связей либо внедрение участников преступных групп (преступных сообществ) в государственные органы, стремление оказывать влияние на принятие управленческих решений относится как никогда и к сфере электроэнергетики. В условиях современности мы неслучайно акцентировали на нем свое внимание. Мы провели исследование, в результате которого было осуществлено интервьюирование 94 сотрудников и руководителей оперативных и следственных подразделений территориальных органов внутренних дел, в том числе проходивших повышение квалификации на базе Волгоградской академии МВД России в период 2021–2022 гг. Результаты проведенного нами опроса указывают на отсутствие единого подхода к организации противодействия фактам хищения электроэнергии, совершаемых организованными группами. В практике встречаются различные формы противодействия со стороны не только процессам оперативной проверки или разработки, но и на стадиях уголовного судопроизводства: стадии возбуждения уголовного дела по рассматриваемым преступлениям, предварительного расследования и в дальнейшем – в судебном производстве.

В этой связи, не говоря о различных возможных вариантах противодействия преступников, отметим, что в ходе изучения статистической информации нами было обращено внимание на участие сотрудников аппарата ГУЭБиПК МВД России в мероприятиях, проводимых сотрудниками территориальных органов внутренних дел по декриминализации именно сферы рынка сбыта электроэнергии, в том числе организации этой деятельности. Такой же точки зрения придерживаются большинство респондентов.

Так, например, на территории субъектов Дальневосточного и Уральского федерального округов отсутствуют совместно выявленные преступления рассматриваемого вида в Южном и Сибирском федеральных округах такие случаи единичны. Опрошенные респонденты высказывали предположение, с которым мы отчасти согласны, что активизация участия Центрального аппарата МВД России в постоянном обучении и консультировании сотрудников оперативных подразделений, обслуживающих линию энергоресурсов, помощь в организации взаимодействия с иными заинтересованными субъектами, а также в подготовке и проведении конкретных оперативно-розыскных мероприятий позитивно скажется на конечных результатах. В качестве примера приведем практику, получившую применение в Северо-Кавказском федеральном округе и реализуемую на постоянной основе.

Таким образом, в заключение отметим, что с учетом особенности правовой природы электрической энергии и мощности вопросы определения ущерба и квалификации противоправных деяний по-прежнему остаются дискуссионными и злободневными. Актуальны вопросы оценки деятельности оперативных подразделений в противодействии организованной преступности, которая проникла во все сферы экономической деятельности, включая рынок электроэнергии. С учетом специфики этой сферы общественных отношений, трудовых, временных, материально-технических и иных ресурсов, затрачиваемых на выявление и раскрытие хищений электроэнергии многочисленными способами и в различных объемах, следует пересмотреть критерии ведомственной оценки деятельности подразделений ЭБиПК.

Библиографический список

1. Об электроэнергетике : федеральный закон Российской Федерации от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Красник В. В. 102 способа хищения электроэнергии. М. : ЭНАС. 2008. 160 с.
3. Хилюта В. В. «Хищение» электроэнергии (или к вопросу о модернизации уголовно-правовых положений) // Российская юстиция. 2008. № 8. С. 80.
4. Отчет о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации / № 5-БЭП (код 495) // ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» / 10.5.0.16/csi.
5. Соколова В. За электричество нужно платить // Караван (свободная газета мыслящих людей) : межобластной еженедельник. 2011. № 50 (822). 14 дек. URL: <https://www.karavantver.ru/category/arhiv/nomer-50822-ot-14-12-2011> (дата обращения: 14.01.2023).
6. См. напр.: Обзор прессы – Энергетика и промышленность России. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5206834> (дата обращения: 14.01.2023).
7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Об утверждении Концепции реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации : приказ МВД России от 14 октября 2021 г. № 760. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Лугинец Е. А., 2023

Лугинец Э. Ф. – доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Волгоград)

**ПРИСМОТР ЗА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ
ПОДОЗРЕВАЕМОМ, ОБВИНЯЕМОМ: О ПРИЧИНАХ НИЗКОЙ
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ВОСТРЕБОВАННОСТИ**

**SUPERVISION OF A MINOR SUSPECTS, ACCUSED:
ABOUT THE REASONS FOR LOW LAW ENFORCEMENT DEMAND**

Аннотация. В статье освещаются некоторые актуальные проблемы, возникающие в практической деятельности при избрании специальной меры пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в виде присмотра. На основе анализа статистических данных, интервьюирования следователей (дознавателей) автор приходит к выводу, что данная мера пресечения на практике фактически не «рабочая» и правоприменители заменяют ее на другие меры пресечения, такие как подписка о невыезде и надлежащем поведении либо заключение под стражу. Это негативно отражается на личности несовершеннолетнего правонарушителя.

Abstract. In the article highlights some actual problems that arise in practice when choosing a special preventive measure against juvenile suspects accused of supervision. Based on the analysis of statistical data, interviewing investigators (interrogators), the author comes to the conclusion that this preventive measure in practice is actually not «working» and law enforcement officers replace it with other preventive measures, such as a subscription not to leave and proper behavior or detention. This negatively affects the personality of the juvenile offender.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый, мера пресечения, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым.

Keywords: juvenile delinquency, minor suspect, accused, preventive measure, supervision of a minor suspect, accused.

Дети – это живая сила общества. Без них оно представляется бескровным и холодным.

А. С. Макаренко

Преступность несовершеннолетних на протяжении длительного времени остается актуальной, неразрешимой проблемой нашего общества. Пристальное внимание к ней и теоретиков, и правоприменителей абсолютно оправданно, но до сих пор недостаточно результативно. Об этом красноречивее всяких слов свидетельствуют данные статистики. Так, анализ совершаемых на территории Российской Федерации преступлений продемонстрировал, что удельный вес среди них преступлений, совершенных несовершеннолетними, достаточно стабилен и за последние четыре года имеет лишь незначительную тенденцию к уменьшению (что также может быть связано с уменьшением выявленного количества лиц, совершивших преступления). Например, в 2019 г. на территории Российской Федерации было выявлено 884 661 лицо, совершившее преступление, из которых несовершеннолетних – 37 953, что составило 4,29 % (14–15 лет – 13 794; 16–17 лет – 24 159). В 2020 г. было выявлено 852 506 лиц, совершивших преступление, из которых несовершеннолетних – 33 575, что составило 3,94 % (14–15 лет – 11 355; 16–17 лет – 22 220). В 2021 г. было выявлено 848 320 лиц, совершивших преступление, из которых несовершеннолетних – 29 126, что составило 3,43 % (14–15 лет – 9 505; 16–17 лет – 19 621). В 2022 г. было выявлено 818 986 лиц, совершивших преступление, из которых несовершеннолетних – 26 306, что составило 3,21 % (14–15 лет – 8654; 16–17 лет – 17652) [1].

В связи с чем уместно замечание профессора Е. В. Демидовой-Петровой о том, что вопросы, которые связаны с преступлениями несовершеннолетних и ответственностью за их совершение, отличаются высокой степенью актуальности, независимо от динамики преступности подростков, количества совершенных ими преступлений, удельного веса рецидива [2, с. 3–5].

В российском законодательстве несовершеннолетние – это лица, которые ко времени совершения преступления достигли возраста 14 лет, но не достигли 18 лет. По общему правилу уголовная ответственность наступает с 16 лет, исключением являются некоторые преступления (убийство, изнасилование, террористический акт и др.), ответственность за которые наступит раньше – с 14 лет [3]. Таким образом, несовершеннолетние подозреваемые, обвиняемые по уголовному делу – это лица в возрасте от 14 до 18 лет (ч. 1 ст. 87 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Уголовная ответственность несовершеннолетних»).

Данная статья посвящена специальной мере пресечения в виде пристрастного за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым, которая

может быть применена исключительно к рассматриваемой категории лиц, но, к сожалению, преступно редко применяется на практике (ст. 105 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [4]). Попробуем разобраться в причинах этого.

Согласно ст. 105 УПК РФ присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (в ст. 98 УПК РФ «Меры пресечения» имеет несколько иное наименование – «присмотр за несовершеннолетним обвиняемым») состоит в обеспечении под письменное обязательство надлежащего поведения несовершеннолетнего его родителями, опекунами, попечителями, другими заслуживающими доверия лицами, а также должностными лицами специализированного детского учреждения, в котором он находится.

При этом понятие надлежащего поведения несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого идентично такому поведению взрослого лица и состоит в следующем: без разрешения уполномоченного субъекта (дознавателя, следователя, суда) не покидать постоянное или временное место жительства; в назначенный срок являться по вызовам данных лиц; не препятствовать производству по уголовному делу (ст. 102 УПК РФ «Подписка о невыезде и надлежащем поведении»).

По своему смыслу рассматриваемая специальная мера пресечения является разновидностью поручительства (то есть возложение обязанности на заслуживающее доверие лицо), поэтому во многом схожа с мерой пресечения в виде личного поручительства, предусмотренного ст. 103 УПК РФ. Можно сказать, что это тоже «личное поручительство», но применяемое к специальному субъекту – несовершеннолетнему.

В науке существует мнение, что ст. 105 УПК РФ предусматривает фактически две меры пресечения – отдача несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого под присмотр: 1) родителей, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверие лиц; 2) должностных лиц специализированного детского учреждения [5, с. 262].

Однако с этим сложно согласиться, поскольку цели, смысл и содержание меры пресечения едины, а различие состоит лишь в лице, на которого возлагается обязанность по присмотру за несовершеннолетним. При этом закон не говорит о том, что следователю (дознавателю) необходимо заручиться согласием данных лиц (а также несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого) или что оно должно быть добровольным с их стороны. В отличие от личного поручительства, где законодателем четко обозначено, что «избрание в качестве меры пресечения допускается по письменному ходатайству одного или нескольких поручителей с согласия лица, в отношении которого дается поручительство» (ч. 2 ст. 103 УПК РФ). По смыслу закона обязанность присматривать за несовершеннолетним возлагается на его родителей, опекунов, попечителей соответствующим законо-

дательством, регламентирующим отношения в семье, браке, при опеке и т. п., а также является соответствующей обязанностью должностных лиц специализированного детского учреждения, если ребенок находится там. Поэтому следователю (дознавателю) нет необходимости спрашивать у данных лиц: согласны ли они взять несовершеннолетнего под свой присмотр, желают ли этого, так как это является их обязанностью по закону.

Интересно, что ч. 1 ст. 105 УПК РФ достаточно широко трактует круг лиц, которым несовершеннолетний правонарушитель может быть отдан под присмотр. Кроме выше указанных лиц, к ним относятся другие заслуживающие доверия лица. Поскольку в законе отсутствуют конкретные разъяснения по поводу этих лиц, полагаем, что к ним могут быть отнесены не только родственники несовершеннолетнего, близкие лица (см. п. 3 и 4 ст. 5 УПК РФ – понятие близких лиц, близких родственников), но и любые взрослые (желательно ранее с ним знакомые), не равнодушные к его судьбе (например, классный руководитель, учителя, тренер, сосед, друзья родителей, родители одноклассников и т. п.). Принципиальное отличие «других заслуживающих доверие лиц» заключается в том, что они не обязаны «присматривать» за несовершеннолетним по закону. Поэтому возложить на них обязанности по присмотру возможно будет только при их добровольном волеизъявлении, точнее, инициативе (например, поступление на имя следователя (дознавателя) соответствующего содержания ходатайства, заявления).

В соответствии с ч. 2 ст. 423 УПК РФ следователь (дознаватель) при решении вопроса об избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого всегда должен иметь в виду возможность отдачи его под присмотр. Однако анализ следственно-судебной практики свидетельствует об обратном – рассматриваемая мера пресечения крайне редко применяется правоприменителями. Конкретные цифры привести не представляется возможным, поскольку статистика применения присмотра, к сожалению, не ведется. Но, исходя из исследования данного вопроса, мы пришли к выводу, что показатели практики применения присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым не превышают даже 10 % и составляют примерно 5–7 % от общего числа примененных мер пресечения [6, с. 49]. Интервьюирование следователей (дознавателей) Волгоградской и Нижегородской областей подтвердило опасения автора на этот счет и помогло выявить наиболее актуальные причины не востребованности присмотра за несовершеннолетними подозреваемыми (обвиняемыми) в ювенальном судопроизводстве, которые будут разобраны ниже.

Во-первых, это нарабатанная годами негативная практика коллег традиционно применять в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых либо подписку о невыезде и надлежащем поведении

(ст. 102 УПК РФ) либо заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ), в зависимости от оснований для избрания меры пресечения, совершенного преступления и личности несовершеннолетнего. Начинаящий следователь берет эту наработанную практику на вооружение и продолжает также применять в отношении несовершеннолетних данные меры пресечения (получается замкнутый круг). Справедливости ради нужно отметить, что крайности сейчас допускаются все реже и коллеги-следователи в качестве альтернативы самой строгой меры пресечения – заключения под стражу все чаще склоняются в сторону домашнего ареста, запрета определенных действий, реже – залога, но присмотр продолжают упорно игнорировать.

Во-вторых, следователи (дознаватели) считают, что по сравнению с заключением под стражу (домашним арестом, запретом определенных действий) присмотр не столь эффективен и не сможет оградить несовершеннолетнего от нарушения избранной меры пресечения. Возможно, данное мнение сформировалось в виду того, что правоприменители не понимают ее сущность, содержание и значение (опять же в виду крайне редкого применения).

По нашему мнению, присмотр более эффективен, чем подписка о невыезде и надлежащем поведении, поскольку обязательства данная мера пресечения перед несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым ставит аналогичные подписке, а вот их надлежащее выполнение несовершеннолетним дополнительно будет контролировать заслуживающий доверия взрослый.

В-третьих, правоприменители считают процессуальную процедуру применения присмотра и необходимость составления ряда процессуальных документов достаточно сложными и обременительными.

Так, алгоритм действий следователя (дознавателя) по избранию присмотра можно представить следующим образом:

- 1) вынесение постановления об избрании меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним обвиняемым (или подозреваемым);
- 2) отобрание у заслуживающего доверия лица обязательства по присмотру за несовершеннолетним обвиняемым (или подозреваемым);
- 3) разъяснение данному лицу существа обвинения (или подозрения), объема и сущности возлагаемых на него обязанностей по присмотру, а также меры ответственности за их ненадлежащее исполнение;
- 4) вручение ему копии постановления об избрании меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним обвиняемым (или подозреваемым).

При этом сложным для следователя (дознавателя) является разрешение по своему внутреннему усмотрению (поскольку в законе эти вопросы также не урегулированы) ряда дилемм: кому именно можно доверить присмотр за несовершеннолетним; смогут ли (и захотят) данные лица обеспе-

чить эффективный присмотр за несовершеннолетним и его явку для производства следственных действий; имеют ли они достаточный авторитет у несовершеннолетнего; являются ли они сами добропорядочными гражданами, ведущими благопристойный образ жизни и т. п. Данные сомнения следователя (дознателя) абсолютно обоснованны, поскольку законные представители несовершеннолетнего порой и сами демонстрируют не лучшие личные, человеческие качества и являются антипримером для подростка (ведут антиобщественный или аморальный образ жизни, злоупотребляют спиртными напитками, употребляют наркотические средства, имеют судимости, административные наказания и т. п.) Кроме того, если обязательства по присмотру будут выполнены данными лицами ненадлежащим образом, то следователь (дознатель) снова вернется в исходную точку – к необходимости избрания меры пресечения (этой же, но с другим заслуживающим доверия взрослым либо другой меры пресечения), а также должен будет потратить дополнительное время для применения к ним предусмотренных законом мер взыскания.

В-четвертых, что вытекает из третьего, применение присмотра предполагает проведение следователем (дознателем) дополнительных процессуальных действий, направленных на установление возможности применения присмотра и получение информации об условиях жизни, воспитания, обучения, привычках несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого; обстановке и взаимоотношениях в его семье, классе; характеристике, образе жизни законных представителей или тех лиц, на кого планируется возложить обязанность по присмотру.

Это лишь некоторые актуальные проблемы, которые негативно влияют на практику применения присмотра в каждодневной деятельности следователя (дознателя) при предварительном расследовании уголовных дел по преступлениям, совершенным несовершеннолетними.

Таким образом, наличие законодательных и правоприменительных пробелов и проблем меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым; отсутствие единообразного, отработанного алгоритма действий по ее применению приводят к тому, что на практике она фактически не востребована. По нашему мнению, планомерное разрешение обозначенных проблем, а также разъяснительная работа среди следователей (дознателей) будут способствовать увеличению количества избрания правоприменителями данной меры пресечения к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым по сравнению с такими мерами пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении, заключение под стражу. Это, в свою очередь, позитивно скажется и на личности самого несовершеннолетнего правонарушителя, поскольку не потребуются его полной либо частичной изоляции от общества, привычного образа жизни. Несовершеннолетний, находящийся под присмотром заслу-

живающего доверие взрослого, сможет продолжать обучение в учебных заведениях (трудовую деятельность), посещение секций, кружков, тренировок; общаться с важными для него взрослыми: родителями, родственниками, учителями, положительными сверстниками: одноклассниками, друзьями. Будет иметь возможность раскаяться в совершенном преступлении, исправить допущенные ошибки.

Библиографический список

1. Официальный сайт Главного управления МВД России по Волгоградской области. URL: <http://34.мвд.рф>. (01.02.2023). Форма статистической отчетности Сведения о лицах, совершивших преступления – Форма «2-ЕГС» (код 492), утвержденная приказом МВД России от 27 декабря 2019 г. № 910 за январь–декабрь 2019–2022 // АИС «Портал ГИАЦ» / 10.5.0.16/csi (дата обращения: 14.01.2023).

2. Демидова-Петрова Е. В. Преступность несовершеннолетних в современной России : теоретико-методологические и прикладные проблемы ее познания и предупреждения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2019.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Уголовный процесс России : учебник / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Серебряков; науч. ред. В. Т. Томин. М. : Юрайт-Издат, 2003.

6. Ерофеева В.А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 242 с.

7. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Михайлова Т. Н., Унжакова С. В. Уголовно-процессуальные особенности применения мер принуждения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому : учебное пособие. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2021. 80 с.

© Лугинец Э. Ф., 2023

Лунева А. В. – доцент кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Хабаровск)

**ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОЧНОЙ СТАВКИ
В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 189.1 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**FEATURES OF FACE-TO-FACE PRODUCTION
IN ACCORDANCE WITH ARTICLE 189.1 OF THE CRIMINAL
PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В статье раскрываются особенности производства очной ставки с использованием систем видео-конференц-связи на примере конкретной следственной (конфликтной) ситуации. Отсутствие четкой законодательной регламентации и учета особенностей протокола очной ставки, предусматривающих подпись нескольких допрашиваемых лиц, позволяет сделать вывод о необходимости законодательной доработки положений ст. 189.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Abstract. The article reveals the features of the production of a confrontation using video conferencing systems on the example of a specific investigative (conflict) situation. The absence of a clear legislative regulation and taking into account the specifics of the confrontation protocol, providing for the signature of several interrogated persons, allows us to conclude that the provisions of Article 189.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation need to be legislatively finalized.

Ключевые слова: очная ставка, видео-конференц-связь, следователь, дознаватель, обвиняемый, подозреваемый, конфликтная ситуация.

Keywords: confrontation, video conference communication systems, investigator, inquirer, accused, suspect, conflict situation.

На протяжении длительного времени органы, осуществляющие предварительное расследование по уголовным делам, испытывали потребность в законодательном урегулировании полномочий на производство следственных действий с использованием видео-конференц-связи (далее – СВКС). В литературе описываются примеры положительного опыта применения СВКС в уголовном судопроизводстве следователями Следствен-

ного комитета по Дальневосточному федеральному округу [2, с. 75–76]. Поэтому введение в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) ст. 189.1 (была введена в действие Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ) предоставило следователю (дознавателю) законную возможность производства таких следственных действий, как допрос, очная ставка и опознание по системам видео-конференц-связи.

Как справедливо отмечает Д. С. Мерлаков, эффективность и жизнеспособность данной нормы, можно будет оценить лишь в результате правоприменительной деятельности [1, с. 141].

На сегодняшний день следователи (дознаватели) неактивно используют возможности системы видео-конференц-связи (далее – СВКС) при расследовании уголовных дел. В ходе опроса следователей следственных отделов Следственного управления УМВД России по г. Хабаровску и Следственной части УМВД России по Хабаровскому краю, что за семь месяцев существования ст. 189.1 УПК РФ было проведено не более пяти допросов и трех очных ставок путем использования СВКС. Можно предположить, что аналогичная ситуация по правоприменению положений ст. 189.1 УПК РФ складывается и в других регионах страны. В связи с этим, хотелось бы поделиться, на наш взгляд, положительной практикой производства очной ставки, которая проводилась в Следственной части УМВД России по Хабаровскому краю по ходатайству защитника обвиняемого по одному из расследуемых уголовных дел. В ходе ее производства следователь столкнулся с нестандартной ситуацией, законодательного решения которой в УПК РФ не предусмотрено.

Следователь, получив ходатайство защитника о производстве очной ставки между обвиняемым (его подзащитным) и свидетелем, установил, что данный свидетель уже не проживает в г. Хабаровске, а выехал на постоянное место жительства в г. Владивосток. Удовлетворив заявленное ходатайство путем вынесения соответствующего постановления, следователь разъяснил в нем обвиняемому, что очная ставка со свидетелем будет проведена с использованием СВКС. Полагаем, данное решение следователя было правомерно, поскольку уголовно-процессуальный закон возложил право принятия решения о производстве следственного действия (место и способ его проведения) на следователя, поэтому согласия обвиняемого на производство очной ставки по СВКС не требуется, главное – его ходатайство было удовлетворено, права не нарушены.

Основные сложности производства такого следственного действия состоят в подготовке и обеспечении технической стороны мероприятия. Как сказано в ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ, очная ставка (допрос и опознание) может быть проведена только по СВКС государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, при наличии технической возможности. Для этого необходимо наличие специального компьютера

(ноутбука), подключенного к Информационной системе обеспечения деятельности МВД России (далее – ИСОД) с видеокамерой, поскольку требования законодателя об обязательном применении видеозаписи в ходе очной ставки (ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ) должны быть соблюдены.

Следователем из г. Хабаровска был направлен запрос в УМВД России по Приморскому краю (г. Владивосток) о наличии технической возможности для производства очной ставки по СВКС. После получения предварительного положительного ответа, что специалист и техническая возможность имеются, в УМВД России по Приморскому краю было направлено письменное поручение об организации очной ставки и подписка о разъяснении участнику следственного действия (свидетелю), находящемуся вне места производства предварительного расследования, его прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия, а также записи об оглашении ему протокола следственного действия.

С участниками очной ставки следователем, производящим расследование уголовного дела, были согласованы дата, место и время ее производства, затем надлежащим образом все участники об этом были уведомлены.

Отметим, что техническое сопровождение (работа специального программного обеспечения в ИСОД и видеозапись) очной ставки следователю помогал осуществлять специалист, обладающий специальными познаниями в области компьютерной техники.

В то же время следователь, производящий расследование уголовного дела, должен понимать, что только на нем лежит ответственность за организацию и проведение следственного действия по СВКС, т. е. разъяснение участникам и с той, и с другой стороны порядка производства следственного действия, их прав, обязанностей, ответственности; составление протокола, получение подписей. Порядок проведения очной ставки описан в ст. 191 УПК РФ, проблемных вопросов он не вызывает. Основная сложность, на наш взгляд, состоит в организации подписания протокола проведенной очной ставки, на чем более подробно и остановимся.

В описываемом примере обвиняемый после прочтения ему следователем протокола вслух и личного ознакомления с его содержанием по совету защитника заявил устное ходатайство о том, чтобы сначала протокол подписал свидетель, находящийся в г. Владивостоке. Порядок подписания, предусмотренный ч. 3, 5 ст. 189.1 УПК РФ, на наш взгляд, подходит в большей степени для производства допроса одного лица. В очной ставке принимают участие не менее двух допрашиваемых, в показаниях которых имеются противоречия, подлежащие устранению. Кроме того, ч. 5 ст. 192 УПК РФ, к нормам которой отсылает нас ст. 189.1 УПК РФ, предусматривает особый порядок подписания протокола очной ставки – каждый из допрашиваемых подписывает свои показания, каждую страницу протокола и протокол в целом.

Поэтому перед следователем возникла непростая задача – принять законное и мотивированное решение по ходатайству, не нарушив права обвиняемого, и в то же время закончить следственное действие (подготовка и проведение которого было весьма трудоемким), получив новое доказательство по уголовному делу.

Заявленное обвиняемым ходатайство было занесено следователем по месту производства следственного действия в протокол очной ставки, и на компьютере, где следователь печатал протокол, была создана его копия. На каждом листе скопированного протокола очной ставки следователь проставил обозначение «КОПИЯ».

В приложении протокола очной ставки (оригинала) следователь сделал запись о том, что имеется копия данного протокола. После этого оригинал протокола очной ставки им был направлен по ИСОД следователю в г. Владивосток, где последний его распечатал и предоставил для личного ознакомления и прочтения свидетелю. После этого свидетелем протокол очной ставки был подписан, незамедлительно упакован в бумажный конверт и после окончания следственного действия направлен специальной почтой в УМВД России по Хабаровскому краю.

Действия по подписанию протокола очной ставки обвиняемый и его защитник видели по СВКС. Поэтому после того как следователь распечатал копию протокола очной ставки и предоставил ее на подпись обвиняемому и его защитнику, пояснив, что поскольку их ходатайство о подписании протокола свидетелем он удовлетворил, им предлагается подписать только копию данного протокола. Оснований для возражений следователю защитник не нашел, копия была подписана.

Для подписания уже оригинала протокола очной ставки обвиняемый и защитник были приглашены к следователю после того, как протокол пришел по спецпочте в УМВД России по Хабаровскому краю. Таким образом, у следователя в уголовном деле появился подписанный двумя участниками очной ставки, проведенной по СВКС, протокол следственного действия, к нему была приобщена видеозапись, подписка разъяснения свидетелю его прав и копия протокола.

Положительные аспекты проведения очной ставки видятся в том, что, во-первых, следователем была предупреждена конфликтная ситуация с обвиняемым и его защитником, не желающими первыми подписывать протокол, во-вторых, соблюдены права всех участников следственного действия и, в-третьих, действия следователя не противоречили процессуальному порядку проведения следственного действия.

В заключение отметим, что анализ вышеприведенной следственной (конфликтной) ситуации позволяет сделать вывод о необходимости законодательной доработки ст. 189.1 УПК РФ в части, касающейся особенностей подписания протокола очной ставки (ч. 5 ст. 192 УПК РФ), поскольку, как ранее уже было сказано, порядок подписания подписки, предусмотр-

ренный ч. 3, 5 ст. 189.1 УПК РФ, подходит в большей степени для производства допроса одного лица.

Библиографический список

1. Мерлаков Д. С. Законодательные новеллы в реализации полномочий субъектов досудебного производства при проведении следственных действий с использованием видео-конференц-связи (в контексте ст. 189.1 УПК РФ) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28. № 2. С. 140–146.

2. Трубчик И. С. Отдельные особенности использования видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Уголовный процесс. 2020. № 3. С. 71–76.

© Лунева А. В., 2023

УДК 343.985.7:343.611

Маврин К. А. – старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ПРИ НЕОЧЕВИДНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

MAIN FEATURES OF THE DISCLOSURESOME KINDS OF KILLS COMMITTED UNDER OBVIOUS CIRCUMSTANCES

Аннотация. В статье рассматриваются особенности раскрытия некоторых видов убийств, совершенных в неочевидных условиях, а также первоначальные направления деятельности оперативного сотрудника, направленные на проведение первичных мероприятий для установления обстоятельств совершенного преступления и установления личности потерпевшего.

Abstract. The article discusses the specifics of the disclosure of certain types of murders committed in non-obvious conditions, as well as the initial activities of the operative officer aimed at carrying out primary measures to establish the circumstances of the crime committed and to establish the identity of the victim.

Ключевые слова: убийства, раскрытие убийств, особенности раскрытия убийств, личность убитого, останки частей тела человека, судебно-генетическая экспертиза, образцы буккальных эпителий.

Keywords: murders, disclosure of murders, features of the disclosure of murders, the identity of the victim, the remains of human body parts, forensic genetic examination, buccal epithelium samples.

Преступления против личности законодатель отнес к числу наиболее опасных преступлений. Именно поэтому Особенная часть Уголовного кодекса начинается с главы, посвященной преступлениям, где объектом посягательства является личность, и как частное – жизнь и здоровье человека.

Одной из приоритетных задач оперативных подразделений на сегодняшний день является повышение эффективности раскрытия умышленных убийств, в том числе поиск путей их решения.

Процесс раскрытия убийств представляет собой совместную комплексную деятельность следователей Следственного комитета Российской Федерации и сотрудников аппарата уголовного розыска, осуществляемую в соответствии с действующим законодательством, по обнаружению признаков преступления, установлению лица или лиц, его совершивших, выяснению мотивов убийства и других существенных обстоятельств, имеющих значение для раскрытия и расследования преступлений, а в конечном итоге установлении виновности лиц, совершивших, и привлечения их к уголовной ответственности.

При организации работы по раскрытию преступлений оперативный работник должен руководствоваться, в первую очередь, требованиями уголовного, уголовно-процессуального законодательства, Федеральный закон Российской Федерации от 5 июля 1995 г. № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности», Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», ведомственными нормативными актами и др.

Деятельность сотрудников следственных подразделений и оперативных работников на первоначальном этапе имеет важное значение в системе мероприятий, повышающих уровень раскрываемости данной категории преступлений, совершаемых в неочевидных условиях.

Основополагающую роль в планировании проведения дальнейших мероприятий по уголовному делу, в случае отсутствия положительных результатов раскрытия преступления по «горячим следам», имеют сведения о личности потерпевшего.

1. Особенности раскрытия преступлений в случаях, когда личность потерпевшего не установлена.

Работа по установлению личности потерпевшего в большинстве случаев проводится одновременно с мероприятиями по установлению и розыску преступника. Для этого на месте происшествия проводится комплекс необходимых мероприятий по дактилоскопированию трупа для дальней-

шей его проверки по учетам ЭКЦ, а также сбор образцов для сравнительного исследования в виде изъятия образцов буккальных эпителий. Сведения о личности потерпевшего способствуют получению информации о его связях, образе жизни, а в дальнейшем – мотивов убийства и личности преступника.

Комплекс мероприятий по установлению личности потерпевшего также включает в себя подворный, поквартирный обход жилого сектора, что является наиболее трудоемким процессом. Необходимо выяснить, знает ли погибшего кто-либо из местных жителей, либо лицо, обнаружившее труп, либо оказавшееся на месте происшествия в момент проведения осмотра. Наиболее действенным является проведение указанных мероприятий с одновременным предъявлением фотоизображения трупа, произведенного в ходе осмотра или после судебно-медицинской экспертизы. Также проверяется наличие обращений по системе СОДЧ ИСОД МВД России.

Мероприятия по осмотру трупа включают проверку содержимого карманов одежды потерпевшего, а также других вещей и предметов, имеющих значение для идентификации личности погибшего и сведений о нем.

Для установления личности трупа в ходе проведения осмотра места происшествия обращается внимание на индивидуальные признаки внешности трупа, к примеру, такие, как: наличие татуировок, физиологических особенностей и других примет, позволяющих опознать труп.

Значимую роль в проводимых мероприятиях по идентификации личности трупа занимают результаты проведения судебно-медицинской экспертизы. В ряде случаев при проведении экспертизы необходимо присутствие оперативного сотрудника либо следователя для выяснения вопросов, связанных с установлением примерного возраста потерпевшего, наличия заболеваний, алкогольного опьянения. Особое внимание следует уделять при проведении судебно-медицинской экспертизы содержимому желудка, локализации телесных повреждений, раневому каналу.

При наличии оснований полагать, что потерпевший не проживает в районе места его обнаружения, следует провести мероприятия по ориентированию ближайших УМВД, ОМВД с составлением и направлением ориентировки, включающей в себя фотоизображение лица трупа, предметов одежды либо находившихся при нем вещей и предметов.

2. Особенности раскрытия убийств при обнаружении расчлененных частей тела трупа.

При обнаружении частей тела расчлененного трупа потерпевшего в первую очередь принимаются меры по поиску всех частей тела, а также установлению личности потерпевшего.

Как правило, преступник предпринимает попытки для сокрытия частей тела в разных районах населенного пункта либо на определенном расстоянии между собой. В связи с чем необходимо провести мероприятия по ориентированию ближайших районов УМВД, ОМВД.

Обнаруженные части тела в ходе первоначальных мероприятий требуют внимательного проведения осмотра и детального изучения с целью установления способа отсечения от тела. Также необходимо обратить внимание на способ упаковки и на ее наличие. Тщательно проведенный осмотр и судебно-медицинская экспертиза позволят выдвинуть обоснованную версию о профессиональных навыках преступника, что приведет в дальнейшем к сужению круга его поиска.

Упаковка либо иной материал, в котором спрятаны части тела, подлежит обязательному изъятию. По указанным предметам и вещам в дальнейшем необходимо провести судебно-генетическую экспертизу для обнаружения генетических следов, оставленных преступником. Также упаковку в дальнейшем при отработке жилого сектора можно будет использовать для идентификации и предъявления для опознания.

В зависимости от обнаруженной части тела проводятся дальнейшие мероприятия по установлению личности трупа. При обнаружении отсеченной руки проводятся мероприятия по дактилоскопированию.

К первоначальным мероприятиям следует отнести отработку местности на предмет установления маршрута передвижения преступника, а также выяснение того, каким способом обнаруженные останки оказались в указанном месте.

Так, в качестве примера можно привести уголовное дело, возбужденное по ч. 1 ст. 105 УК РФ, по факту обнаружения останков человека на склоне лесополосы в 2008 г.

Отработка жилого сектора в черте города в районе обнаружения останков к положительным результатам не привела. По истечении двух лет личность трупа, останки которого были обнаружены, установлена. В результате установления личности потерпевшей было определено окружение, из числа которого установлен преступник.

3. Особенности раскрытия убийств в случаях необнаружения трупа.

Уголовные дела о таких преступлениях возбуждают, как правило, по заявлениям родственников или знакомых. Заявления поступают спустя длительное время после совершенного убийства.

При поступлении сообщений о внезапном и беспричинном исчезновении лица проводятся первоначальные розыскные мероприятия: проверка по имеющимся в оперативном подразделении учетам, проверка по больницам, в специальных приемниках и местах лишения свободы. Таким образом, версия о том, что исчезнувший жив, однако по каким-то причинам не желает выходить на связь с определенными лицами либо скрывается от привлечения к уголовной ответственности за совершенное преступление, не исключается и отрабатывается до момента обнаружения.

Опросом родственников, соседей, знакомых устанавливается образ жизни и связи исчезнувшего, когда в последний раз его видели, с кем, обстоятельства последней встречи, высказывал ли какие-нибудь намерения, наличие конфликтов с кем-либо. Также следует обратить внимание на ус-

тановление одежды, в которой находился пропавший в момент последней встречи, наличие при нем каких-либо вещей, документов.

В случае установления лиц, заинтересованных в смерти пропавшего, организовывается их отработка. Вместе с этим, одновременно проводятся мероприятия по обнаружению трупа либо его частей.

На сегодняшний день с высокой эффективностью в раскрытии убийств используется проведение опросов с использованием устройства «Полиграф». Применение данного устройства с большой вероятностью позволяет определить причастность лица к совершенному преступлению, а также в некоторых случаях определить место сокрытия трупа потерпевшего.

Общий успех раскрытия умышленных убийств зависит от своевременности и быстроты проводимых мероприятий, умелой организации взаимодействия оперативного работника и следователя, а также других участников деятельности по раскрытию убийства.

© Маврин К. А., 2023

УДК 351.741.078:343.57(470.57)

Максимов К. В. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук (Россия, г. Уфа)

Аглиуллин А. Р. – заместитель начальника отдела «А» (Оперативного учета) Управления по контролю за оборотом наркотиков МВД по Республике Башкортостан (Россия, г. Уфа)

РОЛЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОЛИЦИИ В ВЫЯВЛЕНИИ И РАСКРЫТИИ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

THE ROLE OF POLICE UNITS IN THE DETECTION AND DISCLOSURE OF DRUG CRIMES (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

Аннотация. В статье на основе анализа результатов оперативно-служебной деятельности МВД по Республике Башкортостан изучена роль

подразделений полиции в выявлении и раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Abstract. Based on the analysis of the results of the operational and official activities of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan, the role of police units in the detection and disclosure of crimes in the field of drug trafficking is studied in the article.

Ключевые слова: противодействие наркопреступности, незаконный оборот наркотиков, выявление и раскрытие наркопреступлений, Министерство внутренних дел по Республике Башкортостан.

Keywords: countering drug crime, drug trafficking, detection and disclosure of drug crimes, Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan.

В последние десятилетия противодействие наркопреступности является одним из основных направлений деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. После упразднения в 2016 г. Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156, органы внутренних дел Российской Федерации вносят решающий вклад в силовое противодействие незаконному обороту наркотиков (далее – НОН).

По итогам 2022 г. на территории Республики Башкортостан всеми органами правопорядка выявлено 3997 преступлений по линии НОН, из них 3946 выявлены органами внутренних дел (далее – ОВД) республики, что составило 98,7 % от общего количества преступлений указанной категории, зарегистрированных в регионе.

В деятельности по выявлению и раскрытию наркопреступлений принимают участие как оперативные подразделения полиции (наркоконтроль, уголовный розыск), так и иные службы полиции, обеспечивающие охрану общественного порядка (патрульно-постовая служба, участковые уполномоченные, дорожно-патрульная служба). В 2022 г. подразделения полиции ОВД республики принимали участие во всех оперативно-профилактических мероприятиях, организованных МВД по Республике Башкортостан: 6 этапов операции «Мак», 3 этапа оперативно-профилактического мероприятия «Наркозаслон», по 2 этапа оперативно-профилактического мероприятия «Уклонист», Общероссийской акции «Сообща, где торгуют смертью» и операции «Дети России». Документирование и раскрытие фактов содержания наркопритонов проводилось также в рамках оперативно-профилактического мероприятия «Жилой сектор».

Из общего количества преступлений в сфере НОН, выявленных ОВД республики в 2022 г. (3946), 2663 относятся к категории тяжких и особо тяжких, 2353 связаны со сбытом наркотических средств и психотропных веществ (далее – НС и ПВ), 21 – со сбытом сильнодействующих веществ

(далее – СДВ), 1 – с контрабандой СДВ, 1 – с легализацией доходов от наркобизнеса, 27 – с содержанием наркопритонов.

В Башкортостане, как и по всей России, сбыт наркотиков осуществляется в большинстве случаев бесконтактным способом путем оборудования тайников-закладок с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТ-технологий), с оплатой через всевозможные платежные системы, в том числе криптовалютой. В связи с этим МВД по Республике Башкортостан принят ряд мер по формированию и кадровому, организационно-техническому укреплению специализированных ИТ-подразделений, что способствовало существенному повышению эффективности противодействия ИТ-наркопреступности. Только за 2022 г. ОВД республики выявлено 2266 (+ 473 к показателю 2021 г.) и раскрыто 975 (+165) ИТ-наркопреступлений соответственно. Показатель раскрываемости ИТ-наркопреступлений увеличился с 44,5 % до 45,3 %. В их числе выявлено 1529 (+ 324) ИТ-преступлений, связанных со сбытом наркотиков, раскрыто 224 (+ 26).

ОВД республики из незаконного оборота изъято 109,2 кг запрещенных психоактивных веществ (далее – ПАВ), в том числе 63,3 кг синтетических НС, ПВ и СДВ, доля которых в общей массе изъятых ПАВ за последний год возросла с 46,4 % до 58,0 %.

ОВД республики расследовано 1948 наркопреступлений (включая преступления прошлых лет), в т.ч. 363 преступления, связанных со сбытом НС и ПВ, 26 – с содержанием наркопритонов, 116 – совершенных в составе групп лиц по предварительному сговору (далее – ГЛПС), 59 – в составе организованных групп и преступного сообщества (далее – ОГ и ПС). К уголовной ответственности привлечено 1737 лиц, в т.ч. 22 несовершеннолетних, 9 иностранных граждан и лиц без гражданства, 144 участника ГЛПС, ОГ и ПС.

Безусловно, значительный и в ряде случаев основной вклад по приоритетным направлениям оперативно-служебной деятельности по линии НОН вносит Управление по контролю за оборотом наркотиков МВД по Республике Башкортостан и соответствующие специализированные подразделения наркоконтроля, функционирующие в 17 территориальных ОВД республики.

Прежде всего это относится к пресечению подпольных нарколабораторий, организованных форм наркопреступности и подрыву ее экономических основ. Так, в 2022 г. сотрудниками подразделений наркоконтроля МВД по Республике Башкортостан пресечена деятельность пяти подпольных лабораторий по изготовлению синтетических наркотиков (мефедрон и α -пирролидиновалерофенон).

В сентябре 2022 г. в суд направлено уголовное дело в отношении пяти участников преступного сообщества по 20 эпизодам их преступной деятельности, включая организацию преступного сообщества и легализацию доходов от наркобизнеса на сумму 1,874 млн рублей. Для сбыта наркоти-

ков на территории Башкортостана (7 эпизодов), Татарстана и Удмуртии, Краснодарского края, Белгородской, Волгоградской, Воронежской, Нижегородской, Пензенской, Ростовской, Самарской, Саратовской и Челябинской областей преступники, у которых в 2021 г. было изъято 14,9 кг наркотиков, использовали интернет-магазин «Zfermer».

Однако проведенный сравнительный анализ показал, что с учетом имеющихся в распоряжении сил и средств каждое подразделение полиции вносит свой посильный вклад в общее противодействие НОН.

Касаясь непосредственного вклада каждой службы, следует отметить, что подразделениями наркоконтроля за анализируемый период выявлено 1099 наркопреступлений, что составило 27,5 % от общего количества выявленных наркопреступлений; уголовным розыском выявлено 362 наркопреступления, доля которых составила 9,1 %; подразделениями УУП – 158, доля – 4,0 %; подразделениями ППСП – 591, доля – 14,8 %; подразделениями ДПС – 88, доля – 2,2 %.

В разрезе деятельности по раскрытию наркопреступлений отмечается несколько иное соотношение по вкладу каждой службы полиции. Так, подразделениями наркоконтроля раскрыто 780 наркопреступлений, доля которых составила 40,0 %; уголовным розыском – 336, доля – 17,2 %; подразделениями УУП – 122, доля – 6,2 %; подразделениями ППСП – 615, доля – 31,5 %; подразделениями ДПС – 76, доля – 3,9 %.

Таким образом, в целях эффективного противодействия наркопреступности подразделения полиции МВД по Республике Башкортостан на системной основе реализуют комплекс оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и раскрытию преступлений в сфере НОН. Координирующая роль в данном направлении деятельности отведена подразделениям по контролю за оборотом наркотиков, которые в приоритетном порядке осуществляют меры по пресечению групповых преступлений, ликвидации сырьевой базы и каналов перемещения наркотиков, подрыву экономических основ наркопреступности. Подразделения наркоконтроля выявляют 27,5 % от общего количества зарегистрированных в регионе наркопреступлений и оказывают содействие в раскрытии 40 % от общего количества раскрытых наркопреступлений. При этом на долю патрульно-постовой службы приходится каждое седьмое выявленное и каждое третье раскрытое наркопреступление на территории региона, на долю уголовного розыска – каждое одиннадцатое выявленное и каждое шестое раскрытое преступление данной категории.

Библиографический список

1. 30 лет на службе отечеству. Органы внутренних дел в борьбе с незаконным оборотом наркотиков в Республике Башкортостан. Уфа : ООО «Абсолют-Медиа Плюс», 2021.

2. Билоус Е. Н., Кублова М. Г. Актуальные проблемы противодействия преступлениям по линии незаконного оборота наркотиков с использо-

ванием информационно-телекоммуникационных сетей и пути их решения // Криминалистика : вчера, сегодня, завтра. 2022. № 2 (22). С. 7–16.

3. Габзалилов В. Ф., Максимов К. В. Некоторые исторические аспекты деятельности подразделений по контролю за оборотом наркотических средств МВД по Республике Башкортостан // Подразделения по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации: 30 лет со дня образования : материалы Международного научно-практического семинара. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2021. С. 26–30.

4. Доклад о наркоситуации в Республике Башкортостан в 2021 году. Антинаркотическая комиссия Республики Башкортостан, Министерство внутренних дел по Республике Башкортостан. Уфа : Здравоохранение Башкортостана, 2022.

© Максимов К. В., 2023

© Аглиуллин А. Р., 2023

УДК 343.132

Маликова Н. В. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа);

Хаертдинов В. Ф. – начальник цикла – преподаватель цикла профессиональной служебной и физической подготовки Уфимской школы по подготовке специалистов кинологов Министерства внутренних дел Российской Федерации (Россия, г. Уфа)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

SOME PROBLEMS OF SEARCH PRODUCTION IN A CRIMINAL CASE

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы выбора понятий для производства обыска, роли защитника при производстве обыска, законности производства обыска в тех случаях, когда физические и юридические собственники жилища отсутствуют при производстве обыска.

Abstract. The article deals with the problems of choosing witnesses for the search, the role of the defender during the search, the legality of the search in cases where the physical and legal owners of the dwelling are responsible for the search.

Ключевые слова: обыск в жилище, следователь, дознаватель, суд, заинтересованные лица, законность, защитник.

Keywords: house search, investigator, inquirer, court, interested persons, legality, defender.

Отечественный законодатель наделяет органы предварительного расследования особыми инструментами, которые способствуют установлению истины по уголовному делу. Применение указанных уголовно-процессуальных инструментов требует баланса между необходимостью удовлетворения общественных интересов по достижению целей уголовного судопроизводства и обеспечением закрепленных в Основном законе страны [1] прав и свобод человека. Показательным примером достижения такого паритета является деятельность следователя в жилище гражданина по поиску и установлению информации, являющейся существенной по расследуемому уголовному делу. Такая деятельность следователя в жилом помещении гражданина возможна только при определенных условиях, которые четко оговорены отечественным Уголовно-процессуальным законом [2] (далее – УПК РФ).

Итак, необходимость в обнаружении и изъятии следов противоправного деяния обусловила закрепление законодателем специального следственного действия, именуемого обыском. Вместе с тем, предназначением любого следственного действия является сбор и проверка информации и следов, имеющих значение для уголовного дела. Однако каждое следственное действие имеет отличительные процессуальные и организационные черты, которые коррелируют с требованиями, предъявляемыми для их производства.

В уголовно-процессуальной науке существует достаточное количество дискуссионных мнений о сущности обыска, его отличиях от иных следственных действий, его целесообразности и правомерности, в том числе при производстве обыска в жилище гражданина. Для сохранения выше обозначенного баланса общественных интересов и прав человека законодатель предусмотрел специальный процессуальный механизм, который позволяет произвести обыск, в том числе в жилище, – это судебный контроль. Иными словами, только суд может разрешить производство обыска в жилище и проконтролировать законность его производства в условиях, не терпящих отлагательств.

Кроме того, с точки зрения деятельности правоохранительных органов важно понимать, какой объем обысков в жилище проводится ежегодно

в среднем за последние четыре года наблюдений в России. Так, в 2018 году в России было подано 126838 ходатайств органов предварительного расследования о проведении обыска в жилище, из них удовлетворено 120682 ходатайства, доля удовлетворения составила 95,15 %, в 2019 году было подано 127825 ходатайств, из них удовлетворено 121233 ходатайства, доля удовлетворения составила 94,84 %, в 2020 году было подано 130825 ходатайств, из них удовлетворено 124051 ходатайств, доля удовлетворения составила 94,82 %, 2021 году было подано 138075 ходатайств, из них удовлетворено 131423 ходатайств, доля удовлетворения составила 95,18 % [3].

Таким образом, в России в среднем подается более 130 тысяч ходатайств о производстве обыска в жилище в год, а удовлетворяется – более 124 тысяч ходатайств. Кроме того, количество действительно проведенных обысков в жилище с каждым годом увеличивается на фоне падения общего количества преступлений в Российской Федерации [4]. Указанные данные свидетельствуют о высокой актуальности производства обыска в жилище.

В настоящее время в практике производства обыска в жилище мы выделяем три важнейшие проблемы. Первая связана с выбором понятых для производства обыска. Вторая проблема указывает на повышение роли защитника при производстве обыска. Третья проблема касается законности производства обыска в тех случаях, когда физические и юридические собственники жилища отвечают при производстве обыска.

Анализ первой проблемы показал, что при обыске жилища должны присутствовать не менее двух понятых (не заинтересованных в исходе уголовного дела лиц, привлекаемых для удостоверения факта производства, а также содержания, хода и результатов следственного действия). Категория «заинтересованность» носит оценочный характер, ее наличие противоречило бы принципам уголовного судопроизводства, ставя под сомнение объективность и беспристрастность привлекаемых в качестве понятых, а значит, и достоверность данных, полученных в результате следственного действия [5].

Процессуальный статус понятых в том числе и при производстве обыска закреплен в ст. ст. 60, 111, 131, 166, 167, 170, 182, 184, 193 УПК РФ. Понятым должен предъявляться весь ход обыска от начала до конца, каждое действие следователя (дознателя).

Анализ судебной практики показал, что при оценке категории «заинтересованность» суды учитывают следующее: 1) если понятой ранее был допрошен в качестве свидетеля по данному уголовному делу, его участие в качестве понятого недопустимо [6]; 2) понятыми не могут быть работники органов исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности и (или) предварительного расследования [7]. Спорными ситуациями, но признанные судами допустимыми, являются такие, как: 1) неоднократное участие в качестве понятых по одному уголовному делу

одних и тех же лиц [8]; 2) участие в качестве понятого сотрудника полиции, если он не наделен полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности и (или) предварительного расследования и находящегося не при исполнении своих должностных обязанностей [9]; 3) участие в качестве понятых стажеров, практикантов и «общественных» помощников [10]; 4) участие в качестве понятых военнослужащих [11].

Однако несмотря на имеющуюся положительную судебную практику по достаточно спорным вопросам привлечения вышеприведенных лиц в качестве понятых, нам представляется, что следователь (дознатель) должен в каждом конкретном случае действовать профессионально и грамотно в выборе понятых, тем самым не давая возможность стороне защиты достичь положительных решений в ходе обжалования их привлечения, по возможности вообще избегать спорных привлечений понятых, участие которых может быть оспорено.

При обосновании второй проблемы – обеспечения участия защитника при производстве обыска в жилище, следует отметить, что закон не обязывает следователя уведомлять защитника о времени производства обыска, но в то же время последний может присутствовать при нем. Его роль в рамках реализации права на защиту и состязательность сторон в ходе уголовного судопроизводства очень важна. По понятным причинам защитник вряд ли будет присутствовать на начальном этапе производства обыска, но только от него зависит после его уведомления о проведении анализируемого следственного действия у подзащитного, на сколько он скоро прибудет на место его производства. Присутствие адвоката на месте производства обыска не должно ограничиваться. Информация о его участии в ходе производства следственного действия вносится в протокол обыска, по окончании производства он и его подзащитный могут вносить замечания и ходатайства, которые в последующем учитываются при обжаловании законности производства данного следственного действия и признания его в качестве допустимого доказательства.

У обыскиваемого или членов его семьи нередко возникает желание снимать видео на сотовый телефон процесса производства обыска, подтверждением сказанного служат размещенные на ютуб канале видео подобных следственных действий. Данные действия со стороны должностных лиц должны незамедлительно пресекаться, на что имеются законодательные подкрепления. А именно согласно п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ только следователь уполномочен самостоятельно принимать решение о применении технических средств, поэтому ведение параллельной видеосъемки со стороны неуполномоченных на то лиц недопустимо.

В рамках третьей обозначенной проблемы следует отметить, что в ст. 182 УПК РФ необходимо предусмотреть привлечение к обыску в жилище представителя жилищно-эксплуатационной организации, в связи с отсутствием владельца жилища или его совершеннолетних членов семьи.

Отсутствие подобной регламентации ставит правоохранительные органы в затруднительную ситуацию.

Каждая из изученных проблем требует комплексного изучения с точки зрения соблюдения принципа состязательности и баланса между общественным интересом и правами человека.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Уголовное судопроизводство : рассмотрение ходатайств при производстве следственных действий. URL: <https://sudstat.ru/stats/ug/t/15/s/13> (дата обращения: 02.02.2023).

4. Статистические данные о состоянии преступности. URL: <https://мвд.рф/reports/> (дата обращения: 02.02.2023).

5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нагеля Михаила Петровича на нарушение его конституционных прав частью одиннадцатой статьи 182 и частью второй статьи 60 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 2008 г. № 502-О-О. URL: <https://base.garant.ru/1789518/> (дата обращения: 02.02.2023).

6. Приговор Горномарийского районного суда Республики Марий Эл от 26 мая 2020 г. по делу № 1-1-10/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/om3CIrArxx1r/> (дата обращения: 02.02.2023).

7. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 28 июля 2021 г. по делу № 22-1374-2021. URL: <https://xn-90afdbaaav0bd1afybeub5d.xn--p1ai/61188226> (дата обращения: 02.02.2023).

8. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2024 г. № 9-АПУ14-4. URL: <https://base.garant.ru/70622868/> (дата обращения: 02.02.2023).

9. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2020 г. № 46-АД20-4. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-23042020-n-46-ad20-4/> (дата обращения: 02.02.2023).

10. Апелляционное постановление № 22-764/2015 от 21 сентября 2015 г. по делу № 22-7642015 Верховный Суд Республики Марий Эл (Республика Марий Эл). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/M7dI4K9BTS6K/> (дата обращения: 02.02.2023).

11. Апелляционного определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2019 г по делу № 224-АПУ19-8. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/rrB3TgIIrkIO/> (дата обращения: 02.02.2023).

© Маликова Н. В., 2023

© Хаертдинов В. Ф., 2023

УДК 343.1

Мелешко В. В. – профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (Беларусь, г. Минск)

**ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS: COMPARATIVE LEGAL
ANALYSIS IN THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION
OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. Статья посвящена достаточно новой мере пресечения в уголовном процессе Республики Беларусь – запрету определенных действий. Проводится сравнительно-правовой анализ белорусского и российского уголовно-процессуального законодательства относительно содержания запретов и ограничений, оснований и порядка применения, изменения и отмены данной меры пресечения.

Abstract. This article is devoted to a new measure of restraint in the criminal process of the Republic of Belarus – the prohibition of certain actions. A comparative legal analysis of the Belarusian and Russian criminal procedural legislation is carried out regarding the content of prohibitions and restrictions, the grounds and procedure for applying, changing and canceling this preventive measure.

Ключевые слова: меры пресечения, запрет определенных действий, домашний арест, виды и содержание запретов, контроль за их исполнением.

Keywords: measures of restraint, prohibition of certain actions, house arrest, types and content of prohibitions, control over their execution.

Систему мер пресечения в Республике Беларусь можно рассматривать как динамически развивающуюся, способную оперативно реагировать на изменение структуры и динамики преступности, появление новых видов и способов совершения преступлений. Внесение корректировки в эту систему обуславливается тем, что существующие и ранее применявшиеся с учетом имевшихся в них ограничений и запретов меры пресечения стали менее эффективными, а также требуют существенных затрат со стороны государства в лице правоприменительных органов. Так, Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З в январе 2021 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК РБ) был дополнен статьей 123-1 «Запрет определенных действий». Аналогичная мера пресечения в Российской Федерации была введена в УПК тремя годами ранее Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72–ФЗ.

Первоначально к запрету определенных действий со стороны практических работников наблюдалась определенная настороженность, но затем эта ситуация изменилась и уже на протяжении более полутора лет запрет определенных действий в Республике Беларусь достаточно часто и эффективно применяется в отношении подозреваемых и обвиняемых, являясь альтернативой таким мерам пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении, домашний арест и заключение под стражу [2, с. 108–109]; [5, с. 186]; [6, с. 192]. Аналогичная ситуация, судя по научным публикациям, наблюдалась и в Российской Федерации [1, с. 101]; [3, с. 9]; [4, с. 35].

Данная мера пресечения гармонично вписалась в уголовную политику наших государств, позволив последовательно сокращать количество подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей или домашним арестом до принятия судом итогового решения по уголовному делу. Применение этой меры пресечения позволяет сократить государственные расходы на содержание обвиняемых и подозреваемых под стражей, а также возможную выплату возмещения вреда лицам в связи с нарушением их прав при задержании или заключении под стражу. Кроме того, наличие такой меры позволяет органам, ведущим уголовный процесс, более индивидуально и гибко подойти к вопросу ограничения прав и свобод подозреваемого, обвиняемого.

Запрет определенных действий в уголовном процессе Беларуси и России по своему содержанию заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого органом, ведущим уголовный процесс, обязанности соблюдать возлагаемые на них одного или нескольких запретов, перечисленных в ч. 3 ст. 123-1 УПК Республики Беларусь (ч. 6 ст. 105.1 УПК Российской Федерации), а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на них запретов. Меры по осуществлению контроля перечислены в пунктах 1, 2, 4 части 2 ст. 125 УПК Республики Беларусь.

В основе применения запрета определенных действий лежит исключение возможности со стороны подозреваемого или обвиняемого выполнять определенные действия, которые могут негативно отразиться на производстве предварительного расследования по уголовному делу и рассмотрении его в суде путем установления одного или нескольких запретов. Применение этой меры пресечения преследует исключение возможности подозреваемым или обвиняемым препятствовать расследованию уголовного дела и рассмотрению его в суде, заниматься преступной деятельностью; обеспечивает явку этих участников по вызовам органа, ведущего уголовный процесс.

В части 3 ст. 123-1 УПК РБ перечислены следующие виды запретов, которые могут быть применены с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела: находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них; пребывать в общем с потерпевшим жилым помещении и распоряжаться совместной собственностью – для подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в отношении члена семьи либо бывшего члена семьи; предпринимать попытки выяснить место пребывания потерпевшего, иных участников уголовного процесса; общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать средства связи и глобальную компьютерную сеть Интернет; управлять транспортным средством – если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

По своему содержанию и наличию применяемых запретов запрет определенных действий в белорусском уголовном процессе схож с домашним арестом (ст. 125 УПК РБ), при этом являясь более мягкой мерой пресечения. В отличие от последнего, он не предусматривает обязательную полную или частичную изоляцию подозреваемого или обвиняемого от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях. Указанные ограничения двух мер пресечения не значительные, но существенные, призваны обеспечивать органы предварительного расследования правовым средством по соблюдению конституционных прав подозреваемых и обвиняемых при применении к ним таких мер пресечения, как домашний арест и запрет определенных действий.

Что касается перечня запретов, входящих в содержание ст. 105.1 УПК РФ, то он содержит вышеназванный запрет, который характерен только для домашнего ареста в уголовном процессе Беларуси. Представляется, что наличие расширенного перечня запретов позволит российским правоприменителям более гибко использовать данную меру пресечения при производстве по уголовным делам.

В уголовном процессе Республики Беларусь предусмотрено применение только одной меры пресечения, применение двух и более мер пресечения запрещено (ст. 119 УПК РБ).

Анализ содержания рассматриваемой меры пресечения в виде запретов и обязанностей, налагаемых на подозреваемого, обвиняемого, позволяют сделать вывод о том, что эта мера пресечения в определенной степени может быть рассмотрена как гибридная (выделено нами), сочетающая элементы как других мер пресечения (домашний арест), так и иных мер принуждения (временное отстранение от должности). В частности, это касается такого вида запрета, как управление транспортным средством – если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. По нашему мнению, такие запреты напрямую касаются и преступлений, связанных с управлением маломерного судна или легкомоторного самолета, поезда, дорожных и строительных машин, а также иных транспортных средств. Это связано с тем, что в различных отраслях права имеются существенные различия в понятии «транспортное средство».

Если на подозреваемого или обвиняемого возложен запрет управлять автомобилем или иным транспортным средством, то органом, ведущим уголовный процесс, должно быть изъято и приобщено к материалам уголовного дела не только водительское, как указано в УПК РБ, но и иное удостоверение на право управления соответствующим транспортным средством, если управление им повлекло совершение лицом преступления. О запрете управления иным средством, о которых шла речь выше, сведения должны быть направлены в соответствующие компетентные органы, выдавшие разрешение на право управления такими средствами.

Как нам представляется, требует уточнения вопрос: в каких случаях данный вид запрета должен применяться в рамках рассматриваемой меры пресечения или как основание применения иной меры принуждения – временного отстранения от должности (ст. 131 УПК РБ). В том случае, если лицо управляло транспортным средством в пределах должностных обязанностей (водитель грузового автомобиля, трактора, троллейбуса и др.) и им были нарушены правила дорожного движения и эксплуатации транспортного средства, то орган, ведущий уголовный процесс, должен при наличии оснований применить иную меру принуждения – временное отстранение от должности подозреваемого, обвиняемого. Если совершение такого преступления не связано с работой или службой лица, то возможно применение рассматриваемой меры пресечения – запрета определенных действий.

Как правовое последствие применения этого вида запрета видится в необходимости включения срока его применения в срок дополнительного вида наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 51 УК Республики

Беларусь) при постановлении судом обвинительного приговора. Применяя в рамках рассматриваемой меры пресечения этот вид запрета, следует учитывать, что несмотря на отсутствие в ст. 123-1 УПК РБ конкретных сроков ее применения, максимальный срок не должен превышать срок наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (в рассматриваемом случае управлять транспортным средством). Максимальный срок применения этого вида наказания, установленный уголовным законодательством Республики Беларусь, в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления может применяться на срок от одного года до пяти лет, а в случаях, предусмотренных частями 4 и 5 статьи 317 УК Республики Беларусь, – на срок от одного года до восьми лет.

При проведении сравнительного анализа уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации, посвященного запрету определенных действий, можно констатировать наличие в правовой регламентации этой меры пресечения не только общих черт, но и определенных различий.

По кругу участников, наделенных правом применять эту меру пресечения. В Республике Беларусь на стадии предварительного расследования запрет определенных действий может применяться прокурором или его заместителем либо Председателем Следственного комитета Республики Беларусь, Председателем Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лицами, исполняющими их обязанности, либо органом дознания или следователем с санкции прокурора или его заместителя, а на стадии судебного разбирательства – судом (ч. 2 ст. 119 УПК РБ). В соответствии со ст. 108 УПК РФ избрание этой меры пресечения является исключительной прерогативой суда.

По срокам применения. В белорусском уголовно-процессуальном законодательстве конкретный срок применения запрета определенных действий не установлен. В уголовном процессе России в соответствии с ч. 10 ст. 105.1 УПК РФ срок применения данной меры пресечения зависит от вида инкриминируемого преступления и в случае совершения обвиняемым особо тяжких преступлений предусматривает возможность применения до 36 месяцев.

По возможности продления сроков применения и внесения корректировок в перечень налагаемых на обвиняемого запретов и обязанностей. В отличие от уголовно-процессуального законодательства России в Республике Беларусь не предусматривается необходимость продления сроков применения и вытекающего из этого правила невозможности внесения дополнений и изменений в перечень запретов и обязанностей. Вместе с тем при избрании данной меры пресечения орган, ведущий уголовный процесс, может устанавливать запрет совершать как одно определенное действие, так и одновременно несколько действий.

В связи с этим возникает вопрос: а что делать в том случае, если отпали основания применения не всех, а только некоторых запретов, или наоборот, возникла необходимость применить еще один или несколько. Закон запрещает это делать, так как в соответствии со ст. 119 УПК РБ возможно либо изменить меру пресечения на другую или отменить ее. В российском уголовно-процессуальном законодательстве такой проблемы не существует, там предусмотрена возможность неоднократной коррекции видов запретов при продлении срока применения этой меры пресечения в порядке, предусмотренном ст. 109 УПК РФ. Представляется, что решение этой проблемы применительно к рассматриваемой мере пресечения в национальном белорусском законодательстве возможно путем внесения в УПК дополнения в ст. 123-1, в соответствии с которым срок применения запрета определенных действий подлежит продлению по правилам, предусмотренным относительно заключению под стражу и домашнему аресту. В отличие от последних мер пресечения, максимальный срок применения которых установлен в УПК, такое правило о сроке применения, как нам представляется, должно распространяться и на запрет определенных действий с учетом тяжести совершенного преступления и личности подозреваемого, обвиняемого, и при очередном продлении у надзирающего прокурора или судом срока применения запрета определенных действий с возможностью внесения в него необходимых корректировок в виде запретов и обязанностей, возлагаемых на обвиняемого.

По видам применяемых запретов. Виды запретов в уголовном процессе двух стран в основном совпадают. Вместе с тем УПК РБ в качестве запретов предусматривает: а) пребывание в общем с потерпевшим жилом помещении и возможность распоряжаться совместной собственностью — для подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в отношении члена семьи либо бывшего члена семьи; б) предпринятие попыток выяснить место пребывания потерпевшего, иных участников уголовного процесса.

В качестве самостоятельного запрета УПК РФ устанавливает в отношении подозреваемого, обвиняемого запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях.

Можно выделить наличие различий, связанных не с содержанием того или иного вида запрета, а с употреблением в статьях УПК наших стран понятий, единых по содержанию, но различных по формулировке. Например, в п. 6 ч. 2 ст. 123-1 УПК Республики Беларусь использует словосочетание «глобальная компьютерная сеть Интернет», а в п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ используется «информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет».

По органам, осуществляющим контроль, за соблюдением подозреваемым или обвиняемым возложенных на них запретов. В соответствии с ч. 11 ст. 105.1 УПК РФ контроль за соблюдением подозреваемым или об-

виняемым запретов, предусмотренных п. 1–5 ч. 6 этой же статьи, осуществляется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных. В целях осуществления контроля могут использоваться аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля, перечень и порядок применения которых определяются Правительством Российской Федерации. Порядок осуществления такого контроля определяется нормативными правовыми актами, утверждаемыми федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, совместно со Следственным комитетом Российской Федерации и федеральными органами исполнительной власти, в состав которых входят органы предварительного следствия, по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

При применении запрета определенных действий в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 125 УПК РБ на подозреваемого или обвиняемого может быть возложена обязанности носить при себе электронные средства контроля, а также обслуживать их работу. При этом перечень электронных средств контроля определяется Советом Министров Республики Беларусь, а порядок их применения, ношения и обслуживания устанавливается Министерством внутренних дел.

Представленные размышления автора не претендуют на истину в последней инстанции, но как нам представляется, дают почву для размышлений о некотором несовершенстве уголовно-процессуального законодательства относительно рассматриваемой меры пресечения – запрета определенных действий в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации, что свидетельствует о необходимости проведения дополнительных исследований с учетом научных изысканий ученых наших стран и практики применения запрета определенных действий органами, ведущими уголовный процесс.

Библиографический список

1. Гаврилов Д. И. Залог и установленными запретами, новая модель меры пресечения / ред. кол. С. Я. Аземша (председатель) и др. // Следственная деятельность : наука, образование, практика : тезисы докладов I Международной научно-практической конференции (г. Минск, 24 июня 2021 г.). Минск : СтройМедиаПроект, 2021. С. 100–103.

2. Емельянов М. А., Матвеева С. А. Актуальность применения меры пресечения в виде запрета определенных действий : правовое регулирование и проблемные вопросы / ред. кол. С. Я. Аземша (председатель) и др. // Следственная деятельность : наука, образование, практика : тезисы докла-

дов II Международной научно-практической конференции (г. Минск, 24 июня 2022 г.). Минск : СтройМедиаПроект, 2022. С. 108–111.

3. Калиновский К. Б. Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 6.

4. Квык А. В. Запрет определенных действий : что нужно знать о новой мере пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 7.

5. Савчук Т. А. Новелла уголовно-процессуального закона – запрет определенных действий: парадоксы нормативного регулирования / ред. кол. С. Я. Аземша (председатель) и др. // Следственная деятельность : наука, образование, практика : тезисы докладов I Международной научно-практической конференции (г. Минск, 24 июня 2021 г.). Минск : СтройМедиаПроект, 2021. С. 186–191.

6. Самко А. В. О совершенствовании регламентации меры пресечения в виде запрета определенных действий / ред. кол. С. Я. Аземша (председатель) и др. // Следственная деятельность : наука, образование, практика : тезисы докладов I Международной научно-практической конференции (г. Минск, 24 июня 2021 г.). Минск : СтройМедиаПроект, 2021. С. 191–193.

© Мелешко В. В., 2023

УДК 343.985.7(470)

Миняшева Г. И. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

PROBLEMS OF CRIMES DISCLOSURE PREVIOUS YEARS

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с состоянием раскрываемости органами внутренних дел преступлений прошлых лет. Раскрываются основные факторы, оказывающие негативное воздействие на раскрытие преступлений прошлых лет, с определением причин и последствий низких показателей данного направления оперативно-служебной деятельности.

Abstract. The article deals with problematic issues related to the state of detection of crimes of past years by internal affairs bodies. The main factors that have a negative impact on the disclosure of crimes of past years are revealed, with the definition of the causes and consequences of low rates in this area of operational activity.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, раскрытие преступлений, преступления прошлых лет, нераскрытые преступления.

Keywords: operational-investigative activity, crime detection, past crimes, unsolved crimes.

Одной из приоритетных задач, стоящих перед органами внутренних дел Российской Федерации, является повышение уровня раскрываемости преступлений. Раскрытие преступлений является одной из основных задач оперативно-розыскной деятельности [1].

В 2022 г. было раскрыто более 1 млн преступлений (0,5 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года), в том числе 247 432 преступлений, относящихся к категории тяжких и особо тяжких (7,1 %), раскрываемость преступлений за отчетный период составила 53,4 % [4].

Однако уровень раскрываемости преступлений во многом зависит от эффективности раскрытия преступлений прошлых лет.

Проблема раскрытия преступлений прошлых лет ранее неоднократно отмечалась в директивах и решениях коллегий МВД России, определяющих приоритетные направления деятельности органов внутренних дел.

По состоянию на 31 декабря 2022 года нераскрытыми остаются около 5 млн преступлений, из них почти 2,5 млн – тяжких и особо тяжких [4].

За прошедший год остались не раскрытыми 904,5 тыс. преступлений, что на 3,1 % меньше аналогичного показателя за январь–декабрь 2021 г. Из этого количества на тяжкие и особо тяжкие преступления приходится 30,0 % (в январе–декабре 2021 г. – 33,2 %) [4].

Ключевое значение в раскрытии преступлений прошлых лет имеет организация оперативно-розыскной деятельности. Процесс раскрытия и расследования преступлений состоит из ряда оперативно-розыскных мероприятий.

Организация и тактика раскрытия данных преступлений существенно отличается от работы оперативных сотрудников по текущим уголовным делам. В связи с этим следует учитывать специфику условий, в которых проводятся оперативно-розыскные мероприятия, и которые существенно затрудняют процесс раскрытия преступлений указанной категории.

Эти трудности, в том числе связаны с тем, что с момента совершения преступления прошло много времени. В связи с давностью совершения преступного деяния возникают следующие проблемы:

- усложняется поиск свидетелей и очевидцев преступления;
- возникают неточности, ошибки в показаниях свидетелей и очевидцев преступления;
- происходит утрата определенной информации о преступлении;
- уничтожаются следы преступления, предметы, документы. в том числе записи камер видеонаблюдения;

- происходят различные изменения в обстановке места, где было совершено преступление;
- изменяется место жительства свидетелей или очевидцев преступления;
- смерть свидетелей или очевидцев преступления;
- происходит видоизменение или уничтожение объектов, отождествление которых необходимо для раскрытия преступления;
- изменяются признаки внешности лиц, совершивших преступления;
- происходит реализация, качественное изменение, уничтожение похищенного имущества.

Кроме того, есть еще ряд проблем, затрудняющих процесс раскрытия преступлений прошлых лет:

- смена сотрудников оперативного подразделения, которые ранее занимались раскрытием преступления;
- неквалифицированный и поверхностный осмотр места происшествия и поиск вещественных доказательств;
- шаблонное выдвижение версий о возможной причастности лиц к конкретному преступлению;
- списание прекращенных приостановленных уголовных дел о нераскрытых преступлениях в связи с истечением сроков давности, что противоречит принципу неотвратимости наказания и создает условия для безнаказанности преступников (п. 3 ст. 78 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) [5].

Проблема раскрытия преступлений прошлых лет тесно связана с лицами, совершающими преступления, которые имеют устойчивую склонность к противоправной деятельности. Как показывает практика, лица, совершившие преступления, оставаясь безнаказанными, зачастую повторно совершают преступления, как правило с большей дерзостью и с причинением ущерба в более крупном размере. Кроме того, с каждым вновь совершенным преступлением они приобретают дополнительный криминальный опыт и связи, а также совершенствуют способы совершения преступлений и сокрытия следов преступления. Зачастую на скамью подсудимых эти лица попадают за совершение других преступлений. Так, согласно статистическим данным больше половины (60,4 %) преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления [4]. Это обстоятельство необходимо учитывать при осуществлении взаимодействия между оперативными сотрудниками органов внутренних дел и Федеральной службой исполнения наказания (ФСИН) России. Совместная работа с оперативными подразделениями ФСИН России является важным направлением организации оперативно-розыскной деятельности, в том числе при раскрытии прошлых лет. Ежегодно органами внутренних дел во взаимодействии с ФСИН России раскрывается более 2 тыс. преступлений данной категории.

Также одним из важных направлений деятельности по раскрытию преступлений прошлых лет является розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия, суда, уклоняющихся от уголовного наказания. Данные лица, находясь на свободе, продолжают совершать преступления. Нераскрытые преступления вызывают недоверие общества как органам внутренних дел, так и ко всей правоохранительной системе в целом. Наличие на территории Российской Федерации такого количества неустановленных преступников, их безнаказанность провоцирует совершение ими все новых и новых преступлений, что не может не являться угрозой национальной безопасности Российской Федерации.

Существенное влияние на раскрытие преступлений может оказать использование технических средств. Одним из таких является – система распознавания лиц, которая позволяет выявлять лиц, скрывающихся от правосудия. В настоящее время данная система эффективно используется только в отдельных регионах Российской Федерации. В ряде регионов подобная система либо отсутствует, либо используется не в полном объеме.

В связи с этим требуется проработка вопроса о дополнительном оснащении органов внутренних дел специальной техникой и использовании ее в решении задач оперативно-розыскной деятельности.

Существенным в раскрытии преступлений является постоянное пополнение базы данных о следах, геномной информации, сведениями о биологических следах, изъятых с места совершения преступлений, и постановке на учет ДНК-данных лиц, представляющих оперативный интерес.

В соответствии с Федеральным законом от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» обязательной государственной геномной регистрации подлежат: лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности; неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий; неопознанные трупы. Для наполнения информационного массива и эффективного использования базы ДНК-данных необходимо расширить перечень лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации, из числа всех осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а также административно арестованных.

В статье 9 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» дается перечень лиц, подлежащих обязательной дактилоскопической экспертизе. Так, в п. «ж» ст. 9 указано, что обязательной государственной дактилоскопической регистрации подлежат граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства; подозреваемые в совершении преступления, обвиняемые в совершении преступления, осуж-

денные за совершение преступления, подвергнутые административному аресту; совершившие административное правонарушение, если установить их личность иным способом невозможно. Однако не все лица, причастные к совершению преступлений, подвергаются дактилоскопической регистрации и проверяются на причастность к другим преступлениям.

Одним из основных условий эффективного раскрытия преступлений прошлых лет является уровень профессионализма сотрудников оперативных подразделений и лиц, оказывающих им содействие. В связи с этим оперативным сотрудникам следует постоянно накапливать положительный опыт раскрытия преступлений и разрабатывать на основе методик алгоритмы раскрытия подобных преступлений.

Также следует постоянно осуществлять контроль за лицами ранее судимыми за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Подразделениям, которые обеспечивают процесс раскрытия преступлений посредством использования специальных технических средств, следует развивать материально-техническую базу, обучать сотрудников в целях получения ими соответствующих навыков.

Таким образом, раскрытие преступлений прошлых лет является из приоритетных задач, стоящих перед органами внутренних дел Российской Федерации и требует постоянного совершенствования оперативно-розыскной деятельности, повышения профессионального уровня сотрудников оперативных подразделений и эффективности их взаимодействия с другими правоохранительными органами и подразделениями органов внутренних дел, использования широкого комплекса сил, средств и методов раскрытия и расследования преступлений данной категории.

Библиографический список

1. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О государственной геномной регистрации в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Состояние преступности в Российской Федерации // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 01.02.2023).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Миняшева Г. И., 2023

УДК 343.132

Митькова Ю. С. – доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Волгоград)

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

TO THE QUESTION OF IMPROVEMENT JUDICIAL CONTROL IN PRE-JUDICIAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье выделены отдельные проблемы осуществления судебного контроля в досудебном уголовном производстве, и на основе анализа статистических сведений предложены два из возможных вариантов совершенствования правоприменения норм рассматриваемого правового института.

Abstract. The article highlights some problems of judicial control in pre-trial criminal proceedings, and based on the analysis of statistical data, two of the possible options for improving the law enforcement of the norms of the legal institution in question are proposed.

Ключевые слова: судебный контроль, жалоба, судебная защита, суд, досудебное производство.

Keywords: judicial control, complaint, judicial protection, court, pre-trial proceedings.

Процессуальная деятельность органов досудебного уголовного производства сопряжена с непосредственным ограничением прав человека и гражданина. Судебный контроль является важнейшей гарантией обеспечения надлежащего качества предварительного расследования, что обусловлено его назначением, заключающимся в проверке законности и обоснованности решений органов и должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство.

производство, с целью соблюдения прав и свобод личности. Тем не менее состояние данной сферы деятельности судебных органов в досудебном производстве вызывает множество вопросов теоретического и практического характера, требующих дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства, что актуализирует тему настоящей публикации.

Данные статистики о работе судебных органов [1] показывают, что за период 2019–2022 гг. количество жалоб на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное производство, остается примерно на одном уровне, либо незначительно снижается, что связано со снижением общего объема рассмотренных уголовных дел в отдельные периоды времени. Так, в 2019 г. судами было рассмотрено 121,8 тыс. жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), в 2020 г. – 120,1 тыс., в 2021 г. – 107,4 тыс., в первом полугодии 2022 г. – 55,107.

Несмотря на имеющиеся исследования в сфере применения норм института судебного контроля в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, остается достаточно проблем теоретического и правоприменительного характера, которые требуют разрешения.

Повсеместное внедрение информационных технологий во все сферы общественной и государственной жизни не могло не отразиться и на деятельности правоохранительных органов, в том числе органов судебной власти.

Так, в феврале 2022 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин на совещании с представителями судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации обозначил важной задачей информатизацию деятельности судов, подчеркнув, что передовые цифровые технологии должны быть органично внедрены в деятельность российских судов с тем, чтобы судебная защита граждан и юридических лиц могла функционировать на самом высоком уровне [2].

С развитием информационных технологий многими авторами справедливо высказываются идеи об оптимизации организации судебного контроля в досудебном производстве по уголовным делам посредством использования электронного документооборота [3]. Для этого предлагается ввести поисковые механизмы на сайтах государственных органов (портал Генеральной прокуратуры, порталы федеральных органов предварительного расследования), которыми можно было бы воспользоваться заявителям при обращении в судебный орган в порядке ст. 125, 125.1 УПК РФ.

По нашему мнению, это предложение носит конструктивный характер, поскольку упрощает и делает доступной широкому кругу лиц (в том числе с ограниченными возможностями в силу состояния здоровья или иных причин) возможность обратиться в суд за защитой своих конституционных прав, нарушенных в ходе уголовного судопроизводства, предос-

тавляя право подать жалобу в электронном формате. Кроме того, указанное приобрело еще большую актуальность и получило определенный толчок в развитии в связи с введением ограничительных мер в период распространения новой вирусной инфекции COVID 19 (2019–2022 гг.). В ближайшей перспективе необходимо на законодательном уровне разрешить данный вопрос разработать механизм обжалования действий и решений органов уголовного досудебного производства в порядке, предусмотренном ст. 125, ст. 125.1 УПК РФ посредством электронного обращения.

В период активного развития цифровых технологий все большую актуальность приобретает идея введения порядка обжалования в рамках уголовного судопроизводства путем использования электронного документооборота.

Так, в настоящее время этот вопрос урегулирован лишь в гражданском и арбитражном судопроизводстве (на основании Порядка подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утвержденным приказом Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 46-П) [4].

В то же время и уголовное судопроизводство нуждается в регламентации подобной процедуры для обращения с жалобами в порядке ст. 125, ст. 125.1 УПК РФ на законодательном уровне. Это позволит ускорить доступ граждан к правосудию, обеспечить в полной мере права и законные интересы лиц, чьи конституционные права затрагиваются тем или иным решением, принятым в ходе досудебного производства либо действиями или бездействием должностных лиц, ведущих уголовный процесс. Указанное видится весьма действенным средством повышения эффективности судебного контроля за органами предварительного следствия.

Важным направлением уголовно-процессуальной деятельности в современный период является усиление потенциала судебного контроля в рассматриваемой сфере правовых отношений. Первостепенное назначение судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса заключается, прежде всего, в его правозащитном свойстве, в частности, данный институт призван гарантировать законность и гуманизм при применении процессуального принуждения, производстве принудительных следственных и процессуальных действий (обыск в жилище, личный обыск, помещение в медицинский и психиатрический стационар и т. п.). Состояние законности при осуществлении уголовного судопроизводства в этом случае зависит и от эффективности судебного контроля. При этом недопустим подрыв авторитета судебной власти.

В соответствии с официальными сведениями, размещенными на сайте Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2021 году [5] было рассмотрено 2 793 521 представлений, ходатайств и жа-

лоб (по числу лиц) в порядке судебного контроля, исполнения приговоров и иных в порядке уголовного судопроизводства.

При рассмотрении жалоб на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное производство в порядке ст. 125 УПК РФ, можно отметить такую закономерность: жалобы удовлетворяются очень редко. Например, в первом полугодии 2022 года [6] из 55 718 заявленных жалоб отказано в удовлетворении 9 139, прекращено производством 42 571, процент неудовлетворенных заявлений составил 0,93 %. Можно найти данному факту несколько объяснений: 1) жалобы необоснованны, и органы досудебного производства осуществляют свою деятельность с соблюдением уголовно-процессуальных норм; 2) суды к рассмотрению жалоб подходят формально; 3) на этапе поступления жалобы в суд нарушения уголовно-процессуального законодательства устраняются в срочном порядке дабы не портить показатели. Последнее, безусловно, наносит вред репутации правоохранительных структур, несмотря на положительное разрешение проблемы для заявителя.

Аналогичная ситуация складывается и с рассмотрением судами ходатайств следователей и дознавателей об избрании для подозреваемых и обвиняемых меры пресечения в виде заключения под стражу. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2021 г. [7] суды рассмотрели 99 301 подобное ходатайство и почти все они были удовлетворены, лишь в 10 129 (10, 2 %) случаев судьи отказывали органам предварительного следствия в избрании этой меры пресечения.

В региональных судах общей юрисдикции прослеживается аналогичная тенденция. Например, в 2021 году судами Волгоградской области рассмотрено 2420 ходатайств органов предварительного расследования об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (удовлетворено 2226, то есть 91,9 %; оставлено без удовлетворения 194, то есть 8,01 %) [8].

А. Абросимов утверждает, что: «российские суды слишком формально относятся к обязанности рассмотрения возможности применения более мягкой меры пресечения, предпочитая просто удовлетворять ходатайства следователя или дознавателя об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения» [9, с. 89].

Сложившееся положение на первый взгляд, с одной стороны, может быть связано высокой нагрузкой на судей, что может в определенной степени повлиять на принятые судом решения. Но, с другой стороны, столь высокий процент удовлетворяемых, поступивших в суды ходатайств об избрании мер пресечения в виде заключения под стражу, может свидетельствовать о неэффективности судебного контроля и снижению независимости органов суда от органов предварительного расследования, критерии оценки деятельности которых весьма схожи по содержанию.

Все изложенное свидетельствует о назревшей потребности совершенствования судебно-контрольной деятельности в досудебном уголовном производстве и в данной статье мы выделяем два таких направления:

1) внедрение цифровых технологий в уголовно-процессуальную процедуру судебного контроля деятельности органов досудебного производства в части возможности обжалования действий и решений властных субъектов посредством электронного обращения. Это позволит облегчить и ускорить доступ лиц к правосудию и восстановлению нарушенных прав и законных интересов;

2) усиление независимости судебной ветви власти.

Библиографический список

1. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции в 2019–2022 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80> (дата обращения: 24.01.2023).

2. Путин: Россияне при обращении в суд должны получать справедливое решение: Российская газета: официальный сайт. URL: <https://rg.ru/2022/02/09/putin-rossiiane-pri-obrashchenii-v-sud-dolzheny-poluchat-spravedlivoe-reshenie.html> (дата обращения: 25.01.2023).

3. Масленникова Л. Н., Сушина Т. Е. Оптимизация судебного контроля на начальном этапе уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 41–44.

4. Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа (утв. приказом Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 46-П). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению головных дел по первой инстанции в разделе 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц) в 2019–2022 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80> (дата обращения: 25.01.2023).

6. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции в разделе 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц) в первом полугодии 2022 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80> (дата обращения: 25.01.2023).

7. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции в 2021 году // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80> (дата обращения: 24.01.2023).

8. Обобщение практики рассмотрения судами Волгоградской области ходатайств органов предварительного расследования в порядке ст. 106–109 УПК РФ за 2021 г. : постановление президиума Волгоградского областного суда от 14 февраля 2018 г. URL: <http://oblsud.vol.sudrf.ru/> (дата обращения: 25.01.2023).

9. Абросимов А. Заключение под стражу как мера пресечения на современном этапе // Актуальные проблемы современного российского права и законодательства. 2018. № 11.

© Митькова Ю. С., 2023

УДК 343.13

Мичурина О. В. – профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор (Россия, г. Москва)

К ВОПРОСУ О КОНКУРЕНЦИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И НАДЛЕЖАЩЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЕГО УЧАСТНИКОВ

ON THE QUESTION OF COMPETITION IN THE EFFECTIVENESS OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND PROPER PROVISION OF THE RIGHTS OF ITS PARTICIPANTS

Аннотация. В статье предлагается разобраться в одном из самых острых парадоксов современного уголовного судопроизводства – разрешение конкуренции между повышением его эффективности и надлежащим обеспечением прав участников, вовлеченных в этот процесс. Анализ уголовно-процессуального закона, практики правоприменения и существующих в науке точек зрения позволяет выделить наиболее актуальные перспективы совершенствования уголовного судопроизводства в этом направлении.

Abstract. The article proposes to understand one of the most acute paradoxes of modern criminal justice – the resolution of the competition between increasing its efficiency and properly ensuring the rights of the person involved in this process. An analysis of the criminal procedure law, the practice of law enforcement and the points of view existing in science allows us to highlight the most relevant prospects for improving criminal justice in this direction.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, дознание, следственные действия, процессуальные действия, участники уголовного судопроизводства, права участников, обеспечение прав.

Keywords: criminal proceedings, preliminary investigation, inquiry, investigative actions, procedural actions, participants in criminal proceedings, rights of participants, enforcement of rights.

Мир постоянно меняется, темп жизни ускоряется, правовая сфера подстраивается под новые запросы общества, создавая все более усовершенствованные механизмы достижения результатов и использования ресурсов. Отсюда не вызывает сомнений необходимость повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности; тем более что взгляд на уголовное судопроизводство с точки зрения его эффективности в настоящее время возрастает в связи с увеличением процессуальной нагрузки на государственные органы и должностных лиц. Руководствуясь этим, законодатель вынужден искать новые решения, способные ускорить уголовное судопроизводство, упростить его отдельные институты. Вместе с тем такие нововведения не должны идти в разрез с надлежащим обеспечением прав участников уголовного судопроизводства. Говоря об ускорении и упрощении уголовного судопроизводства, недопустимо забывать о его качестве, которое, по мнению Е. С. Кудряшовой, «сочетает всестороннее, полное и объективное исследование фактических обстоятельств уголовного дела с быстротой принятия законного и обоснованного итогового решения, при неуклонном обеспечении прав и законных интересов участников процесса и соблюдении законности» [2, с. 20–21]. Д. Д. Скворцов предлагает под эффективностью уголовного судопроизводства считать «справедливое и скорое, не в ущерб законности и обоснованности, рассмотрение уголовных дел» [3, с. 200]. Эффективность уголовного судопроизводства в таком случае непременно должна обладать не только количественными, но и качественными характеристиками, чтобы в стремлении к скорости не забыть о законности, соблюдении прав и свобод его участников. Уголовное судопроизводство только тогда возможно считать эффективным, когда оно будет сочетать в себе баланс указанных количества и качества.

Регламентированные в уголовно-процессуальном законе отдельные механизмы, призванные повысить эффективность уголовного судопроизводства, в виде альтернатив уголовному преследованию (примирение, деятельное раскаяние, судебный штраф), ускоренных и упрощенных производств (дознание в сокращенной форме, особый порядок судебного разбирательства), дистанционных процедур с использованием информационных технологий (системы видео-конференц-связи, электронные документы) явно недостаточны, а часть из них остро нуждается в пересмотре и существенном изменении. В юридической литературе справедливо отмечено, что наличие бюрократических по форме и затратных по содержанию институ-

тов, характерных для отечественного досудебного производства, в сочетании с жесткими сроками и бумажным документооборотом неизбежно порождают следственное и судебное затягивание уголовных дел [1, с. 98]. Совершенствование уголовно-процессуального закона, практики правоприменения и существующих в науке точек зрения позволяет выделить наиболее актуальные перспективы такого развития. Остановимся на некоторых из них.

Внедрение информационных технологий, обеспечивающих дистанционное осуществление уголовно-процессуальных процедур, без всякого сомнения является одним из оптимальных способов повышения качества уголовно-процессуальной деятельности, позволяя ей выйти на более современный уровень, отвечающий стремительно меняющимся реалиям жизни, связанным в том числе с появлением новых технических устройств – не только в плане эффективности деятельности государственных органов и должностных лиц, но и удовлетворенности участников уголовного судопроизводства в достижении назначения уголовного судопроизводства, а следовательно, реализации права граждан на быстрый доступ к правосудию. Передовые информационные технологии давно нашли успешное применение в различных сферах деятельности человека: научных, технических, образовательных и даже правовых. Не обошли они стороной и уголовное судопроизводство, о чем свидетельствуют законодательные новеллы последних лет, касающиеся, к примеру, электронной формы доказательств (ч. 4 ст. 81, ст. 81.1, п. 5 ч. 2 ст. 82, ч. 2 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), особенностей изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий (ст. 164.1 УПК РФ), порядка использования электронных документов (ст. 474.1 УПК РФ), особенностей производства отдельных следственных действий путем использования систем видео-конференц-связи (ст. 189.1 и 278.1 УПК РФ). Для досудебного производства еще имеются перспективы во введении электронного документооборота, уведомлении участников уголовного судопроизводства с помощью средств технических коммуникаций, расширении процедур удаленного участия.

Так, электронный документооборот решит целый комплекс процедурных проблем, в том числе упростит и ускорит порядок ознакомления как с отдельными процессуальными документами, так и со всеми материалами уголовного дела. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. В части 2 ст. 474 УПК РФ говорится о возможности выполнения процессуальных документов не только типографским, но также и электронным или иным способом, а в ст. 474.1 УПК РФ раскрывается порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве. Однако эти нормы в основном относятся к судебному производству, на досудебном этапе производства такая возможность пока реализуема не в полной мере. При этом нет сомнения, что электронные процессуальные документы

имеют преимущества перед их бумажными аналогами. Во-первых, отпадает потребность в бумаге, заправке картриджей, ремонте печатающих устройств и пр. Во-вторых, совершенно очевидны удобства в компактности их хранения, особенно если речь идет о многотомных уголовных делах. В-третьих, минимизируются риски утраты и уничтожения документа. В-четвертых, появляется более легкий доступ к документу с одновременной «прозрачностью» работы с ним в рамках уголовного дела.

Вместе с тем не все участники уголовного судопроизводства могут иметь возможность подписать процессуальный документ с помощью электронной подписи. Пока это направление не будет надлежащим образом отработано на государственном уровне, будущее электронного документооборота как в досудебном производстве, так и в целом в уголовном судопроизводстве, останется лишь в перспективе. При этом нами осознается также и обратное. Говорить об активном внедрении процедуры подписания процессуальных документов электронной подписью можно лишь тогда, когда уголовное дело полностью изменит свой бумажный формат на электронный, иначе теряется всякий смысл, ведь при распечатке процессуального документа с электронной подписью он сразу перестает быть оригиналом и вряд ли уже возможен для использования в доказывании.

Совершенно очевидно и то, что использование систем видеоконференц-связи при производстве следственных действий также значительно упрощает и ускоряет уголовно-процессуальную деятельность. Такой формат дает возможность видеть, слышать, обмениваться сведениями и обрабатывать их в интерактивном режиме. Он приближает дистанционную коммуникацию к реальным условиям живого общения и снимает отдельные проблемы, связанные с невозможностью непосредственного физического участия лица при производстве по уголовному делу. Но почему бы на предварительном расследовании не распространить видеоконференц-связь, помимо допроса, очной ставки и предъявления для опознания, и на производство других следственных действий, к примеру, освидетельствование или проверку показаний на месте? Аналогичная востребованность имеется и в суде, где с помощью видео-конференц-связи можно лишь допросить участников судебного разбирательства. При этом предусмотренная законом возможность дистанционного их участия в судебном разбирательстве не ограничена конкретными судебными действиями, что нельзя сказать о досудебном производстве. Иные процессуальные действия на предварительном расследовании при определенных условиях тоже могли бы стать дистанционными, а именно: ознакомление с материалами уголовного дела, подача заявлений, жалоб, ходатайств, уведомление участников уголовного судопроизводства и пр.

Затронем еще один аспект использования информационных технологий, который одновременно положительно влияет как на эффективность уголовного судопроизводства, так и на обеспечение прав его участников. Принуждение в уголовном судопроизводстве предполагает строго уста-

новленный законом порядок и соразмерность необходимости его применения, независимо от того, проявляется оно в мерах процессуального принуждения или следственных и иных процессуальных действиях. Для сравнения предложим две меры пресечения – помещение под домашний арест с использованием электронного браслета и заключение под стражу в следственном изоляторе. Каждая из этих мер пресечения преследует одну и ту же цель, каждая дает надежную превенцию, чтобы обвиняемый (подозреваемый) не смог скрыться, воспрепятствовать производству по уголовному делу или совершить новое преступление. Безусловно, что домашний арест ограничивает права и свободы личности, наряду с заключением под стражу, но в значительно меньшей степени, чем последняя мера пресечения. Домашний арест благодаря использованию информационных технологий, позволяющих осуществлять своевременный контроль за выполнением его условий, стал эффективной альтернативой заключению под стражу в силу своей мягкости и большей гуманности. Это наиболее цивилизованный подход, когда уголовно-процессуальное принуждение достигает своей цели минимальными негативными воздействиями на личность.

Кроме того, нельзя отвергать тот факт, что российское уголовное судопроизводство – одно из наиболее заформализованных по процедурам и срокам производства. В системе уголовного судопроизводства большинства зарубежных государств присутствуют модели ускоренных и сокращенных производств. До принятия УПК РФ такая процедура имела и в отечественном уголовном процессе в виде протокольной формы досудебной подготовки материалов. Стоит сказать, что сокращенный порядок предварительного расследования нормативно возник и в современный период в лице дознания в сокращенной форме, регламентированном гл. 32.1 УПК РФ. По замыслу законодателя сокращенное дознание должно осуществляться быстрее и с меньшими затратами сил и средств, чем обычное дознание и тем более предварительное следствие. При этом его ускорение и удешевление достигается не только сокращением срока производства по уголовному делу, но и путем упрощения процедуры доказывания. Вместе с тем такое упрощение обязательно должно быть уравновешено системой гарантий, обеспечивающих законное и обоснованное привлечение лиц к уголовной ответственности. Исследуя же практику производства сокращенного дознания, новеллы закона и мнения ученых по этому вопросу, можно с уверенностью сказать, что подобных гарантий совсем недостаточно.

Процедура доказывания при сокращенном дознании отличается от традиционных стандартов установления обстоятельств уголовного дела, что нашло отражение в особенностях, не свойственных доказыванию в ходе общего порядка дознания: сужение предмета доказывания и исключение фактически проверки из процесса доказывания. Эффект процессуальной экономии благодаря сокращению временных, материальных, интеллектуальных и иных затрат при подобном упрощении процессуальной

формы вступает в противоречие с объективным установлением обстоятельств преступления, а также обеспечением прав и законных интересов участников процесса, что совершенно недопустимо и ничем не может быть оправдано. В силу обозначенного право дознавателя не проверять доказательства, в том числе «признательные» показания подозреваемого, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем, закрепленное в ст. 226.5 УПК РФ, является серьезным упущением законодателя и должно быть скорректировано надлежащим образом. При производстве дознания в сокращенной форме ограниченными можно считать лишь пределы доказывания, которые определяются предметом. Пределы доказывания, несмотря на установленные законом изъятия из общих правил, в любом случае все равно стремятся к полноте. Достигнутые пределы доказывания определяются не числом произведенных следственных или процессуальных действий, количеством полученных доказательств, а значением полученной из них информации, необходимой для признания обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Следует признать, что умеренное упрощение существующих уголовно-процессуальных процедур действительно необходимо отечественному уголовному судопроизводству, и процессуальная экономия тут является основным инструментом достижения назначения уголовного судопроизводства в максимально короткие сроки. Но говоря о процессуальной экономии, чрезвычайно важно видеть взаимосвязь между рациональным использованием процессуальных сил и средств и качеством предварительного расследования. Именно процессуальные сроки призваны обеспечить ускоренность процесса, ведь действие, выполненное правоприменителем за пределами установленного для него УПК РФ срока, будет незаконным, а полученные в результате этого действия доказательства – юридически ничтожными. И здесь мы должны отметить одну из важных особенностей процессуальных сроков как одну из форм обеспечения эффективности уголовного судопроизводства – их объективность и независимость от воли участников процесса. Хотя в известных случаях процессуальные сроки могут продляться и даже прекращаться, но это в большей степени вопрос к законодателю, которому и предоставлено право нормативного регулирования данных механизмов с целью обеспечения эффективности процесса. Правильный «расчет» сроков, заложенный в уголовно-процессуальном законодательстве, самым прямым образом влияет на эффективность уголовного судопроизводства. Ошибочное установление того или иного процессуального срока может привести либо к «волоките», либо к неоправданному ускорению. Процессуальные сроки, с одной стороны, призваны избавить уголовное судопроизводство от чрезмерной торопливости и нарушений прав участников уголовного судопроизводства, а с другой – его бесконечности. Важность процессуальных сроков прослеживается на всем протяжении уголовного судопроизводства, и не только для потерпевшего, ко-

торый традиционно заинтересован в скором восстановлении его нарушенных прав, но и для противоположной стороны защиты в лице подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

Все изложенное позволяет резюмировать, что эффективностью уголовного судопроизводства следует считать его способность к обеспечению защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод в максимально короткие сроки, с наименьшими, но в то же время рациональными затратами сил и средств участников.

Библиографический список

1. Гилязутдинов Р. К. Проблемы повышения эффективности досудебного производства // Закон и право. 2019. № 2. С. 97–99.
2. Кудряшова Е. С. Обеспечение качества дознания в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020.
3. Скворцов Д. Д. Эффективность уголовного судопроизводства и средства защиты уголовно-процессуальных норм // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2007. № 1. С. 200–208.

© Мичурина О. В., 2023

УДК 343.125.3

Насыров Р. Р. – преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа);

Фаткуллин Р. Р. – преподаватель цикла профессиональной служебной и физической подготовки Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России (Россия, г. Уфа)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОНЯТИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

SOME QUESTIONS OF THE CONCEPT OF DETENTION OF A PERSON ON SUSPICION OF COMMITTING A CRIME

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-правовые вопросы, касающиеся института задержания лица по подозрению в совершении преступ-

пления. Дается краткий комментарий нормативным правовым актам и судебной практике, регулирующей вопросы задержания.

Abstract. The article deals with theoretical and legal issues related to the institution of detention of a person on suspicion of committing a crime. A brief commentary on the normative legal acts and judicial practice governing the issues of detention is given.

Ключевые слова: меры процессуального принуждения, фактическое задержание, процессуальное задержание, задержание лица в качестве подозреваемого.

Keywords: measures of procedural coercion, actual detention, procedural detention, detention of a person as a suspect.

В настоящее время в целях эффективного уголовного преследования государство наделило правоохранительные органы возможностью применения мер государственного принуждения. Благодаря этому, государство посредством закрепления данных мер в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) обеспечивает успешное расследование и разрешение уголовного дела.

Несмотря на постоянное реформирование уголовно-процессуального законодательства в области регулирования мер уголовно-процессуального принуждения, остается нерешенным целый ряд теоретических и практических вопросов, касающихся оснований, целей и порядка задержания подозреваемых, в частности процедуры фактического задержания подозреваемого в совершении преступления; исчисления момента фактического задержания и общего срока задержания; отсутствия четкого понимания «иных данных», предусмотренных ч. 2 ст. 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ); правового пробела временного интервала, с момента фактического задержания до момента доставления задержанного в орган дознания или к следователю. В результате отсутствия четких временных рамок, неопределенности статуса лица в момент фактического задержания до составления в отношении него протокола задержания правоприменители и сами лица, подвергнутые задержанию, испытывают определенные трудности. Так, И. М. Кунов, И. М. Данько отмечают, что несмотря на кратковременный характер применения, задержание является одним из наиболее жестких видов уголовно-процессуального принуждения. Лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, лишается своих конституционных прав на свободу передвижения и личную неприкосновенность. В этот временной промежуток лицо лишается права на общение с другими лицами, не может самостоятельно выбрать место своего нахождения, возможность распоряжаться имуществом, также лицо претерпевает многочисленные неудобства, связанные с бытом, проживанием, медицинским обслуживанием [2].

Меры процессуального принуждения включают в себя три группы мер. Таковыми являются: задержание подозреваемого, меры пресечения и иные меры уголовно-процессуального принуждения. Для каждого конкретного случая предусмотрены свои основания и условия их применения. Необходимо отметить, что задержание в системе мер уголовно-процессуального принуждения выделено в отдельный вид, что определяет его главенствующую роль в системе мер процессуального принуждения, регламентируемой главой 12 УПК РФ. Именно данная мера принуждения ограничивает права, свободы и законные интересы граждан, которые подозреваются в совершении преступления. В свою очередь, несвоевременное применение данной меры принуждения может повлечь за собой иные тяжкие последствия.

Необходимо различать задержание в уголовно-процессуальном праве от административного задержания и задержания в уголовно-исполнительном праве. Основания задержания подозреваемого регламентированы в ст. 91 УПК РФ. В то же время необходимо различать задержание подозреваемого и задержание обвиняемого. Суть состоит в кратковременном содержании под стражей обвиняемого, в целях его дальнейшего доставления в суд для рассмотрения ходатайства дознавателя или следователя о заключении его под стражу. Основанием здесь будет являться необходимость рассмотрения ходатайства лица, производящего предварительное расследование, а целью – незамедлительное доставление обвиняемого в суд для рассмотрения вышеуказанного ходатайства. Интересным является тот факт, что законодатель в главе 12 УПК РФ предусматривает нормы, регламентирующие лишь задержание подозреваемого. Задержание обвиняемого закреплено в ст. 210 УПК РФ. Считаем необходимым включить основания и процедуру задержания обвиняемого в главу 12 УПК РФ.

На практике, в большинстве случаев, подозреваемый задерживается на первоначальном этапе расследования по уголовному делу. Например, когда лицо застигнуто на месте совершения преступления или же подозреваемый длительное время уклонялся от явки по вызову к дознавателю или следователю.

Исходя из анализа норм, регламентирующих процедуру задержания можно отметить, что УПК РФ предусматривает две его разновидности: фактическое и процессуальное, которое по общему правилу не должно превышать 48 часов. Фактическое задержание предполагает, что лицо задержано с момента фактического лишения передвижения лица. Процессуальное же связано с составлением процессуального документа: протокола задержания. Эти расхождения затрудняют работу следователей и дознавателей при применении данной меры пресечения. В связи с этим могут возникнуть определенные трудности, включая определение времени, с которого будет начинаться исчисление срока.

Момент фактического задержания установлен в УПК РФ и определяется как фактическое лишение свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления. Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П [1] разъяснил, что необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, при котором управомоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры по задержанию, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность лица, включая свободу его передвижения.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что задержание как мера уголовно-процессуального принуждения может применяться как до, так и после возбуждения уголовного дела.

Еще одной проблемой считается возможность задержания лица гражданами, не являющимися сотрудниками правоохранительных органов. Так, в ст. 91 УПК РФ установлен исчерпывающий перечень должностных лиц, уполномоченных производить задержание. Согласно ч. 1 ст. 38 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) лицо, совершившее преступление, может быть задержано для доставления лица в орган власти. Соответственно, временем фактического задержания мы можем считать момент передачи гражданами, удерживающими преступника, правоохранительным органам, так как процессуальное задержание считается только, когда лицо было задержано лицами, указанными в ст. 91 УПК РФ. До момента передачи лица в правоохранительные органы мы не можем его считать задержанным, а лишь удерживаемым лицом.

На практике чаще всего за момент фактического задержания принимают момент составления процессуального документа. Поэтому считается, что период с момента задержания лица на месте и до его доставления в орган внутренних дел не входит в понятие процессуального задержания. В связи с этим полагают, что 48 часовой срок начинает исчисляться с момента возбуждения уголовного дела и составления протокола задержания. Если будет принято решение о задержании лица по возбужденному уголовному делу, то моментом фактического задержания лица будет считаться момент захвата лица. Отсюда вытекает еще одна проблема, касающаяся определения статуса подозреваемого. В частности, в ст. 46, 49, 91 УПК РФ установлено, что лицо становится подозреваемым с момента его фактического задержания.

Так, по мнению С. Н. Назарова задержание может быть осуществлено и до возбуждения уголовного дела [1]. Имеется и противоположная точка зрения, согласно которой задержание как процессуальное действие невозможно проводить до возбуждения уголовного дела и нельзя однозначно говорить о причастности лица к совершению преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

А. П. Коротков и А. В. Тимофеев отмечают, что лицо считается подозреваемым с момента задержания его после совершения преступления или при попытке скрыться с места преступления, независимо от того, возбуждено уголовное дело или нет, то есть с момента его фактического задержания [3].

Анализируя имеющиеся точки зрения по поводу статуса подозреваемого при его задержании, необходимо сделать вывод о том, что целесообразней было бы изменить статус подозреваемого на «задержанного», так как юридических оснований для признания лица подозреваемым при задержании нет. Только после того, как будет доказана причастность лица к совершению преступления, его уже можно будет признать подозреваемым или же предъявить ему обвинение.

Заключительным этапом в процессе задержания является составление процессуального документа, а именно протокола задержания. По правилам статьи 92 УПК РФ протокол должен быть составлен не позднее 3 часов с момента доставления лица в орган дознания или к следователю и только по возбужденному уголовному делу. При этом задерживаемому при составлении этого документа необходимо разъяснить его права, указанные в ст. 46 УПК РФ. Кроме того, дознаватель (следователь) в течение 48 часов должен произвести ряд процессуальных действий, а именно: составить протокол задержания, разъяснить права подозреваемому; произвести личный обыск задержанного; предоставить возможность свидания с защитником наедине и конфиденциально; в течение 12 часов письменно сообщить прокурору о произведенном задержании; предоставить право на один телефонный разговор для уведомления о задержании; в течении 24 часов допросить подозреваемого; не позднее, чем за 8 часов до истечения 48 часового срока задержания, вынести мотивированное и обоснованное постановление о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и предоставить соответствующие материалы после согласования с прокурором в суде; при необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий дать письменное согласие на встречу с подозреваемым сотруднику органа дознания. Кроме того, перед указанным перечнем процессуальных мероприятий, следователь (дознаватель) должен принять решение о возбуждении уголовного дела и незамедлительно направить копию соответствующего постановления прокурору (ч. 1 и 4 ст. 146 УПК РФ).

Такой объем мероприятий на практике выполнить весьма сложно, что зачастую является причиной большинства нарушений прав граждан, задерживаемых по подозрению в совершении преступлений. На основании изложенного считаем, что в данной ситуации целесообразней было бы изменить статус подозреваемого на «задержанного», так как юридических оснований для признания лица подозреваемым при задержании нет. Только после того, как будет доказана причастность лица к совершению пре-

ступления, его уже можно будет признать подозреваемым или же предъявить ему обвинение.

Учитывая все вышеперечисленные пробелы и разногласия, необходимо пересмотреть нормы УПК РФ, касающиеся задержания, и внести в них определенные изменения в целях правомерного применения данной меры пресечения.

Библиографический список

1. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П. URL: <http://www.garant.ru/doc/1252150> (дата обращения: 15.01.2023).

2. Кунов И. М., Данько И. М. Задержание подозреваемого в уголовном судопроизводстве // Кубанский государственный университет. 2014. № 1. С. 1409–1414.

3. Коротков А. П., Тимофеев А. В. Прокурорско-следственная практика применения УПК РФ. М. : Экзамен, 2005.

© Насыров Р. Р., 2023

© Фаткуллин Р. Р., 2023

УДК 343.131

Нуркаева М. К. — доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Уфа)

ЗНАЧЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ РАЗУМНЫХ СРОКОВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

SIGNIFICANCE AND CLASSIFICATION OF REASONABLE TIME IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье на основе анализа норм, практики делается вывод о значении разумных сроков в уголовном производстве. Рассматривается попытка выделения классификации процессуальных сроков с учетом принципа разумности, которая показывает, что до настоящего времени, несмотря на введение ряда редакций, сам принцип разумных сроков остается во многом декларативным, слишком общим и весьма абстрактным критерием установления процессуальных ограничительных временных норм для расследования.

Abstract. Based on the analysis of norms and practice, the article concludes on the importance of reasonable time in criminal proceedings and considers an attempt to distinguish the classification of procedural terms taking into account the principle of reasonableness, which shows that until now, despite the introduction of a number of editions, the principle of reasonable time remains largely declarative, too general and very abstract criterion for establishing procedural restrictive time limits for an investigation.

Ключевые слова: принцип, разумный срок, критерий, показатели, классификация, процессуальные сроки, властные решения.

Keywords: principle, reasonable term, criterion, indicators, classification, procedural terms, power decisions.

На основании ряда нерешенных проблем по искусственному затягиванию рассмотрения уголовных дел можно сделать вывод о неспособности установленных в УПК РФ нормативных положений по решению проблемы реализации принципа разумных сроков. Это справедливо как для досудебного, так и судебного производства.

Нормы, прописанные в ст. 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), закрепляют обстоятельства, по большей части являются критериями оценки, которые необходимо учитывать при реализации данного принципа, в то время как на практике ситуация мало изменилась даже после введения последней июльской редакции ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ.

Необходимо констатировать, что с принятием российским законодателем международных стандартов и закреплением в УПК РФ нормы – принципа разумного срока, до июля 2020 г. реформирование законодательства не отвечало указанному принципу. По мнению ряда правоведов, последние изменения не способны решить указанные выше проблемы. Фактически в настоящее время в российском уголовно-процессуальном законодательстве имеют место процессуальный и разумные сроки, индифферентные друг другу.

Что и обуславливает отсутствие должного эффекта всех вводимых в УПК РФ положений реализации принципа разумности сроков, которые не подтверждаются процессуальными. Данное положение, разделяемое и другими специалистами, достаточно полно исследовано в диссертационной работе В. И. Кушнера [1].

Также и А. А. Тришева отмечает необходимость кардинального пересмотра норм уголовно-процессуального законодательства в соответствии с принципом разумности [2, с. 34–38]. Вслед за ней О. А. Снежко, развивая данную концепцию, исходит из необходимости приведения в соответствии российских положений УПК РФ в соответствии с требованиями разумных сроков, установленных в международных актах [3, с. 34–36].

В этой связи стоит отметить, что после введения в УПК РФ статьи о разумном сроке судопроизводства (статья 6.1) в качестве сопутствующих мер по реализации данного принципа были введены соответствующие положения, способствующие ускорению расследования. Среди таких положений можно выделить:

- прежде всего, это введение самого Закона от 4 марта 2013 г. № 23–ФЗ [4], значительно расширившего список следственных действий, которые могут проводиться во время осуществления проверки заявления о совершенном преступлении;

- а во-вторых, включение в данный закон главы 32.1 о проведении дознания в сокращенной форме для ряда преступлений, что уже само по себе сокращает сроки расследования.

Очевидно, на что указывают некоторые правоведы, эти нововведения являлись лишь первоначальными шагами к реформированию российского уголовного процесса в реализации принципа разумности сроков судопроизводства для работы правоприменителей в разрезе норм международного права. И стоит отметить, что несмотря на более чем десятилетний срок с момента принятия статьи 6.1 (апрель 2010 г.) до настоящего времени фактически отсутствуют действенные механизмы регулирования процессуальными сроками и наблюдается их очевидное несоответствие принципу разумности вследствие возможности затягивания расследования через отказа в возбуждении дела и возвращение прокурором на доследование. Нет достаточных толкований и в статье 5 УПК РФ, где само понятие разумных сроков отсутствует, а определение ряда процессуальных действий имеет весьма независимый от этого понятия характер. Такая ситуация не только не способствует принципиальному решению проблемы, но и порождает новые теоретические толкования и споры относительно законотворческих инициатив как в отношении самого принципа разумности, так и применительно к отдельным процессуальным действиям правоприменителей с учетом практики их работы по уголовным делам.

При этом до настоящего момента продолжают вскрываться обстоятельства, показывающие «несостоятельность» положений ст. 6.1 УПК РФ. Так, Конституционным Судом Российской Федерации до редакции 2020 г. было акцентировано внимание на четыре несоответствия и введения соответствующих законодательных поправок (редакций от 21 июля 2014 г. [5], 29 июня 2015 г. [6], 30 декабря 2015 г. [7], 3 июля 2016 г. [8]). Не особенно изменилась ситуация и после июльской редакции 2020 г. с введением части 3 данной статьи.

Сложность законодательного регулирования ограничения сроков судопроизводства обусловлена, прежде всего, оценочностью самого понятия «разумные сроки», что, в свою очередь, накладывает определенные трудности в реализации этого принципа на примере конкретных процессов,

часто объективно предполагающих значительно более широкие временные рамки.

Если еще можно определиться с начальной точкой отсчета времени расследования, которая в настоящее время изменена на момент принятия сообщения о преступлении в одних случаях и начало уголовного преследования в других (что, естественно, более точно соответствует принципу разумности и конкретизации временных рамок, чем существовавшее ранее), то с заключительной точкой этого процесса дело обстоит значительно сложнее. Такие конечные сроки определяются в зависимости от сущности отдельных процессуальных действий (например, задержание подозреваемых) и часто не укладываются в законодательно принятый срок 30 суток, отведенный правоприменителю. Фактически оценочный принцип разумности сроков в уголовном судопроизводстве должен определяться конкретными случаями, процессуальной сложностью рассматриваемых дел, что получается в следственной практике. Фактически в настоящее время, несмотря на все ограничительные меры и декларативные попытки реализации принципа разумности в потакании нормам международного права, российская следственная практика продолжает работать «по старым рельсам» с единственной разницей – добавлением лишнего чисто бюрократического этапа отправления дела прокурору и возвращения его обратно следователю (дознавателю) в производство. Статья 6.1 УПК РФ прописывает лишь общие критерии, на основе которых формируются конкретные процессуальные нормы (то есть временные ограничительные рамки). Однако сама оценочность (то есть в данном контексте – условность) принципа разумности, его размытость и общность делает невозможным в условиях сложившейся отечественной следственной практики принятия конкретных ограничительных сроков на все процессуальные действия, которые бы действительно соблюдались, даже в той степени, как это реализуется в западных странах. Для этого необходимо менять всю систему отечественного процессуального права, с советских времен развивавшей институт следователей, а не адвокатуры (так как приоритетными были вопросы защиты интересов государственной системы, а не прав граждан государства).

Отсюда следует вывод о несопоставимости понятий «разумные сроки» (вытекающие из самого принципа разумности) и «процессуальные сроки» (имеющие конкретное преломление по отношению к отдельным процессуальным действиям – дознавателя, следователя и т. д.). Более того, имеются серьезные основания утверждать, что сами процессуальные действия в контексте отдельных производств по уголовным делам накладывают свой отпечаток на формирование основ «разумности» и связанных с ним ограничительных временных рамок.

Искусственная ограниченность временных рамок уголовного судопроизводства, осуществляемая в настоящее время, не способна привести к действительно позитивным результатам и как-то принципиально повлиять

на сокращение сроков расследования. Таким образом, сам принцип разумности со своими требованиями ограничительных временных рамок в современных условиях отечественно уголовного процесса выглядит весьма формальным, что, однако, не позволяет утверждать о позитивности ряда законодательных инициатив. К числу таковых, как уже говорилось выше, относится сокращенная форма расследования для преступлений небольшой и средней тяжести. Именно на этот момент в последнее время больше всего обращает внимание когорты правоведов, пытающихся оптимизировать все еще громоздкий институт под реалии следственных действий.

Часто в угоду быстроты судопроизводства, что предполагается как обязательная составляющая рассматриваемого в данной работе принципа разумности, забывается о качестве расследования. На это фактор обращает внимание и Европейский Суд по правам человека, который своими решениями свидетельствует о необходимости соразмерного баланса быстроты и качества: «особая быстрота, на которую находящийся в заключении обвиняемый имеет право рассчитывать при рассмотрении его дела, не должна мешать тщательным усилиям судей по исполнению их обязанностей с должной тщательностью» (дело «Томази против Франции»: постановление ЕСПЧ от 27 августа 1992 г.) [9].

Таким образом, сам принцип разумных сроков судопроизводства за счет своей широты и ряда включающих в себя оценочных характеристик, таких как скорость расследования, процессуальная экономия усилий и времени, целесообразность и своевременность осуществления тех или иных процессуальных действий и т. д., не может ограничиваться одним из этих показателей – признаков и, естественно, выступает лишь общим критерием (ориентиром) для установления отдельных процессуальных сроков.

Учитывая изложенное выше, рассмотрим представляющуюся нам наиболее точной классификацию процессуальных сроков, предложенную В. И. Кушнеревым, в основе которой лежит способ реализации в них принципа разумного срока уголовного судопроизводства [1, с. 115]:

- законодательно установленные процессуальные сроки (проверка сообщений о преступлениях, а также отведенное время на предварительное следствие и дознание);
- сроки, обусловленные правоприменением, то есть находящиеся в прямой зависимости от решений властных субъектов уголовного процесса, осуществляющих расследование или контроль за ним (следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника органа дознания и т. д.), которые своими действиями влияют на ограничение или удлинение срока расследования.

Однако в данной классификации речь идет именно о процессуальных сроках вне их контекста и взаимосвязи с принципом разумности. Для такой классификации требуется более глубокая и детальная характеристика всех процессуальных действий, что фактически значительно детализирует

и усложняет всю классификацию, а также не имеет объективной необходимости.

Таким образом, проведенный анализ значения разумных сроков в уголовном производстве и попытка выделения классификации процессуальных сроков с учетом принципа разумности показывает, что до настоящего времени, несмотря на введение ряда редакций, сам принцип разумных сроков остается во многом декларативным, слишком общим и весьма абстрактным критерием установления процессуальных ограничительных временных норм для расследования. Попытка таких ограничений в угоду принципу разумности приводит лишь к еще большей бюрократии (система отказа от возбуждения дела и возврат прокурором на доследование), в результате чего затягивание расследования и так называемая «следственная волокита» не исчезают. Определенным позитивным фактором решения этой проблемы можно считать введение положений о сокращенном расследовании, которая, несмотря на достаточно длительный срок своего существования в УПК РФ, продолжает оставаться весьма громоздкой и сложной для адекватной реализации на практике. Сам принцип разумного срока определяется не только быстротой процесса, но и другими показателями (целесообразность, своевременность и т. д.), которые нельзя не учитывать в определении процессуальных сроков, что может привести к снижению качества расследования. Для эффективной реализации принципа разумного срока по шаблонам международного права необходимо менять само направление развития отечественной уголовно-процессуальной системы, а не развитие института адвокатуры, где в основе лежит защита прав граждан, а не интересов государственной системы с ее «бюрократической машиной» института следователей.

Библиографический список

1. Кушнерев В. И. Реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства в нормах, регулирующих процессуальные сроки в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 223 с.
2. Тришева А. А. Возвращение уголовного дела прокурору и разумный срок уголовного судопроизводства // Законность. 2011. № 5. С. 34–38.
3. Снежко О. А. Дефекты российского правосудия в решениях Европейского Суда по правам человека // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 19. С. 34–36.
4. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 9. Ст. 875.
5. О внесении изменений в статью 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и отдельные зако-

нодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30 (часть I). Ст. 4274.

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя : федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (часть I). Ст. 60.

8. О внесении изменения в статью 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 331-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4264.

9. Постановление ЕСПЧ от 27 августа 1992 г. по делу «Томази против Франции» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 2. С. 755–767.

© Нуркаева М. К., 2023

УДК 343.13

Орлова А. А. – главный научный сотрудник НИЦ № 5 ФГКУ ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, доцент (Россия, г. Москва)

О ПРОБЛЕМАХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ВЗГЛЯД НА ОДИН ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ПОДХОДОВ К ИХ РАЗРЕШЕНИЮ

ABOUT THE PROBLEMS OF THE CRIMINAL PROCESS: A LOOK AT ONE OF THE POSSIBLE APPROACHES TO THEIR RESOLUTION

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, касающиеся взаимосвязанных и взаимообусловленных факторов, влияющих на уголовное судопроизводство. Обозначены подходы к различным аспектам понимания уголовного процесса, каждый из которых наделен внутренним содержанием. Представлена точка зрения на круг проблем уголовного процесса и возможные направления их разрешения.

Abstract. The article discusses issues related to interrelated and interdependent factors affecting criminal proceedings. Approaches to various aspects of understanding the criminal process are outlined, each of which is endowed with

an internal content. The point of view on the range of problems of the criminal process and possible directions of their resolution is presented.

Ключевые слова: уголовный процесс, вид государственной деятельности, уголовно-процессуальный закон, участники уголовного судопроизводства, правовые нормы, правовые институты, концептуальные подходы.

Keywords: criminal procedure, type of state activity, criminal procedure law, participants in criminal proceedings, legal norms, legal institutions, conceptual approaches.

Актуальность заявленной темы не вызывает сомнений, а ее статус свидетельствует, что вопросы, связанные с необходимостью оптимизации уголовного судопроизводства, представляя как научный, так и практический интерес, характерны не только для нашей страны.

Многогранность проблем уголовного процесса, влияющая на выработку возможных путей их разрешения, демонстрирует устойчивые взаимосвязи и взаимообусловленность различных, в том числе социально-экономических и политических факторов. Указанное обстоятельство лежит в основе многочисленных исследований, касающихся сферы уголовного судопроизводства.

В связи с этим хотелось бы акцентировать внимание на одном из возможных подходов к рассмотрению значимых, по нашему мнению, вопросов.

В теории уголовный процесс понимают (в том числе) как вид государственной деятельности и как совокупность правовых норм, ее регулирующих (Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ)).

Очевидно, что, акцентируя внимание на понимании уголовного процесса как вида государственной деятельности, то есть урегулированной законом деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, мы учитываем многообразие возникающих в ходе ее осуществления правоотношений между различными участниками уголовного судопроизводства.

При этом уголовный процесс как совокупность норм, регламентирующих процессуальную деятельность в каждом конкретном случае решения вопроса о возбуждении уголовного дела, его расследовании и рассмотрении по существу, не следует отождествлять с его пониманием как отрасли права, комплексно формулирующей и решающей более широкий круг задач в контексте правовой идеологии и законотворчества.

Характеризуя круг наиболее актуальных проблем уголовного процесса, акцентируем внимание на тех из них, которые характерны для каж-

дого из выделенных аспектов и в то же время взаимосвязаны и взаимообусловлены.

1. Понимание уголовного процесса как вида государственной деятельности (наряду с другими) неоднозначно и представлено различными участниками научной дискуссии по-разному [1]. Вместе с тем авторы практически единодушны в том, что она осуществляется специально уполномоченными государственными органами и должностными лицами в строгом соответствии с законом.

Таким образом, уголовный процесс как направление государственной деятельности неотделимо от обязательного исполнения правовых предписаний.

Надлежащие субъекты в каждом конкретном случае действуют поэтапно, в определенной последовательности, в соответствии с правовыми нормами, регулирующими общественные отношения, складывающиеся между участниками уголовного судопроизводства.

Такой очевидно общий подход тем не менее позволяет констатировать, что законность и обоснованность действий и принимаемых решений на всех этапах уголовного судопроизводства определяется (помимо степени подготовки должностных лиц и осуществления надлежащего контроля за их действиями и решениями) качественным уровнем правового регулирования.

И здесь, во избежание декларативных тезисов и суждений, обратимся ко второму выделенному нами аспекту понимания уголовного процесса.

2. УПК РФ принимался с привлечением к его разработке экспертов, представлявших Совет Европы, Американскую ассоциацию юристов, Постоянное представительство Министерства юстиции США при посольстве США в Москве [2, с. 332].

По справедливому мнению ученых-процессуалистов, оценивающих качественный уровень принятого закона, очевидна картина подмены отечественных ценностей и правовых традиций чуждыми западными [3, с. 15].

Указанное обстоятельство не могло не отразиться отрицательно на правоприменительной деятельности, так как столь поспешная «демократизация» уголовно-процессуального закона, по сути дела разрыв с российскими правовыми традициями при переводе значимого и чувствительного для обеспечения прав граждан вида государственной деятельности на новое направление, привела к значительным недостаткам редакции норм УПК РФ, к их несогласованности и недостаточности для регулирования всего комплекса возникающих правоотношений.

Так, например, не всегда четко и далеко не в необходимом объеме сформулирован понятийный аппарат (ст. 5 УПК РФ) [4]; не отвечают надлежащим критериям и не отличаются точностью формулировок принципы

уголовного процесса [5]; можно констатировать отсутствие исчерпывающего и четкого правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела [6]; недостаточно защищены права потерпевшего в уголовном процессе [7]; поднимаются на уровень дискуссии нуждающиеся в разрешении проблемы, связанные с прекращением уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) и возникающие в связи с этим вопросы о его реабилитации [8]; нуждаются в переосмыслении подходы к правовому регулированию производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и с участием несовершеннолетних [9]. Внушительные размеры подобного перечня делают нецелесообразным дальнейшее приведение примеров, а указанные работы ученых-процессуалистов отражают лишь некоторые аспекты существующих проблем.

Вносимые бессистемные точечные изменения и дополнения уголовно-процессуальных норм лишь усугубляют ситуацию, приводят к увеличению количества разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и решений Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам их применения, с целью обеспечения единообразия в понимании и практической реализации, а в ряде случаев и для вынужденного восполнения пробелов правовой регламентации.

Многократными внесенными изменениями и дополнениями при несоблюдении требований юридической техники [11, с. 69] обусловлена фактическая нестабильность УПК РФ [10].

В связи с этим возникает вопрос о причинах и истоках проблем уголовного процесса, проявляющихся в несовершенстве правового регулирования.

Мы полагаем, что в основе сложившейся ситуации лежит отказ от ранее существовавших и отсутствие новых единых концептуальных подходов к формированию *системы* издаваемых и охраняемых государством правовых норм, не только отражающих уголовно-процессуальную деятельность, но и упорядочивающих ее, вносящих строгую определенность, ставящих под контроль защиту общества и государства [12, с. 68], что на определенном историческом этапе было характерно для уголовного процесса как социально обусловленной самостоятельной отрасли права.

Показательным в связи этим представляется тот факт, что в отличие от других отраслей права (уголовного, гражданского, гражданского процессуального, административного, административного процессуального, арбитражного) на законодательном уровне не сформулированы задачи уголовного судопроизводства, что само по себе приводит к выводу об отсутствии решения данного вопроса на концептуальном уровне.

Как следствие мы наблюдаем формирование норм и правовых институтов, носящих бессистемный характер.

По другому пути, например, идет развитие уголовного процесса Республики Беларусь, где в ст. 2 УПК указано, что задачами уголовно-процессуального закона являются закрепление надлежащей правовой процедуры осуществления уголовного процесса, обеспечение законных прав и интересов физических и юридических лиц, потерпевших от преступлений, уголовное преследование и защита от необоснованных подозрений и обвинений, а принимаемые законы должны способствовать формированию в обществе уважения к правам и свободам человека и гражданина и утверждать справедливость [13].

Таким образом, проблемы уголовного процесса длительное время не только не решаются, а накапливаются. Их разрешение (безусловно, в числе прочего) видится в переосмыслении ситуации, при которой уголовное судопроизводство не имеет под собой должного фундамента в виде нашедшей отражение в содержании уголовно-процессуального закона соответствующей современным реалиям научно проработанной концепции.

Библиографический список

1. Пирогов А. А. проблемы теоретического анализа понятия уголовного процесса как отрасли права // *Universum : Экономика и юриспруденция : электронный научный журнал*. 2017. № 4 (37).
2. Уроки реформы уголовного правосудия в России. Сборник статей и материалов. М. : ЮРИСТЪ. 2006. С. 332.
3. Третьяков И. Л. Уголовная политика современной России : монография. СПб. Фонд «Университет», 2017. С. 15.
4. Фадеев И. А. Несовершенство понятийного аппарата статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса России в части, касающейся органов дознания // *Законы России : опыт, анализ, практика*. 2021. № 8. С. 88–93.
5. Безруков С. С. Принципы уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.
6. Митюкова М. А., Шишкина Н. А. Проблемы правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела // *Сибирский юридический институт*. 2021. № 4 (95). С. 116–120.
7. Калинин В. Н. Законодательное совершенствование процессуального статуса потерпевшего в уголовном процессе // *Вестник Московского университета МВД России*. 2014. № 10. С. 232–242.
8. Орлова А. А. Прекращение уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого): проблемы реабилитации и возможные решения // *Представительная власть XXI век : законодательство, комментарии, проблемы*. 2020. № 4 (179). С. 25–30.
9. Кутуев Э. К., Шувалова М. А. Проблемные аспекты участия защитника в процессе доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // *Российская юстиция*. 2021. С. 34–36.

10. Васяев А. А. О тенденции усложнения российского уголовного процесса // «Российский судья». 2022. № 8. С. 61–64.

11. Коновалова Л. Г. Проблемы реализации принципа верховенства закона в Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 10. С. 67–80.

12. Курс советского уголовного процесса. Общая часть. М. : Юридическая литература, 1989. С. 68.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2017. 464 с.

© Орлова А. А., 2023

УДК 343.13

Петров С. А. – доцент кафедры криминологии Дальневосточного юридического института МВД России (Россия, г. Якутск)

СРОКИ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИХ ПЕРЕСМОТРА

TERMS OF SUSPENSION OF PRELIMINARY INVESTIGATIONS: THE NEED TO REVIEW

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса о необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство в части сроков приостановления предварительного расследования. Представляется, что по основаниям, предусмотренным в п. 1, 2 ч. 1 ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), следователю, дознавателю должно быть предоставлено право приостанавливать предварительное расследование до истечения срока, предусмотренного УПК РФ.

Abstract. The article is devoted to the consideration of the need to amend the criminal procedure legislation regarding the terms of suspension of the preliminary investigation. It seems that on the grounds provided for in paragraphs 1, 2, part 1 of Article 208 of the CPC, the investigator, the inquirer should be given the right to suspend the preliminary investigation until the expiration of the period provided for by the CPC of the Russian Federation.

Ключевые слова: предварительное расследование, приостановление дела, процессуальные сроки расследования, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший.

Keywords: preliminary investigation, suspension of the case, procedural terms of the investigation, suspect, accused, victim.

Институт приостановления уголовного дела постоянно реформируется. В УПК РФ, принятом в 2001 году, он нашел свое развитие в совершенствовании уголовно-процессуальных норм, регулирующих основания приостановления и введения дополнительного основания приостановления предварительного расследования, при отсутствии подозреваемого или обвиняемого, местонахождение которых известно, и невозможности обеспечения их участия в уголовном деле. Однако современное состояние процессуальных сроков расследования, оставшийся неизменным подход к правовой регламентации этих сроков снижают эффективность работы следователей и дознавателей по уголовным делам, находящимся в производстве.

В УПК РФ законодательно утвердилось положение об обязательном условии приостановления уголовного дела – истечение двухмесячного срока по уголовному делу, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено или когда подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам.

Законодательная регламентация сроков расследования по уголовным делам с возникшими основаниями для их приостановления всегда была дискуссионной. Некоторые авторы считают, что «обязательный двухмесячный срок следствия по уголовным делам, где лицо, подлежащее в качестве обвиняемого не установлено, выполняет контрольную функцию, обязывая органы расследования в течение всего срока принимать исчерпывающие меры к установлению лица, совершившего преступление. Его отсутствие может привести к некачественному расследованию, слишком раннему принятию решения о его приостановлении и сужению процессуальных возможностей в раскрытии преступлений» [1, с. 43–46]. По мнению специалистов, «срок расследования наиболее оптимален для проведения всех следственных действий, необходимых при производстве по делу, и без ограничения срока расследования следователь или дознаватель может приостановить уголовное дело слишком рано или, наоборот, растянуть расследование на длительное время» [2, с. 46]. Мы считаем, что указанная точка зрения авторов по условиям приостановления предварительного следствия не является бесспорной и может быть опровергнута существующей аргументацией.

«Слишком рано» – это абстрактная категория оценки отрезка времени, она не отражает хода расследования уголовного дела и фактически выполненного объема работы. Представляется логичным, что следователь или дознаватель, выполнив комплекс следственных действий и иных мероприятий, направленных на установление места нахождения виновного лица, вправе принять до истечения двухмесячного срока процессуальное решение о приостановлении уголовного дела.

Условие приостановления предварительного следствия по основаниям, предусмотренным в пунктах 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, только по истечении срока следствия приводит к тому, что после возбуждения уголовного дела следователь или дознаватель в кратчайшие сроки выполняет все необходимые следственные действия, после чего работа по уголовному делу прекращается. Оно находится в таком состоянии до окончания предварительного следствия, а затем приостанавливается. Иногда следователи не спешат выполнять все следственные действия в кратчайший срок, а растягивают их производство на два месяца, что порождает волокиту в расследовании.

Такая обстановка в следственных подразделениях создает иллюзию повышенной нагрузки на следователей, отвлекает их от работы по перспективным делам и в целом оказывает негативное влияние на деятельность органов внутренних дел. Как заметили некоторые авторы, «нельзя отрицать факта, что по неприостановленному делу следователи работают лучше, чем по приостановленному, однако накопление дел с большими сроками неизбежно будет мешать расследованию других дел» [3, с. 187].

Изучение приостановленных уголовных дел по нераскрытым преступлениям свидетельствует о том, что следователи неоправданно задействуют на проведение необходимых следственных действий весь двухмесячный срок следствия.

Так, в Хабаровском линейном управлении МВД России на транспорте возбуждено уголовное дело по факту кражи в здании железнодорожного вокзала станции «Хабаровск» у гражданки Ш. сотового телефона стоимостью 12730 руб. По уголовному делу в течение месяца было проведено 3 следственных действия, включая допрос потерпевшей и двух свидетелей, направление соответствующих запросов и поручений по установлению местонахождения телефона. На этом весь перечень следственных действий и розыскных мероприятий по раскрытию преступления был исчерпан [4]. Необходимо заметить, что в следственных подразделениях и подразделениях дознания находится значительный объем аналогичных нераскрытых дел небольшой и средней тяжести.

Представляется, что основополагающим условием для принятия должностным лицом процессуального решения о приостановлении уголовного дела должно быть выполнение необходимых и возможных в от-

существование виновного лица мероприятий, объем которых зависит от различных факторов и обстоятельств совершения преступления.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает приостановление предварительного расследования до истечения срока, предусмотренного ст. 162 УПК РФ, в случаях, когда не имеется реальной возможности подозреваемому или обвиняемому участвовать в уголовном деле или в случае их временного тяжелого заболевания. Анализируя ситуации, складывающиеся по уголовным делам в отсутствие виновных лиц, можно заметить, что по своей значимости и юридическим последствиям основания приостановления предварительного расследования, перечисленные в ст. 208 УПК РФ, равнозначны.

В случаях уклонения обвиняемого от следствия, когда отсутствует реальная возможность его участия в уголовном деле или установлено временное тяжелое заболевание, следователь обязан выполнить все следственные действия, производство которых возможно в отсутствие обвиняемого, после чего решить вопрос о приостановлении предварительного следствия. При этом причины невозможности обеспечения присутствия на следствии подозреваемого или обвиняемого не имеют решающего значения для разграничения процессуальных сроков расследования уголовного дела. Отсутствие виновного в совершении преступления лица на предварительном следствии по разным основаниям, по нашему мнению, является поводом для принятия процессуального решения, но не должно влиять на срок принятия этого решения.

Рассматривая возможность в отсутствие подозреваемого или обвиняемого приостанавливать уголовные дела до окончания срока расследования, вполне закономерно возникает вопрос: не нарушатся ли в этом случае права участников уголовного судопроизводства и в первую очередь потерпевшего? Справедливо замечено, что «государство признает приоритетом своей уголовно-процессуальной деятельности защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений и закрепило данное положение в качестве основополагающего в отраслевом законодательстве, причем сделало это впервые» [5, с. 16].

Следует отметить, участвуя в уголовном процессе, потерпевший преследует основные значимые для него цели: возмещение причиненного ему преступлением материального или (и) морального ущерба и назначение виновным лицам справедливого наказания. Какие силы и средства на это будут затрачены должностным лицом, осуществляющим расследование уголовного дела, его не интересует. И, если следователь будет расследовать уголовное дело два месяца или свыше этого срока, при этом выполнит большой объем следственных действий и розыскных мероприятий, то приняв решение о приостановлении предварительного следствия, права и законные интересы потерпевшего останутся невосстановленными. На се-

годняшний день в арсенале потерпевшего достаточное количество прав, которыми он может воспользоваться, посчитав, что следователь, расследуя уголовное дело, каким-либо образом нарушил или ущемил его законные интересы.

Вместе с тем законодательно не решен вопрос о предоставлении потерпевшему права знакомиться с материалами уголовного дела после приостановления расследования, что в определенной мере ущемляет его конституционное право на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. После приостановления предварительного расследования дела потерпевший получает только уведомление. При этом он лишается возможности ознакомиться со всеми материалами уголовного дела, оставаясь в неведении о ходе и полноте проведенного расследования и, естественно, не пользуется имеющимся у него правом обжаловать решение следователя. Справедливо заметил С. А. Синенко, что «постановка под контроль потерпевших порядка приостановления уголовных дел способствовала бы активизации деятельности и повышения ответственности за выполнение своих обязанностей должностных лиц органов расследования» [6, с. 101]. И, наконец, помимо ведомственного контроля и прокурорского надзора за обоснованностью и законностью принятия решения о приостановлении производства по делу, имеется такой важный инструментарий защиты законных прав и интересов потерпевшего, как возможность его обратиться в суд.

Библиографический список

1. Ларин Е. Г. Приостановление предварительного расследования в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) // Законодательство и практика. Омск, 2013. № 2 (31). С. 43–46.
2. Скоморохов О. Н. Теоретические, законодательные и практические проблемы приостановления и возобновления уголовных дел. Белгород : Белгородский юридический институт, 2010. 107 с.
3. Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам : концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М. : Московский университет МВД России, 2003. 352 с.
4. Уголовное дело № 102445 // Архив Хабаровского ЛУ МВД России на транспорте за 2020 год.
5. Быков В. М., Колдин С. В. Защита прав потерпевшего в уголовном процессе (досудебное производство). М., 2013. 288 с.
6. Синенко С. А. Участие потерпевшего в расследовании преступлений (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2001. 27 с.

Поезжалов В. Б. – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА,
СПОСОБСТВУЮЩИЕ ПОЛУЧЕНИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

**CRIMINAL LEGAL MEANS THAT FACILITATE OBTAINING
EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE**

Аннотация. В настоящей статье автор обращает внимание на наличие в уголовном законе средств, способствующих получению доказательств по уголовному делу. Автор отмечает, что наличие в уголовном законе предписаний, запрещающих лицам, участвующим в отправлении правосудия, определенное поведение, которое связано с тем, что доказательства по уголовному делу могут быть получены в результате различных нарушений, является вполне справедливым и отвечающим принципу законности.

Abstract. In this article, the author draws attention to the presence in the criminal law of means that contribute to obtaining evidence in a criminal case. The author notes that the existence of regulations in the criminal law prohibiting persons involved in the administration of justice from certain behavior, which is due to the fact that evidence in a criminal case can be obtained as a result of various violations, is quite fair and meets the principle of legality.

Ключевые слова: получение доказательств, преступления против правосудия, принуждение к даче показаний, пытка, уголовный закон.

Keywords: obtaining evidence, crimes against justice, coercion to testify, torture, criminal law.

Для принятия законного и справедливого решения по уголовному делу основной задачей, которая стоит перед судом, следователем и лицом, производящим дознание, является получение доказательств. Речь, естественно, идет только о допустимых доказательствах, которые получены в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом.

Получение доказательств представляет собой процесс, в результате которого указанные выше лица добывают сведения о фактах, свидетельст-

вующих о виновности или невиновности того или иного лица, причастности или непричастности к совершению преступления, степени вины и ряде других обстоятельств. Сам этот «процесс» представляет собой определенный алгоритм действий и связан он с получением названных сведений из различных источников. Источниками этих сведений могут быть объяснения стороны обвинения и защиты; показания свидетелей; вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи; заключения экспертов (абз. 2 ч. 1 ст. 55 УПК РФ).

Поскольку процесс получения доказательств достаточно трудоемок и связан с требованием соблюдения определенных законодательных «рамочек», стоит обратить внимание на уголовно-правовые средства, способствующие их получению. Уголовно-правовые средства в этой связи ограничены рамками отдельных норм главы 31 «Преступления против правосудия» Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). К числу указанным норм уголовного закона, по нашему мнению, следует отнести правовые предписания, предусмотренные ст. 302 УК РФ, ч. 2–4 ст. 303 УК РФ, ст. 306–309 и 316 УК РФ.

Рассматриваемые уголовно-правовые нормы в общем массиве преступности ежегодно составляют относительно небольшое число преступных посягательств. Вместе с тем стоит отметить, что на значимость данных уголовно-правовых предписаний указывает и тот факт, что 28 июня 2022 г. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации было принято постановление № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» [1] (далее – Постановление ПВС РФ № 20). Высшая судебная инстанция обратила особое внимание на проблемы квалификации ст.ст. 302, 303, 306–307 УК РФ и указала на пути решения спорных правоприменительных вопросов.

Каждое из поименованных преступных деяний сконструировано в уголовном законе в виде отдельных самостоятельных посягательств на интересы правосудия. А в интересующем нас аспекте все названные правовые нормы способствуют получению допустимых доказательств по уголовному делу, определяя соответствующие уголовно-правовые запреты. Остановимся на одном из таких правовых запретов – запрете принуждать к даче показаний.

Статья 302 УК РФ к числу уголовно-правовых средств обеспечения получения объективных, соответствующих действительности доказательств относит то, что преступными признаются действия по принуждению сразу нескольких категорий лиц, а именно: подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного, потерпевшего или свидетеля к даче показаний, а эксперта или специалиста – к даче заключения или показаний.

Условием наступления уголовной ответственности является сопряженность названного выше поведения с совершением в отношении нее

любых незаконных действий, в том числе путем применения угроз или шантажа. Содержание названных действий подробно описано в п. 7 отмеченного выше Постановления ПВС РФ № 20.

С учетом того, что Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [2] (далее – ФЗ № 307) содержание ст. 302 УК РФ изложено в новой редакции, субъектный состав этого преступного деяния несколько расширен и наряду с «традиционным» уже (с 2003 года) списком в виде: 1) следователя; 2) лица, производящего дознание; 3) другого лица с ведома или молчаливого согласия перечисленных выше лиц; указанием на еще одно «официальное лицо»; 4) «иного сотрудника правоохранительного органа». Решение о расширении списка субъектов данного преступления считаем вполне справедливым, поскольку оказать влияние на дачу неких «нужных показаний» могут и эти лица.

Обращает на себя внимание еще и тот факт, что законодатель значительно расширил перечень квалифицирующих признаков состава принуждения к даче показаний, связав это с необходимостью дифференциации ответственности в зависимости от характера преступных действий виновных и степени тяжести наступивших последствий.

Применение насилия и издевательств предусмотрено в ч. 2 ст. 302 УК РФ в качестве квалифицирующего обстоятельства. В качестве самостоятельного квалифицирующего признака в ч. 3 ст. 302 УК РФ указано на принуждение к даче показаний, совершенное с применением пытки. В самой статье понятие пытки не раскрывается.

Понятие «пытка», данное ранее в примечании ст. 117 УК РФ, утратило силу с принятием ФЗ № 307. Законодатель существенно изменил важнейшие признаки, характеризующие это явление. В настоящее время универсальное понятие «пытка» сформулировано в примечании ст. 286 УК РФ. Полагаем, что его содержание теперь вполне согласуется с сутью пытки как преступного явления.

Пытка, исходя из отмеченного легального толкования, должна быть связана с воздействием на жертву (любое деяние, которым умышленно причиняется сильная боль или физические или нравственные страдания) с целью: а) «получить признания»; б) «наказать за действия»; в) «запугать»; г) «принудить».

Кроме того, в примечании ст. 286 УК РФ дано понятие того, что «не является пыткой». Законодатель, как полагаем, дает в данном случае излишние пояснения, поскольку, указывая на правомерность действий должностного лица, он ориентирует правоприменителя на нормы отраслевого законодательства, которое относится к профессиональной деятельности этого лица.

По-нашему мнению, правомерное поведение должностного лица не должно находить «свое оправдание» посредством указания на это в уголовном законе. В этом случае ответ должен быть, думается, иным, поскольку поведение должностных лиц должно определяться нормативно, исходя из объема имеющихся полномочий и решаемых задач, например, для сотрудников полиции – положениями Федерального закона от 1 февраля 2011 г. № 3–ФЗ «О полиции» [3], для сотрудников Следственного комитета – Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О следственном комитете Российской Федерации» [4] и т. д.

В качестве особо квалифицирующего признака законодатель справедливо предусматривает усиление уголовной репрессии за принуждение к даче показаний с применением пытки в случае наступления по неосторожности смерти потерпевшего или причинения тяжкого вреда его здоровью (ч. 4 ст. 302 УК РФ).

Принуждение к даче показаний – не единственная, как мы отметили выше, уголовно-правовая норма, наличие которой в УК РФ создает условия к раскрытию и расследованию уголовного дела в рамках принципов законности и гуманизма. Соответственно, вполне справедливо сделать вывод о наличии в уголовном законе конкретных средств в виде предписаний-запретов, которые способствуют получению по уголовным делам доказательств, отвечающих требованию допустимости.

Библиографический список

1. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О следственном комитете Российской Федерации : федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Поезжалов В. Б., 2023

Рябчиков С. А. – старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

**ЭЛЕКТРОННОЕ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО
И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В СТАДИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА РОССИИ**

**ELECTRONIC CRIMINAL CASE AND DIGITAL TECHNOLOGIES
AT THE STAGE OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN RUSSIA**

Аннотация. В статье рассматривается возможность производства предварительного расследования с использованием цифровых технологий, электронного документооборота и ведения электронного уголовного дела. Применение электронного производства предварительного расследования позволит упростить на практике процесс фиксации доказательств, составления документов и ведения документооборота в электронном виде, соблюдая при этом права участников уголовного процесса. Это повысит качество расследования, упростит процесс доступа к материалам уголовного дела у участников процесса, а также сведет к минимуму процесс фальсификации полученных доказательств.

Abstract. The article considers the possibility of conducting a preliminary investigation using digital technologies, electronic document management and conducting an electronic criminal case. The use of electronic production of preliminary investigation will simplify in practice the process of recording evidence, drafting procedural documents, document management in electronic format, while guaranteeing respect for the rights of participants in criminal proceedings, while improving the quality of the investigation, simplifying the process of access to criminal case materials from participants in the process, as well as minimizing the process of falsification of evidence obtained.

Ключевые слова: уголовный процесс, цифровизация уголовного судопроизводства, расследование уголовных дел, дистанционные следственные действия, электронное уголовное дело, электронные доказательства.

Keywords: criminal process, digitalization of criminal proceedings, investigation of criminal cases, remote investigative actions, electronic criminal case, electronic evidence.

В современную жизнь социума все больше проникают цифровые технологии. Цифровизация социальных процессов изменяет жизнь обще-

ства, внедряется в различные сферы жизнедеятельности людей. Они значительно позволяют упростить процесс коммуникации как личного, так и делового характера. К особенностям таких технологий относится виртуальное общение и возможность полноценно взаимодействовать с людьми, находящимися на расстоянии, в режиме реального времени. Уголовно-процессуальная деятельность субъектов расследования – не исключение. Процесс расследования уголовного дела и соответственно проведение следственных действий по различным категориям уголовных дел требует внедрения в процесс расследования современных цифровых технологий, возможности использования электронного документооборота, направленных на своевременное, качественное расследование уголовных дел, получение доказательств и, как результат, изобличение виновных лиц.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) в ст. 474.1 [1] закреплена возможность использования электронных документов. Позиция указанной статьи направлена исключительно на использование электронных документов в процессе судебного разбирательства. В связи с этим необходимо изучить вопрос производства досудебной стадии уголовного судопроизводства с использованием цифровых технологий, а именно возможность фиксации доказательства с применением различных технических средств, например, использование видеотехнических средств для фиксации осмотра места происшествия, использование электронных документов, а также ведения электронного уголовного дела. Это дает возможность постепенно отказаться от бумажного документооборота, ведь предпосылки и накопленный опыт ведения электронного документооборота имеется в судебной стадии уголовного судопроизводства, а также опыт ведения электронных уголовных дел на примере зарубежных стран, в частности, Республика Казахстан имеет положительный опыт на протяжении последних пяти лет.

Производство предварительного расследования в электронном формате рассматривалось во многих научных исследованиях. Так, И. И. Шереметьев считает, что переход стадии предварительного расследования в электронный формат будет способствовать оптимизации документооборота, связанного с уголовно-процессуальной деятельностью, что позволит резко увеличить скорость создания, согласования, передачи и рассмотрения (исполнения) документов [2]. По мнению Л. А. Воскобитовой, «взвешенный подход к внедрению цифровых технологий в уголовное судопроизводство, строящееся на правиле «не навреди», позволит усовершенствовать процесс, не создавая угроз и рисков ни для целей самого судопроизводства, ни для прав человека, в нем участвующего» [3]. Внедрение электронных уголовных дел позволит обеспечить сохранность и защищенность имеющейся в деле информации, а также обеспечит реализацию процессуальных прав участников уголовного судопроизводства на дистанционное

ознакомление с материалами дела, что повысит прозрачность уголовного процесса на стадии предварительного расследования.

Любой процесс формирования уголовного дела, связан с собиранием огромного количества документов ввиду «сложности» уголовного дела, например, многоэпизодности, наличия большого количества подозреваемых (обвиняемых), потерпевших, свидетелей и т. д. В уголовных делах содержится и информация, не относящаяся к категории доказательств (запросы, уведомления и т. п.). Ко всему прочему, отметим и возможность хранения как томов уголовных дел, так и материалов, по которым вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Необходимо указать, что переход к электронной форме уголовного дела, во-первых, позволит снизить объем документооборота, во-вторых, дает возможность в определенной степени улучшить качество обеспечения сохранности уголовных дел [4]. Положительного мнения о ведении судопроизводства в электронном формате также придерживается С. В. Зуев [5].

Процесс расследования уголовных дел может существовать в электронном виде. Научное исследование проводится с целью обоснования возможности существования стадии возбуждения уголовного дела и последующего расследования с применением цифровых технологий и в электронном формате.

Так что же понимается под электронным уголовным делом, если традиционно, услышав фразу «уголовное дело», мы представляем собой массив бумажной информации, объединенной в единое производство при расследовании преступления и отражающей его ход и результаты. По существу, если не учитывать слово «бумажной», можно сформировать понятие электронного уголовного дела, по сути содержащегося в электронном виде. Следует отметить, что одним из основных элементов цифровизации уголовного судопроизводства являются электронные документы, использование которых должно быть расширено. Под электронным документом принято понимать документ, который создан в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе и подписан электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

В УПК РФ нет официального запрета на составление процессуальных документов в электронном виде и их использование, однако правовая регламентация этой возможности также отсутствует. Но вести расследование уголовного дела в электронном формате невозможно, так как в соответствии со ст. 166 УПК РФ протокол следственного действия – процессуальный документ, фиксирующий ход следственных действий, может быть составлен от руки или непосредственно техническими средствами с использованием персонального компьютера и принтера. Протокол следственного действия составляется только в бумажном виде, так как он должен

быть подписан следователем и лицами, участвующими в следственном действии, в соответствии с ч. 6 той же статьи.

В практической деятельности субъекты расследования применяют способ протоколирования доказательств (допросы свидетелей, протоколы осмотра предметов (документов) и т. д.), когда текст печатается при помощи компьютерной техники (он используется чаще рукописного). Рукописный способ заполнения встречается в протоколах, например, осмотра места происшествия, следственного эксперимента, проверки показаний на месте при этом в дальнейшем, при составлении обвинительного заключения, текст, написанный от руки, переводится в машинописный, т. е. ведется двойная работа. Если же фиксацию доказательственной информации, зафиксированной с помощью компьютерной техники, можно не переводить в разряд бумажного путем введения электронной цифровой подписи, то следственные действия, выполненные путем рукописного текста, возможно заменить, например, на использование видеотехнических средств, что закреплено в положении ч. 2 ст. 166 УПК РФ, так как видеозапись содержит объективную фиксацию следственного действия. На основании ч. 8 ст. 166 УПК РФ действующее уголовно-процессуальное законодательство расценивает полученную видеозапись исключительно как приложение к протоколу осмотра места происшествия, составленного практически в каждом случае рукописным текстом на бумажном носителе.

Рассматривая позицию ведения электронного уголовного дела, полностью отказавшись от бумажного, необходимо пересматривать взаимодействие органов предварительного расследования с иными участниками уголовного судопроизводства, например, экспертные учреждения, так как ни одно уголовное дело не обходится без проведения экспертиз. Ст. 80 УПК РФ регламентирует предоставление заключений экспертов исключительно в письменном виде, т. е. отсутствует возможность предоставления заключения эксперта в электронном формате. Однако в системе МВД России такая возможность имеется – путем официального направления электронного документа, воспользовавшись сервисом ИСОД МВД России, и для придания ему юридической силы имеется возможность использования электронной цифровой подписи. Отметим, что сложность применения электронной цифровой подписи при проведении следственных действий обусловлена тем, что если электронной цифровой подписью может владеть субъект расследования: адвокат, прокурор, ее может не оказаться у свидетеля, подозреваемого, обвиняемого и иных лиц уголовного судопроизводства. Решением может стать как видеотекстовая фиксация следственного действия, так и составление протокола на бумажном носителе с последующим переводом в электронный посредством сканирования и приобщения к материалам электронного уголовного дела.

Следует отметить, что ведение электронного уголовного дела невозможно без программного обеспечения, сертифицированного и отвечающего требованиям безопасности, так, например, в системе МВД России имеется сервис ИСОД МВД России [6], где возможно внедрить и использовать сервис электронного уголовного дела; есть система электронного документооборота «Дело» [7]; сервисы «Госуслуги» и др. Однако расследование уголовного дела предусматривают как досудебное, так и судебное производства, в связи с чем имеется вопрос межведомственного взаимодействия при использовании системы электронного уголовного дела, что по нашему мнению, является предметом отдельного изучения и проведения исследования.

В заключение необходимо отметить, что органы предварительного расследования на досудебных стадиях используют различные цифровые технологии, технические средства при составлении процессуальных документов с использованием, как правило, компьютерной техники. В настоящее время назрела необходимость в изменении правил составления протокола следственного действия. Предлагается внести изменения в ч. 2 ст. 166 УПК РФ, дополнив правом выбора субъектов расследования фиксировать ход и результаты следственного действия с применением средств видеотехники, исключив видеозапись из ч. 8 этой же статьи как приложение с признанием видеозаписи доказательством наравне с протоколом следственного действия, а также признанием устаревшими такие положения указанной части статьи, как «фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы допроса, кассеты видеозаписи». Указанная позиция позволит улучшить качество проведения следственного действия, исключит факт составления протокола, а также факт фальсификации полученных доказательств без нарушения прав участников уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Шереметьев И. И. Электронное уголовное дело : что это такое и пути его создания // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 10 (167). С. 81–90.
3. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии : проблемы совместимости // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 91–104.
4. Гимазетдинова И. Н. Перспективы применения электронного уголовного дела в уголовном судопроизводстве : основные тенденции и перспективы применения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 3 (93). С. 62–67.

5. Зуев С. В. Основные направления сближения физики и права в уголовном процессе в условиях цифровизации // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы 4 Международной научно-практической конференции. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2022. С. 19–26.

6. Об утверждении Порядка организации работы по обеспечению доступа к информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 27 октября 2015 г. № 1010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О включении сведений о программном обеспечении в единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных : приказ Минкомсвязи России от 20 февраля 2016 г. № 63. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Рябчиков С. А., 2023

УДК 343

Саханова Н. Т. – начальник кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан имени Малкеджара Букенбаева, магистр юридических наук (Республика Казахстан, г. Актобе)

ФОРМЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

FORMS OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS UNDER THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Аннотация. Целью работы является исследование форм досудебного производства по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан. Методологическую основу исследования образуют методы диалектики как общенаучного метода познания, а также частнонаучные методы (сравнительно-правовой, технико-юридический, формально-логический). Результатом исследования стало выявление отличительных особенностей форм досудебного производства по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан.

Abstract. The work purpose is the investigation of pretrial proceedings by the criminal procedure legislation of the Russian Federation and Republic of Kazakhstan. The methodological basis of the investigation is formed by the dialectic method as a General scientific method of cognition, as well as private scientific methods (comparative legal, technical legal, formal-logical) The result of investigation was the identification of distinctive features of pre-trial proceedings, criminal procedures legislation the Russian Federation and Republic of Kazakhstan.

Ключевые слова: дознание, дознание в сокращенной форме, досудебное расследование, предварительное расследование, предварительное следствие, преступление, протокольная форма досудебного расследования.

Keywords: inquiry, inquiry in abbreviated form, pre-trial investigation, preliminary investigation, crime, protocol form of pre-trial investigation.

Досудебное расследование представляет собой порядок раскрытия следователем, органом дознания и дознавателем преступления до суда. Оно является частью досудебного производства. Ему предшествует обнаружение признаков преступления и начало досудебного расследования. Досудебное расследование проводится по большинству уголовных дел и является основной формой досудебного установления обстоятельств преступления. Исключение предусмотрено лишь для преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения. Фактические данные, полученные в ином порядке, в том числе посредством оперативно-розыскной деятельности, не могут служить основаниями для рассмотрения дела в суде.

Досудебное расследование осуществляется следователями, органами дознания и дознавателями, что служит важной гарантией правильного применения уголовного и уголовно-процессуального законов, соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

А. И. Александров, анализируя соотношение дознания и предварительного следствия, указывает, что их основным отличием служит более сложная структура предварительного следствия как формы расследования, которая объясняется более сложной категорией уголовных дел [1, с. 32]. По мнению ряда правоведов [2, с. 32], дознание в определенной степени носит вспомогательный характер по отношению к предварительному следствию; данный вспомогательный характер проявляется в фиксации следов совершенного общественно опасного деяния, а также осуществлении неотложных следственных действий с тем, чтобы облегчить дальнейшую работу следователя в рамках предварительного следствия.

Предварительное следствие, выступая в качестве самостоятельной формы предварительного расследования, включает действия и решения уголовно-процессуального характера. В частности, в его содержания входят: 1) производство следственных действий; 2) процедура привлечения

конкретного гражданина в качестве обвиняемого; 3) использование мер уголовно-процессуального принуждения и др.

Предварительное расследование составляет основу, существо деятельности следователя, органа дознания и дознавателя. Сутью его является принятие ими предусмотренных законом мер к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию. Во многих случаях оно венчает работу органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Однако фактические данные, полученные оперативно-розыскными мерами, приобретают юридическое значение лишь в рамках уголовно-процессуальной деятельности

Раскрытие уголовного правонарушения представляет собой протяженный во времени процесс установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Преступление считается раскрытым полно, когда доказаны все обстоятельства. Непременным условием полноты раскрытия преступления является необходимая и достаточная совокупность доказательств, устанавливающих событие преступления, виновность лица в совершении преступления, формы его вины и мотивы, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, характер и размер вреда, причиненного преступлением, и другие обстоятельства.

Полное раскрытие преступления обеспечивает правильное разрешение уголовного дела в суде, вынесение справедливого приговора и определение соразмерного виновности подсудимого наказания.

Изобличение виновных предусматривает доказывание вины лиц, действительно совершивших преступление. Оно одновременно создает условия для того, чтобы к уголовной ответственности не были привлечены невиновные.

«Досудебное производство» – это основанная на законе и проводимая под надзором прокурора процессуальная деятельность органа дознания и следователя по обнаружению, собиранию, закреплению и предварительному исследованию доказательств, всестороннему исследованию дела с целью раскрытия преступления, изобличения лиц, виновных в его совершении, обеспечению обоснованного постановления о квалификации подозреваемого, и составления обвинительного акта по установлению всех обстоятельств уголовного дела для создания предпосылок решения задач, стоящих перед уголовным судопроизводством.

Таким образом, законодатель наделяет орган уголовного преследования двумя функциями – функцией разрешения уголовного дела (как составной части функции расследования, о которой специально не упоминается в законе) и функцией уголовного преследования или обвинения (если эти участники являются представителями стороны обвинения, то они выполняют функцию обвинения).

Законодатель не ограничивает понятия «уголовное преследование» и «обвинение», что позволяет считать их равнозначными – синонимами.

В Республике Казахстан формы досудебного расследования регламентируются ст. 189 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК). В частности, в ч. 1 ст. 189 УПК РК называются три формы досудебного расследования: а) дознание; б) предварительное следствие; в) протокольная форма.

Досудебное расследование в форме дознания осуществляется правоохранительными органами Республики Казахстан по преступлениям, названным в ч. 2–12 ст. 191 УПК РК. Например, к этой группе преступлений относятся умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ч. 1 ст. 107 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК)[7]), истязание (ч. 1 ст. 110 УК РК), заражение венерической болезнью (ч. 1 ст. 117 УК РК) и др.

Предварительное следствие в Республике Казахстан реализуется по:

1) преступлениям, названным в ст. 187 УПК РК, например планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 160 УК РК); пропаганда или публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 161 УК РК); государственная измена (ст. 175 УК РК) и др.;

2) по всем уголовным правонарушениям, которые совершены: а) несовершеннолетними; б) лицами, которые ввиду своих физических или психических недостатков не могут сами осуществить свое право на защиту;

3) по уголовным делам дознания, по которым не известно лицо, подозреваемое в совершении преступления. Исключения здесь составляют уголовные правонарушения, которые названы в ч. 2 ст. 32 УПК РК, например, понуждение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера (ч. 1 ст. 123 УК РК), нарушение неприкосновенности жилища (ч. 1 ст. 149 УК РК) и др.

До декабря 2019 г. [3] в УПК РК указывалось, что в случае, если невозможно в установленные законодательством сроки обеспечить полноту и всесторонность установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (т. е. предмет уголовно-процессуального доказывания), начальник органа дознания по делам об уголовных проступках обладает правом назначить дознание с уведомлением об этом прокурора в пределах суточного срока. С декабря 2019 г. в случае, если начальник органа дознания столкнулся с такой невозможностью, он наделяется не правом, а обязанностью назначить дознание или предварительное следствие по правилам, установленным ч. 3–5 ст. 189 УПК РК, также проинформировав об этом прокурора в пределах суточного срока.

Кроме того, в силу ч. 5 ст. 189 УПК РК начальник органа дознания наделяется правом принять решение о производстве предварительного следствия в ситуациях, при которых в предусмотренные законодательством сроки нет возможности обеспечить достаточность и полноту исследования обстоятельств конкретного уголовного дела.

Протокольная форма досудебного расследования в Республике Казахстан правоприменителями используется в отношении уголовных проступков, названных в ч. 16–24 ст. 191 УПК РК. Например, в группу этих преступлений включаются: угроза (ч. 1 ст. 115 УК РК); оставление в опасности (ч. 1 ст. 119 УК РК); нарушение экологических требований при обращении с микробиологическими или другими биологическими агентами или токсинами (ч. 1 ст. 326 УК РК) и др.

Полагаем, что аналогом протокольной формы досудебного расследования по УПК РК служит дознание в сокращенной форме, регламентируемое ст. 226.1 УПК РФ, несмотря на то, что российский законодатель не признает его самостоятельной формой предварительного расследования. Соответственно, с точки зрения российского уголовно-процессуального законодательства, дознание в сокращенной форме является особой разновидностью дознания как формы предварительного расследования. При этом мы солидарны с авторами, которые утверждают, что фактически и дознание в сокращенной форме по УПК РФ, и протокольная форма досудебного расследования по УПК РК выступают ничем иным, как аналогами советской протокольной формы досудебной подготовки [4, с. 24].

Сущность протокольной формы досудебного расследования по уголовно-процессуальному законодательству Республики Казахстан раскрывается в ст. 526 УК РК. В частности, в указанной уголовно-процессуальной норме устанавливается, что компетентный орган дознания оформляет протокол об уголовном проступке в течение десяти суток с момента допроса подозреваемого в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности.

Таким образом, регулирование форм досудебного производства в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан существенным образом различается. Во-первых, в УПК РФ формы досудебного производства именуются «формами предварительного расследования», в УПК РК казахский законодатель использует термин «формы досудебного расследования». Во-вторых, в УПК РФ предусмотрены две самостоятельные формы предварительного расследования (предварительное следствие и дознание), в УПК РК – три (предварительное следствие, дознание, протокольная форма). При этом важно иметь в виду, что в российском уголовно-процессуальном законодательстве аналог протокольной формы, в частности, дознание в сокращенной форме, рассматривается как разновидность дознания. В-третьих, в основе законодательного деления предварительного расследования на формы лежит критерий тяжести совершенного преступления. В казахском уголовно-процессуальном законодательстве используются три критерия дифференциации досудебного расследования на формы: а) тяжесть совершенного преступления; б) категория лиц, совершивших преступления; в) наличие сведений о подозреваемом.

Библиографический список:

1. Александров А. И. Предварительное следствие в уголовном процессе России: между прошлым и будущим // Российский следователь. 2018. № 3. С. 30–35.

2. Багмет А. М. Хмелева А. В., Саньков В. И. «Неразумные» сроки предварительного следствия // Российская юстиция. 2018. № 8. С. 31–33.

3. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и усиления защиты прав личности : закон Республики Казахстан от 27 декабря 2019 г. № 292-VI. URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 20.01.2023).

4. Масленникова Л. Н., Собенин А. А. Актуальные проблемы обеспечения доступа к правосудию органами расследования на начальном этапе уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2020. № 8. С. 23–27.

© Саханова Н. Т., 2023

УДК 343.1

Семенов Е. А. – профессор кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук (Россия, г. Орел);
Замуруев А. В. – старший инспектор группы комплектования переменным составом отдела кадров Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова (Россия, г. Орел)

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

PROCEDURAL FEATURES OF ESTABLISHING THE EVENT OF A CRIME IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION

Аннотация. В статье анализируются обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании преступлений в сфере компьютерной ин-

формации, вопросы установления события преступлений, особенности осуществления полномочий лиц, ведущих производство по уголовному делу. С учетом законодательной дефиниции определяется алгоритм действий следователя по рассматриваемым уголовным делам.

Abstract. The article analyzes the circumstances to be proved in the investigation of crimes in the field of computer information, the issues of establishing the event of crimes, the peculiarities of exercising the powers of persons conducting criminal proceedings. Taking into account the legislative definition, the algorithm of actions of the investigator in the criminal cases under consideration is determined.

Ключевые слова: обстоятельства, подлежащие доказыванию, компьютерные преступления, событие преступления, компьютерная экспертиза.

Keywords: circumstances to be proved, computer crimes, crime event, computer forensics.

После возбуждения уголовного дела начинается центральный этап досудебного производства – предварительное расследование, в рамках которого следователь по любым преступлениям, в том числе и в сфере компьютерных технологий, должен установить все обстоятельства, подлежащие доказыванию, основываясь на нормативных предписаниях ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Отличия состоят в порядке, видах и способах собирания доказательственной информации, так как механизм слеодообразования преступлений, предусмотренных рассматриваемой главой 28 УК РФ, связан с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, а также воздействием на компьютерную информацию. Основными источниками данной информации являются машинные носители.

«Событие преступления – не абстрактная категория, а деяние, объективные признаки которого соответствуют признакам объективной стороны конкретного состава» [1, с. 101]. Событие преступления подлежит доказыванию в зависимости от состава преступления и тех действий, которые предприняло лицо для реализации преступного умысла действий.

В случаях, предусмотренных ст. 272 УК РФ, которая защищает компьютерную информацию любых предприятий, учреждений, организаций и частных лиц, умысел должен быть направлен на неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, т. е. информации на машинном носителе, в электронно-вычислительной машине (далее – ЭВМ), системе ЭВМ или их сети.

Неправомерным будет являться доступ, противоречащий действующим правовым нормам, актам управления, приказам, распоряжениям и иным актам. Такие действия, как правильно отмечают А. Ю. Ушаков,

А. М. Столповский, подтверждаются чаще всего скриншотами экрана с измененными данными в социальных сетях, переписками с уполномоченными лицами операторов связи либо программных продуктов по поводу восстановления доступа к учетной записи, скриншотами экрана мобильного устройства с подозрительной ссылкой и проч., либо документами об оказании телематических услуг. В таком случае необходимо вынести постановление о производстве их выемки, изъять их в порядке, предусмотренном ст. 183 УПК РФ. В случае если указанная информация находится в памяти электронно-вычислительной техники потерпевшего, необходимо произвести ее выемку, осмотр с участием потерпевшего и специалиста (ст. 164.1 УПК РФ), после чего вынести постановление о признании и приобщении изъятых к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств [2, с. 29]. Данное нормативное предписание находит свое отражение, в том числе в правовой позиции Конституционного суда Российской Федерации [3], согласно которой изъятие электронных носителей информации осуществляется только с участием специалиста.

Учитывая судебную практику [4] и мнения ученых по вопросам копирования информации [4, с. 33], следует констатировать, что данная деятельность, не включающая изъятие самих носителей, может быть осуществлена самостоятельно следователем без приглашения соответствующего специалиста. Подробный анализ указанных вопросов проводят авторы монографии, формулируя вывод о том, что в настоящее время не существует достаточной целесообразности в ограничении полномочий следователя в контексте использования специальных знаний при изъятии электронных носителей информации, а также копировании компьютерной информации. Следовательно, любая информация является объектом охраны того или иного нормативного документа, а неохраняемая информация практически отсутствует.

Таким образом, документальное подтверждение неправомерного доступа должно включать в себя факт уничтожения, блокирования, модификацию либо копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети. Доказательствами данных фактов могут быть, в том числе результаты такого следственного действия, как осмотр предметов и документов (наименования файлов, предположительно являющихся вредоносными, в том числе классифицированных брандмауэром и/или антивирусным программным обеспечением (далее – ПО) в качестве таковых; IP-адреса, с которых осуществлялись неправомерный доступ, создание и администрирование учетной записи (аккаунта в социальных сетях, электронного почтового ящика, электронного кошелька и пр.), доступ к личному кабинету интернет-ресурса, размещение в сети вредоносного ПО и т. п.; MAC-адреса сетевых карт (встроенных сетевых интерфейсов) компьютерной техники, а также Wi-Fi-роутеров и т. п.).

Почему важно установить IP-адреса, с которых осуществлялись неправомерный доступ, создание и администрирование учетной записи, доступ к личному кабинету интернет-ресурса, размещение в сети вредоносного ПО и т. п.? Для ответа на данный вопрос приведем пример судебной практики.

Так, по версии следствия, Г., находясь в г. Москве и зная пароли от различных учетных записей, используя скрипт, позволяющий автоматизировать процесс удаления данных из базы, осуществил неправомерный доступ к базе данных, совершил безвозвратное уничтожение массива данных, то есть преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 272 УК РФ. Люблинский суд вернул дело прокурору. С этим согласился суд апелляционной инстанции. Среди прочих аргументов Мосгорсуд указал на то, что согласно обвинительному заключению местом совершения преступления является место жительства Г.: г. М., ул. П. и иные неустановленные места на территории г. Москвы, при этом неправомерный доступ к серверам со 2 по 4 мая Г. совершил, используя в том числе IP-адрес, однако, согласно ответу на запрос о проведении исследования (т. 1 л. д. 109–123) серверов, указанных в обвинении, осуществлялся доступ с других IP-адресов (Российская Федерация, Совинтел; Украина; Тольятти, ООО «Т») [6]. При этом органом предварительного следствия местонахождение вышеуказанных адресов не проверялось, их владельцы не устанавливались, однако данное обстоятельство имеет существенное значение, так как место совершения преступления входит в обязательный предмет доказывания и влияет также на подсудность уголовного дела.

При возбуждении уголовного дела по ст. 273 УК РФ в качестве события преступления доказыванию подлежит создание программ ЭВМ или внесение изменений в существующие программы, заведомо приводящих к несанкционированному уничтожению, блокированию, модификации либо копированию информации, нарушению работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети, а равно использование либо распространение этих программ или машинных носителей с такими программами. Указанные действия могут быть подтверждены заключением компьютерной экспертизы.

Порядок назначения экспертизы установлен ст. 195 УПК РФ и предполагает вынесение соответствующего постановления, ознакомление заинтересованных лиц (потерпевшего, подозреваемого) и направление материалов уголовного дела для ее производства с учетом требований ст. 199 УПК РФ. Необходимо учитывать, что указанные материалы могут быть сложны для восприятия не только ознакомляемым лицам, но и самому следователю. В этой связи следует обратиться к специалисту, обладающему достаточными знаниями в области информационных технологий, в порядке ст. 58 УПК РФ и получить его разъяснения, оформив их в виде заключения специалиста.

Назначить судебную экспертизу необходимо по изъятой электронно-вычислительной технике, носителям информации и сетевым устройствам. Анализ уголовных дел позволил выявить следующие вопросы, которые ставятся на разрешение компьютерного эксперта:

1. Какие операционные системы и браузеры установлены на представленном на исследовании компьютере?
2. Является ли информация, передаваемая в транспортном потоке, компьютерной информацией?
3. Является ли карта, предоставленная для проведения экспертизы, электронно-вычислительной машиной?

В других же случаях, когда целесообразно назначить экспертизу, А. Ю. Ушаков, А. М. Столповский указывают на возможность постановки и других вопросов:

1. Какие MAC-адреса имеют аппаратные средства, представленные на экспертизу?
2. Использовалось ли представленное на экспертизу сетевое оборудование для выхода в сеть «Интернет» в интересующий следствие период?
3. Имеются ли на изъятой электронно-вычислительной технике, представленной на исследование, интересующие следствие сведения (типы файлов, ключевые слова, определенное ПО и пр.)?
4. Каково предназначение обнаруженных компьютерных программ?
5. Возможно ли внешнее управление обнаруженными компьютерными программами без ведома пользователя устройства?
6. Имеются ли на представленных объектах программы для массовой рассылки СМС-сообщений?
7. Имеются ли следы применения данных программ?
8. Имеются ли на представленных объектах следы работы с бот-сетью?
9. Имеется ли информация о зараженных устройствах, следах обмена информацией между устройством и бот-сетью [2, с. 29]?

Вместе с тем перечень таких вопросов остается открытым и не может быть подвергнут документальному закреплению в виду быстрого развития информационно-коммуникационных технологий.

Ст. 274 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети лицом, имеющим доступ к ЭВМ, системе ЭВМ или их сети, повлекшее уничтожение, блокирование или модификацию охраняемой законом информации ЭВМ. Условием ее наступления является причинение деянием крупного вреда.

Следовательно, подтверждением события преступления указанного состава может считаться совокупность доказательств (показания потерпевшего, заключение эксперта, вещественные доказательства, иные документы), подтверждающие факт уничтожения, блокирования или модифи-

кации охраняемой законом информации ЭВМ при условии, что размер ущерба составляет более одного миллиона рублей.

Вместе с тем перечень конкретных действий в целях установления события преступлений в сфере компьютерных технологий зависит от содержания диспозиции уголовно-правовой нормы, по признакам которой возбуждается уголовное дело. Для повышения результативности работы по раскрытию и расследованию преступлений, затрагивающих указанные общественные отношения, необходим постоянный и своевременный обмен информацией между следователем и сотрудниками оперативных подразделений, осуществляющими сопровождение расследования соответствующих преступлений.

Библиографический список

1. Лазарева В. А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России. Самара, 2007. 168 с.

2. Ушаков А. Ю., Столповский А. М. Расследование преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий : учебно-практическое пособие. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2019. 89 с.

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сандаковой Ирины Сергеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 5 части второй статьи 29 и частью третьей статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 января 2017 г. № 204-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Апелляционное определение по делу : апелляционное определение Московского городского суда от 13 мая 2020 г. №10-3568/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Кальницкий В. В. Вопросы правовой регламентации следственных действий на современном этапе // Законы России : опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 32–38.

6. Апелляционное постановление : апелляционное постановление Московского городского суда от 7 декабря 2020 г. № 10-188897/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Семенов Е. А., 2023

© Замуруев А. В., 2023

Синкевич В. В. – доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Волгоград);

Домовец С. С. – доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук (Россия, г. Волгоград)

ТЕРМИНОЛОГИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В ОТНОШЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ЕГО УЧАСТНИКОВ

TERMINOLOGY IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RESPECT OF ITS INDIVIDUAL PARTICIPANTS

Аннотация. В статье на основе анализа действующего уголовно-процессуального закона Российской Федерации рассматривается вопрос категориального аппарата уголовного судопроизводства, в частности, терминология, используемая законодателем при определении участников уголовного судопроизводства. Анализируются такие участники, как лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве; лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Abstract. Based on the analysis of the current criminal procedure law of the Russian Federation, the article deals with the issue of the categorical apparatus of criminal proceedings, in particular, the terminology used by the legislator in determining the participants in criminal proceedings. Such participants are analyzed as a person in respect of whom the criminal case has been separated into a separate proceeding in connection with the conclusion of a pre-trial agreement on cooperation, a person in respect of whom proceedings are being conducted on the application of coercive medical measures.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, участник уголовного процесса, уголовно-процессуальный закон, терминология, принудительные меры медицинского характера, досудебное соглашение о сотрудничестве.

Keywords: criminal proceedings, participant in criminal proceedings, criminal procedure law, terminology, application of a medical nature, pre-trial agreement on discussion.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) является приоритетным законом, которым руководствуются субъекты уголовно-процессуальной деятельности при осуществлении уголовного судопроизводства. От точного, четкого, грамотного изложения правовой нормы зависит верное ее толкование и применение, а также отсутствие герменевтических проблем: правоприменитель оперирует именно таким способом, в том значении, который был заложен законодателем, прослеживается высокий уровень интенционности. Важно и такое условие, как предпонимание заложенного смысла правовой нормы. Построение правовой нормы должно быть нацелено на наличие логической структуры, ясности понимания заложенного смысла, исключение плюрализма толкования правоприменителем.

Уголовно-процессуальное право не случайно определяется как формальное право. Уголовное судопроизводство, уголовный процесс – это форма деятельности должностных лиц и органов, вступающих в правоотношения участников, что предполагает правовую регламентацию механизмов и инструментария ее осуществления. Уголовно-процессуальная форма есть исключительная форма применения уголовного права, определяющая способ его содержательного существования и выражения. И от того, как точно определена процессуальная форма, насколько полно выработаны механизмы уголовного судопроизводства и совершено нормативное правовое регулирование, зависит разрешение задач уголовного права и уголовного процесса, защита общества и государства от общественно опасных правонарушений – преступлений. А в свою очередь, отсутствие установленной законом формы процессуальных действий ведет к возникновению законодательных, теоретических и прикладных проблем.

С момента введения в действие УПК РФ не раз подвергался изменениям, дополнениям, что побудило ученых говорить о феномене декодификации, когда нормативный правовой акт устаревает сразу после его принятия [3].

Если проследить погодичную картину модификации основного уголовно-процессуального закона за 2002–2019 гг., то увидим следующие цифры (рис. 1):

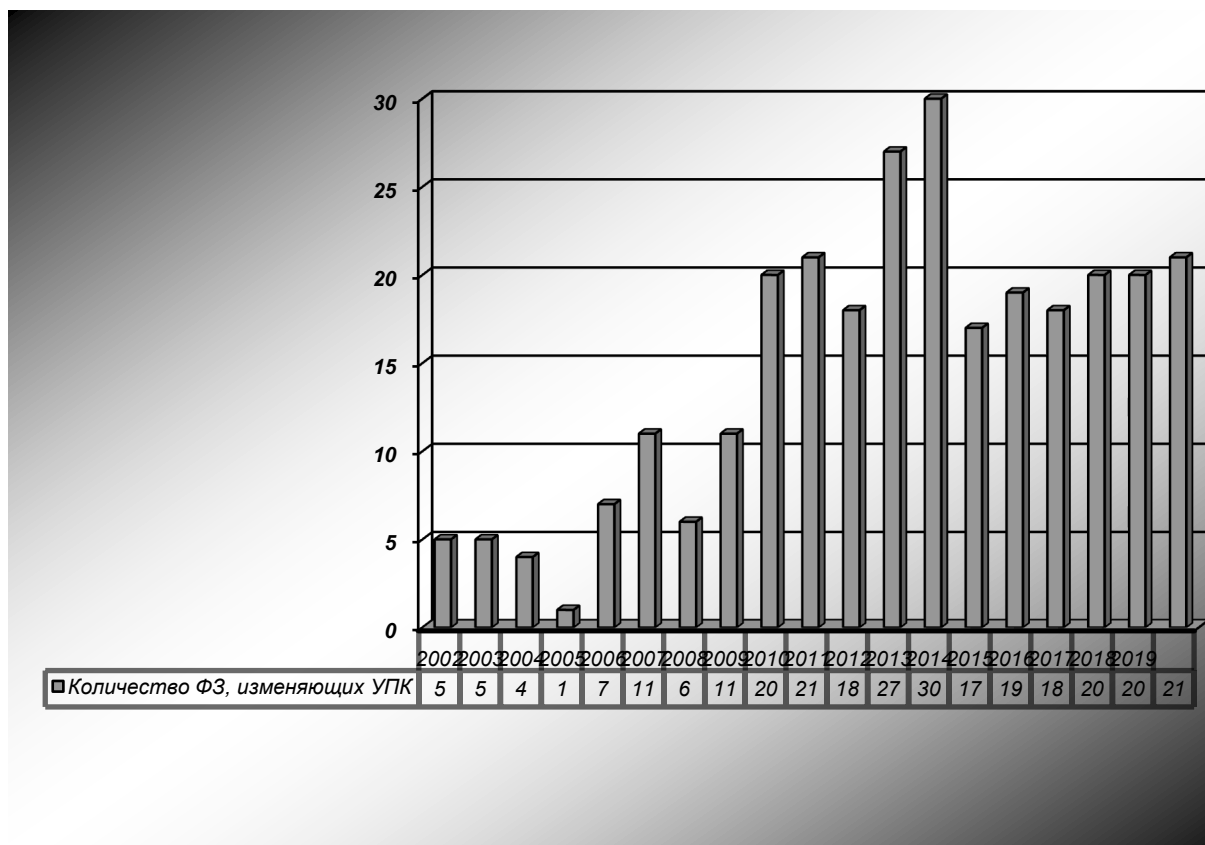

Рис.1. Количество федеральных законов, изменивших УПК РФ в период с 2002 г. по 2019 г.

Таким образом, за 2002–2019 гг. были внесены изменения и дополнения 281 федеральным законом, что в среднем составляет 16 федеральных законов в год. По количеству внесенных изменений лидируют и 2021–2022 гг., в течение которых были внесены 28 и 22 изменения (дополнения) соответственно.

Соответствующими федеральными законами в УПК РФ не только были внесены изменения в действующие нормы, но и дополнения. Так, например, на основании Федерального закона от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ (ред. от 29 декабря 2010 г.) «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ст. 5 дополнена п. 11.1, 14.1, 36.1; ст. 53 дополнена ч. 2, ч. 4; ст. 59 – п. 3; ч. 2 ст. 74 – п. 3.1; ст. 80 – ч. 3,4. Но не только уже существующие нормы УПК РФ были дополнены частями, пунктами и т. д. Законодатель со временем регламентирует целые новые институты уголовно-процессуального права (досудебное соглашение о сотрудничестве, глава 40.1 УПК РФ), формы расследования преступлений (дознание в сокращенной форме, глава 32.1), меры пресечения (запрет определенных действий, ст. 105.1), вводит новых участников уголовного судопроизводства (например, лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, ст. 56.1). Бесспорно, такие

трансформации действующего законодательства детерминировано не только и не столько изначальной пробельностью в нормативном правовом регулировании уголовно-процессуальных правоотношений, а обусловлены реалиями правовых реформ в той или иной отрасли права, техническим прогрессом, эволюционным процессом отдельных сфер жизнедеятельности граждан и, конечно же, результатами аналитики проблем, возникающих у практических работников при применении норм права. Но нельзя не отметить факт критики юридической техники кодифицированных текстов законов в принципе. В частности, это прослеживается тогда, когда при формулировании законодателем вносимых изменений и дополнений используется не всегда удачная терминология, а иногда она отсутствует и вовсе. Хотя юридическая терминология является одним из важнейших специально-юридических средств, с помощью которых и возможно повышение качества кодификационного процесса. Нечеткие, громоздкие, размытые по своей сути нормы заставляют правоприменителя самостоятельно идентифицировать правовую определенность, что не может вести к единству практики применения закона и негативно сказывается на осуществлении всего уголовного процесса.

Обратимся, например, к определению таких участников уголовного процесса, как лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве и лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Формулирование наименования таких участников не раз обсуждалось в научной литературе, как и их процессуальный статус, а также место в системе участников уголовного процесса. На различные проблемы института досудебного соглашения, в том числе и в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, мы обращали внимание в прежних своих работах. И сегодня мы разделяем мнение ученых, в частности, Ж. А. Бажуковой, которая, говоря о лице, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, отмечает, что «"дав имя"», законодатель остановился на полпути: по-прежнему отсутствует дефиниция, содержащая понятие этого особого участника, момент и основания его появления, а также принадлежащие именно этому участнику индивидуальные процессуальные права»[2]. Применим этот тезис, по нашему мнению, и к участнику, положение которого закреплено ст. 56.1. УПК РФ. Очевидно, что не только четкость нормативного правового регулирования процессуального статуса участника уголовного процесса – залог полноценной его реализации и всестороннего обеспечения прав и интересов гражданина, но также и его наименование, определение играют достаточно важную роль. Изучение судебной практики свидетельствует об отсутствии единства в обозначении наименования такого участника, как ли-

цо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения. Так, из приговора Нальчикского городского суда следует, что данный участник определен как «свидетель стороны обвинения» [3], в решениях некоторых судов – как лицо, в отношении которого выделено уголовное дело, в иных решениях – как свидетель, что еще раз доказывает необходимость иначе сформулировать наименования рассматриваемых участников процесса.

Толкование сути того или иного участника в уголовном судопроизводстве практически в каждом случае не вызывает сложностей интерпретации. Исходя из существующей терминологии, присутствует абсолютная ясность относительно таких участников, как потерпевший, обвиняемый, подозреваемый, защитник, свидетель, эксперт, специалист и т. д. «Законодательное имя» тех участников, о которых говорится в данной статье, думается, подлежит существенной корректировке с целью должного понимания их места и роли в уголовном судопроизводстве, а также для формирования единой практики применения в части реализации процессуального статуса, использования результатов следственных и процессуальных действий в процессе доказывания, их участия в судебном процессе.

Библиографический список

1. Бажукова Ж. А. О неразрешенных вопросах досудебного производства по делам о применении принудительных мер медицинского характера // Администратор суда. 2017. № 1. С. 21–24.
2. Желдыбина Т. А. Вопросы законодательной техники в процессе кодификации права // Российская юстиция. 2016. № 4. С. 6–9.
3. Приговор Нальчикского городского суда № 1-382/2019 от 6 ноября 2019 г. по делу № 1-382/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.01.2023).

© Синкевич В. В., 2023

© Домовец С. С., 2023

Соколова Т. С. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, (Россия, г. Уфа)

**К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОРМ
О ПРИЗНАНИИ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ
ВЕЩЕСТВЕННЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ,
СОВЕРШЕННЫХ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ**

**TO THE QUESTION OF THE IMPLEMENTATION OF LEGISLATIVE
RULES ON THE RECOGNITION OF SUBJECTS AND DOCUMENTS
AS OBJECTIVE EVIDENCE IN CRIMINAL CASES ON CRIMES
COMMITTED IN THE ECONOMIC SPHERE**

Аннотация. В статье рассматриваются законодательные нормы о признании предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях, совершенных в экономической сфере.

Abstract. The article deals with the legislative norms on the recognition of objects and documents as material evidence in criminal cases on crimes committed in the economic sphere.

Ключевые слова: экономическая деятельность, вещественные доказательства, коммерческая организация, предпринимательская деятельность, принципы уголовного судопроизводства, должностные лица.

Keywords: economic activity, physical evidence, commercial organization, entrepreneurial activity, principles of criminal justice, officials.

В ходе осуществления уголовного судопроизводства следователю необходимо осуществлять объемный массив различных процессуальных действий, включая признание вещей и документов вещественными доказательствами. В структуре уголовно-процессуального законодательства существует достаточное количество положений, которые касаются вопросов доказательственной деятельности следователя, а в научных исследованиях постоянно поднимаются проблемы, сопряженные с понятийным аппаратом рассматриваемых уголовно-процессуальных отношений, классификациями доказательств, основными категориями, связанными с их собиранием, оценкой, исследованием.

В положениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] существуют положения, в соответствии с ко-

торыми предусматривается специальный порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по отдельным группам преступлений, в частности, в сфере экономики. Это обусловлено необходимостью повышения эффективности защиты прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, в том числе в ходе расследования преступлений в сфере экономики. При осуществлении указанной деятельности следователя могут ограничивать различные права, в том числе которые связаны с непосредственной деятельностью индивидуальных предпринимателей и иных субъектов предпринимательской деятельности. В частности, в связи с признанием и изъятием отдельных предметов и документов как вещественных доказательств такая деятельность может вообще стать невозможной. Именно поэтому законодатель обеспечил специальный порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики, закрепив о нем положения в ст. 81.1 УПК РФ. Укажем, что нормы, содержащиеся в обозначенной статье, реализуются в правоприменении не с момента начала действия УПК РФ, а были введены в него лишь в 2016 г.

Вместе с тем, несмотря на уже продолжительное время правоприменения обозначенных уголовно-процессуальных норм, еще остаются вопросы, которые влияют на эффективность уголовного судопроизводства, а также проблемы, связанные с реализацией отдельных принципов участников уголовного судопроизводства. Необходимость повышения эффективности процедуры признания вещественными доказательствами предметов и документов обуславливается также и тем, что количество преступлений в сфере экономики растет. Так, только за январь–ноябрь 2022 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 106 313 преступлений экономической направленности, по многим из которых предметы и документы признавались вещественными доказательствами в порядке ст. 81.1 УПК РФ [2].

Алгоритм признания вещественными доказательствами по рассматриваемой категории дел является одним из элементов внедряемого в уголовное законодательство специального порядка осуществления уголовного судопроизводства по делам в экономической сфере. В частности, это касается вопросов осуществления проверочных мероприятий, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела и осуществления следственных и иных процессуальных действий на досудебной стадии, вопросов применения мер пресечения и др. Вместе с тем при осуществлении реализации имеющихся в УПК РФ норм о рассматриваемом специальном порядке имеются некоторые проблемы, которые связаны с регламентацией процессуальных сроков, процессуального порядка такого признания, а также вопросами хранения и возврата вещественных доказательств.

В ходе осуществления следователями работы по собиранию доказательств по расследуемым уголовным делам осуществляется большой мас-

сив работы, в том числе связанной с определением необходимости признания и приобщения отдельных предметов и документов к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств. Результаты такой работы могут в значительной степени ограничивать права и законные интересы лиц, вовлекаемых в уголовный процесс, в особенности подозреваемого и обвиняемого. К примеру, изъятие и приобщение к материалам уголовного дела отдельных предметов и документов может всецело влиять на возможность осуществления определенной деятельности, в том числе предпринимательской, и в связи с этим, как уже говорилось выше, в 2016 г. в структуре норм УПК РФ появились новые положения о специальном порядке признания вещественными доказательствами предметов и документов по расследуемым уголовным делам в сфере экономики. Однако принятие соответствующих норм лишь частично снизило количество возникающих в процессе рассматриваемой работы следователя вопросов.

Обозначенный специальный порядок был закреплен в положениях новой ст. 81.1 УПК РФ. Законодатель в первой части обозначенной статьи определил категории расследуемых дел, по которым должны применяться содержащиеся в ней положения, субъектный состав, а также процессуальное оформление. В соответствии с имеющимися положениями обозначенный специальный порядок применяется при расследовании уголовных дел о мошенничестве и его специальных видах, присвоении или растрате, причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотреблении доверием, а также злоупотреблении полномочиями в части, в которых субъектом обозначенных преступлений является индивидуальный предприниматель. А также по уголовным делам, в которых субъектом преступления является член органа управления коммерческой организации по уголовным делам о квалифицированном мошенничестве, предусмотренном ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, незаконном предпринимательстве и специальных видах таких преступлений, предусмотренных ст. 171.1, 171.3 УК РФ, незаконном получении кредита, злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности, ограничении конкуренции и других преступлений в сфере экономической деятельности. В рассматриваемой уголовно-процессуальной норме законодатель также устанавливает необходимость вынесения соответствующего постановления о признании и приобщении предметов и документов в качестве вещественных доказательств в ходе расследования обозначенных преступлений [3]. В части 2 ст. 81.1 УПК РФ законодатель определяет сроки рассматриваемого специального порядка. Так, общий срок признания объекта вещественным доказательством не должен превышать десяти суток с момента его изъятия. Кроме того, в положениях указанной нормы определяется возможность продления общего срока до тридцати дней, в случаях, если существуют объективные причины, к примеру, большой объем изъятых документов. Также, если существует необходимость экспертного исследования для принятия соответствующего ре-

шения о признании объекта вещественным доказательством, следовательно обязан вынести постановление в срок не позднее трех суток с момента получения заключения по экспертизе. В части 3 ст. 81.1 УПК РФ закрепляется важное право лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, а именно возможность снятия копий изымаемых документов. Необходимо заметить, что порядок снятия таких копий утвержден одноименным постановлением Правительства Российской Федерации [5]. На основании положений названного источника законный владелец изъятых документов обязан подать ходатайство о необходимости осуществления копирования, после чего следователь выносит постановление о его разрешении. В постановлении также оговаривается возможность частичного удовлетворения поданных ходатайств, перечень субъектов имеющих право падасть ходатайство, а также невозможность осуществления копирования информации, сосредоточенной на цифровых носителях [6]. В части 4 ст. 81.1 УПК РФ закрепляется срок возврата изъятых документов, включая электронные носители, в случаях, если они не были признаны вещественными доказательствами. Названный срок исчисляется с момента истечения сроков на признание объекта вещественными доказательствами и не может превышать пяти суток.

Следует отметить, что иных норм, связанных с реализацией специального порядка признания предметов и документов вещественными доказательствами по расследуемым делам в экономической сфере не предусматривается. Таким образом, законодатель обеспечил уголовное судопроизводство положениями, в соответствии с которыми у следователей более нет возможности без соответствующей процессуальной процедуры удерживать изъятые в ходе следственных действий предметы и документы, что обеспечивается четко закрепленными процессуальными сроками, а также возможностью осуществления их копирования.

Существующий общий порядок признания изъятых в ходе следствия предметов и документов, в том числе электронных носителей, не предусматривает процессуальных сроков, в течение которых должностные лица следственных подразделений имеют полномочия удерживать изъятое имущество [6]. Безусловно, обозначенный специальный порядок признания различных объектов вещественными доказательствами показал свою эффективность, однако в ходе применения указанных выше уголовно-процессуальных норм выявились новые существенные вопросы, которые требуют скорейшего разрешения.

Важным вопросом, решение которого требует практика правоприменения, по нашему мнению, следует считать проблематику реализации установленных сроков возврата предметов и документов, которые не были признаны вещественными доказательствами по делам в сфере экономики. Как уже было отмечено, в случае истечения установленных ст. 81.1 УПК РФ процессуальных сроков о признании вещественными доказатель-

ствами предметов и документов по уголовным делам в сфере экономики следователь обязан принять меры к возвращению изъятых объектов в течение пяти дней, однако данный срок не всегда исполняется, в том числе в силу отсутствия законодательного закрепления, что, в свою очередь, порождает необходимость осуществления должного правового регулирования осуществления возврата объектов, которые не приобщены в качестве вещественных доказательств к материалам уголовного дела.

Также среди важных вопросов, требующих скорейшего разрешения, необходимо учитывать проблематику реализации положений и об общих сроках признания вещественными доказательствами предметов и документов по рассматриваемой категории уголовных дел. Выше было указано, что существующий десятидневный срок признания вещественными доказательствами может быть продлен вплоть до тридцати дней, либо пяти дней с момента получения необходимого в принятии решения экспертного заключения. В научной литературе существует достаточно мнений, что имеющаяся модель процессуальных сроков по рассматриваемым общественным отношениям содержит в себе ряд недоработок. В частности, следует говорить об имеющихся в уголовно-процессуальных нормах оценочных категорий. Так, в положениях ч. 2 ст. 81.1 УПК РФ указывается, что общий срок приобщения предметов и документов в качестве вещественных доказательств по уголовным делам в сфере экономики может быть продлен руководителем следственного органа до 30 суток в случае наличия большого количества изъятых предметов и документов или других объективных причин, однако законодатель не оговаривает, что конкретно может входить в иные объективные причины, в связи с чем обжалование действий следователя и руководителя следственного органа может ни к чему не привести.

По нашему мнению, с целью исключения фактов обжалования действий следователя, связанных с продлением общего срока признания предметов и документов вещественными доказательствами, по делам в сфере экономики законодателю следует внести дополнение в содержание ч. 2 ст. 81.1 УПК РФ в части конкретизации причин, которые могут относиться к другим объективным причинам.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Состояние преступности в России за январь–ноябрь 2022 г. // Доклад, подготовленный ФКУ ГИАЦ МВД России. URL://<http://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 20.01.2023).
3. Матинов С. Г., Николаев А. В. Признание документов и предметов вещественными доказательствами по уголовным делам экономической на-

правленности // Актуальные проблемы развития цивилистической науки 2020 : сборник докладов XV Международной научно-практической онлайн-конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. Москва, 2020. С. 104–108.

4. Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам : постановление Правительства Российской Федерации от 8 мая 2015 г. № 449 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 20. Ст. 2915.

5. Камаев А. Ф. Проблемные вопросы признания вещественных доказательств по уголовному делу в рамках предварительного расследования // Пермский Период : сборник материалов VI Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов. 2019. С. 182–183.

6. Об утверждении Положения о порядке снятия копий с документов, изъятых в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики : постановление Правительства Российской Федерации от 22 апреля 2017 г. № 482 // Российская газета. 2017. № 92.

© Соколова Т. С., 2023

УДК 343.985.3

Сучков А. И. – преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова (Россия, г. Орел)

ТАКТИКА ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА РАЗОБЛАЧЕНИЕ ЛОЖНОГО АЛИБИ

THE TACTICS OF INDIVIDUAL INVESTIGATIVE ACTIONS AIMED AT EXPOSING A FALSE ALIBI

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные проблемы, с которыми сталкивается следователь по преодолению противодействия, оказываемого органу предварительного следствия в рамках расследования уголовных дел, посредством производства следственных действий.

Abstract. The article considers the current problems faced by the investigator to overcome resistance to the body of preliminary investigation in the investigation of criminal cases through the production of investigative actions.

Ключевые слова: следователь, следственные действия, алиби, противодействие расследованию.

Keywords: investigator, investigative actions, alibi, counter-investigation.

Представляется необходимым изучить процесс рассмотрения следователем алиби, который необходим в целом для того, чтобы определить истинность либо ложность алиби. Так, в первую очередь, указанный процесс позволяет дать ответы на ряд вопросов, среди которых:

- где в действительности находилось сообщившее о наличии у него алиби лицо в момент совершения преступления и чем оно в это время занималось?

- по какой причине, с кем, откуда и когда прибыло лицо, заявляющее о наличии у него алиби, и каким образом оно покинуло место, обеспечивающее ему алиби?

- кто наблюдал в интересующий период времени лицо, сообщающее о наличии у него алиби, где и в какой обстановке, с кем контактировал?

- кто, помимо непосредственных заявителей, может сообщить какие-либо важные сведения, связанные с алиби, например, о том, что лицо сообщало о своем намерении находиться в определенное время в определенном месте?

- имеются ли документальные и иные материальные носители информации, подтверждающие факт наличия алиби (например, видеозапись лица, заявившего об алиби, в том месте, в котором оно, по его словам, находилось в момент совершения убийства)?

- какие причины оказали влияние на тот факт, что об алиби его субъект заявил необоснованно, имея все возможности сообщить о нем изначально?

- как выглядел субъект алиби в том месте, которое обеспечивает ему алиби, как был одет, были ли какие-либо изменения в его внешнем виде в момент его прибытия в указанное место и убытия из него?

Даже в том случае, когда алиби установлено, необходимо учитывать, что не всегда его наличие однозначно свидетельствует в пользу подозреваемого. Например, исключение возможности непосредственного совершения преступления не означает факт неучастия лица в преступлении. Например, при совершении убийств по найму достаточно часто заказчики (организаторы) данного преступления создают себе безупречное истинное алиби на момент его совершения, однако фактически являются преступниками.

Аналогичным образом возможность создания алиби улучшилась с того момента, как получили свое развитие информационные технологии. К примеру, сбытчик наркотиков (организатор) фактически находится в одном месте, а наркотики сбывает в другом [1, с. 57].

Опровергнуть алиби, то есть выдвинуть его ложность – одна из основных задач расследования. Для этого могут быть проведены любые следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия. Проанализи-

руем, какие следственные действия преимущественно проводятся для того, чтобы проверить и разоблачить ложное алиби.

1. Допрос в качестве свидетелей тех лиц, на которые ссылается подозреваемый, обвиняемый, заявляя о том, что они могут подтвердить его алиби. Такой допрос должен быть детальным, устанавливать все обстоятельства: когда именно свидетель наблюдал субъекта алиби, в каком виде, на протяжении какого времени, что делал конкретно субъект алиби. Такая тактика эффективна в том случае, когда лицо заявило ложное алиби, попросив своего друга, родственника, знакомого подтвердить его, так как все детали в полной мере обычно в таком случае не оговариваются. Так, по уголовному делу по факту убийства Ч. подозреваемый Ж. пояснил, что в этот момент он находился у своего друга О. на другом конце города и никак не мог совершить данное преступление. Однако при выяснении у свидетеля и подозреваемого деталей одежды последнего, действий на протяжении всего интересующего периода времени были выявлены значительные противоречия, что позволило сделать однозначный вывод о ложности алиби [2, с. 1].

2. Проведение следственного эксперимента. Как правило, данное следственное действие направлено на подтверждение или опровержение сообщенных субъектом алиби данных о том, что он физически или в силу каких-либо иных причин не мог совершить данное деяние.

3. Предъявление для опознания. Необходимость в данном следственном действии может возникнуть в двух случаях:

а) с целью предъявления подозреваемого очевидцам преступления, когда при его результативности, не вызывающей сомнений (несколько лиц с уверенностью опознают подозреваемого), очевидна ложность алиби и требуется лишь найти способ опровержения его;

б) с целью предъявления подозреваемого, который находился в том месте, о котором подозреваемый сообщает как о месте его алиби, при условии, что он и данные лица незнакомы (например, если подозреваемый утверждает, что он находился в каком-либо развлекательном заведении, где его могли видеть охранники, официанты, бармен и т. д.).

4. Осмотр предметов (документов). Это, например, может быть осмотр видеозаписи, на которой подозреваемый запечатлен в указанном месте, либо, наоборот, свидетельствующая о том, что его там не было. Аналогичным образом возможен осмотр видеозаписи в месте преступления, на подходах к нему, где подозреваемый запечатлен в тот момент, когда, как он утверждает, он находился в ином месте.

Проверка алиби и его разоблачение могут быть эффективными только при условии реализации целого комплекса следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий, именуемого тактической комбинацией [3, с. 124].

Тактическая комбинация – это проверка и разоблачение ложного алиби, представляющие собой комплекс тактических приемов и совокупности взаимосвязанных и согласованных оперативно-розыскных, организационно-подготовительных и следственных мероприятий, которые проводятся в соответствии с планом расследования и направлены на установление местонахождения обвиняемого (подозреваемого) на момент совершения преступления.

Так, например, М., проверяемый на причастность к убийству, заявил о наличии у него алиби, сообщив, что находился в момент совершения преступления в другом населенном пункте у своей сестры И. Следователем было направлено в уголовный розыск два поручения: 1) об установлении очевидцев совершенного преступления; 2) о проверке алиби М. оперативным путем.

Оперуполномоченный, полагая, что в случае проведения опроса И. без зашифровки цели последняя подтвердит версию брата, решил провести легендированный опрос. Сообщив, что в одной из квартир в подъезде, где проживает И., совершена кража, оперуполномоченный опросил ее на предмет того, где она находилась в указанный момент, кто еще находился дома. В результате И. сообщила ему, что весь указанный день находилась одна дома, никого посторонних не видела, к ней никто не приходил и не приезжал. Таким образом, алиби М. было опровергнуто, впоследствии он привлечен к уголовной ответственности за убийство [4, с. 1].

Следователь и органы дознания, действуя совместно в рамках тактической операции, должны собрать максимально возможную информацию о фактах, событиях, обстоятельствах, сообщенных субъектом алиби. С этой целью необходимо выяснение всех деталей об особенностях явлений, событий, процессов климатического, природного, экономического, социального и иного характера, с которыми неизбежно должен был столкнуться заявитель проверки алиби. Так, если он действительно находился в указанном месте в период совершения преступления, то выявленные признаки и факты, выясненные в процессе следования, должны были бы совпасть.

На данном этапе реализации тактической комбинации необходимо провести следующие следственные действия и мероприятия:

- произвести осмотр указанного места;
- получить, обработать, проанализировать необходимые сведения из СМИ, а также полученные от должностных лиц, правоохранительных органов, работников контролирующих организаций, а также иных работников учреждений, организаций, предприятий, из официальных и неофициальных источников;
- осуществить поиск свидетелей, находившихся в указанном месте в определенное время, произвести их допрос;
- допросить лиц, которые могли либо должны были видеть субъекта алиби, контактировать с ним;

– обнаружить, изъять и изучить документы, отражающие устанавливаемые обстоятельства алиби.

Очень важен подробный, обстоятельный допрос субъекта алиби, при этом, целесообразно произвести его дважды: первый раз в кабинете следователя, в отрыве от того места, где, по его словам, он находился, детально выясняя маршрут его передвижения, его действия, встречи с другими людьми, воспринимаемую им визуальную и на слух информацию и т. д. Затем допрос следует произвести в месте, где, по словам субъекта алиби, он находился, предложив ему соотносить полученные от него сведения с обстановкой, детализировать отдельные моменты. При этом в рамках тактической комбинации возможна реализация так называемого обманного маневра, например, когда в данное место помещается определенный предмет, объект, которого там ранее не было, и уточняется у подозреваемого, видел ли он его здесь ранее.

При обнаружении несовпадения основных признаков необходимо дать соответствующую оценку им, определить характер и степень несовпадений и их причины. Здесь в обязательном порядке надлежит учитывать тот факт, что несовпадения не всегда означают ложность алиби, их причины могут быть различны. Когда алиби истинное, возможно существование объяснимых, допустимых компонентов расхождений. О том, что алиби ложное, свидетельствовать могут существенные противоречия, которые случайными причинами объяснить нельзя.

Положительное решение вопроса о том, что алиби ложное, что оно опровергнуто, возможно лишь в случаях:

1) в реальной действительности, то есть фактической модели вследствие установленных фактов были обнаружены объективно отсутствующие важные элементы (следы, обстоятельства, события, факты), в отношении которых дал показания заявитель алиби, утверждая о том, что они имели место быть;

2) следствием было установлено, что в реальной действительности, указанные на допросе заявителем обстоятельства, события, факты имели место, однако их фактическая характеристика в части отдельных или большинства принципиально важных существенных признаков, параметров, сторон, очевидных для лиц, непосредственно их воспринимавших, значительно расходится с той характеристикой, данной заявителем алиби;

3) следствием было установлено наличие таких очевидных обстоятельств, как важных элементов фактической модели, о которых не мог не знать заявитель, однако в процессе допроса он отвергал их существование или не мог сказать ничего определенного по их поводу.

Таким образом, проверка алиби возможна как путем производства отдельных следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий, так и путем их комплекса в рамках тактической комбинации. Реализация такой комбинации более эффективна, чем проведение отдельных проверочных мероприятий и следственных действий. При этом при

производстве каждого следственного действия необходимо определять, какие тактические приемы будут наиболее эффективными, а это зависит от вида алиби, его признаков, отдельных обстоятельств совершенного преступления.

Библиографический список

1. Рудаков С. В. Цифровое алиби и цифровые доказательства // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 57.
2. Приговор Коптевского районного суда г. Москвы от 12 февраля 2020 г. по делу № 1–32/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.01.2023).
3. Левченко О. В. Проблемы доказывания алиби обвиняемого по уголовным делам // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 4 (359). С. 124.
4. Приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 10 сентября 2020 г. по делу № 1–93/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 21.01.2023).

© Сучков А. И., 2023

УДК 343.1

Таршева М. Н. – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук (Россия, г. Орел)

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ОБЯЗАННОСТИ РАЗЪЯСНЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ (ДОЗНАВАТЕЛЕМ) КОМПРОМИСНЫХ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА КАК СПОСОБ ОПТИМИЗАЦИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

FIXING THE DUTY OF CLARIFICATION INVESTIGATOR (INQUIRER) OF COMPROMISE GROUNDS FOR TERMINATION OF A CRIMINAL CASE AS A WAY TO OPTIMIZE PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье акцентируется внимание на высоком правозащитном потенциале компромиссных норм процессуального законодательства. Обосновывается вывод о необходимости закрепления обязанности

разъяснения подозреваемому (обвиняемому) следователем (дознавателем) оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования, предусмотренных ст. 25, 25¹, 28 и 28¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Abstract. The article focuses on the high human rights potential of compromise norms of procedural legislation. The conclusion is substantiated that it is necessary to consolidate the obligation to explain to the suspect (accused) by the investigator (inquirer) the grounds for termination of a criminal case or criminal prosecution provided for in Articles 25, 25¹, 28 and 28¹ of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: компромисс в уголовном процессе, разъяснение допустимых оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования, оптимизация уголовно-процессуальной деятельности.

Keywords: compromise in criminal proceedings, clarification of permissible grounds for termination of a criminal case or criminal prosecution, optimization of criminal procedural activity.

Ни для кого не секрет, что основными направлениями развития отечественной уголовной политики последних десятилетий являются ее гуманизация и либерализация, которые заключаются не только в усилении процессуальных средств защиты прав и свобод основных участников уголовно-правового конфликта (потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого), но и в совершенствовании механизмов дифференциации уголовной ответственности, появлении новых оснований освобождения от таковой.

Подобного рода нововведения, помимо всего прочего, обусловлены и необходимостью оптимизации уголовного судопроизводства, то есть повышением эффективности и рациональности уголовно-процессуальной деятельности.

В отечественном процессуальном законе закреплены нормы, которые позволяют разрешать уголовно-правовые конфликты нетрадиционным для уголовной юстиции способом, например, посредством примирения сторон и т. д. Данный подход базируется на идее допустимости компромисса в уголовном процессе [1]. Речь в данном случае идет о ст. 25, 25¹, 28 и 28¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), на основании которых уголовное дело (уголовное преследование) может быть прекращено или подлежит прекращению в случае выполнения лицом, совершившим преступление, тех или иных условий, т. е. активных позитивных посткриминальных действий. Данные правовые нормы в совокупности со ст. 24 УПК РФ и процессуальными отношениями, возникающими при их применении, образуют отечественный институт прекращения уголовного дела (уголовного преследования).

Стоит отметить, что такие нормы обладают высоким правозащитным потенциалом ввиду того, что стимулируют подозреваемого (обвиняемого) к совершению активных посткриминальных поступков, которые могут быть выражены в примирении с потерпевшим и заглаживании причиненного преступлением вреда (ст. 25), в деятельном раскаянии (ч. 1 ст. 28), в возмещении ущерба или иным образом заглаживании преступного вреда (25¹), в возмещении ущерба бюджетной системе Российской Федерации (28¹).

Вместе с тем нельзя не отметить, что компромиссные нормы, предусмотренные ст. 25, 25¹, ч. 1 ст. 28 УПК РФ¹, являются крайне непопулярными у правоприменителей на стадии досудебного производства.

Ряд ученых, в частности, Е. Ю. Самолаева [2, с. 154], объясняет такое положение вещей незаинтересованностью должностных лиц органов уголовной юстиции в принятии решений в порядке ст. 25, 25¹, ч. 1 ст. 28 УПК РФ, обусловленной сложившейся на практике системой оценки деятельности органов предварительного расследования. Принятие решений в порядке, предусмотренном ст. 25, 25¹, ч. 1 ст. 28 УПК РФ, снижает показатели работы соответствующих органов. И. С. Дикарев [3, с. 80–83] видит проблему в закреплённом в УПК РФ дискреционном порядке принятия соответствующих решений.

Представляется, что причина кроется в недостаточности процессуального ресурса, которая заключается в ряде законодательных пробелов и недоработок, в том числе и в отсутствии закреплённой в законе обязанности разъяснения оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования, допустимых в рамках конкретного уголовно-правового конфликта основания (ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ, ст. 25¹ УПК РФ, ст. 76² УК РФ; ч. 1 ст. 28 УПК РФ, ст. 75 УК РФ), условий их наступления, возможных юридических последствий.

К такому выводу позволил прийти анализ изучения материалов уголовных дел², по которым судами были приняты решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в порядке ст. 25, 25¹, ч. 1 ст. 28 УПК РФ. Дело в том, что зачастую участники уголовно-правового конфликта (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый) не осведомлены

¹ В данной работе акцентируется внимание на ст. 25, 25¹, ч. 1 ст. 28 УПК РФ сознательно, так как характер решений, принимаемых должностными лицами органов предварительного следствия, в отличие от предусмотренного ч. 2 ст. 28 и ст. 28¹ УПК РФ, является дискреционным, то есть зависит от волеизъявления следователя или дознавателя.

² Изучались материалы 232 уголовных дел, по которым судами Орловской, Курской, Брянской областей принимались решения в порядке ст. 25, 25¹, 28, 28¹ УПК РФ.

об особенностях того или иного способа¹ разрешения уголовно-правового конфликта, по сути лишены осознанности в выборе наиболее приемлемого для каждого из них [4, с. 90]. Не только потерпевшие, но и подозреваемые (обвиняемые) отождествляли примирение сторон с возмещением ущерба или иным образом заглаживанием вреда; при фактически достигнутом примирении сторон (примирении и заглаживании вреда) заявляют ходатайства о прекращении уголовного дела в порядке ст. 25¹ с применением судебного штрафа либо при фактически выполненных условиях ч. 1 ст. 28 УПК РФ, ч. 1 ст. 75 УК РФ должностным лицам органов уголовной юстиции, а также в суд поступают ходатайства с просьбой о прекращении уголовного дела в порядке ст.ст. 25, 25¹ УПК РФ.

Кроме того, в процессуальном законе, в отличие от положений ст. 28¹ УПК РФ, не раскрывается содержание таких условий, как «примирение сторон или примирение и заглаживание вреда», «возмещение ущерба или иным образом заглаживание вреда». Следователь (дознатель) не обязан доводить их до сведения заинтересованных лиц.

Очевидно, что закрепление обязанности следователя (дознателя) разъяснять допустимые в рамках конкретного уголовно-правового конфликта основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования) способствовало бы оптимизации досудебного производства, позволило бы не только обеспечить более эффективную защиту прав потерпевшего в части заглаживания причиненного преступлением вреда и стимулирование подозреваемого (обвиняемого) к совершению позитивных активных действий, направленных на минимизацию отрицательных последствий совершенного преступления [4, с. 92–93]. Следовательно, высвобождаемые ресурсы (временные, производственные затраты) могли бы быть задействованы при производстве предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, представляющих особую сложность.

Компромиссные нормы отечественного уголовного и уголовно-процессуального законодательства имеют важное правовое значение. Активное посткриминальное поведение подозреваемого в совершении преступления лица способствует как установлению обстоятельств, которые подлежат доказыванию при производстве по уголовному делу (в том числе причин и условий совершенного), так и предотвращению совершения новых общественно-опасных деяний самим подозреваемым (обвиняемым).

Важное социальное значение отечественных уголовно-процессуальных компромиссных процедур состоит в том, что посредством их применения обеспечивается снижение уровня уголовной репрессии к ли-

¹ Речь в данном случае идет о следующих способах: посредством примирения сторон, возмещения ущерба или иным образом заглаживания причиненного преступлением вреда и уплаты судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера, посредством деятельного раскаяния либо возмещения ущерба бюджетной системе России и денежных взысканий в пользу государства.

цам, не представляющим опасности для общества; вовлечение непосредственных участников уголовно-правового конфликта в процесс его разрешения, что в большей мере отвечает интересам потерпевшей от преступления стороны.

Библиографический список

1. Аликперов Х., Зейналов М., Курбанова К. Допустим ли компромисс в борьбе с преступностью? // Уголовное право. 2001. № 3. С. 92.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2011 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Самолаева Е. Ю. Применение норм о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон при производстве дознания // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 152–155.
4. Дикарев И. С. К вопросу о дискреционных основаниях прекращения уголовного дела (уголовного преследования) // Уголовное право. 2007. № 1. С. 80–83.
5. Таршева М. Н. Примирительные и восстановительные процедуры в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2022. 214 с.

© Таршева М. Н., 2023

УДК 343.13

Телигисова С. С. – доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук (Россия, г. Уфа)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ, ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

SEPARATE ASPECTS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED WITH THE USE OF MODERN DIGITAL, INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Аннотация. В статье рассматривается уголовно-правовая характеристика преступлений, совершенных с использованием цифровых, информационно-телекоммуникационных технологий и в сфере компьютерной ин-

формации; анализируется действующее законодательство, регламентирующее порядок расследования уголовных дел по преступлениям, связанным с использованием высоких технологий; определяются основные проблемы деятельности органов предварительного следствия при расследовании уголовных дел и формировании предмета доказывания по преступлениям, связанным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Abstract. The article considers the criminal and legal characteristics of crimes committed using digital, information and telecommunications technologies and in the field of computer information; analyzes the current legislation regulating the procedure for investigating criminal cases on crimes related to the use of high technologies; the main problems of the activity of the preliminary investigation bodies in the investigation of criminal cases and the formation of the subject of evidence for crimes related to the use of information and telecommunications technologies are determined.

Ключевые слова: цифровизация, киберпреступления, информационно-телекоммуникационные технологии, компьютерная информация, компьютерная технология, интернет-мошенничество, компьютерный взломщик, дистанционный способ хищения, интернет-пространство.

Keywords: digitalization, cyber offenses, information and telecommunications technologies, computer information, computer technology, Internet fraud, computer hacker, remote method of theft, Internet space.

Современное общество шагнуло в эпоху научно-технического, информационного прогресса настолько далеко и глубоко, что все сферы жизнедеятельности не только простого человека тесно связаны с активным использованием высоких информационных технологий, но и сама государственная, национальная экономика России подверглась широкомасштабной цифровизации. За последние двадцать лет электронные средства массовой информации, телекоммуникационные, информационные системы, социальные сети, беспроводная технология доступа в сеть Интернет, спутниковая связь, мобильная (сотовая) связь, дистанционное образование стали неотъемлемой частью повседневной жизни рядовых граждан-россиян, поскольку и жизнь в социуме, и государство, в частности, «втягивает семимильными шагами» в процесс цифровизации.

На правительственном уровне наше государство на ближайшие десятилетия, начиная с 2017 по 2030 гг., в качестве первоочередного вектора внутренней политики определило: во-первых, развитие информационных и коммуникационных технологий; во-вторых, формирование информационной платформы и соответствующей информационной инфраструктуры [1]. А это означает, что само государство всячески продвигает данную тенденцию: путем создания многофункциональных центров предоставления пуб-

личных государственных и муниципальных услуг в электронной форме, путем перевода национальной (внутренней) и внешней экономики на рельсы цифровых технологий.

Иначе говоря, дальнейшее развитие современного российского общества невозможно представить без информационно-коммуникационных технологий, что позволяет констатировать их существенное влияние на приоритетные сферы жизни человека, среди которых: экономика и производство, образование и здравоохранение, культура и искусство, сфера социального обслуживания, государственное регулирование и др.

Как результат, мы наблюдаем «во всей красе» побочный эффект такого скорейшей экспансии цифровых и компьютерных технологий: изменились не только экономические процессы, но и сам образ жизни общества, который «ушел в онлайн». Вслед за этим криминальная преступность ушла в тень, перейдя в глобальную виртуальную сеть Интернет.

На фоне сложившейся социально-экономической обстановки даже традиционные виды преступности перешли в тень цифровой платформы: через Интернет происходит продажа и сбыт наркотиков, оружия, других запрещенных к свободному гражданскому обороту веществ, боеприпасов, а также совершается множество других противоправных деяний, осуществляется вербовка новых членов экстремистских, запрещенных организаций, осуществляется хищение денежных средств с банковских счетов граждан и т. п. Поскольку многие банки, занимающиеся финансовыми операциями на территории Российской Федерации, стали все чаще и активнее прибегать к дистанционному формату обслуживания своих клиентов, мошенники, спрятавшись в «закоулках» всемирной глобальной паутины Интернета, в период всеобщего лоукдауна активизировались, используя в свою выгоду переход многих финансовых операций в сферу интернет-услуг, используя виктимное поведение потерпевших, оставаясь при этом в тени, в условиях анонимности возможностей Интернета.

Рабочие будни сотрудников следственных подразделений прекрасно свидетельствуют о росте совершения киберпреступлений интернет-мошенниками с использованием высоких информационных и компьютерных технологий, которые увеличиваются в геометрической прогрессии, вынуждая не только правоохранные органы, но и государственные структуры своевременно реагировать, пресекать, выявлять и взаимодействовать в борьбе с подобными преступлениями.

Следует отметить, что подобная тенденция в связи с принятой стратегией будет только неуклонно расти на протяжении последующих ближайших десятилетий. А это значит, что правоохранным органам необходимо быть «до зубов готовым к наплыву», к резкому скачку киберпреступности, атакам которой наши правоохранные органы и государственные структуры смогут дать адекватно отпор лишь при условии надле-

жащего законодательного и правового обеспечения своей деятельности в противодействии киберпреступности.

Очевидным представляется тот факт, что преступления, совершаемые с применением новейших компьютерных и информационных технологий, имеют свою специфику. Иными словами, использование киберпреступниками новинок технических достижений для совершения преступлений позволяет последним посягать на все более значимые и охраняемые законом общественные институты как в области интересов и свобод личности и общества, так и в области безопасности государства в целом.

Особенно беззащитными наши персональные данные становятся в киберпространстве, не имеющем четко очерченных государственных границ, что в значительной мере облегчает интернет-злоумышленникам совершать противоправные действия и преступления, а следовательно, во стократно увеличивается степень общественной опасности таких деяний и к тому же усложняется процесс обнаружения киберпреступников.

Не вызывает сомнения и тот факт, что в имеющемся отечественном уголовном законодательстве Российской Федерации, к сожалению, не в полной мере имеется нормативная правовая база, которая была бы адекватной для реализации ответственности за преступления, совершенные в интернет-пространстве киберпреступниками, и соразмерной с их действительной общественной опасностью.

Как отмечают многие ученые-процессуалисты и практикующие специалисты, ряд деяний, обладающих признаком общественной опасности, до сих пор, к сожалению, не криминализированы в рамках действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Глава 28 действующего УК РФ отведена под преступления в сфере компьютерной информации и включает в себя всего лишь 4 статьи: ст. 272 посвящена неправомерному доступу к компьютерной информации; ст. 273 – созданию, использованию и распространению вредоносных компьютерных программ; ст. 274 – нарушению правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей; ст. 274.1 – неправомерному воздействию на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации [2]. Ни в одной из вышеперечисленных статей не содержится определение таких понятий, как «компьютерная технология», «преступление с использованием компьютерных технологий».

Законодатель полагает, что простой обыватель по умолчанию должен иметь представление об этих явлениях. Хотя статистика совершенных преступлений данного вида неумолимо свидетельствует об обратном: многие из обычных граждан не могут даже «развести», четко разграничить такие понятия, как «компьютерная технология» и «компьютерная техника».

Иначе говоря, закрепленные в действующем отечественном уголовном законодательстве квалифицирующие составы, регламентирующие от-

ветственность за использование компьютерных технологий при совершении преступлений, не во всем отвечают положениям, которые предъявляются для единообразия на международном уровне, в частности, Конвенции Совета Европы «О преступности в сфере компьютерной информации» (EST № 185) [3]. Темные дыры всемирной паутины глобальной сети осложняют возможность правоохранным органам своевременно обнаружить как местонахождение, так и нейтрализовать преступные действия киберпреступников, что позволяет оставаться последним незамеченными и недостижимыми для правоохранных органов, а значит, это позволяет им без существенных усилий продолжать криминальную активность. Такие вот возможности интернет-просторов делают вышеуказанную категорию преступлений достаточно заманчивой для киберпреступников.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что ключевым недостатком в борьбе с киберпреступлениями выступает очевидное несовершенство имеющегося отечественного уголовного законодательства, в котором напрочь отсутствует какая-либо регламентация ответственности за совершение преступлений с использованием информационной и компьютерной технологий, при этом официальное закрепление обрел лишь узкий ряд преступных деяний, для которых используется весьма размытая дефиниция «преступления в сфере компьютерной информации».

Таким образом, необходимо уже сейчас и сегодня признать не только нам, но и всему мировому сообществу, что преступления, совершаемые киберпреступниками с использованием новейших компьютерных и высоких информационных технологий, наряду с такими преступлениями, как терроризм и коррупция, представляют в настоящее время реальную угрозу и не просто отдельно взятому гражданину, но и государствам в целом.

Библиографический список

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Convention on Cybercrime. The Council of Europe. Hungary, 2001 URL: <http://cyber-crime.com/legislative//> (дата обращения: 25.01.2023).

© Телигисова С. С., 2023

Терехов М. Ю. – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Москва)

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: РАССУЖДЕНИЯ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ

INVESTIGATIVE ACTIONS: REASONING ABOUT THE CONCEPT AND ESSENCE

Аннотация. В предлагаемой статье обобщаются положения, высказанные некоторыми авторами о понятии следственных действий как о способе собирания доказательств. Основываясь на высказанные в юридической литературе позиции, касающиеся понятия следственных действий, автор подчеркивает, что в современном уголовном судопроизводстве регламентируется, на первый взгляд, достаточно хорошо сформировавшимся, логически завершенным институтом уголовно-процессуального права с дифференцированной формой, что позволяет должностным лицам и органам, осуществляющим уголовное судопроизводство самостоятельно выбирать способ собирания доказательств.

Abstract. The proposed article summarizes the provisions expressed by some authors about the concept of investigative actions as a way of collecting evidence. Based on the positions expressed in the legal literature regarding the concept of investigative actions, the author emphasizes that in modern criminal proceedings it is regulated at first glance by a fairly well-formed, logically completed institution of criminal procedure law with a differentiated form, which allows officials and bodies that carry out criminal proceedings choose how to collect evidence.

Ключевые слова: следственные действия, неотложные следственные действия, собирание доказательств, институт следственных действий.

Keywords: investigative actions, urgent investigative actions, collection of evidence, institute of investigative actions.

Современное уголовное судопроизводство XXI века во многом отличается от прежнего уголовного процесса, что вызывает необходимость «с иголки» по-современному апеллировать ко многим положениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), научным изысканиям и переосмыслить их с учетом развивающейся науки в области уголовно-процессуального права в условиях развития интернет-

преступности как элемента всеобщей цифровизации и развития информационных технологий, когда права и свободы человека и гражданина признаются высшей ценностью в обществе и государстве.

Уголовный процесс направлен на защиту личности и организаций потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения ее прав и свобод.

В ходе расследования уголовного дела основным и важным этапом, от которого зависит успешное его разрешение, является собирание информации доказательного значения – доказательств.

Как известно, сбор доказательств осуществляется путем производства следственных и иных процессуальных действий, причем в юридической литературе, как советского, так и российского периода ни один раз отмечается и доказывается тезис, что основным способом собирания доказательств является следственные действия [1, с. 5–6].

Некоторые аспекты собирания доказательств, и в их числе вопросы, касающиеся производства следственных действий в уголовном судопроизводстве, длительное время находятся в фазе активного обсуждения.

Отдельные вопросы посвящены доказательствам, полученным при производстве так называемой доследственной проверки [2, с. 96].

Так, А. Н. Калюжный, опираясь на часть 1.2 ст. 144 УПК РФ, закрепляющие возможность использования полученных сведений в качестве доказательств и обозначая сущность стадии возбуждения уголовного дела, цель которой состоит не только в установлении наличия или отсутствия достаточных данных, указывающих на признаки преступления, но и в фиксации этих признаков в процессуальной форме и придании им доказательственного значения, полагает, что следственные действия, проводимые на стадии возбуждения уголовного дела, составляют единый блок средств предварительной проверки сообщения о преступлении, основанных на общих для них методах, отличительным признаком которых является отсутствие принуждения или его минимальная возможность [3, с. 140–146].

В итоге своего исследования А.Н. Калюжный приходит к выводу о том, что претерпев структурную эволюцию, стадия возбуждения уголовного дела получила целый комплекс средств проверки сообщений о преступлениях, в числе которых и ряд следственных действий [3, с. 146].

Раскрывая понятие следственные действия в данном аспекте автор сформировал «исключительную» систему института следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела, состоящую из осмотра места происшествия, осмотра предметов, документов, осмотра трупов, освидетельствования, получения образцов для сравнительного исследования и производства судебной экспертизы.

В связи с вышеуказанным отметим, что понятие следственных действий рассматривается не только как способ собирания доказательств, но и

как совокупность способов проверки сообщения о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела.

Несмотря на неоднозначную ситуацию в вопросе понятия следственных действий, отметим, что УПК РФ устанавливает такой процессуальный термин как неотложные следственные действия, которые определяются как действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

Так, уголовно-процессуальный закон рассматривает неотложные следственные действия как одно из общих условий предварительного расследования.

В юридической литературе неотложные следственные действия рассматриваются как процессуальный институт «неотложные следственные и иные процессуальные действия» [4, с. 8]. Данная формулировка, по мнению автора, во-первых, будет наиболее точно отражать содержание данной сферы деятельности субъектов расследования, во-вторых, способствовать выработке единообразного отношения практических работников к допустимости производства отдельных процессуальных действий в качестве неотложных.

Так, П. В. Вдовцев указывает на единственную (специфическую) задачу производства неотложных следственных и иных процессуальных действий – это обеспечение дальнейшего качественного расследования по уголовному делу, подследственному другому органу расследования [4, с. 9–10].

Кроме этого, П. В. Вдовцев формулирует понятие неотложных следственных и иных процессуальных действий как часть расследования, которая не обладает признаками какой-либо из существующих форм расследования [4, с.10].

Вместе с тем, считаем, что такой подход побуждает обратить внимание на «искаженность» таких взглядов, которые проявляются, как отмечает С. А. Шейфер, в том, что, правильно констатируя цель следственного действия – получение доказательств, оставляют без внимания его содержание и творческую роль следователя, который, как отмечалось в литературе, посредством следственного действия преобразует доказательственную информацию, заключенную в следах, оставленных событием, в доказательства в уголовно-процессуальном смысле [5, с. 115–127].

В связи с этим можно сделать вывод о том, что институт следственных действий в современном уголовном судопроизводстве – это сложный институт уголовного процесса. Он регламентируется, на первый взгляд, достаточно хорошо сформировавшейся, дифференцированной процессуальной формой, что позволяет должностным лицам и органам, осуществ-

ляющим уголовное судопроизводство самостоятельно выбирать способ собирания доказательств на этапе досудебного производства из числа следственных действий, предусмотренных УПК РФ.

При этом не следует забывать об иных, предусмотренных уголовно-процессуальным законом способах собирания доказательств, которые в совокупности со следственными действиями входят в систему способов собирания доказательств на этапе досудебного производства и которые будут подробно исследоваться в дальнейшем.

Библиографический список

1. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М. : Юрлитинформ, 2001. С. 5–6.
2. Шарпудди Абдул-Кадыров. Доказательства, полученные при производстве доследственной проверки // Уголовное право. 2014. № 2. С. 96.
3. Калюжный А. Н. Система следственных действий стадии возбуждения уголовного дела : признаки и структура // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 5. С. 140–146.
4. Вдовцев П. В. Неотложные следственные действия в российском уголовном процессе : вопросы теории, практики и законодательного регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 8–10.
5. Шейфер С. А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // Lex russica. 2015. № 10. С. 115–127.

© Терехов М. Ю., 2023

УДК 343.4

Тингаева И. В. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института (Россия, г. Уфа)

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, НА КОТОРЫХ ВОЗЛОЖЕНЫ ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ

ON THE QUESTION OF THE LEGAL POWERS OF OFFICIALS WHO HAVE AUTHORIZED AUTHORITIES OF THE BODY OF INQUIRY

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее актуальные и наиболее проблемные вопросы по процессуальным полномочиям капитанов морских и речных судов, которые находятся в дальнем плавании. Проблемы возбуждения уголовных дел по преступлениям, совершенным на судах, а также

правовые полномочия капитанов при проведении неотложных следственных действий. Вопросы теории и практики проведения следственных действий в условиях отдаленности, где сама работа по проведению неотложных следственных действий должна быть построена, только в рамках правового поля, при этом никаким образом не нарушая процессуальные права участников уголовного судопроизводства.

Abstract. The article discusses the most pressing and sore issues on the procedural powers of the captains of the sea and river vessels that are in distant swimming. Problems of criminal proceedings on crimes committed on ships on ships, as well as the legal powers of the captains during urgent investigative actions. Issues of the theory and practice of conducting investigative actions in conditions of remoteness, where the work itself on emergency investigative actions should be built only within the framework of the legal field, while in no way violating the procedural rights of participants in criminal proceedings.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации, орган дознания, возбуждение уголовного дела, неотложные следственные действия, особенности расследования, капитан морского и речного судна, находящегося в дальнем плавании.

Keywords: Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Code of Trade Shipment of the Russian Federation, Inquiry Body, criminal proceedings, emergency investigative actions, investigation features, captain of the sea and river vessel in distant swimming.

Часто, когда мы говорим об органе дознания, то имеем ввиду службу дознания и службы, относящиеся к органу дознания органов внутренних дел Российской Федерации. Однако, если рассматривать ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), то в ней четко определены все органы, как органы внутренних дел РФ, так и должностные лица, управления, отделы и отделения, пункты, а также иные органы исполнительной власти. На каждый из этих органов возложена обязанность по процессуальной деятельности и определены процессуальные полномочия. И нужно четко разграничить права и обязанности при выполнении определенным органом как розыскных мероприятий, так и по проведению неотложных следственных действий.

И здесь хочется затронуть деятельность иных должностных лиц, на которых возлагаются полномочия органа дознания. В ч. 3 ст. 40 УПК РФ четко указаны лица, на которые возложены обязанности по возбуждению уголовного дела, в порядке установленном ст. 146 УПК РФ, а также проведение неотложных следственных действий. Этих лиц также прописали в трех пунктах, чтобы разграничить их процессуальную деятельность.

В настоящей статье мы рассмотрим процессуальные полномочия капитанов морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, по

уголовным делам, совершенных на борту этого судна. И если начинать с самого начала, то возникает вопрос: кто же все-таки наделяет капитанов судов полномочиями возбуждать уголовные дела, и проводить неотложные следственные действия. И здесь необходимо обратить внимание на Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации (далее – КВВТ РФ), где на основании п. 4–5 ст. 31 «Права и обязанности капитана судна по поддержанию порядка на судне» в случае обнаружения на судне, находящемся в плавании, признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, капитан судна обязан задержать лицо, подозреваемое в совершении такого преступления, допередачи его компетентным органам в ближайшем порту или ближайшем населенном пункте [1]. А в случае обнаружения преступления на судне во время пребывания его в порту, капитан судна обязан незамедлительно информировать об этом компетентные органы. Но если все-таки, такой возможности нет, то согласно ст. 69 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации капитану судна, или уполномоченному на то лицу, необходимо принять все законные меры, для пресечения преступления и задержания лица, совершившего преступление. А также провести ряд необходимых неотложных следственных действий по установлению обстоятельств произошедшего преступления. Но прежде всего, при установлении или получении сведений о совершенном преступлении на судне корабля капитан обязан с помощью имеющихся у него средств связи сообщить прокурору, согласно месту регистрации судна. Прокурор как лицо надзирающее, обязан дать необходимые указания, выполнение которых не оспаривается, и они обязательны для исполнения. В данном случае также проинформировать прокурора о возбуждении уголовного дела, если такие основания имеются, и какие именно следственные действия планируется провести. Также поставить в известность, установлена ли личность лица, которое совершило преступление, а также какие меры будут приняты по его задержанию.

Капитан судна, действуя как орган дознания и имея полномочия указанного органа начинает проводить неотложные следственные действия. И при установлении подозреваемого необходимо не просто установить его личность, но и установить мотивы, цели, причины и условия совершения данного преступления. Также капитану судна необходимо определиться с местом содержания подозреваемого до момента его выдачи. И это сложный процесс, если судно находится в дальнем плавании. Здесь возникает много вопросов по месту содержания подозреваемого, соблюдения прав задержанного, и сроки задержания. И если преступление совершено против морского судоходства, то капитану судна необходимо задержать лицо, подозреваемое в совершении преступления. Однако капитан не наделен полномочиями задерживать лицо, либо избирать в отношении этого лица меру пресечения, особенно заключение под стражу. А при том, что судно находится в дальнем плавании, и сообщение о произошедшем преступле-

нии может быть затруднено или попросту невозможно, то возникает невозможность проведения неотложных следственных действий. И в данном случае капитану судна необходимо получить разрешение суда о задержание подозреваемого лица при наличии оснований, указанных в ст. 91 УПК РФ. В части 2 ст. 69 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации (далее – КТМ РФ)) указано, что капитан вправе задержать подозреваемого лица до передачи его компетентным органам в первом российском порту захода вместе с материалами дознания. Однако это лицо может быть передано иностранным властям, если «оно совершило преступление, направленное против безопасности морского судоходства» и не является гражданином Российской Федерации или лицом без гражданства, проживающим на территории Российской Федерации. Но для передачи такого лица капитан должен еще до входа судна в территориальные воды иностранного государства направить компетентным органам этого государства свое уведомление о намерении передать задержанное лицо и указать причины такой передачи, представив также имеющиеся доказательства (п. 2 ч. 2 ст. 69 КТМ РФ 1999 г.)[2]. И здесь мы видим, что ч. 2 ст. 69 КТМ РФ имеет сходство со ст. 8 Международной конвенции 1988 г. «О борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства», и построена в основном на положениях этой Конвенции [3]. Но даже несмотря на это, все качество собранного материала и проведенных неотложных следственных действий зависит только от капитана судна, либо лица, на которое возложили эти обязанности. Какие именно следственные действия будет проводить капитан судна, это тоже решает только он.

При всем при этом, необходимо учитывать сроки, но руководствоваться УПК РФ, КТМ РФ и Международной конвенцией 1988 г. Но какими бы полномочиями капитан судна не был наделен, он все-таки может и не знать всех тонкостей проведения следственных действий. И конечно же здесь необходимо в обязательном порядке прислушиваться ко всем указаниям прокурора.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что капитан морского судна – это особый представитель власти, на которого государство возлагает обязанности, свойственные государственным органам. И процессуальные полномочия капитана – это своего рода его деятельность при возникновении уголовно-правовых взаимоотношений, при которых он хоть и обладает рядом возможностей, но не гарантирует правильного и законного их выполнения. А если окунуться в практическую среду, где в действительности могут произойти те или иные преступления, то капитан судна может столкнуться с рядом невыполнимых задач, именно в том времени и действительности, в которых он будет находиться.

Так как многие вопросы, возникающие в процессе осуществления правовых полномочий капитанов морских и речных судов, с практической стороны, еще не разрешены, то необходимо внести изменения в УПК РФ, в

которых детально прописать все правовые полномочия капитанов морских и речных судов, а также привести к единому содержанию и устранить разночтения в нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность этих лиц. Такие изменения в УПК РФ дадут возможность беспрепятственно, без каких-либо нарушений прав со стороны лиц, на которых возложены обязанности органа дознания, принимать законное и объективное решение.

Библиографический список

1. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации : федеральный закон от 7 марта 2001 г. № 24–ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Кодекс торгового мореплавания транспорта Российской Федерации : федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 81–ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Международная конвенция 1988 г. о борьбе с незаконными актами // United Nations. Treaty Series. 1992. P. 249–261.

© Тингаева И. В., 2023

УДК 343.123.1

Файрушина Р. Д. – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Россия, г. Уфа)

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ВЫДЕЛЕНО В ОТДЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ С НИМ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

TO THE QUESTION OF THE PARTICIPATION OF A PERSON IN RELATION TO WHICH THE CRIMINAL CASE IS SEPARATED IN CONNECTION WITH THE CONCLUSION OF A PRE-JUDICIAL COOPERATION AGREEMENT WITH THEM

Аннотация. В статье освещаются некоторые аспекты по вопросу участия лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

Abstract. The article covers some aspects on the participation of a person in respect of whom the criminal case is allocated in a separate proceeding in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement with him.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, уголовное дело, отдельное производство, лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, участник уголовного процесса, прокурор, защитник, следователь, дознание.

Keywords: a suspect, accused, criminal case, separate proceedings, a person with whom a pre-trial agreement on cooperation is concluded, a participant in the criminal process, prosecutor, defender, investigator, inquiry.

Сущность уголовно-процессуального института соглашения о сотрудничестве сводится к некой форме договора между участниками уголовного судопроизводства. Одной стороной такого договора выступает обвиняемый, другой стороной выступает обвинение. Обвиняемый вправе инициировать процесс заключения соглашения о сотрудничестве путем подачи ходатайства, в котором должен изложить суть обязанностей, которые он готов взять на себя в рамках заключаемого соглашения. Указанные обязанности могут сводиться к различным обстоятельствам, которые являются выгодными для стороны обвинения. Среди них, помощь следствию в изобличении других лиц, помощь в раскрытии иных преступлений, помощь в осуществлении розыска похищенного имущества, а также иные формы сотрудничества. Сторона обвинения также берет на себя комплекс обязанностей.

На основании этого законодатель ввел в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) нового участника, закрепив в ст. 56.1 его процессуальный статус. Так, в соответствии с положениями названной нормы лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, является участником уголовного судопроизводства, привлекаемым к участию в процессуальных действиях по уголовному делу в отношении соучастников преступления.

Следует отметить, что законодатель устанавливает для таких участников перечень прав и обязанностей. Так, в соответствии с ч. 6 ст. 56.1 УПК РФ названный участник не имеет права уклоняться от явки по вызовам следователя или в суд, а также разглашать данные предварительного расследования, которые ему стали известны в связи с участием в производстве по уголовному делу в отношении соучастников преступления, если он был об этом заранее предупрежден.

Законодатель также предусмотрел механизм привлечения к ответственности таких лиц, за неисполнение ими соответствующих обязанностей в процессе уголовного судопроизводства. Так, названные лица

не предупреждаются об ответственности по ст. 307 и 308 УК РФ, однако могут нести ответственность в соответствии со ст. 310 УК РФ.

Следует отметить, что после появления в уголовно-процессуальном законодательстве положений о названном участнике уголовного процесса в уголовно-процессуальной литературе сразу же начали возникать соответствующие дискуссии. Так, Д. Н. Стацюк отмечает, что названный субъект не в коей мере не может находиться среди иных участников уголовного процесса, так как не является свидетелем. Автор предлагает перенести указанного участника в главу 7, где перечислены участники со стороны защиты, либо определить его в новую главу. Кроме того, автор не согласен с теми правами, которыми наделил его законодатель и считает целесообразным предоставить такие права в более усеченном виде [1].

М. В. Джантуханова не согласна с расположением рассматриваемого участника в главе 8 УПК РФ. Она отмечает, что названный субъект не должен находиться среди участников, которые не заинтересованы в исходе дела, так как в положениях главы 40.1 УПК РФ сам законодатель называет его подозреваемым или обвиняемым, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве [2]. В целом мы поддерживаем названную точку зрения о необходимости переноса статуса рассматриваемого лица из гл. 8 УПК РФ.

Отдельные авторы считают, что введение нового участника уголовного судопроизводства в главу 8 УПК РФ является новым этапом развития уголовно-процессуального института содействия правосудию. Действительно, сложно переоценить значение той помощи, которую оказывает данное лицо правосудию, сообщая сведения, ставшие ему известными в ходе, например, соучастия в совершении преступления [3].

Одним из проблемных аспектов рассматриваемых правовых отношений является проблематика возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в процессе дознания. В положениях ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ указывается, что ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве представляется прокурору подозреваемым или обвиняемым, его защитником через следователя. Из этого положения следует, что названный институт в процессе осуществления дознания невозможен. Вместе с тем, в литературе существуют и иные мнения [4]. Так, И. Р. Вальшина отмечает, что пока реализация права на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, по которому расследование проводится в форме дознания, возможна лишь при применении ч. 4 ст. 150 УПК РФ, когда по письменному указанию прокурора это дело может быть передано для производства предварительного следствия.

По нашему мнению, суть рассматриваемого института заключается в том, что один из подозреваемых по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления совершенного в соучастии изъявляет желание сотрудничать со следствием и заключает досудебное соглашение о сотрудничестве. Таким образом, ключевым моментом здесь является

проблема расследования уголовных дел в форме дознания по преступлениям, совершенным в соучастии. Так, на основании положений ст. 150 УПК РФ в форме дознания расследуются уголовные дела по преступлениям, совершенным в соучастии по следующим составам, предусмотренным п. «г» ч. 2 ст. 112 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью», ч. 2 ст. 175 УК РФ «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем», ч. 2 ст. 191.1 УК РФ «Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины», ч. 2 ст. 194 УК РФ «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица», ч. 2 ст. 214 «Вандализм», ч. 2 ст. 230.1 УК РФ Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, ч. 2 ст. 244 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения», ч. 3 ст. 253 УК РФ «Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации», ч. 3 ст. 256 «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов», ч. 2 ст. 258 УК РФ «Незаконная охота», ч. 2 ст. 326 «Подделка или уничтожение идентификационного номера транспортного средства», а также в соответствии с ч. 4 ст. 150 УПК РФ.

Рассмотренные мнения исследователей рассматриваемой проблематики говорят о необходимости важности теоретического осмысления роли и значения рассматриваемого участника уголовного процесса, который привлекается к участию в уголовном судопроизводстве и как подозреваемый (обвиняемый) и как особый свидетель по выделенному делу в отношении соучастников. Безусловно, наличие в уголовно-процессуальной науке такого количества исследований, посвященных рассматриваемому участнику уголовного процесса, говорит о необходимости разработки новых законодательных положений о правовом его статусе.

В заключении необходимо обозначить, что в 2018 году законодатель ввел в положения раздела 2 главы 8 УПК РФ фигуру нового участника – лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Следует отметить, что законодатель, по сути, наделил указанное лицо статусом свидетеля, что было подчеркнуто расположением положений о его процессуальном статусе в главе 8 «Иные участники уголовного судопроизводства». Вместе с тем, в уголовно-процессуальной литературе начались бурные дискуссии на указанную тему. Следует согласиться с большинством исследователей о необходимости считать названного участника специальным субъектом, а именно обвиняемым со специальным статусом, нежели таковым свидетелем. Изучая вопрос участия таковых участников уголовного судопроизводства в процессе дознания было выявлено, что исходя из законодательных трактовок, указанный инструмент

возможен только в процессе предварительного следствия. Вместе с тем, учитывая, что суть названного института сводится к заключению досудебных соглашений о сотрудничестве с подозреваемыми (обвиняемыми) которые совершили преступления в соучастии, считаем возможным реализацию рассматриваемого института в процессе дознания по тем составам преступлений, которые совершены в соучастии и расследуются в форме дознания, а также в соответствии с ч. 4 ст. 150 УПК РФ.

Библиографический список

1. Стацюк Д. Н. Некоторые вопросы правового статуса лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в уголовном судопроизводстве // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (56). С. 152–155.
2. Джантуханова М. В. К вопросу о правовом статусе лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 8–5 (64). С. 24–27.
3. Латыпов В. С. Новелла процессуального законодательства, или новый этап развития института содействия правосудию // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 2 (36). С. 213–218.
4. Вальшина И. Р. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве при расследовании уголовного дела в форме дознания с позиции зарубежного законодательства // Общество и право. 2018. № 2 (48). С. 204–208.

© Файрушина Р. Д., 2023

УДК 343.125.2(470+100)

Хаметова А. Р. – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ (ОБВИНЯЕМЫХ)

CERTAIN ISSUES OF IMPROVING THE CRIMINAL PROCEDURE PROCEDURE FOR THE DETENTION OF SUSPECTS (ACCUSED)

Аннотация. Статья посвящена изучению и анализу проблем теории и практики, связанных с доставлением задержанных подозреваемых. В це-

лях решения исследуемой проблемы предложено совершенствование уголовно-процессуального законодательства, касающиеся правовой регламентации уголовно-процессуального задержания.

Abstract. The article is devoted to the study and analysis of the problems of theory and practice related to the delivery of detained suspects. In order to solve the problem under study, it is proposed to improve the criminal procedural legislation concerning the legal regulation of criminal procedural detention.

Ключевые слова: подозреваемый, задержание, доставление, процессуальные документы

Keywords: suspect, detention, delivery, procedural documents

В настоящее время в теории и практике уголовного процесса достаточно актуальными являются вопросы связанные с задержанием подозреваемого. Согласно п. 11 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) задержание подозреваемого – это мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем или прокурором на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления.

Стоит заметить, что законодательное определение задержания подозреваемого не раскрывает сущность задержания в полном объеме, а лишь описывает его как процессуальное действие.

Полагаем, что более развернутое определение дано Модельным уголовно-процессуальным кодексом для государств-участников СНГ, согласно которому задержание в уголовном процессе состоит во взятии лица под стражу, доставлении его в орган дознания или к органу, ведущему уголовный процесс, и кратковременном содержании под стражей в местах и в условиях, определенных законом (ч. 1 ст. 159) [4, с. 42]. Безусловно доставление лица задержанного по подозрению в совершении преступления является частью уголовно-процессуального задержания. По мнению отдельных авторов, в качестве существенного условия законности и обоснованности задержания выступает и строгое соблюдение процессуальной формы применения данной меры процессуального принуждения. В каждом случае задержания должен быть составлен протокол задержания [1, с. 21]. При этом в протокол задержания не включен процесс доставления.

Обратимся к опыту зарубежных стран. Например, ст. 129 УПК Республики Казахстан предусматривает «Доставление», под которым понимается мера процессуального принуждения, применяемая на срок не более трех часов в целях выяснения причастности лица к совершению преступления.

Уголовно-процессуальное доставление направлено на урегулирование отношений, возникающих при фактическом задержании лица по основаниям, предусмотренным в п. 1–4 ч. 2 ст. 128 Уголовно-процессуального

кодекса Казахстана (далее – УПК Казахстана) 2014 г. В результате анализа ч. 2 и 3 ст.129 УПК Казахстана 2014 г. доставление можно охарактеризовать как некий первоначальный этап собственно задержания, «проверочное задержание», от результатов которого зависит дальнейшее применение ограничивающих свободу мер, составляющих суть задержания [8, с. 800–808].

В Российском законодательстве понятие «доставление» определено в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Так, ст. 27.2 КоАП РФ устанавливает: «Доставление, то есть принудительное препровождение физического лица в целях составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения» [2, ст. 27.2]. Целью административного задержания как меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении является установление личности правонарушителя, составление протокола об административном правонарушении, когда его составление является обязательным, но на месте составить протокол невозможно. В любом случае в отношении задержанного лица должно быть выявлено административное правонарушение, так как основанием применения административного задержания является только совершение лицом административного правонарушения. Как разъясняет Конституционный Суд Российской Федерации, «задержание, арест, заключение под стражу и содержание под стражей, несмотря на их процессуальные различия, по сути есть лишение свободы» [5]. Естественно, так как административное задержание сопряжено с мерами физического принуждения физического лица возникает вопрос о нормативно-правовых основах административного задержания. Как отмечалось выше, нормативно-правовой основой административного задержания является КоАП РФ, а именно ст. 27.3–27.6. Отдельные положения содержатся в других нормативно-правовых актах. Приказ Минобороны Российской Федерации от 5 мая 2008 г. № 254 «О реализации отдельных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в Министерстве обороны Российской Федерации», который утверждает конкретный перечень должностных лиц из числа военнослужащих, проходящих военную службу по контракту на воинских должностях, в военных автомобильных инспекциях, уполномоченных применять меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях; приказ ФСБ России от 6 сентября 2007 г. № 453 «Об утверждении Перечня должностных лиц органов федеральной службы безопасности, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, и реализации отдельных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в органах федеральной службы безопасности» утверждает конкретный перечень должностных лиц органов федеральной службы безопасности, уполномоченных составлять

протоколы об административных правонарушениях; постановление Правительства Российской Федерации от 15 октября 2003 г. № 627 «Об утверждении Положения об условиях содержания лиц, задержанных за административное правонарушение, нормах питания и порядке медицинского обслуживания таких лиц» определяет порядок содержания лиц, задержанных за административное правонарушение.

Административное задержание применяется в целях пресечения административного правонарушения, установления личности нарушителя, составления протокола об административном правонарушении, при невозможности его составления на месте, выявления административного правонарушения, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления в качестве процессуальной принудительной меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Срок административного задержания лица, исчисляется с момента его доставления, а лица, находящегося в состоянии опьянения, – со времени его вытрезвления.

Административное доставление не допускается при наличии возможности на месте совершения правонарушения установить личность нарушителя и обстоятельства происшествия, составить протокол об административном правонарушении, а также при наличии основания для назначения административного наказания в виде предупреждения или штрафа на месте совершения административного правонарушения. О доставлении составляется протокол или делается соответствующая запись в протоколе об административном правонарушении или в протоколе об административном задержании.

По нашему мнению, доставление надлежит ввести и в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации. Это обуславливается необходимостью определения правового положения лица, в отношении которого было произведено фактическое задержание.

Обобщая освещенное, можно сформулировать понятие уголовно-процессуального доставления – мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем, на срок не более, чем на три часа, в целях выяснения причастности лица к совершению преступления. Важными условиями такого доставления будут являться:

1. Наличие оснований полагать, что доставляемое лицо, причастно к совершению преступления. В целях подтверждения возможно допустить очевидцев преступления, рапорта самих сотрудников полиции и т. д.
2. При доставлении возможно применение физической силы, но причинение какого-либо физического вреда не допустимо.
3. Должен быть составлен протокол доставления.
4. Перед доставлением лицу должно быть предложено добровольно проследовать в отдел полиции для выяснения причастности, при условии

сопровождения сотрудников полиции, если лицо дало свое согласие, то об этом обязательно делается отметка в протоколе. В случае отказа – принудительно сопровождено в орган внутренних дел.

5. Перед доставлением лицу должны быть разъяснены права лица подвергнутого доставлению, о чем также делается отметка в протоколе.

6. При подтверждении причастности лица к уголовному правонарушению, органы предварительного расследования вправе осуществить задержание в порядке, предусмотренном ст. 91, 92 УПК РФ, при этом срок доставления должен быть включен в общий срок задержания.

7. По истечении 3 часов с момента физического захвата или при не подтверждении причастности лица к совершению преступления, оно должно быть немедленно освобождено.

8. При истечении срока доставления или не подтверждении причастности к совершению преступления, лицу немедленно выдается справка о доставлении, за исключением случаев, его последующего процессуального задержания. Справка должна содержать, время начала и окончания доставления, место физического захвата, место доставления, существо имеющегося подозрения о причастности к совершению преступления.

Представляется возможным дополнить уголовно-процессуальное законодательство введением ст. 91.1 УПК РФ «Доставление», и как следствие возникновения новых правоотношений, предусмотреть права доставленного лица, закрепив их в Примечании указанной статьи. Статья 91.1 УПК РФ видится следующего содержания:

Статья 91.1 «Доставление»

1. Доставка – мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем, на срок не более, чем на три часа, в целях выяснения причастности лица к совершению преступления, в случаях отказа лица, добровольно в сопровождении сотрудников полиции проследовать в орган внутренних дел.

2. Срок доставления составляет 3 часа и исчисляется с момента физического захвата лица

3. В случаях нахождения места физического захвата в отдалении от ближайшего отделения органа внутренних дел, допускается продлить срок доставления до 6 часов

4. Доставляемому лицу должны быть разъяснены права, предусмотренные в примечании настоящей статьи.

5. О каждом случае доставления составляется протокол доставления. В протоколе указывается дата и время составления, дата время место, основания, мотивы доставления.

6. По истечении 3 часов с момента физического захвата или при не подтверждении причастности лица к совершению преступления, оно должно быть немедленно освобождено.

7. При истечении срока доставления или неподтверждении причастности к совершению преступления, лицу немедленно выдается справка о доставлении, за исключением случаев, его последующего процессуального задержания. Справка должна содержать, время начала и окончания доставления, место физического захвата, место доставления, существо имеющегося подозрения о причастности к совершению преступления.

Примечание:

Доставленный вправе:

1. Знать в совершении какого преступления устанавливается его причастность.

2. Давать объяснения по поводу имеющих в отношении него подозрений на родном языке или на языке, которым он владеет.

3. Пользоваться помощью адвоката.

4. Представлять доказательства непричастности.

5. Заявлять ходатайства и приносить жалобы на действия и бездействия сотрудников органа внутренних дел, следователя, прокурора, суда.

6. Знакомиться с протоколом доставления и получать копию.

7. Пользоваться помощью переводчика бесплатно.

В качестве безусловных достоинств предлагаемых введений можно указать следующее: во-первых, разрешится проблема с отсутствием процессуального статуса и регламентации лица, фактически задержанного по подозрению в совершении преступления, а также с нарушением конституционных прав таковых лиц; во-вторых, процессуальным статусом подозреваемого будут наделяться лица после возбуждения уголовного дела, у органа производящего расследование появится возможность установить причастность задержанного лица до момента процессуального задержания; в-третьих, деятельность сотрудников полиции по кратковременному ограничению свободы и доставлению в орган внутренних дел лиц, подозреваемых в причастности к совершению преступления, будет законной и обоснованной.

Библиографический список

1. Бычков В. В., Кочкин Ю. В., Никитин С. Ю., Усманов Р. А. Процессуальные и криминалистические аспекты задержания лица, подозреваемого в совершении преступления : учебно-методическое пособие. М. : ЦОКР МВД России, 2008. С. 21.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195–ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ : рекомендательный законодательный акт. Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств -

участников СНГ 17 февраля 1996 г. // Приложение к «Информационному бюллетеню». 1996. № 10.

5. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М. Ю. Карелина, В. К. Рогожкина и М. В. Филандрова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 г. № 9-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Шамсутдинов М. М. Регламентация мер уголовно-процессуального принуждения в новом УПК Республики Казахстан : сравнительно-правовой анализ // Право и политика. 2015. №6. С.800–808.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Хаметова А. Р., 2023

УДК 343.1

Химичев М. В. – юрист ООО Консалтинговая Группа «Правовая помощь бизнесу», студент магистратуры юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: О СУЩНОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОНЯТИЯ

PRE-TRIAL PROCEDURE: ON THE ESSENCE OF THE CRIMINAL PROCEDURAL CONCEPT

Аннотация. Досудебное производство определено в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации как часть (период) уголовного судопроизводства без конкретизации его структуры, что позволяет представителям разных научных школы по-своему интерпретировать данное понятие, например, отказавшись от традиционных стадий и предусмотрев новые. Отсутствие единого доктринального подхода в этом вопросе чревато хаотичными и не всегда обоснованными реформами уголовно-процессуального закона.

Abstract: Pre-trial procedure is defined in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as part (period) of criminal procedure without specifying its structure, which allows representatives of different scientific schools to interpret this concept in their own way, for example, abandoning traditional stages of criminal procedure and providing for new ones. The absence of a unified doctrinal approach to this issue is fraught with chaotic and not always justified reforms of the criminal procedure law.

Ключевые слова: досудебное производство, стадии уголовного процесса, возбуждение уголовного дела, предварительное расследование.

Keywords: pre-trial proceedings, stages of criminal proceedings, initiation of criminal proceedings, preliminary investigation.

Будучи значимым институтом уголовно-процессуального права, досудебное производство привлекает к себе внимание большого числа ученых-процессуалистов, которые обстоятельно исследуют различные его проблемы и предлагают оригинальные подходы к совершенствованию его правового регулирования и практики производства. В связи с этим высказываются самые радикальные предложения вплоть до упразднения отдельных этапов, много лет существующих в уголовном процессе (например, самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела), или возрождения советской формы досудебного производства – протокольной формы досудебной подготовки материалов и др.

Однако для того чтобы выработать оптимальную для современного этапа развития уголовного процесса модель досудебного производства, важно определить, что отечественный законодатель и уголовно-процессуальная доктрина вкладывают в это понятие.

Прежде всего отметим, что понятие «досудебное производство», обозначающее, наряду с судебным производством, часть уголовного процесса, стало применяться относительно недавно. Если обратиться к трудам дореволюционных авторов-процессуалистов, то увидим, что они термин «досудебное производство» не использовали.

Так, В. К. Случевский употреблял термин «предварительное расследование», останавливаясь на рассмотрении «двух составных частей этого расследования – дознания и предварительного следствия» [7, с. 507], что наиболее близко к современной отечественной терминологии.

И. Я. Фойницкий, рассматривая вопросы судопроизводства в историческом разрезе, выделял термин «предварительное производство», при этом отмечая тот факт, что разделение производства на предварительное и окончательное было известно еще римскому праву. При этом сторонам принадлежит лишь предварительное исследование, а «судья же принимает в нем участие по ходатайствам сторон для облегчения заявлений их и по-

лученных доказательств в законную форму и для разрешения таких мер, которые стороны своей властью предпринимать не вправе» [12, с. 436]. Обратим внимание, что некоторые современные исследователи развивают в своих работах этот подход [8, с. 315].

И. П. Николаев указывал на наличие «несудебного производства (дознания)» [5, с. 18].

Тем не менее приведенные точки зрения являлись в большей степени научными воззрениями, в то время как в Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. понятие досудебного производства отсутствовало, и структура его не определялась. Следует уточнить, что несудебный (т. е. досудебный) характер в тот период имела лишь деятельность органов дознания (полиции), поскольку предварительное следствие осуществлялось судебными следователями, которые были членами уездного суда согласно ст. 2 Учреждения судебных следователей от 8 июня 1860 г. (затем они стали членами окружных судов – ст. 79 Учреждения судебных установлений 1864 г.). Несмотря на схожую природу дознания и предварительного следствия, последнее никак нельзя считать досудебным производством, поскольку оно имело судебный характер, в чем, как представляется, проявлялось действие принципа полноты судебной власти. Раскрывая смысл этого принципа, И. Я. Фойницкий писал: «суд должен быть силой, а для этого необходимо, чтобы в руках судебной власти сосредотачивались все мероприятия, обеспечивающие возможность судебного разбирательства и действительное осуществление судебных решений» [12, с. 189].

В советский период уголовно-процессуальная наука, в силу сложившейся в дореволюционной доктрине традиции, оперировала понятием «стадии уголовного процесса», дефинируя их как «те части, на которые делится уголовный процесс и которые характеризуются свойственными им непосредственными задачами, процессуальными действиями и процессуальными отношениями» [9, с. 66]. К слову, М. С. Строгович не употребляет термина «досудебное производство», упоминая лишь «досудебную деятельность», проведение которой лежит на органах дознания, следствия и прокуратуры [9, с. 10].

Такой подход к системе уголовного судопроизводства как к совокупности стадий разделяли многие советские ученые [2, с. 49], отдельно не выделяя в целом досудебное производство как этап процесса. Тем не менее некоторые авторы вкладывали в содержание рассматриваемого понятия меньший объем уголовно-процессуальной деятельности, исключая из него стадию возбуждения уголовного дела: «досудебное производство <...> осуществляется в форме досудебного протокольного производства, дознания и предварительного следствия» [14, с. 46]. Такая позиция, на наш взгляд, не совсем точно отражает действительный характер такого производства.

Понятие «досудебное производство» появилось в действующем уголовно-процессуальном законе с принятием в 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и наряду с судебным производством по уголовному делу рассматривается как важный элемент всего уголовного судопроизводства (п. 56 ст. 5).

Досудебное производство – это «уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу». Такое определение содержится в п. 9 ст. 5 УПК РФ.

Как видим, представленная легальная дефиниция понятия «досудебное производство» ограничивается конкретизацией лишь моментов начала и окончания такой уголовно-процессуальной деятельности. Представляется, что данное обстоятельство наиболее удобно для дальнейшего конструирования данного этапа, поскольку оставляет открытыми вопросы о структуре досудебного производства, его назначении, организационном построении (как в судоустройственном, так и судопроизводственном аспектах) и др.

Вместе с тем, поскольку в 2001 г. УПК РФ ввел в оборот новое понятие «досудебное производство», в уголовно-процессуальной науке стала очевидной потребность выработки его определения, которое в отличие от законодательного подхода отражало бы основные характеристики данного этапа уголовного процесса.

Так, например, в 2003 г. Г. П. Химичева отметила, что досудебное производство – это «осуществляемая в установленном законом порядке деятельность следователя, органа дознания, дознавателя и других участников уголовного судопроизводства при возбуждении и расследовании уголовных дел, а также возникающие в связи с этой деятельностью правовые отношения этих органов и должностных лиц как между собой, так и с другими участвующими в деле лицами» [13, с. 30]. В этом определении отражены и сущность, и субъекты, а главное – обозначены стадии уголовного процесса (возбуждение дела и предварительное расследование), составляющие такое производство.

Полагаем, сущность досудебного производства может быть определена путем характеристики структуры данного этапа уголовного процесса, определенной уголовно-процессуальным законом. Исходя из ч. 2 УПК РФ, которая именуется «Досудебное производство» и включает в себя раздел VII «Возбуждение уголовного дела» и раздел VIII «Предварительное расследование», отечественное досудебное производство состоит из двух последовательных стадий: 1) возбуждение уголовного дела; 2) предварительное расследование.

Такой подход поддерживается учеными, представляющими ведущие отечественные уголовно-процессуальные научные школы: кафедры уго-

ловного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова [3, с. 66–67], кафедры уголовно-процессуального права Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина [10, с. 27], кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя [11, с. 11], а также многими другими авторами.

Но есть и другие мнения, отличается от общепринятого подхода.

Так, А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский предлагают выделять вместо судебного и досудебного производства окончательное и предварительное производство, причем к последнему, по мнению авторов, «относятся возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, предание суду» [8, с. 315]. Полагаем, что такая структура предварительного производства представляет собой оригинальное доктринальное толкование досудебного этапа уголовного процесса, однако оно не вполне соответствует построению уголовно-процессуального закона.

Отсутствие единого теоретического подхода к пониманию досудебного производства проявляется и в том, что в последнее время все чаще традиционные стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования в структуре досудебного производства дополняют новыми: к примеру, стадией направления уголовного дела прокурором в суд [1, с. 117–122], стадией возобновления досудебного производства при отмене постановления следователя, дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного дела [6, с. 20] и др.

Иногда досудебное производство рассматривается как единая, самостоятельная стадия не только в научной литературе [4, с. 4], но и в нормативных актах (к примеру, в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 5 июля 2002 г. № 39 «Об организации прокурорского надзора за законностью уголовного преследования в стадии досудебного производства» (в настоящее время утратил силу), упоминание о «стадии досудебного производства» имеется и в УПК РФ (ч. 5 ст. 241).

Рассмотренные выше взгляды представителей отечественной уголовно-процессуальной науки в полной мере показывают, что досудебное производство в российском уголовном судопроизводстве является довольно новым понятием с пока еще неопределенным содержанием.

Представляется, закон не случайно устанавливает лишь временные границы такого производства. Законодателю такая «свободная» дефиниция досудебного производства удобна, она позволяет относительно легко корректировать его формы (примером может служить введение в 2013 г. в раздел VIII УПК РФ главы 32.1, предусмотревшей новую разновидность предварительного расследования – дознание в сокращенной форме). В этой связи уголовно-процессуальная наука свободна в выборе наполнения понятия «досудебное производство» и задача состоит в том, чтобы, предлагая

новые формы производства, не разрушать общего облика традиционного отечественного уголовного процесса.

Библиографический список

1. Дикарев И. С. Модернизация системы досудебного производства в уголовном процессе // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 2. С. 117–122.
2. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. М. : Юридическая литература, 1989. 640 с.
3. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид.наук, проф. Л. В. Головки. 3-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2021. 1328 с.
4. Мишугин К. И. Досудебное производство как стадия современного уголовного процесса России : теоретические и прикладные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. 32 с.
5. Николаев И. П. Краткий курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912. 323 с.
6. Овчинникова Е. А. Компетенция и полномочия суда (судьи) в российском уголовном судопроизводстве : дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2020. 249 с.
7. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство-судопроизводство. 4-изд., доп. и испр. СПб., 1913. 683 с.
8. Смирнов А. В. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Кнорус, 2008. 704 с.
9. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : основные положения науки советского уголовного процесса. Т. I. М., 1968. 470 с.
10. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009. 1072 с.
11. Уголовный процесс. Проблемы теории и практики : учебник / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. М. : Юнити-Дана, 2019. 799 с.
12. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб. : Альфа, 1996. Т. I. 607 с.
13. Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам : концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М. : Экзамен, 2003. 352 с. .
14. Якимович Ю. К. Структура советского уголовного процесса : система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. Томск : Томский университет, 1991. 136 с.

© Химичев М. В., 2023

Химичева О. В. – начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, заслуженный работник высшей школы России (Россия, г. Москва)

**ПРОИЗВОДСТВО ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ
КАК ВАРИАНТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ**

**PROCEEDINGS
USING VIDEO CONFERENCE COMMUNICATION
AS AN OPTION OF CRIMINAL PROCEEDING FORM**

Аннотация. В статье рассматривается цифровая трансформация современного уголовного процесса как процесс нужный и неизбежный. При этом отстаивается тезис о том, что дистанционный порядок производства следственных и иных процессуальных действий – это всего лишь один из вариантов уголовно-процессуальной формы, и он не должен разрушать базовые уголовно-процессуальные категории и приводить к снижению уровня гарантий прав участников процесса. Опыт постепенного и весьма осторожного внедрения дистанционных процедур в суде можно применить и к производству следственных действий с помощью систем видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования.

Abstract. The article considers the digital transformation of the modern criminal process as a necessary and inevitable process. At the same time, the thesis is defended that the remote procedure for the production of investigative and other procedural actions is just one of the variants of the criminal procedural form and it should not destroy the basic criminal procedural categories and lead to a decrease in the level of guarantees for the rights of participants in the process. The experience of the gradual and very cautious introduction of remote procedures in court can also be applied to the production of investigative actions using videoconferencing systems at the stage of preliminary investigation.

Ключевые слова: цифровая трансформация; видео-конференц-связь, следственные действия, дистанционный порядок производства, права участников уголовного процесса.

Keywords: digital transformation; video-conferencing, investigative actions, remote proceedings, rights of participants in criminal proceedings.

Внедрение новых технологий – процесс необходимый и неизбежный применительно к любой области государственной деятельности. Если рассматривать уголовное судопроизводство, впрочем, как и иные виды судопроизводства, то совершенствование этих сфер деятельности не может идти по какому-то иному пути. Информационные технологии ускоренно проникают в уголовно-процессуальную деятельность следователей, дознавателей, судей также с учетом ее публичного характера, который, в частности, проявляется в определяющем значении для движения уголовного дела именно действий и решений государственных органов и их должностных лиц, наделенных властными полномочиями.

Вряд ли есть потребность убеждать кого-либо в полезности новых технологий для любой деятельности, в том числе и для уголовного судопроизводства. Это и устранение рутинных операций и дублирующих процессов, и сокращение сроков на производство процессуальных действий, и удобство коммуникации между участниками уголовного процесса, упрощение использования целого ряда прав, например, на обжалование и др.

Однако, как представляется, данные нововведения носят технический и организационный характер и все «информационные новинки» вряд ли стоит записывать в уголовно-процессуальный закон. Конечно, нет ничего плохого в том, чтобы следователь использовал компьютер при составлении процессуальных документов или направлял запросы, используя сеть Интернет, вместе с тем, от этого существо осуществляемой им уголовно-процессуальной деятельности не меняется. Эта мысль далеко не нова и следует согласиться с профессором Л. В. Головкин в том, что цифровизация в уголовном процессе – это лишь локальная и достаточно рутинная оптимизация некоторых процессуальных форм и институтов [5, с. 15].

Оценивая цифровую трансформацию уголовного судопроизводства, следует исходить из того тезиса, что она не должна подрывать традиционных устоев этого вида деятельности. Связано это со специфичностью процессуальных действий и решений, обусловленных совершенным преступлением и предполагающих весьма серьезное вмешательство в повседневную жизнь попадающих в его орбиту участников. Причем затрагиваться могут права не только обвиняемого, потерпевшего и других лиц, имеющих «процессуальный интерес» в уголовном деле, но широкого круга лиц, непосредственно с преступлением не связанных. Именно поэтому нововведения в уголовном судопроизводстве, в том числе и при производстве следственных действий, какими привлекательными с позиций упрощения и ускорения процессуальных процедур они ни были, требует тщательной проработки с целью недопущения необоснованного, чрезмерного ограничения прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Цифровая трансформация уголовного судопроизводства – тема весьма «модная» и исследователи затрагивают ее самые разные аспекты: от замещения «бумажного» документооборота между участниками уголовного

судопроизводства электронным, в том числе внедрения пока малопонятной категории – электронное уголовное дело, до трансформации уголовно-процессуального доказывания в направлении цифровизации и видов доказательств, и самого процесса собирания, проверки и оценки доказательств.

Однако законодатель вполне обоснованно не торопится изменять уголовно-процессуальные процедуры, подстраивая их под новые технологии. Поэтому регламентация основных уголовно-процессуальных понятий таких, как доказательства, доказывание, следственные действия и др., базирующаяся на традиционных представлениях уголовно-процессуальной доктрины, остается неизменной и корректируется весьма точно.

Именно как трансформацию уголовно-процессуальной формы, как появление ее разновидностей следует рассматривать дистанционный порядок следственных и иных процессуальных действий, который постепенно внедряется во все стадии уголовного процесса. Несмотря на все технические новинки, суть процессуальных действий остается неизменной.

Использование систем видео-конференц-связи (далее – ВКС), которое чаще всего мы имеем ввиду, рассматривая дистанционный порядок осуществления уголовно-процессуальной деятельности, предусмотрено в отечественном уголовно-процессуальном законе уже более двадцати лет.

Еще в 2001 г. в первой редакции УПК РФ ч. 3 ст. 376 (утратила силу) предусматривала право осужденного, содержащегося под стражей, участвовать в судебном заседании суда кассационной инстанции непосредственно либо изложить свою позицию путем использования систем ВКС.

Постепенно использование ВКС в суде расширялось:

- в 2009 г. было предусмотрено участие обвиняемого в такой форме в рассмотрении вопроса об изменении территориальной подсудности (ч. 6 ст. 35 УПК РФ);

- в 2010 г. – участие осужденного в рассмотрении дел судами апелляционной и кассационной инстанций (ч. 2 ст. 389.12, ч. 2 ст. 401.13 УПК РФ);

- в 2011 г. использование ВКС получило распространение на допрос свидетелей и потерпевших в судебном разбирательстве (ч. 4 ст. 240, ст. 278.1 УПК РФ);

- в 2013 г. появилась возможность участия осужденного в судебном заседании при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, путем использования систем видео-конференц-связи (ч. 2.1 ст. 399 УПК РФ).

Как видим, долгое время непосредственное личное участие подсудимого в судебном разбирательстве в суде первой инстанции оставалось неизблемым, но 2014 г. по ряду тяжких преступлений в целях обеспечения безопасности участников уголовного процесса ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ установила возможность участия в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования систем ВКС.

Конечно, указанные изменения формы участия обвиняемых, потерпевших, свидетелей в судебных заседаниях судов различных инстанций были достаточно избирательными, постепенными и отражали стремление отработать соответствующие процедуры.

Применение ВКС поддержал и Конституционный Суд Российской Федерации, который, в частности, указал на обеспечение осужденному по его просьбе возможности обосновать перед судом кассационной инстанции свою позицию по рассматриваемым вопросам путем непосредственного участия в судебном заседании, использования систем ВКС или иным способом [1]; а также на обязанность суда обеспечить содержащемуся под стражей заявителю жалобы возможность участия в судебном заседании в порядке ст. 125 УПК РФ, в том числе посредством ВКС [2].

Практика показывает, что особых проблем при дистанционной форме участия в судебном разбирательстве не возникает [8, с. 126], что позволяет еще шире ее распространить. Период пандемии также показал эффективность дистанционных процедур: так, Верховный Суд Российской Федерации отметил, что использование систем ВКС не препятствует реализации прав подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, в том числе и права на защиту. Более того, по мнению Суда, применение технических средств сделает возможным в условиях самоизоляции обеспечить участие различных категорий участников уголовного судопроизводства в судебном заседании в тех случаях, если они находятся на самоизоляции, карантине [3].

Существенные изменения в вопросе использования ВКС в суде произошли в декабре 2022 г. (ст. 51, 108. 240, 241, 253, 258, 278.1, 293 и др. УПК РФ). Так, законодатель устранил из закона «точечные» нормы, регулирующие участие подсудимого, потерпевшего, свидетеля в судебных заседаниях, и ввел ст. 241.1 УПК РФ «Участие в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи» в качестве общего условия судебного разбирательства. В силу своего статуса общего условия данная норма получила распространение на судебное производство во всех судебных инстанциях и на всех стадиях уголовного процесса (например, при реализации судебных полномочий в досудебном производстве).

Согласно указанным изменениям посредством ВКС в судебном заседании могут участвовать подсудимый и иные лица, вызванные в судебное заседание, проводится допрос и иные судебные действия. Решение о такой форме производства принимается по любому уголовному делу по ходатайству стороны или инициативе суда. Иными словами, судебное заседание может проводиться как в традиционной форме с личным присутствием участников, так и с использованием ВКС. При этом закон рассматривает оба порядка как варианты непосредственности судебного разбирательства, служащего одним из базовых правил судебного производства.

На фоне достаточно динамично развивающейся дистанционной формы судебного разбирательства еще более очевидной стала необходимость

закрепления в уголовно-процессуальном законе дистанционной процедуры производства следственных действий. Эта инициатива обсуждалась не один год, но только в 2021 г. производство ряда следственных действий, осуществляемых на стадии предварительного расследования, стало возможно с помощью систем ВКС (ст. 189.1 УПК РФ).

Использование систем ВКС для допроса, очной ставки и предъявления для опознания рассматривается учеными-процессуалистами как существенный шаг к более эффективному формату их производства [7, с. 19]. Действительно, путем использования дистанционного формата следственных действий возможно их производство с участниками, находящимися на значительном удалении от места производства расследования, либо в случаях невозможности явки их к лицу, производящему расследование, например, вследствие длительной болезни, в целях обеспечения безопасности участников и др.

В целом поддерживая данный тренд развития досудебной части уголовного процесса, нельзя не отметить, что процедура, установленная ст. 189.1 УПК РФ, вызывает много вопросов: об обоснованности проведения с помощью ВКС именно этих следственных действий (особенно очной ставки и предъявления для опознания); об основаниях и условиях, позволяющих использовать этот формат следственных действий; о перечне разрешенных систем ВКС, используемых для такого порядка; о содержании поручения об организации производства следственного действия путем использования ВКС; о полномочиях следователей (дознавателей), участвующих в таком дистанционном следственном действии и др.

Но главная проблема, на наш взгляд, состоит в том, что отступление от традиционной процессуальной формы производства следственных действий не сопряжено с надежными гарантиями прав участников уголовного процесса.

На этапе обсуждения инициативы о регламентации использования системы ВКС при производстве следственных действий предполагалось, что они будут проводиться по ходатайству участников уголовного процесса причем в строго определенных случаях [4]. Однако, как видим, в ст. 189.1 УПК РФ эта позиция поддержки не нашла и волеизъявление участников процесса, с которыми проводятся следственные действия, никак не учитывается, а возможность производства допроса, очной ставки и предъявления для опознания обусловлена лишь «необходимостью» (ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ), самостоятельно определяемой следователем или дознавателем, осуществляющим предварительное расследование.

Закон не ограничивает перечень участников процесса, с которыми могут быть проведены следственные действия с использованием ВКС. Иными словами, дистанционным способом могут быть допрошены и обвиняемый, и свидетель, и потерпевший, и иные участники. При этом, как отмечают исследователи данной проблемы, следователь, дознаватель не обя-

заны учитывать уровень «информационно-коммуникационной грамотности отдельных слоев населения», что ведет к получению сведений, не исключающих сомнений в их достоверности [6, с. 77], в связи с чем предлагается независимо от уровня цифровой грамотности проводить следственные действия с применением ВКС с согласия участвующего в этом следственном действии лица [6, с. 78].

Как представляется, проблема заключается не только в разном уровне «цифровой зрелости» участвующих в уголовном деле лиц, что, конечно, тоже должно быть учтено следователем, организующим производство следственного действия с использованием ВКС.

Участника процесса, особенно если речь идет об обвиняемом, потерпевшем, то есть лица, имеющего процессуальный интерес в уголовном деле, нельзя лишать права на личное участие в производстве по уголовному делу и изложение своей позиции. С этой точки зрения волеизъявление участника следственного действия (его ходатайство или согласие) должно обязательно учитываться и это позволит защитить права и законные интересы такого лица. Кстати, согласно ч. 1 ст. 241.1 УПК РФ в судебном разбирательстве мнение подсудимого учитывается: принять решение о его участии в судебном заседании путем использования систем ВКС суд вправе по ходатайству подсудимого. И только в случае, если имеются обстоятельства, исключающие возможность его участия в судебном заседании непосредственно, суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе также принимает решение об участии в судебном заседании подсудимого путем использования систем ВКС.

Обращает на себя внимание и еще одно обстоятельство: ч. 3 ст. 241.1 УПК РФ устанавливает обязательное участие защитника в судебном разбирательстве в случае участия в нем подсудимого путем использования систем ВКС. Очевидно, что дистанционный порядок требует усиленной правовой защиты подсудимого, лично в судебном заседании не участвующего.

Однако для следственных действий, производимых в дистанционной форме на стадии предварительного расследования, требование обязательного участия защитника отсутствует.

По нашему мнению, нуждается в устранении не только этот пробел, но и недостаточная правовая регламентация самого порядка обеспечения участия защитника в дистанционных следственных действиях: какой следователь (по месту производства расследования или по месту производства следственного действия) обеспечивает явку защитника; где фактически находится защитник, что особенно важно при производстве очной ставки и предъявлении для опознания, когда участники этих следственных действий находятся в разных местах. Достоверность результатов очной ставки и предъявления для опознания может вызвать сомнения ввиду «разъединения» участников этих следственных действий и невозможности защитника,

представителя потерпевшего, адвоката свидетеля присутствовать в каждом месте их производства.

Кстати, аналогичные вопросы возникают и в части обеспечения участия законного представителя, представителя потерпевшего, адвоката свидетеля, переводчика, понятых и других лиц.

Обозначенные проблемы производства следственных действий с использованием систем ВКС говорят о поспешности введения этого процессуального порядка. Не отрицая насущной потребности внедрения дистанционных форм в уголовно-процессуальную деятельность следователя, дознавателя, возможно было бы апробировать его на одном следственном действии, например, на допросе, а затем, учтя обнаружившиеся недоработки, распространить и на другие. Ведь в части судебного производства законодатель пошел именно по этому пути и внедрение новых форм оказалось достаточно успешным и безболезненным. При этом был избран правильный подход к регламентации дистанционного порядка судебного заседания – как одного из вариантов общей процессуальной формы.

Библиографический список

1. По жалобе гражданина Давыдова Андрея Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2006 г. № 538-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. По жалобам граждан Великанова Вадима Владимировича, Виноградова Александра Сергеевича и других на нарушение их конституционных прав статьей 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьями 125 и 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 г. № 576-О-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 апреля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части производства предварительного расследования с применением систем видеоконференц-связи) : законопроект № 764131-6. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/764131-6> (дата обращения: 22.01.2023).

5. Головкин Л. В. Цифровизация в уголовном процессе : локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.

6. Малышева О. А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видеоконференц-связи // Lexrussica. 2022. Т. 75. № 6. С. 74–84.

7. Мичурина О. В. Информатизация уголовного судопроизводства в аспекте возможностей и преимуществ для предварительного расследования // Российский следователь. 2022. № 12. С. 19–21.

8. Шереметьев И. И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде : реальность и перспективы // Lex russica. 2019. № 5. С. 117–131.

© Химичева О. В., 2023

УДК.343.132:342.76(470)

Хусаинов Р. Р. – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ОТНОШЕНИИ СВИДЕТЕЛЕЙ

SOME QUESTIONS ABOUT THE POSSIBILITY OF CARRYING OUT OPERATIONAL SEARCH MEASURES IN REGARD TO WITNESSES

Аннотация. Статья посвящена некоторым вопросам возможности проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении свидетелей в целях получения и обеспечения уголовного процесса необходимой информацией. Рассматривается понятие о сущности свидетеля, вкратце комментируются основания, позволяющие проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении свидетелей.

Abstract. The article is devoted to some questions about the possibility of conducting operational-search measures in relation to witnesses in order to obtain and provide the criminal process with the necessary information. The concept of the essence of a witness is considered, the grounds for conducting operational-search measures against witnesses are briefly commented.

Ключевые слова: свидетель, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия.

Keywords: witness, criminal proceedings, criminal process, operational-search activity, operational-search activities.

В уголовном судопроизводстве значительное место занимает фигура свидетеля, который относится к категории «иные участники уголовного судопроизводства». Практически нет ни одного уголовного дела, в котором не было бы показаний свидетеля. Фактические данные, полученные из показаний свидетеля, являются ценным источником доказательства. Показания свидетелей по некоторым уголовным делам приобретают особую ценность, так как являются единственным или основным источником доказательственной базы, поэтому при расследовании преступлений выявлению лиц, могущих стать свидетелями совершенного преступного деяния, тратится значительное количество времени и сил. Не менее важным является задача получения от установленных свидетелей необходимой информации, ее процессуальное оформление и эффективное использование в процессе доказывания. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством: «Свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний» [1]. Фактически свидетель появляется после его вызова к следователю (дознавателю) и дачи им показаний. Например, в отличие от потерпевшего не требуется составление отдельного процессуального документа о признании его свидетелем.

Роль свидетеля в уголовном судопроизводстве обусловлена прежде всего тем, что он может владеть необходимыми фактическими данными способствующими успешному расследованию уголовных дел. Уникальность этих участников уголовного процесса связана с их нейтральным отношением к результатам расследования. Свидетель должен быть нейтральным лицом, он не может быть заинтересован ни в пользу стороны обвинения, ни в пользу стороны защиты. Выступая в роли свидетеля, он выполняет свой гражданский долг и способствует восстановлению социальной справедливости и ущемленных прав потерпевшей стороны. На большую значимость показаний свидетеля в расследовании уголовных дел указывает факт его участия в разных следственных действиях (допрос, показания на месте происшествия, следственный эксперимент, опознание). Об этом же свидетельствует возможность привлечения свидетеля к уголовной ответственности (за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний в соответствии со ст. 307 и 308 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). Значит, показания свидетеля настолько важны для уголовного процесса и существенно могут повлиять на весь про-

цесс расследования уголовных дел и на всю доказательную базу. Сторона защиты прекрасно понимает значение показаний свидетеля и заинтересована в получении тех данных, которые выгодны обвиняемому (подозреваемому). Для получения необходимых показаний сторонники обвиняемого (подозреваемого) могут оказывать давление на свидетеля путем подкупа, физической и психологической угрозы и т. д. Свидетелем может стать любое лицо и эта категория достаточно неоднородная по возрасту, национальности, по социальному статусу, по материальному положению и по иным многочисленным показателям. Поэтому нельзя быть уверенным, что каждый свидетель даст правдивые показания.

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) является одним из основных инструментов в борьбе с преступностью и ее главной целью является обеспечение уголовного процесса необходимой информацией, указывающей на источники доказательств. Практика призывает, что подавляющее большинство тяжких и особо тяжких преступлений, раскрываются с использованием сил, средств и методов ОРД. В свою очередь ОРД осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Значительное количество ОРМ носят негласный характер, а при проведении некоторых возникает необходимость ограничения некоторых конституционных прав человека. В процессе проведения ОРМ обеспечивается получение и проверка информации о признаках преступления на различных стадиях (от подготовки до совершенного), возникает возможность выявления лиц, которые осведомлены о противозаконных деяниях и обстоятельствах его совершения и т. д.

При вышеназванных условиях ОРД не может обойти фигуру свидетеля. Субъектом ОРД свидетели могут стать при двух обстоятельствах, во-первых, с помощью имеющегося инструментария оперативные подразделения устанавливают не выявленных очевидцев, которые потенциально могут стать свидетелями, во-вторых уже в искомом качестве, когда их показания вызывают некоторые сомнения в их достоверности или они противоречат доказательствам, полученным из других источников.

Первая ситуация возникает, когда люди в силу различных обстоятельств могут стать очевидцами противоправных деяний и не спешат об этом сообщить в соответствующие правоохранительные органы. Причины могут быть разные: незнание о необходимости сообщить кому и куда, неправильное восприятие увиденного события, негативное отношение и нежелание оказывать помощь правоохранительным органам, оказание на них давления или угрозы, со стороны виновных лиц и т. д. Для установления возможных свидетелей необходимо проводить поисковые мероприятия в районе совершения преступления, опрашивать уже выявленных свидетелей, в некоторых случаях потерпевших, проверить в округе камеры видеонаблюдения и т. д. В ОРД рассматриваются разные категории потенциальных свидетелей прямые или косвенные, каждый из них будет представлять

не только оперативный интерес. В последующем они могут стать ценными свидетелями в уголовном процессе и при этом не факт, что показания первых будут более ценными чем у второй группы. О важности свидетелей констатирует факт о их «подготовке» при проведении ОРМ, путем привлечения представителей общественности и их участием в составлении оперативно-служебных документов по результатам проведенных мероприятий. В последующем участники проведенных ОРМ могут стать свидетелями и допрошены в рамках уголовного дела.

Классически в качестве объектов проведения ОРМ рассматриваются фигуры подозреваемых, обвиняемых или подсудимых. Анализ практической деятельности оперативных подразделений показывает, что может возникнуть необходимость проведения ОРМ в отношении иных участников уголовного судопроизводства, в том числе и свидетелей. При этом возникает естественный вопрос о возможности проведения ОРМ в их отношении.

В законодательных актах в области ОРД не установлены конкретные объекты, в отношении которых разрешается или запрещается проведение ОРМ. В связи с изложенным субъекты ОРД самостоятельно определяют объекты, в отношении которых возможно проведение ОРМ, главным критерием является наличие оснований, закрепленных в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»). В указанном правовом акте в ч. 1 ст. 8 ФЗ «Об ОРД» закреплено: «гражданство, национальность, имущественное, должностное, социальное положение и другие особенности статуса отдельных лиц не являются препятствием для проведения в отношении них ОРМ» [4]. Очевидцы преступлений после дачи показаний приобретают процессуальный статус и относятся к категории иных участников уголовного процесса, которые равны перед законом, как и иные участники уголовного судопроизводства и при необходимости и наличии соответствующих оснований в их отношении могут проводиться ОРМ.

Данный факт подтверждается определением Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно - розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой» № 86-О, в п. 7 которого указано следующее: «...что касается распространения оперативно-розыскных мероприятий на вступающих в контакты с лицом, в отношении которого осуществляются эти мероприятия, то оно допустимо постольку, поскольку задача оперативно-розыскных мероприятий заключается в установлении связей проверяемого лица» [3]. Подозреваемые (обвиняемые) напрямую или опосредовано могут вступить в контакт с свидетелями, их можно рассматривать как проверяемое лицо, а свидетели как контактирующие с ними лица. Исходя из изложенного, можно констатировать о возможности проведения в отношении свидетелей ОРМ. Также да-

ется разъяснение, что преступное деяние не относится к сфере частной жизни лица, сведения о которой не допускается собирать, хранить, использовать и распространять без его согласия, а потому проведение ОРМ для решения задач ОРД не может рассматриваться как нарушение прав, предусмотренных ст. 24 Конституции Российской Федерации. Этот документ дает возможность предположить о наличии законных оснований для проведения ОРМ в отношении свидетелей, которые могут обладать необходимой информацией о преступлениях совершенных в их присутствии.

На практике довольно часто возникает вторая ситуация, недостоверность свидетельских показаний, вызывающих сомнение и требующих тщательной проверки в первую очередь путем применения сил, средств и методов ОРД, так как иным способом желаемого результата нельзя достичь. Можно предположить, что наиболее эффективными ОРМ в отношении свидетелей могут быть: прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов, наведение справок, опросы, оперативное внедрение, отождествление личности.

Свидетели появляются в уголовном процессе только после возбуждения уголовного дела и основанием проведения ОРМ в отношении свидетелей является наличие такого дела. Таким образом, после совершения преступления возникают три тесно взаимосвязанных факта: возбуждение уголовного дела, появление фигуры свидетеля и основание для проведения ОРМ. Но не только наличие возбужденного уголовного дела является основанием проведения ОРМ в отношении свидетеля, такое основание может возникнуть при поступлении оперативной информации о даче ложных показаний свидетелем, оказание на него давления со стороны подозреваемого (обвиняемого) и главного поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания или определения суда по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящемся в их производстве о необходимости проведения ОРМ.

Необходимо также озвучить еще одно основание, позволяющее проводить ОРМ в отношении свидетелей, это наличие соответствующего документа о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц, осуществляемых уполномоченными на то государственными органами в установленном порядке. Анализ деятельности подразделений, обеспечивающих государственную защиту, показывает, что значительное количество защищаемых лиц являются свидетелями по резонансным уголовным делам. В рамках государственной защиты могут быть проведены различные ОРМ, в том числе в отношении защищаемого лица (свидетеля). При этом по заявлению свидетелей или с их согласия в письменной форме разрешается прослушивание переговоров, ведущихся с их телефонов. [2].

Можно констатировать, что большинство ОРМ в отношении свидетелей могут проводиться негласно, без уведомления последних.

Таким образом, оперативные подразделения при выполнении своих задач по борьбе с преступностью наделены законными основаниями для проведения ОРМ в отношении свидетелей. Анализ практики борьбы с преступностью доказывает необходимость проведения ОРМ в отношении свидетелей, в большинстве случаев по поручению следователя (дознавателя). Полученные результаты позволяют убедиться в достоверности полученных данных от свидетелей или же выяснить причины дачи ложного показания и устранить их с целью получения истинной информации необходимой для уголовного процесса.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 мая 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 1998 г. № 86-О // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 34. Ст. 4368.

© Хусаинов Р. Р., 2023

УДК 343.10:94(574)

Шульгин Е. П. – начальник кафедры кибербезопасности и информационных технологий Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова, кандидат юридических наук (Республика Казахстан, г. Караганда)

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

INNOVATIVE APPROACHES IN THE ACTIVITIES OF PRE-TRIAL PRODUCTION BODIES

Аннотация. В данной статье раскрываются инновационные подходы в деятельности органов досудебного производства. Установлено, что в деятельности органов досудебного производства инновационные подходы

могут включать использование новых технологий, методов и стратегий, которые помогают ускорить и оптимизировать работу правоохранительных органов.

Abstract. This article reveals innovative approaches in the activities of pre-trial production bodies. It has been established that innovative approaches in the activities of pre-trial production bodies may include the use of new technologies, methods and strategies that help speed up and optimize the work of law enforcement agencies.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, органы досудебного производства, цифровизация, инновации.

Keywords: law enforcement, pre-trial proceedings, digitalization, innovation.

Современный мир становится все более технологически развитым, и это непременно отражается на работе органов правосудия. Органы досудебного производства – это ключевое звено в системе правосудия, которое отвечает за обеспечение справедливости и защиту прав и свобод граждан. В условиях быстро меняющейся обстановки и усиливающейся конкуренции между государствами, инновационная деятельность в органах досудебного производства становится особенно актуальной. Введение новых технологий и инновационных подходов может значительно повысить эффективность работы, сократить время процесса рассмотрения дел и улучшить качество предоставляемых услуг.

Текущее состояние преступности подтверждает ее стойкость и реальную угрозу национальной безопасности, способность преступности приспосабливаться к изменениям в обществе, использовать последние научно-технические достижения и разрабатывать новые методы и формы преступных действий [2, с. 14].

Новые технологии разрабатываются с целью предотвращения преступности и увеличения эффективности работы полиции [1, с. 4]. В настоящее время имеется множество технологических инноваций, которые могут использоваться для предотвращения преступлений и борьбы с ними [4].

В данном ключе следует отметить, что одним из основных преимуществ инновационной деятельности является возможность увеличения прозрачности и доступности при разбирательстве для граждан и организаций. Использование электронных сервисов и информационных технологий позволяет значительно снизить бюрократические барьеры и упростить процедуры обращения граждан и организаций в правоохранительные органы.

Инновационные подходы могут помочь сократить затраты на рассмотрение дел и повысить качество принимаемых решений. Применение аналитических исследований и машинного обучения позволяет сотрудникам органов досудебного производства более эффективно анализировать информацию и принимать обоснованные решения на основе данных.

Инновационная деятельность, как следствие, может помочь органам досудебного производства адаптироваться к быстро меняющимся условиям внешней среды. Использование новых технологий и инновационных подходов позволяет организациям более гибко реагировать на изменения в правовом регулировании и требованиях со стороны общества.

В настоящее время общество находится на пороге второй технологической революции, которая приведет к значительным изменениям в организации и управлении полицией [3].

На этот раз движущей силой в процессе реформирования полицейской деятельности выступают современные информационные технологии. Их разработка становится приоритетным вопросом национальной безопасности и находится под непосредственным контролем и патронажем федерального правительства.

В целом инновационная деятельность в органах досудебного производства является ключевым фактором, который может помочь обеспечить более эффективную и справедливую работу органов правосудия. От внедрения инновационных подходов и технологий в деятельность органов досудебного производства также можно ожидать повышения уровня доверия граждан к системе правосудия в целом.

Однако необходимо понимать, что внедрение инноваций в органы досудебного производства не является простым процессом. Для того, чтобы эффективно использовать новые технологии и инновационные подходы, необходимо осуществлять системную работу по обучению сотрудников органов досудебного производства и созданию соответствующих инфраструктурных условий.

Кроме того, важно учитывать этические и правовые аспекты внедрения инноваций в деятельность органов досудебного производства. Например, важно соблюдать принципы конфиденциальности и безопасности при работе с личными данными граждан.

Информационные технологии могут быть использованы стратегически для предотвращения преступности, например, для разработки инструментов оценки рисков и угроз, с целью повышения эффективности работы полиции. Они также могут включать функции записи и обработки видеопотока в полицейских автомобилях или технологии предиктивной безопасности. В общем смысле их идея заключается в анализе большого объема данных, например, мест совершения преступлений, для определения оптимального направления действий полиции [5]. Использование аналитики данных и Big Data на стадии досудебного производства может помочь в эффективном анализе большого объема информации, например, свидетельских показаний, доказательств, медицинских заключений и других данных, с целью выявления возможных связей между ними и установления обстоятельств преступления. Это может помочь сократить время и снизить затраты на расследование дела, а также повысить точность и надежность результатов расследования.

Кроме того, аналитика данных и Big Data могут помочь в прогнозировании возможных преступлений и установлении шаблонов их совершения на основе анализа исторических данных. Это позволит правоохранительным органам оптимизировать свою работу, например, распределять свои ресурсы и силы туда, где они наиболее нужны, а также предупреждать преступления до их совершения.

Однако использование аналитики данных и Big Data на стадии досудебного производства также может вызвать определенные этические и юридические вопросы, связанные с защитой личной жизни и конфиденциальности информации. Поэтому важно разработать соответствующие правила и процедуры для работы с данными и обеспечения их безопасности и конфиденциальности.

Использование Big Data и аналитики данных на стадии досудебного производства может помочь сократить время и уменьшить затраты на расследование преступлений, поскольку анализ большого объема данных может помочь правоохранительным органам быстрее выявлять связи и устанавливать причинно-следственные связи между различными фактами и событиями.

Использование аналитики данных и Big Data может повысить точность принятия решений, связанных с досудебным производством, например, о возбуждении уголовного дела или принятии мер по предотвращению совершения преступления. Это может быть особенно полезно в случаях, когда информация о преступлении ограничена, а правоохранительным органам нужно быстро принимать решения на основе ограниченных данных.

Наконец, использование Big Data и аналитики данных может помочь снизить уровень преступности и улучшить безопасность общества в целом. Например, использование данных о местах совершения преступлений может помочь правоохранительным органам и городским властям определять те районы и улицы, которые требуют дополнительного внимания и мер по повышению безопасности.

Следует также отметить, что одной из важнейших задач следователей является сбор и анализ информации, связанной с преступлениями. Однако неизбежно возникают ошибки и неточности при сборе и обработке данных, что может приводить к серьезным последствиям, в том числе к ошибочным обвинениям или освобождению виновных.

С появлением новых технологий, таких как искусственный интеллект, машинное обучение и анализ больших данных, стало возможным уменьшить количество ошибок и неточностей при работе следователей. Новые технологии могут помочь автоматизировать процессы сбора и анализа данных, что снижает вероятность ошибок человеческого фактора. Например, с помощью анализа больших данных и машинного обучения можно быстро обрабатывать большие объемы информации и выявлять связи между различными факторами, которые могут помочь в расследовании

преступлений. Также использование специальных программ для анализа следов, отпечатков пальцев и ДНК, может помочь уменьшить количество ошибок при идентификации подозреваемых.

Кроме того, новые технологии могут ускорить процесс расследования, что поможет снизить вероятность ошибок и неточностей. Например, использование системы распознавания лиц и видеонаблюдения может помочь быстро выявить подозреваемого и ускорить процесс его задержания. В целом, использование новых технологий может значительно улучшить работу следователей и снизить количество ошибок и неточностей при сборе и анализе данных. Однако необходимо помнить, что технологии не заменят человеческий фактор и профессиональные навыки следователей, а лишь помогут им в их работе.

Использование новых технологий может значительно улучшить работу следователей и помочь снизить количество ошибок и неточностей при сборе и анализе данных. Однако необходимо учитывать возможные негативные последствия и принимать меры для минимизации рисков. Только в этом случае новые технологии смогут полностью раскрыть свой потенциал и стать эффективным инструментом для борьбы с преступностью.

Таким образом, проведенное в рамках научной статьи исследование позволяет прийти к выводу о том, что инновационная деятельность в органах досудебного производства имеет большое значение для повышения эффективности и качества работы органов правосудия. Она помогает улучшить доступность и прозрачность судебного процесса для граждан и организаций, сокращает затраты на рассмотрение дел и повышает качество решений. Поэтому внедрение инноваций следует рассматривать как ключевой фактор улучшения работы органов досудебного производства. Инновационная деятельность в органах досудебного производства – это необходимость, которая возникает в связи с изменяющимися условиями и требованиями современного мира. Система правосудия не может оставаться в стороне от технологического прогресса, который существенно влияет на все сферы жизни общества. Использование инновационных подходов позволяет существенно повысить качество работы органов досудебного производства.

Библиографический список

1. Жанов Ю., Овчинский В. Полиция будущего. М., 2018.
2. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития : аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова и др. М. : ФГКУ ВНИИ МВД России, 2018.
3. Chan J. The Technology game : How information technology is transforming police practice // Journal of Criminal Justice, 2001. 1:139-159.

4. Kitts D. How mobile policing technology could bring cops closer to their communities. TVO50. 2017. URL: <https://tvo.org/article/current-affairs/how-mobile-policing-technology-could-bring-cops-closer-to-their-communities> (дата обращения: 14.01.2023).

5. Soghoian C. The Law Enforcement Surveillance Reporting Gap unpublished report, Center for Applied Cybersecurity Research, Indiana University, Bloomington (April 10, 2011). URL: <http://ssrn.com/abstract=1806628> (дата обращения: 14.01.2023).

© Шульгин Е. П., 2023

УДК 343.985

Щерба Т. Л. – начальник кафедры расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (Беларусь, г. Минск)

К ВОПРОСУ О ДОКАЗЫВАНИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

ON THE QUESTION OF PROOF OF FORCED SEXUAL ACTIONS COMMITTED AGAINST MINORS

Аннотация. Рассматриваются проблемные вопросы, возникающие при расследовании насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних, приводится опыт Республики Беларусь по использованию дружественных комнат, возможностей психофизиологической экспертизы.

Abstract. Problematic issues that arise in the investigation of violent acts of a sexual nature committed against minors are considered, the experience of the Republic of Belarus in using friendly rooms, the possibilities of psychophysiological examination is given.

Ключевые слова: доказывание, насильственные действия сексуального характера, дружественные комнаты, психофизиологическая экспертиза.

Keywords: proof, sexual assault, friendly rooms, psychophysiological examination.

Особенностью половой преступности в отношении несовершеннолетних является высокий уровень латентности данных преступлений. Сложившаяся ситуация большей частью обусловлена тем, что значительную часть потерпевших от данных преступлений составляют дети, находящиеся в зависимости от преступников (педагогов, родственников и так далее). Следует учитывать и незащищенность малолетних потерпевших по рассматриваемой категории сексуальных преступлений, наличие у них психической травмы в результате совершения в отношении них преступления.

При расследовании рассматриваемого вида преступлений важно четко разграничить два состава ст. 167 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) «Насильственные действия сексуального характера» и ст. 169 УК Республики Беларусь «Развратные действия». Здесь важно отметить, что в соответствии с примечанием к ст. 166 УК Республики Беларусь малолетний, не достигший двенадцатилетнего возраста на момент совершения в отношении него преступления, признается находящимся в беспомощном состоянии, поскольку в силу возраста не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий. Следовательно, любые действия сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 12 лет, будут квалифицированы как насильственные действия сексуального характера, совершенные в отношении заведомо малолетнего (малолетней).

Наибольшую трудность при расследовании вызывает доказывание факта совершения насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних. Это детерминировано тем, что следовая картина данного преступления не всегда является явной. Зачастую преступник ограничивается сексуальными манипуляциями с телом и, особенно, с половыми органами жертвы, склоняет несовершеннолетнего к занятию мастурбацией, использует ребенка для сексуальной стимуляции взрослого и т. д. Телесных повреждений, либо биологических следов от такого способа совершения преступления, как правило, не остается. Преобладающими в данном контексте будут являться идеальные следы, которые отобразились в памяти потерпевшего и лица, совершившего преступление. Характер идеальных следов и их сохранность во многом зависят от состояния органов чувств лица, воспринявшего эти следы, его памяти, уровня интеллекта и т. д. Поэтому такие следы носят в значительной мере субъективный характер [1, с. 28].

Как справедливо утверждает В. Н. Карагодин, «несовершеннолетние потерпевшие в силу юного возраста и несформировавшейся психики (особенно это касается малолетних) не могут дать четких показаний по поводу случившегося, описать подозреваемого и дать характеристику его действиям» [2, с. 131]. В связи с этим обычное получение объяснения или допрос таких потерпевших не всегда бывает эффективен.

Ситуация осложняется следующими факторами:

- несовершеннолетний, подвергшийся сексуальному насилию, испытывает чувства тревоги, опасения, стыда;
- часто малолетние дети не осознают характер проводимых с ними преступником действий и не могут описать их либо, наоборот, фантазируют в эротическом плане, настойчиво повторяют вымышленные ими показания, а также воспроизводят то, что им было внушено, например, родителями, то, что они где-то и от кого-то слышали, утверждая, что наблюдали это сами, что это было с ними;
- несовершеннолетние могут говорить неправду, скрывая имя известного ему преступника;
- существует риск повторного возникновения психотравмирующей ситуации.

По данным мировой статистики три четверти детей, пострадавших от насилия, раскрывают информацию о произошедшем только во время опроса, проведенного специально подготовленным профессионалом.

В связи с этим в Республике Беларусь, начиная с 2009 г., успешно используется опрос психологом несовершеннолетних, подвергшихся сексуальному насилию, в дружественных комнатах.

Использование опроса в дружественных ребенку комнатах преследует две задачи:

1. Сохранение психики ребенка и снижения уровня ее повторного травмирования в ходе предварительного расследования.
2. Получение максимально полных и достоверных показаний несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля).

Учитывая, что в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь данного процессуального действия не предусмотрено, практикой выработан особый алгоритм, который позволяет признавать показания, полученные с помощью опроса в дружественной комнате, в качестве доказательств. Так, производится видеозапись опроса ребенка психологом, осмотр данной видеозаписи, допрос психолога в качестве свидетеля, последующее назначение психиатрических экспертиз несовершеннолетнего (например, судебно-психиатрической, судебно-психологической). Легализация опроса несовершеннолетнего в дружественной комнате с использованием представленного алгоритма была благоприятно воспринята судебной практикой.

Успешный опыт проведения опроса несовершеннолетних в дружественных комнатах нашел свое развитие в закреплении законом Республики Беларусь 26 мая 2021 г. № 112-З в ч. 2-1 ст. 221 УПК новеллы о том, что допрос несовершеннолетних потерпевшего или свидетеля, не достигших шестнадцатилетнего возраста, по уголовным делам о преступлениях против личной свободы, чести и достоинства, жизни и здоровья, половой не-

прикосновенности или половой свободы по возможности проводится в условиях дружественной детям комнаты для допроса.

Как уже было отмечено при расследовании рассматриваемой категории преступлений следователи сталкиваются с трудностями в сборе доказательств, поскольку в большинстве случаев при насильственных действиях сексуального характера, отсутствуют свидетели сексуального насилия, следы физического насилия, и зачастую остаются лишь показания самого ребенка. В связи с этим возникла задача расширить круг средств доказывания вины субъектов данных преступлений. Она была решена путем внедрения производства судебно-психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа.

Объектом данной экспертизы являются подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, а также материалы и дела, по которым проводится судебно-психофизиологическая экспертиза [3].

Экспертной задачей является выявление у исследуемого лица признаков наличия охраняемой (скрываемой) личностно значимой информации об интересующих следствие событиях на уровне психофизиологических реакций. Основными вопросами, которые ставятся на разрешение эксперта являются:

1. Обладает ли подозреваемый (обвиняемый) скрываемой информацией о деталях расследуемого преступления?
2. Имеются ли у подозреваемого психофизиологические признаки поведения, направленного на сокрытие информации об обстоятельствах уголовного дела (проверяемых обстоятельствах)?

Для проверки и подтверждения полученного результата целесообразно комплексирование судебно-психофизиологической экспертизы с судебно-психиатрической, судебно-психологической и судебно сексологической.

Таким образом, учитывая, что при совершении насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних наиболее характерно наличие идеальных следов, которые отображаются в памяти потерпевшего и лица, совершившего преступление, наиболее эффективными средствами доказывания являются допрос (опрос) несовершеннолетнего потерпевшего в условиях дружественной комнаты, психофизиологическая экспертиза подозреваемого.

Библиографический список

1. Агафонов В. В. Криминалистика : учебное пособие для СПО / В. В. Агафонов, А. Г. Филиппов. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2015.
2. Карагодин В. Н. Расследование умышленных преступлений против жизни, половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних : монография. М. : Проспект, 2019.

3. Судебно-психофизиологическая экспертиза // Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь. Официальный сайт. – 2023. URL: http://sudexpert.gov.by/ru/psycho_fiz.html. (дата обращения: 04.01.2023).

© Щерба Т. Л., 2023